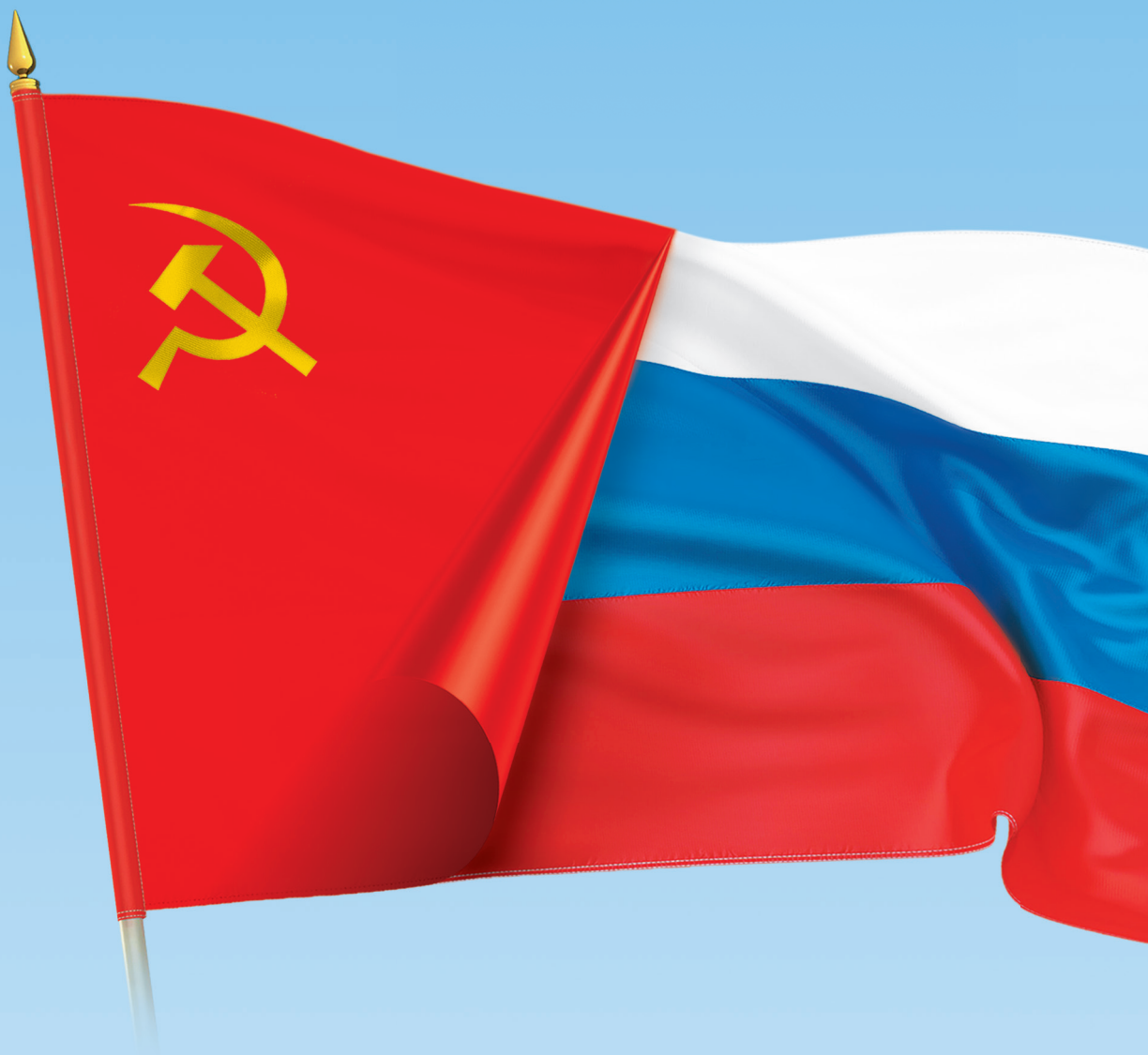

**В ЗЕРКАЛЕ
ПЕРЕСТРОЙКИ:**

**К ОСМЫСЛЕНИЮ
РОССИЙСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения РАН

**В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ:
К ОСМЫСЛЕНИЮ
РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Сборник научных статей

Владивосток
2015

УДК: 947.088

В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей.

Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 276 с.

ISBN: 978-5-9906118-1-8

Книга посвящена осмыслению места и роли Перестройки в советской/российской истории, определившей на многие годы вперед вектор глобальных общественно-политических и культурно-ценностных перемен. Материалы сборника отражают междисциплинарный подход и раскрывают многообразие исследовательского поля с учетом событий и явлений, протекавших как в центре страны, так и в отдельных регионах. Статьи сгруппированы по четырем темам. В первом разделе дается анализ теоретических подходов, истории изучения Перестройки с момента зарождения самой идеи до наших дней. Статьи второго раздела раскрывают проблематику социально-политических и экономических перемен, исследуют взгляды на реформы изнутри общества. В следующей группе материалов содержится оценка судеб народов, проживавших в советских регионах страны, в перестроечный и постперестроечные периоды. В четвертом разделе показана реакция окружающего мира на советскую Перестройку и ее влияние на двусторонние международные отношения. Статьи подготовлены на основе богатого эмпирического материала.

Для специалистов в области истории, политологии и социологии, студентов, всех, кто интересуется проблемами истории позднесоветской и современной России.

Ключевые слова: Перестройка, трансформации, реформы, Россия, Дальний Восток, регионы, власть, общество, национальные отношения.

Редколлегия

д-р ист. наук А.С. Ващук, (отв. ред.), д-р ист. наук Е.Н. Чернолуцкая (отв. ред.),
канд. ист. наук А.Е. Савченко, канд. ист. наук Ю.Н. Ковалевская,
канд. ист. наук Л.А. Крушанова,

Рецензенты

д-р ист. наук Г.А. Ткачева, д-р ист. наук Н.Г. Кулинич

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Сборник издан при поддержке гранта РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» (проект № 13-01-00199).

© Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2015.

Содержание

А.С. Ващук	Вместо введения	5

I. ПЕРЕСТРОЙКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИЙ И ИСТОРИОГРАФИИ

А.Е. Савченко	К пониманию исторического опыта перестройки	11
Н.П. Рябченко	Перестройка: место и роль в истории	20
А.А. Киреев	Проблема цикличности в истории российского Дальнего Востока: некоторые замечания	27
С.Г. Коваленко, А.В. Поповкин, А.В. Быбочкин	К вопросу о значении морального фактора в осмыслении перестройки	33
А.С. Ващук	Перестройка на Дальнем Востоке в освещении российских исследователей	41
Е.Н. Чернолуцкая	Перестройка и перспективы развития российского Дальнего Востока в американской историографии	54

II. ПЕРЕСТРОЙКА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Л.А. Моисеева	К 30-летию перестройки. Социально-экономическое измерение: исторический аспект	65
Е.Л. Мотрич	Народонаселение Дальневосточного федерального округа: развитие в постсоветский период	73
С.А. Власов	Реализация государственных социальных программ на Дальнем Востоке в годы перестройки	81
В.Г. Зеляк	Деятельность объединения Северовостокзолото и социальное положение северян в завершающие годы перестройки	90
Т.А. Крупа	Безработица на Дальнем Востоке во второй половине 1990-х гг. и её социальные последствия	97
А.П. Коняхина	Власть и реформы: взгляд из дальневосточной глубинки (1985–2015 гг.)	102
Ю.Н. Ковалевская	Практики повседневной адаптации женщин в период перестройки и рыночных реформ (1985–2015 гг.)	111
Л.И. Галлямова, В.Г. Макаренко	Высшее образование на Дальнем Востоке России в годы перестройки: регресс или новые возможности?	122
Е.В. Васильева	Учёные Дальнего Востока СССР в условиях перестройки	135
Э.В. Осипова	Трансформация творческих ориентаций дальневосточных театров в годы перестройки	143

С.М. Дударёнок	Православие на Дальнем Востоке России в годы перестройки	152
А.В. Друзяка	Условия деятельности нотариальных учреждений Дальнего Востока России в период перестройки	160
Л.А. Крушанова	Экономическая преступность в России и её проявления на Дальнем Востоке (1985–1991 гг.)	168
Е.В. Буянов	К вопросу об оценке событий 19–21 августа 1991 г.	177
Л.В. Буянова	Выборы в Российской Федерации: от перестройки до наших дней	184
У.В. Ежеля	Перестройка как исторический опыт конвергенции социалистической системы и новой экономической политики (на примере железнодорожного транспорта Дальнего Востока)	188
А.В. Маклюков	Реструктуризация угольной промышленности на Дальнем Востоке в середине 1980-х – начале 2000-х гг. (на примере угольных предприятий Партизанска)	196

III. ПЕРЕСТРОЙКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.Ф. Старцев	Проблемы современного развития хозяйственной деятельности тазов Ольгинского района Приморского края	202
И.А. Гузельбаева	Перестройка в Татарской АССР: проблемы регулирования межнациональных отношений и развития культуры	207
Н.Ф. Бугай	Влияние перестройки на корейскую общность в СССР/России	211
А.Т. Кузин	Разделённые семьи сахалинских корейцев: прошлое и современное состояние	218

IV. ПЕРЕСТРОЙКА И ВНЕШНИЙ МИР

И.Ю. Зуенко	Изучение перестроечного опыта СССР в Китае	226
Т.С. Шугайло	Опыт перестройки в СССР: взгляд русской эмигрантской периодики в Америке (1985–1989 гг.)	236
Д.А. Изотов	Экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока с Китаем: итоги последних десятилетий	243
Michigami Mayu	Intergenerational housing gap of Russia and Japan: regular or non-regular employment	251
Чой Го Ун	Перестройка как фактор метакультурных процессов в АТР (на примере музыкального искусства России, Китая и Республики Корея)	260
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ АРХИВОВ		226
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		227
ABSTRACTS		269

Вместо введения

30 лет отделяют нас от времени зарождения первых идей перестройки, поставивших задачу реформирования советского политического порядка и социально-экономических отношений. В следующем 2016 г. будет 25 лет с момента ухода с исторической арены Советского Союза – социально-политического, экономического и культурного феномена XX столетия. Эти знаковые события и стали причиной появления данного тематического издания, однако его замысел рождался в творческих сомнениях под влиянием злободневного вопроса: найдёт ли труд своего читателя с учётом мощной конкуренции со стороны Интернета и телевидения, активность которых, связанная с грядущим юбилеем перестройки, усиливается с каждым днём.

Публикация коллективного труда к юбилею, если учитывать рефлексию не только историков-профессионалов, но и других слоёв читающего общества, – дело рискованное по двум причинам. С одной стороны, пережившие данный период люди обладают личным опытом и могут не соглашаться с мнениями авторов статей. В этом инициаторы проекта могли убедиться в период проведения научно-общественной акции под девизом «Напишем историю вместе», получив от «простых людей» около 80 сочинений-воспоминаний о перестройке. Предполагаем, найдутся наши сограждане, которые подумают: а сложилась бы моя карьера менеджера или стал бы я бизнесменом – владельцем компании, более того – олигархом или успешным политтехнологом, если бы не грянула перестройка? С другой стороны, ряд учёных и журналистов с сомнением относятся к тому, что обыватель обратит внимание на эту дату (вряд ли кто «поднимет чарку» за перестройку). И всё же мы публикуем наш сборник.

Гуманитарии не могут пропустить этот юбилей по двум причинам. Во-первых, мы максимально приблизились к возможности изучать данный период. И, как считают многие коллеги, большинство тайн и секретов уже раскрыты, а вновь вводимые источники коренным образом не изменят знания о нём, хотя мы учитываем, что в истории изучения прошлого бывают и новые повороты. Существующую же зависимость интерпретации источников, а также доминирование какой-либо тенденции в понимании той или иной эпохи под влиянием исторической политики государства никакому поколению историков ещё не удалось полностью преодолеть. Это явление присуще не только России. Общая картина хода перестройки и особенно её последствий для государства и общества, конечно, будет уточняться, но сегодня нельзя пропустить благоприятную познавательную ситуацию. Во-вторых, уникальность момента состоит в том, что есть возможность услышать мнения свидетелей реформ и сравнить их с историческими документами, которыми пополнились архивы. Современному исследователю выпала хорошая доля.

Отношение историков к т.н. юбилейному подходу сегодня неоднозначное. Можно встретить мнение скептика: юбилейный формат ведёт к усилению конъюнктуры в науке, а зачастую – к выходу на передний план только определённых акцентов темы. Но для учёного это возможность задать современный вектор развития исторической мысли о последнем этапе советской эпохи, а также точка определения интереса коллег к постсоветскому времени. Материалы сборника создают основу для важного вопроса историографии: возникло ли новое знание о месте и роли перестройки в отечественном историческом процессе по сравнению с началом 1990-х гг.?

География участников сборника достаточно широка: Москва, Казань, Владивосток, Благовещенск, Хабаровск, Магадан, Южно-Сахалинск, Сеул, Ниигата. Присланные статьи раскрывают многообразие научного интереса. Материалы сборника направлены на решение поставленной редколлегией задачи – сформировать дискурсивное поле изучения перестройки в регионах. Если рассматривать постановку проблемы с этих позиций, то сравнительный анализ перемен, проходивших в центре и регионах страны, – это более чем благодатная среда для понимания перестройки как процесса. Мы считаем, что задумка в значительной степени удалась. Однако будем благодарны всем, кто откликнется на сборник в любой форме.

Воздавая должное российским историкам, внёсшим значительный вклад в исследование данной проблематики, сделавшим открытия и определившим многие дискуссионные вопросы¹, мы выделили раздел **«Перестройка сквозь призму теорий и историографии»**. Он содержит анализ отечественной региональной и зарубежной литературы, что позволяет сравнить творческие позиции разных школ, и в этом также заключалась одна из задач проекта.

Хотелось обратить внимание на характерную черту современной историографической ситуации в России. Она связана с инкорпорацией термина в научные исследования. Понятие *перестройка* как обозначение общественно-политического процесса вошло в отечественную историографию сразу же после употребления его М.С. Горбачёвым 8 апреля 1986 г. во время визита на Волжский автозавод в Тольятти. Оно было подхвачено сначала СМИ, затем научным сообществом и стало лозунгом начавшейся новой эпохи в СССР. Изданная впоследствии речь Горбачёва называлась «Быстрее перестраиваться, действовать по-новому». Сегодня актуально вспомнить, какое же значение придавал термину сам политический лидер: «Начинать надо прежде всего с перестройки в мышлении и психологии, в организации, в стиле и методах работы. Скажу откровенно, если мы сами не перестроимся, я глубоко убеждён в этом, то не перестроим и экономику, и нашу общественную жизнь в духе решений съезда. Но в таком случае мы не справимся и с поставленными задачами, масштабы и новизна которых беспрецедентны»². То есть первоначально речь шла о внутренней политике и стиле управления.

В современной отечественной литературе термин *перестройка* употребляется в двух смыслах: как политика реформ и как исторический процесс в 1985–1991 гг.* Во втором случае имеется в виду совокупность общественно-политических, экономических и культурно-духовных перемен в СССР в 1986–

* Некоторые исследователи начальной датой считают 1986 г.

1991 гг., давших старт явлениям, которые не могли предусмотреть Горбачёв и его команда. На что важно обратить внимание? В обоих прочтениях современные историки являются наследниками традиций советской историографии, когда какой-либо исторический период получал своё название от терминов, которые вводились политиками (в этом же ряду стоит концепция *застоя*) или были рефлексией современников-публицистов (*оттепель*). Однако историческое содержание периода, как показывают материалы сборника, исследуется в рамках разных концепций, в которых прослеживаются индивидуальная авторская позиция и неоднозначное определение места и роли перестройки в российском историческом процессе.

В то же время важно отметить тенденцию, которая проявилась при выборе авторами концептуальной линии своего анализа. Так, в статьях А.Е. Савченко, Л.А. Крушановой, В.Г. Зеляка, У.В. Ежели, Е.В. Осиповой, А.П. Коняхиной, А.Ф. Старцева, С.А. Власова, А.В. Друзяки прослеживаются черты, характерные для трансформационных этапов в историческом процессе. Выявленные исследователями источники раскрывают быстрое разрушения идеологических и социально-экономических устоев советского общества и зарождение новых моделей социально-экономического поведения. Кроме того исследователи заметили полную неожиданность, даже непредсказуемость происходящих изменений не только для подавляющего большинства населения дальневосточного региона, но порой и для непосредственных организаторов и проводников идей перестройки. Выводы многих авторов данного сборника показывают, что перестройке в СССР были свойственны все признаки трансформации. Реформы проводились в «рекордно» короткие сроки, волевым усилием «сверху», при этом отсутствовали серьезные попытки рефлексивно оценить их органичность и соответствие традиционным ценностям, представлениям, национальному менталитету.

В целом сборник представляет некоторые итоги исследовательского проекта «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь», проведенного в 2012–2015 гг. Результаты, публикуемые в формате научно-тематического сборника, имеют большое значение, так как они раскрывают степень равномерности или неравномерности изучения проблемы. Кроме того, в статьях, охватывающих постперестроечное время, содержатся материалы, которые будут использованы в дальнейшем в коллективной монографии. Они являются дополнительным аргументом в пользу вывода о том, что трансформация приводит не только к модернизации, но и к своего рода «разрыву» в истории страны, к значительному, хотя, возможно, и кратковременному, регрессу в общественных процессах. Редколлегия надеется на дальнейшее сотрудничество с авторами при написании монографии.

По мере комплектования материалов и знакомства с ними в процессе редактирования инициаторы проекта всё больше и больше склонялись к публикации не только в электронном, но и в традиционном формате – на бумажном носителе. В определённой степени это и дань академической традиции. В то же время мы учитываем, что сегодня усиливается борьба за расширение аудитории. Со стороны телевидения идёт пока частичная переориентация на тех зрителей, которые, не будучи профессиональными историками, могут заинтересоваться сюжетами, событиями и фактами по-

следних лет существования советских политических институтов, государственных предприятий, распределительной системы, приоритетов государственной идеологии. И в этом контексте материалы нашего издания станут ответом на вопрос: подвержено ли профессиональное сообщество влиянию телевизионного ресурса?

Печатные научные издания, в т.ч. монографии и тематические сборники, всё чаще и чаще оказываются в ситуации «двойной» конкуренции. Во-первых, историки при подготовке своих текстов по перестройке могут и, наверное, должны учитывать широкое распространение неакадемической информации на эту тему, особенно с экранов телевизоров. Наиболее популярный жанр публицистических программ – видеофильм, основанный на историко-архивных документах. Далее можно назвать ток-шоу и интервью с участием известных политиков и актёров. С ними делят известность и телеведущие (Н. Сванидзе*, В. Познер**, Л. Парфёнов*** и некоторые другие, «вышедшие» из перестройки). Главные ценимые зрителями качества «телеперсонажей» – компетентность и чувство юмора.

Если же говорить о проецировании в общество научного понимания перестройки как процесса, то существенную роль в этом играет канал «Культура», пригласивший на свои передачи таких маститых учёных, как А. Шубин, Р. Пихоя, Б. Славин, И. Чечель, молодого писателя С. Шаргунова³ и др. интеллектуалов, популяризирующих достижения разных исследовательских направлений.

Профессионалы-историки сегодня всё чаще оказываются в ситуации выбора, связанного не столько с новым материалом, сколько с новым языком анализа и описания. Поэтому публикация коллективного издания рассматривается как акт саморевизии и анализа ситуации готовности (или незрелости) регионального научного гуманитарного сообщества к новым вызовам времени. В сборнике нашли отражение разные концептуальные подходы и точки зрения, не все из них разделяет редколлегия. Мы надеемся, что представленные статьи не только продемонстрируют спектр интересов современных историков, но и позволят понять степень их научного продвижения по сравнению с 1990-ми гг.

Не скроем: был соблазн сделать только электронный вариант сборника, что не только значительно ускоряет, но и удешевляет процесс публикации с учётом современного финансирования гуманитарных наук со стороны ФАНО. Сегодня Интернет в творческой лаборатории историка занимает специфическое место. Об этом свидетельствуют и библиографическое оформление статей сборника, и преобладание определённых оценочных суждений,

* Хотя сегодня Н. Сванидзе реже появляется на телевидении, тем не менее зрителям, в том числе историкам, известны его теле- и радио- программы «Исторический вопрос», «Из первых уст», «Перестройка – территория гласности» и др.

** Телемосты с американским каналом: «Мы» (октябрь 1992 – август 1999), «Времена» (ноябрь 2000 г. – июль 2008 г.).

*** Передача «Особый взгляд» Леонида Парфёнова, (НТВ). М.С.Горбачёв и перестройка, 2008, 30 сент. «Тетралогия». 1980-м годам он посвятил 301 феномен: военное положение в Польше, Бельмондо, трусики-недельки, СПИД, кооперативы, «Ласковый май» и т.д.

распространённых в электронных ресурсах. Тенденция online-изданий на современном этапе перерастает в норму научного общения. Интернет – это не только форма публикаций, но также инструмент формирования исторического сознания. Интернет-среда вносит свои коррективы в понимание историографической ситуации любой проблемы, и заявленная тематика не является исключением. В процессе общения с авторами (при редактировании текста) выявилась характерная деталь, раскрывающая неоднозначную роль электронного ресурса: неумелый поиск может сформировать ложную или конкретно-определённую точку зрения. Так, один из потенциальных авторов сказал: «Сколько я ни смотрел публикаций по перестройке в Интернете, там имеется только отрицательная оценка».

Содержание статей предлагаемого читателю сборника показывает, что концепция «провала перестройки» ограничивает исследовательский поиск, но и абсолютизация либеральной точки зрения также сужает определение места и роли перестройки в российском историческом процессе. Статьи, вошедшие в раздел **«Перестройка в социально-политическом и экономическом измерении»**, раскрывают особенности изучения проблемы историками, работающими в регионах. Они демонстрируют достоинства концепции многослойной социальной истории, анализируют сложную ситуацию в производственной сфере с её обвалом и поиском «точек роста» в новых условиях. Важной чертой издания является то, что его авторы не только анализируют перестройку как политику реформ, но и представляют её как комплекс многогранного восприятия внутренней политики и неоднозначной реакции общества, состоящего из разных групп, страт, слоёв, где особенности самой личности корректировали отношение к происходившему. Отбор статей был нацелен на то, чтобы они способствовали отходу от доминирования концепции «Горбачёв-центризма» (безусловно, редколлегия признаёт его ведущую роль).

Раздел **«Перестройка и национальные отношения»** сконцентрировал материалы, в которых показано, как события последних лет существования СССР повлияли на судьбы населявших его народов, решение ими специфических политических и социальных проблем.

Углубить понимание места и роли перестройки в истории мы попытались на основе раскрытия отношения к ней окружающего Россию мира, предложив авторам сделать акцент на компаративистском анализе, а также на восприятии проблемы реформ представителями других научных школ (раздел **«Перестройка и внешний мир»**).

Нам хотелось, чтобы по прочтению этого коллективного труда читатель мог согласиться с Г. Бордюковым, сказавшим: «...История по-прежнему обладает большой притягательной силой в обществе, даже когда размываются критерии научности (превращаются в бодрийяровский симулякр), телевизионные выступления отдельных персон напоминают спиритические сеансы, а всё настоящее оказывается чуть ли не в андерграунде»⁴.

Сегодня мы находимся на таком этапе познания российской новейшей истории, когда перестают работать многие иерархические модели в научной среде, а сосуществование истории с Интернетом становится более удобным, однако в последнем доминируют журналистские и публицистические материалы, мало ориентированные на научные задачи, но вторгающиеся в

историческое сознание аудитории. В то же время у историков, журналистов и публицистов есть сегодня объединяющая платформа для понимания перестройки. И те, и другие видят абсурдность попыток формирования у российских граждан комплекса неполноценности и пагубность тезиса о «неудачности российской истории» (В. Третьяков)⁵.

От имени редколлегии Ангелина Ващук.

- 1 Кагарлицкий Б. Расколовшийся монолит: Россия на пороге новых битв. М., 1992; Согрин В. Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачёва до Ельцина. М.: Прогресс-Академия, 1994 г. 192 с.; Шубин А.В. Парадоксы перестройки: Упущенный шанс. М.: Вече, 2005. 480 с.; Славин Б.Ф. Перестройка Горбачёва и её место в истории // Перестройка 20 лет спустя. Из стенограммы дискуссии, проведённой клубом «Свободное слово» при Институте философии РАН. URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/itogi/slavin.htm> (дата обращения: 10.01.2015); Его же. Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания, 2009. 648 с.; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. 544 с.; Его же. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Изд-во Форум, Крымский мост-9Д, 2011; и др.
- 2 Перестройка // Сайт «Encyclopaedia-russia.ru». URL: <http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=200> (дата обращения: 20.04.2015).
- 3 Перестройка: Пришло ли время объективных оценок? // Передача «Что делать». Ведущий В. Третьяков. Общероссийский государственный телеканал «Культура». Эфир от 12.04.2015. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1183937 (дата обращения: 16.04.2015).
- 4 Бордюгов Г. Предисловие. Реальность историческая и новые проблемы её представления // Исторические исследования в России–II. Семь лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2003. С. 12.
- 5 Цит. по: Там же.

I. Перестройка сквозь призму теорий и историографии

УДК: 947.088.

А.Е. САВЧЕНКО

К ПОНИМАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ПЕРЕСТРОЙКИ*

В статье рассматривается политическая логика модернизационного проекта, предпринятого на начальном этапе перестройки. Неудача масштабных преобразований привела к ускоренной политической демократизации, в ходе которой центристский курс перестройки оказался обречённым на поражение. Автор пытается воссоздать исторический контекст, в котором формировалась модернизационная повестка и зарождалась политическая реформа, и увидеть, были ли реалистичные альтернативы у курса М.С. Горбачёва.

Ключевые слова: СССР, государство, перестройка, модернизация, реформы.

Постсоветский этап в истории страны завершается, и это даёт повод и концептуальные основания для рационального осмысления произошедшего с Советским Союзом в последние шесть лет его существования. Имелись ли альтернативные пути преобразований экономики и общества? И почему были выбраны именно те решения, которые в итоге спровоцировали катастрофу?

После турбулентности 1990-х гг. и стремительного восстановления основных параметров дееспособности государства в первом десятилетии XXI в. Россия стабилизировалась в определённой точке равновесия, которую можно называть (в зависимости от историографических ориентаций и политических пристрастий) стабильностью, застоем или относительным процветанием. Вместе с тем непросто ответить, какой коренной вопрос развития страны решён за тридцать лет после начала перестройки. Возьмём любую насущную проблему государственного масштаба – и увидим, что перестройка «остаётся с нами» до сих пор. В этом смысле нет ничего более обескураживающего, чем результат сравнения задач, поставленных в официальных документах второй половины 1980-х гг. и сегодняшнего дня. И если Д. Фурман писал, что современная Россия «в политическом отношении... несомненно ближе к позднесоветскому обществу, чем к России... конца “перестройки” и начала постсоветской эпохи»¹, то к этому остаётся добавить: она очень близка и к тем проблемам, которые встали перед страной 30 лет назад. Так что же с нами случилось?

* Исследование проводилось при поддержке гранта РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока в 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» (проект № 13-01-00199).

Отвечая на этот вопрос, важно не соскользнуть на наезженную колею макроэкономического и нормативного политического анализа, доказывая, почему советская система должна была рухнуть. Такой путь неизбежно приведёт к выстраиванию доказательств по зависимой переменной. При желании можно показать и обратное (это собственно и сделал в своё время С. Коэн²) – советская система была вполне реформируемой. Сегодня уже сложно оспорить тот факт, что траектория выхода из социализма вовсе не обязательно могла проходить через социальную катастрофу или, тем более, утрату власти реформаторами.

Соседний Китай – наиболее убедительный тому пример. Сравнение социалистической экономики с «рыбным супом», который уже невозможно превратить в «аквариум»*, – это красивый оборот, но с позиции сегодняшнего опыта он уже не столь убедителен. На нижеследующих страницах мы будем дистанцироваться от концептов «тоталитаризма», «социализма», «советского строя» и т.д., предполагая, что дело далеко не только в них.

Стремительно рухнувший советский колосс поднял столько «пыли», что требуется напрячь зрение, дабы не спутать причины и следствия. При всей глубине и многогранности кризиса, который переживал Советский Союз к середине 1980-х гг., выскажем тезис: не коллапс привёл к реформам, а скорее, наоборот, реформы привели к коллапсу³. Далее мы рассмотрим два случая – узловых момента, когда в ответ на те или иные вызовы были приняты конъюнктурно рациональные, но стратегически фатальные решения**, в итоге направившие страну по катастрофической траектории: всесторонняя модернизация при дефиците ресурсов и поспешная демократизация, подрывающая основы управляемости. Критерий выбора именно этих случаев в качестве основных примеров обусловлен ещё и тем, что это были ответы на возникшие тогда вопросы, которые и сейчас стоят перед нами, отчего изучение опыта перестройки всё ещё остаётся практически актуальным.

Случай 1. Тупик всесторонней модернизации. Замедление темпов развития СССР было следствием далеко не только экономических причин, но и системного кризиса. И всё-таки это не означает, что выход из него лежал через быстрый слом всего сложившегося общественного порядка. К середине 1980-х гг. советская экономика находилась только в средней стадии спада и масштабный кризис не был ещё очевиден⁴. К такому выводу приходит Р. Коллинз, и мы с ним солидарны.

Затухающий экономический рост накануне перестройки при высоком уровне инвестирования стал проблемой для страны. К середине 1980-х гг. четыре кризиса исторически совпали, усиливая друг друга: истощение трудовых ресурсов; падение цен на нефть; низкая эффективность инвестирования; то, что можно назвать издержками «высокого модернизма»⁵.

* В оригинале: «Превратить социалистическую экономику в экономику нормальную так же легко, как превратить рыбный суп в живой аквариум». Авторство этих слов приписывают разным политикам либерального направления – от чешского диссидента И. Динсбира (будущего министра иностранных дел этой республики) до Г. Явлинского.

** Здесь вряд ли уместно называть их «ошибочными», потому что многие из этих решений были не столько «приняты», сколько «продиктованы» текущими обстоятельствами и контекстом предшествующего развития.

Если оценивать советские реалии через названные индикаторы, то в СССР произошёл кризис запланированного развития. Первые две проблемы были вполне преодолимы, но во взаимосвязи с остальными они превращались в непосильную для советских управленцев задачу.

Многие годы Советский Союз стремительно наращивал производственные фонды за счёт высоких капиталовложений. В 1950 г. вложения в экономику составляли 22%, на 5% опережая показатель Японии. В 1989 г. СССР увеличил долю до 35%, но, правда, всё же стал немного уступать Японии с её 38%. В 1950 г. советский ВВП на душу населения превышал японский почти на 1000 долл., но уже в 1989 г. он отставал более чем на 10 000⁶.

Причина такого обескураживающего расхождения в экономическом развитии далеко не только в давлении ВПК на бюджет и снижении исполнительской дисциплины на всех уровнях. Сеем предположить, что результаты, скорее всего, оставались бы теми же, даже если бы исполнительская дисциплина была на высшем уровне. Дело в том, что инвестиционная стратегия, принятая в 1960 г. и нацеленная на перевооружение существовавших предприятий вместо строительства новых, сама, выступая как «ответ» на сокращение трудовых ресурсов, привела к стремительному падению отдачи от вложений⁷.

Между тем команда М.С. Горбачёва начала именно с форсирования этой не оправдавшей себя стратегии. Заинтересованный исследователь без особого труда найдёт в архивных фондах множество примеров тех проблем, которые возникали при встраивании нового дорогого оборудования в старые технологические цепочки. Нестыковки сыпались отовсюду, это могли быть устаревшая котельная, не обеспечивавшая нужного давления технологического пара; отсутствие квалифицированных кадров, умевших работать на новом оборудовании, или отсутствие нужных помещений для его размещения. Ещё больше вопросов возникало со смежниками, продукция которых по тем или иным параметрам не подходила для обработки на обновлённом предприятии. В итоге решение локальной модернизационной задачи упиралось в несоответствие окружающей инфраструктуры, омертвляя инвестиции и не давая адекватного эффекта.

Эту проблему отражал и дополнял кризис «запланированного развития». Патерналистское государство-монополист лишило советскую экономику и социальную сферу способности к саморазвитию и несло бремя ответственности за всё. Решение одной задачи влекло за собой десяток других, любая сфера требовала вложений. С мест (гор-, рай- и крайкомов) шёл поток просьб и претензий. Их адресатом были центральные органы власти: ЦК КПСС, Совет Министров и Госплан. Если к новому цеху или оборудованию требовалась новая котельная и модернизация смежных производств, то для рабочих был нужен новый дом, а для строительства дома надо было построить новый завод железобетонных изделий, который уже не мог работать без нового карьера для добычи керамзита. Но чтобы привлечь рабочих для их строительства и освоения, желательно было и для них построить дом, а то и небольшой микрорайон с социальной инфраструктурой. Так круг инвестиционных задач расширялся, оставив после себя и до сегодняшнего дня не достроенные дома, корпуса цехов, поликлиники и детские сады^{*}.

* В ходе экспедиций по югу Дальнего Востока сотрудниками Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН был составлен фоторяд недостроенных объектов времён перестройки.

Описание этой ситуации важно для нас прежде всего тем, что в ней не было и уже не могло быть персонально виноватых. Плановые органы, утверждая нереальные программы экономического развития, шли на поводу у высшего политического руководства, которое ориентировалось на информацию с мест, а местная власть, в свою очередь, уступала нарастающим требованиям как центра, так и разных групп общества – от директорского корпуса до рабочих и колхозников, ожидания которых «разогрел» сам Генеральный секретарь⁸.

В августе 1985 г. на совещании в ЦК КПСС М.С. Горбачёв говорил: «Мы имеем довольно чёткую программу социально-экономического развития страны и научно-технического прогресса. Наступил этап её реализации. И начало ему должен дать 1986 год»⁹. В многочисленных поездках по СССР, производя порой настоящие сенсации своим открытым общением с людьми, он неизменно декларировал намерение «двинуть вперёд» экономику, социальную сферу, навести порядок и много другое, что, безусловно, отвечало чаяниям абсолютного большинства советских граждан.

Но что делать руководству страны, если программа и публично взятые, многократно повторяемые обязательства не исполняются, и это становится очевидным для всех? Возникал вопрос о политической ответственности за провалы в работе. Дело было не только в отношениях «власть-народ», но и в сбое функционирования системы государственного управления. Здесь очень быстро нарастали противоречия между выполнением планов (претензия центра к нижестоящим уровням власти) и выделением, точнее, недостаточным выделением ресурсов (претензия нижестоящих уровней власти к центру)¹⁰.

В условиях дефицита ресурсов и рычагов управления у политического руководства эти противоречия не имели сколько-нибудь приемлемого решения. Наиболее реалистичной альтернативой тотальной модернизации представляется создание «параллельной экономики»: в виде новых производств «с чистого листа» (путём учреждения специальных экономических зон и отдельных предприятий), постепенного создания рыночной инфраструктуры, изначально секторально и территориально локализованной, чтобы постепенно распространить её на всю страну. Другими словами, следовало сконцентрировать усилия на отдельных точках, наращивая ресурсы для решения более масштабных задач. Эта идея не была персонифицирована, и нет свидетельств, что кто-то озвучивал подобные мысли. Но объективно в СССР существовала такая альтернатива, хотя бы потому, что этим путём уже тогда шли реформы в Китае.

Однако такой вариант модернизации блокировался харизматическим типом политического лидерства М.С. Горбачёва¹¹. Накануне задуманных преобразований ему просто необходимо было позиционировать себя не как лидера отдельной группы или партии, а как лидера нации, опиравшегося на массовую поддержку. В подобных условиях модернизация не могла быть очаговой, она должна была быть всесторонней, с явно выраженным социальным уклоном (рост пенсий, зарплат, строительство жилья и социальных учреждений) и при этом давать быстрый эффект¹². А став таковой, она не могла не упереться в исчерпание ресурсов, ускоренное их неэффективным инвестированием.

Случай 2. Вернуть власть, не разрушив её основания. Сейчас сложно сказать, были ли задуманы масштабные политические преобразования одновременно с экономическими реформами или позже. К настоящему времени сам М.С. Горбачёв и ряд высокопоставленных членов его команды све-

ли смысл и замысел перестройки к «прорыву к свободе»*. Этот тезис лишь с очень большой натяжкой согласуется с тем, что говорилось и делалось на высшем уровне власти в 1985–1987 гг. Ускорившаяся ротация персонального состава номенклатуры была во многом обусловлена фактором естественной смены поколений и началась ещё при Ю.В. Андропове, а изменение «стиля» работы партийных кадров можно в не меньшей мере связать и с новыми обозначенными экономическими задачами. В качестве гипотезы предположим: широкая демократизация оказалась скорее следствием неуспеха в масштабном наступлении на социально-экономическом фронте. Косвенно мысль подтверждает один из помощников М.С. Горбачёва: «...к концу 1987 г. у Горбачёва и его ближнего окружения стало крепнуть убеждение, что одна экономическая реформа не пойдёт, если не будет сопровождаться политической»¹³.

Как уже упоминалось, харизматический тип лидерства М.С. Горбачёва персонифицировал легитимность власти партии и связывал её именно с Генеральным секретарём, а вместе с ней – и его ответственность как за все успехи, так и за провалы. Поездки по стране в 1985–1986 гг. не только производили впечатление на народ новым стилем Генсека, но и влияли на него самого. Восторженные возгласы, вроде тех, что сопровождали визит М.С. Горбачёва в Ленинград: «Держитесь ближе к народу, мы вас никогда не подведём!»¹⁴, – вселяли в него уверенность в массовой народной поддержке. На фоне этого энтузиазма росло недовольство медленными темпами изменений. На партийных съездах различных уровней рабочие заводов, многие из которых исчезнут в течение следующих 20 лет, призывали не забалтывать перестройку, а по-настоящему наполнить её реформами.

Но оказалось, что Генеральный секретарь ЦК КПСС не имел реальной власти, как, впрочем, и никто в высшем руководстве страны. Вряд ли такую ситуацию возможно было признать открыто тогда, но сегодня трудно согласиться с теми, кто считает, что Горбачёв, пойдя на реформу политической системы, сам лишил себя рычагов управления государством**. Это неверно,

* В своей книге М.С. Горбачёв пишет, что ещё во время бесед с Ю.В. Андроповым он понял: «больше демократии» и будет означать «больше социализма» (см.: Горбачёв М.С. Наедине с собой. М.: Грин-стрит, 2012. С. 409–416), а выпущенная к 20-летию перестройки книга так и называлась «Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ)» (М.: Альпина Паблишер, 2005).

** Помощник М.С. Горбачёва Г.Х. Шахназаров писал о нём как о Генеральном секретаре, который сам пошёл на «ущемление своей неограниченной власти, чтобы устранить чудовищный разрыв между конституционными принципами и политической практикой» (Шахназаров Г.Х. С вождами, и без них. М.: «Вагриус», 2001. С. 301). В. Кувалдин указывал: «Партия отключалась от рычагов управления, лишённые стержня органы власти утрачивают эффективность, государственный корабль теряет устойчивость» (Кувалдин В.Б. Три развилки горбачёвской перестройки // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 103). Ф. Бурлацкий: «Горбачёв оказался тем человеком, который сознательно или, скорее, бессознательно подрубил фундаментальные сваи не только коммунизма, но и всего великого государства» (Бурлацкий Ф.М. Русские государи. Эпоха реформации: Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М.: Фирма «Шарк», 1996. С. 296). Есть также оценка политической реформы со стороны самого М.С. Горбачёва: «...Это передача власти из рук монополюльно владевшей ею коммунистической партии в руки тех, кому она должна была принадлежать по Конституции, – Советам» (Горбачёв М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 171).

поскольку данные рычаги были формальными: он мог провозглашать вдохновляющие цели, менять людей на местах, принимать административные меры, но не мог изменить порядок вещей. Признание самого Горбачёва в одном из интервью вполне подтверждает этот тезис: «За три-четыре года сменил 3–4 состава секретарей, особенно на уровне горкомов и райкомов, и приходят всё те же кондовые»¹⁵.

Монополия власти КПСС во второй половине 1980-х гг. была лишь видимостью. Вобрав в себя почти всю административно-хозяйственную бюрократию, партия, в конечном итоге, оказалась ею поглощена. Было утрачено то, что М. Манн называл «автономией государства»¹⁶. Правда, то, что казалось этому макросоциологу «деспотической властью», в СССР давно рассеялось по конторским кабинетам, у обитателей которых лежал в кармане партийный билет. Добавим сюда растущую экономическую некомпетентность собственно партийных бюрократов и циничное отношение к официальной политике и идеологии со стороны хозяйственников и рядовых коммунистов по ходу реформ, и тогда нам не покажется фантастической первоочередная задача Горбачёва – «найти власть». О реальной власти партийного аппарата, его своего рода «групповой солидарности» свидетельствует та покорность, с которой он наблюдал за тем, как реформаторы лишают его формальных и фактических рычагов влияния. Августовский путч 1991 г. больше походит на отчаянную и безнадежно запоздалую попытку партийного аппарата взять ситуацию под контроль.

«Только воскресшая политическая сила могла бы заставить бюрократию перейти на смешанную экономику, оказывая на неё давление сверху и снизу и угрожая ей полномасштабной экспроприацией», – пишет М. Левин¹⁷. Но как воскресить эту силу? Существовало два реалистичных пути. Первый: опереться на реформистскую фракцию внутри КПСС, с одной стороны, а с другой – на поддержку общества, постепенно создавая вспомогательные инструменты как административно-политического воздействия (вроде упразднённого при Л.И. Брежневе комитета партийного контроля), так и политического влияния (по типу «народного фронта»), и подготовить плавное разделение партии на два оппозиционных блока*. Второй путь: фактическое переучреждение самой КПСС, которая, используя высокий уровень народной поддержки Генерального секретаря и успешно пройдя через выборы, обрела бы новую власть. Горбачёв быстро смещался от первого ко второму пути и проиграл. Как выяснилось, между оживлением партии и её гибелью был всего один шаг.

Первый путь кажется более рациональным с позиции сегодняшнего дня, но в момент рождения плана по реформированию политической системы он был закрыт не только из соображений удержания власти, но и из-за иллюзий насчёт вовлечения общества в политику.

Начать следует с того, что фракционность в КПСС официально не допускалась и пропорция реальных сторонников Горбачёва среди номенклатуры

* Идея не совсем фантастична. Её предлагал А.Н. Яковлев. Американский советолог С. Коэн считает, что это был бы лучший вариант для политической системы СССР, который бы создал устойчивую конструкцию. См. подробнее: Коэн С. Можно ли было реформировать Советскую систему? // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 34.

была никому не известна. Попытка обыграть последнюю по внутрибюрократическим каналам (увеличивая число своих сторонников и лишая реальной власти скрытых оппонентов, при том, что, опять же, чёткого размежевания ещё не произошло) была чревата повторением судьбы Н.С. Хрущёва. Тем более, что пробуксовка модернизации внутри страны, ротация партийных кадров и разрядка в отношениях с Западом с неминуемым уменьшением военных расходов и без того вели к росту внутриэлитных противоречий как по линии «центр-периферия», так и между командой реформаторов и лоббистами военно-промышленного комплекса*. Поэтому Горбачёв сделал выбор в пользу чистки бюрократии от имени народа через альтернативные выборы. А чтобы «обрезать крылья» реальным и потенциальным противникам демократизации, с отмашки Отдела пропаганды ЦК КПСС был дан «урок правды» в виде разоблачений преступлений сталинизма и безобразий брежневского периода.

Бесспорно, сводить демократизацию лишь к циничному политическому расчёту – непростительное упрощение. У неё имелась мощная гуманистская составляющая. В этом смысле она была попыткой вовлечь в политику и в процесс экономического созидания начавшее деградировать общество. Цинизму обывателя, его уходу в частный интерес, возвращению в доиндустриальный уклад и теневую экономику (но как ещё было обеспечить ему более или менее сносное существование?) была противопоставлена возможность реально повлиять на жизнь в стране. В терминологии того времени это было сформулировано как «усиление воздействия социальных факторов на развитие экономики»¹⁸. Демократизация в сочетании с внедрением рыночных элементов обещала обеспечить курс Горбачёва массовой поддержкой в лице советского среднего класса – прежде всего интеллигенции и квалифицированных рабочих. Что поначалу и происходило.

Но демократизация, с одной стороны, открыла политическую сцену для сторонников перестройки, с другой – в сочетании с провалом экономической модернизации и идеологическим саморазоблачением КПСС сама породила спрос на радикальную оппозицию и создала возможности для его удовлетворения. Борясь с консерваторами, команда Генерального секретаря параллельно создала себе ещё один фронт политического противостояния – на этот раз с демократической оппозицией, экономическая программа которой всё более смещалась в сторону причудливой смеси неолиберализма с популизмом, которым виртуозно овладел бывший член ЦК КПСС Б.Н. Ельцин.

Условные «консерваторы» могли строить альянсы с партийным аппаратом и директорами от военно-промышленного комплекса, а условные «демократы» – опереться на почуявших, откуда ветер дует, бюрократов и

* О расколе по линии «центр-периферия» см. подробнее: Савченко А.Е. Политический аспект провала стратегии развития Дальнего Востока в 1987–1991 гг. (на примере Приморского и Хабаровского краёв) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 125–131; О расколе по линии «команда М.С. Горбачёва – лоббисты ВПК» см. воспоминания Г.Х. Шахназарова: «О заговорах в этих кругах пока ещё не помышляли, но отчаянно сопротивлялись всякой попытке сократить непомерно разбухший военный бюджет... Преодолеть это сопротивление Горбачёв уже не мог, не оперевшись на парламент и общественное мнение» (Шахназаров Г.Х. С вождями, и без них. М.: Вагриус, 2001. С. 296.).

новых капиталистов, при этом найдя массовую поддержку, успешно спекулируя на социально-экономическом провале официальной политики. Но что было делать в этом раскладе Горбачёву? Он стал заложником популистской политики, в которой его полностью переиграли условные демократы, а на деле – бывшие коллеги по номенклатурному олимпу. Утрата партией власти над бюрократией, с одной стороны, и очевидное для всех сокращение её легитимности в народе – с другой, стали двойным и убийственным ударом для перестройки.

Спустя много лет Горбачёв признаёт: «...Опыт привёл меня вот к какому выводу: люди могут воспользоваться свободой, идя по пути реформ, постепенного развития. Выбор же революционаризма ведёт к хаосу, разрушению и нередко к новой несвободе»¹⁹. С этим трудно не согласиться, но на заре перестройки путь постепенных изменений был закрыт как масштабными экономическими задачами, так и политическим популизмом нового Генерального секретаря.

В заключение есть смысл поставить сформулированный в начале статьи вопрос несколько иначе: что же с нами случилось в итоге перестройки?

В самом сжатом виде суть её краха – это утрата управляемости государством при попытке форсирования изменений. СССР рухнул именно тогда, когда его направляющая сила была нужна более, чем когда-либо: для привлечения иностранных инвестиций, для выгодного размена уступками с Западом (обмен советской геополитической мощи на западные капиталы и доступ к западным же рынкам)²⁰, для поддержания индустриального сектора путём перераспределения ресурсных потоков.

Однако выбор между градуализмом и шоковой терапией может лишь ретроспективно представляться значимой альтернативой: первый не имел шансов в спровоцированном демократизацией переделе власти. Цели развития поразительно быстро оказались подменены борьбой с коммунизмом.

Крушение перестройки, если, конечно, не рассматривать её как чисто формальный процесс, не привело к смене элиты. Она, по большому счёту, осталась прежней. В 1993 г. только 11% номенклатуры образца 1988 г. полностью ушло из политической жизни, 60% занимали сопоставимые должности, лишь 1% выпал из элитного круга²¹. Таким образом, как это ни удивительно, но одним из итогов перестройки была не смена элиты, но нечто противоположное: утрата государства. По крайней мере, того государства, которое перестройка пыталась спасти.

- 1 Фурман Д.Е. Движение по спирали: Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь Мир, 2010. С. 10–11.
- 2 Коэн С. Можно ли было реформировать Советскую систему? // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 24–45.
- 3 Mann M. The sources of social power. V. 4: Globalizations, 1945–2011. NY, 2013, pp. 182–184.

- 4 Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // *Время мира*. Вып. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 258.
- 5 О высоком модернизме см.: Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2011. 568 с.
- 6 Аллен Р.С. От фермы к фабрике: Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. С. 259.
- 7 Там же. С. 261–262.
- 8 См. подробнее: Савченко А.Е. Динамика модернизации в центр-периферийном измерении 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь (на примере Приморского края) // *Россия и АТР*. 2014. № 4. С. 56–65; Его же. Политический аспект провала стратегии развития Дальнего Востока в 1987–1991 гг. (на примере Приморского и Хабаровского краёв) // *Вестник ДВО РАН*. 2009. № 5. С. 125–131.
- 9 В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Чернышева, Вадима Загладина, Георгия Шахназарова (1985–1991). М.: Горбачёв-Фонд, 2008. С. 17.
- 10 См. подробнее: Савченко А.Е. Политический аспект провала... С. 125–131.
- 11 Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии... С. 258.
- 12 Ващук А.С. Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // *Россия и АТР*. 2014. № 4. С. 14–16.
- 13 Шахназаров Г.Х. С вождями, и без них. М.: Вагриус, 2001. С. 294.
- 14 Горбачёв в Ленинграде. 1985 год // YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5kKwVLAhofY> (дата обращения: 08.05.2015).
- 15 Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2004. С. 183.
- 16 Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results // *State/Space: a reader*. Malden, Mass, Oxford, 2003, pp. 53–64.
- 17 Левин М. Советский век. М.: Европа, 2008. С. 584.
- 18 Из доклада М.С. Горбачёва на Пленуме ЦК КПСС. 25 апреля 1985 г. // Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачёв-Фонд). Дата в Истории. Апрельский пленум 1985 года. URL: www.gorby.ru/presscenter/news/show_29516/ (дата обращения: 05.05.2015).
- 19 Горбачёв М.С. Наедине с собой. М.: Грин-стрит, 2012. С. 409–416.
- 20 См. подробнее: Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миротелесной перспективе. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2010. С. 168–169.
- 21 Данные получены в результате двойного опроса 1800 членов советской политической элиты в 1988 и 1993 гг., проведённого ВЦИОМ. См. подробнее: Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачёва. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2011. С. 396–397.

УУДК: 947:321.01(09)

Н.П. РЯБЧЕНКО

ПЕРЕСТРОЙКА: МЕСТО И РОЛЬ В ИСТОРИИ

Перестройка стала завершающим этапом советской истории. В ней отразилось стремление народа к идеалам справедливости, гуманизма, разумно устроенного общества. Неудача в достижении этих целей во многом была связана с тем, что проблемы, которые нужно было решить (отношения государства и общества, демократия, избавление от войн и др.), имеют сложный и противоречивый характер, уходят своими корнями глубоко в историю.

Ключевые слова: перестройка, Горбачёв, КПСС, демократия, история.

На меня как современника большей части советской истории перестройка сначала не произвела особого впечатления. До неё почти каждый советский лидер так или иначе успевал себя дискредитировать, и упоминание их имён, кроме Ленина, в учебниках и в прессе зависело от мнения очередного руководителя, занявшего первый партийный пост, а также от политической ситуации. М.С. Горбачёв своими длинными речами напоминал Н.С. Хрущёва, и это также не предвещало ничего хорошего. Слов было много, а конкретных, убедительных результатов в решении накопившихся проблем – мало. С каждым годом ухудшалось продовольственное положение страны. Не вызывали доверия и выдвигаемые М.С. Горбачёвым программы, начиная с не давшей ожидаемых результатов идеи ускорения экономического развития. Введение поста Президента ясно указывало на стремление нового лидера к усилению личной власти.

В то же время в СССР проходили такие изменения, которые в ретроспективном анализе достойны внимания. Огромное положительное значение в те годы имел рост общественного сознания. Стремление народа к демократии, гуманизму, справедливости пробивало себе дорогу вопреки сохраняющимся цензурным ограничениям и запретам. Никогда прежде не было такого всеобщего увлечения публицистикой и художественной литературой, затрагивавших замалчиваемые факты советского прошлого. За этим следовало естественное желание активной части общества воплотить идеи в жизнь. XIX Всесоюзная партийная конференция КПСС, съезды народных депутатов стали ареной широких политических дискуссий, привлекавших всеобщее внимание. Но существенных результатов, позволяющих улучшить положение в стране, сделать её действительно свободной и демократической, так и не достигли. Обострение борьбы в правящих кругах привело сначала к неудачной попытке государственного переворота в августе 1991 г., а затем к распаду СССР и ликвидации советского строя.

Исходя из таких итогов, можно было бы кратко определить значение перестройки как завершение этапа советской истории, позволившее сравнительно безболезненно покончить с изжившим себя прошлым и перейти к этапу новому, хотя и далёкому от идеалов её поборников. Вместе с Советским

Союзом ушла и мировая система социализма, охватывавшая 1/3 человечества и сохранившаяся лишь частично. Ослабление международной напряжённости снизило опасность возникновения ядерной войны. Происходило постепенное раскрепощение общества, уставшего от постоянного мобилизационного напряжения борьбы за высокие производственные показатели. Более открытая страна, ставшая такой благодаря перестройке, подняла свой международный престиж, а её лидера – М.С. Горбачёва – везде за рубежом принимали как авторитетного политика и желанного гостя.

В историческом плане перестройку следует рассматривать в тесной связи с советской историей в целом. Социализм стал выражением стремления прогрессивных политических сил к радикальному обновлению общественных отношений, основанному на принципах справедливости. В сущности, это была грандиозная инновационная инициатива. Перемены такого масштаба редки в истории, но как явление социального развития весьма типичны, проявляются сначала на уровне семьи (проблема отцов и детей), затем – в деятельности социальных групп (молодёжные возрастные классы) и в общественных и политических движениях.

Попытки достижения идеальных целей рано или поздно приходят в столкновение с объективными условиями и закономерностями бытия, что вынуждает к отступлению и примирению со старым миром. Но частично инновации оказывают своё влияние на изменение существующего порядка, вынуждают власти считаться с требованиями масс. Такова была роль Октябрьской революции в мире. На этапе, когда инновационный потенциал исчерпывается, а экономические трудности усиливаются, нарастают противоречия, возникает раскол внутри революционного лагеря. Часть его готова пойти с противником на компромисс. Уступки постепенно ведут к окончательной сдаче позиций.

Аналогичную картину мы могли наблюдать в годы перестройки в советском руководстве. Идеи борьбы против капитализма, буржуазной идеологии постепенно уступали место представлениям об общечеловеческих ценностях. Положительно воспринимался опыт западной социал-демократии. В высшем руководстве появились прозападно настроенные деятели (член политбюро А.Н. Яковлев). Обласканный на Западе нобелевский лауреат М.С. Горбачёв становился всё более уступчив в вопросах сокращения вооружений¹. Прежняя острота конфронтации двух мировых систем заметно снизилась. До победы Запада остался один шаг – развал Советского Союза, и он не заставил себя ждать.

Коренная проблема социализма, как и любого известного нам строя, – это отношения общества и государства. Марксисты полагали, что в будущем последнее должно отмереть, уступив место общественному самоуправлению. А на какой-то период времени после революции государство необходимо для осуществления диктатуры пролетариата в отношении свергнутых классов². Но на практике оказалось, что такого отмирания не происходит. Призыв перестройки «больше социализма», нацеленный на активизацию общественных сил, на прорыв к свободе, также не дал ожидаемых результатов³. Институт государства оказался очень устойчив. По своему происхождению он связан преимущественно с завоеваниями⁴, переворотами и не уступает первенства обществу. Это относится и к буржуазным демократиям, где государство строго охраняет установленный им в прошлом порядок.

В перестройку советское общество попыталось преодолеть диктат государства, но эта попытка была обречена на провал. Государство в чём-то шло на уступки, маневрировало, а когда отступать было некуда, прибегло к аргументу военной силы, подавляя народные выступления в Грузии, Прибалтике. Путч 19 августа 1991 г. окончательно показал, кто в доме хозяин.

Долгое время вне поля зрения науки оставался факт наличия общего для всего человечества строя – патриархата⁵. Процесс его трансформации охватывает все другие социальные изменения в обществе. Период перестройки был слишком короткий, чтобы увязывать его с процессами большой исторической длительности. Тем не менее нельзя не учитывать влияние отдельных факторов. Так, хроническое отставание сельского хозяйства в стране, вылившееся в острый продовольственный кризис, покончивший с благодушными идеями совершенствования социализма и самим социалистическим проектом, было связано с его второстепенной ролью на фоне задач укрепления нового, пришедшего на смену капитализму строя, фактически нового варианта патриархата⁶.

Это исключительно важный момент. Социальные инноваторы, преимущественно ориентированные на обеспечение военной деятельности, не могли себя прокормить, что делало практически неизбежным их возвращение в мировое сообщество*. На протяжении всей советской истории, за исключением вынужденного восстановления рыночных отношений в период НЭПа, продовольственная проблема не поддавалась решению. В перестройку дефицит продовольствия покрывался его колоссальным импортом⁷, что подрывало экономические возможности страны и толкало Советский Союз к трагической развязке.

Роль перестройки в истории можно рассматривать в нескольких планах. Как законченный этап советской истории (об этом уже говорилось выше). Её влияние на судьбы отдельных людей⁸ (тема слишком обширная, чтобы к ней здесь обращаться). Как непреходящую по своему значению историю устремлённости народа к идеалам справедливости и гуманизма, разумно устроенного общества. В России в первые годы революции они казались близкой реальностью.

Перестройка стала периодом глубоких разочарований в несбывшихся надеждах, но одновременно – ещё одной, также закончившейся неудачей, попыткой их осуществить. Стоит попытаться разобраться, в чём же причина таких раз за разом повторяющихся неудач? Тем более что стремление людей к идеалам и ценностям характерно для всех времён, и в том или ином виде старые идеи и связанные с ними проблемы возникают вновь и вновь.

Чтобы приблизиться к пониманию истины, рассмотрим основные идеи перестройки. Методологической основой при этом может служить идея одного из предшественников современной науки И.В. Гёте о связи общего и частного, их взаимодействии, отражающих двойственность явлений как ряда противоположностей. В частности, отношений бытия и стремления⁹.

Первое место по важности в те годы занимала идея демократизации советского общества, т.к. огосударствление общественной жизни зашло слишком далеко. Стал сильно ощущаться отрыв власти от народа, слабела социальная активность масс, их заинтересованность в происходящем в стране.

* Похожая ситуация сложилась в современной Северной Корее, ещё удерживающейся на плаву благодаря Китаю и международной продовольственной помощи.

Руководство видело выход в активизации роли Советов как универсальной формы власти, соединяющей законодательные, распорядительные и контрольные функции и тесно связанной с избирателями. Для эффективного осуществления властных полномочий предусматривалось периодическое освобождение депутатов от производственных и служебных обязанностей. Совершенствовались выборные процедуры, вводились ограничения по срокам занятия выборных должностей и т.д. Однако прежнее положение сильно не изменилось. Одна из причин – сохранение властных позиций партийной номенклатуры. М.С. Горбачёв предлагал подкрепить власть народа «авторитетом партии» и «рекомендовать на посты председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов»¹⁰. Возможно, сказывались какие-то недостатки самой советской системы власти. Но дело не только в отдельных недостатках и просчётах.

С глубокой древности в разных странах существуют представления о власти народа¹¹. Начиная с античности, залогом демократии считалось соблюдение демократических процедур. На практике же этого часто оказывалось недостаточно. После установления народного правления власть рано или поздно переходила в руки единоличных правителей либо олигархии. То есть имеет место принципиальная возможность такого поворота событий.

Мало обращается внимания на тот факт, что демократия требует постоянных усилий по её поддержанию, а в то время, когда граждане античного полиса обсуждали свои проблемы, на них продолжали трудиться рабы, женщины занимались домашним хозяйством, и суть происходящего – в отделении умственного труда от физического, в господстве первого над вторым. Побочным следствием самостоятельного существования умственного труда являются разные варианты властных комбинаций в господствующем классе. Осуществляемые целенаправленно и искусно, они дают желаемый результат. При этом демократия превращается в ширму или вообще отбрасывается.

В советское время по этой части не было изобретено ничего нового. Номенклатура постоянно изо дня в день занималась вопросами укрепления и сохранения существующей власти и своего места в ней. Ни специальные комиссии, в которых депутаты же составляли костяк, ни временное освобождение депутатов от работы на производстве не могли составить конкуренцию уже сложившейся антидемократической системе. Полностью возможности властных манипуляций от имени демократии раскрылись уже в наши дни в деятельности политтехнологов. Пока эта проблема не поддаётся решению даже в самых приверженных идеалам демократии обществах.

Широкий отклик в мире получила идея М.С. Горбачёва о новом политическом мышлении, исходный принцип которого связан с категорическим отказом от войны, прежде всего ядерной, как средства достижения каких бы то ни было целей. Также была признана абсурдность гонки вооружений, отрывающей колоссальные ресурсы от других нужд и ведущей к дестабилизации международных отношений, а в конечном счёте – к ядерному конфликту. К тому времени СССР уже предложил мировому сообществу концепцию создания всеобъемлющей системы международной безопасности, охватывающую военную, политическую и гуманитарную области¹².

Вместе с практическими шагами по сокращению вооружений это позволило избежать риска ядерных столкновений. Но не смогло приблизить

человечество к желанному вечному миру, так как войны слишком глубоко укоренены в его истории. Ныне существующий патриархат в основе своей ориентирован на военно-территориальную экспансию¹³, и всё, что с ней связано, ещё далеко не изжито. Есть и важные непроизвольные следствия войн, такие как утилизация избытков производящей экономики, миграции населения, контакты цивилизаций, культурные заимствования. Развитие вооружений привело к созданию космических ракет, проникновению в мир атома.

В будущем, вероятно, станет возможным направить ту энергию, которая идёт на подготовку и ведение войн, на освоение космоса. В настоящее же время войны по-прежнему остаются нерешённой проблемой человечества.

В документах перестройки неслучайно много внимания уделяется межнациональным отношениям. Волнения и столкновения сначала в Казахстане в декабре 1986 г., потом в некоторых других республиках ясно указывали на актуальность национального вопроса в СССР. Причины возникших трудностей привычно списывались на упущения периода культа личности и застоя, вскользь говорилось о недостаточном учёте потребностей социально-экономического и культурного развития отдельных республик и автономных образований¹⁴. Хотя, как видно сегодня, действительные причины были гораздо глубже.

Советский Союз со времени своего основания строился как живая, развивающаяся система. По мере укрепления и развития национальных образований повышался их статус. Автономные области становились автономными республиками, некоторые из них (Казахстан, Таджикистан) были преобразованы в союзные и стремились соответствовать своему новому положению. С начала 60-х гг. шёл процесс социальной унификации и одновременно развивалась тенденция усиления в республиках политической элиты. Через четверть века это дало о себе знать открытыми националистическими проявлениями.

В самой КПСС дела также обстояли не лучшим образом, поэтому Москва заняла консервативную позицию сохранения межнациональных отношений в существующем виде. Фактически Советский Союз был больше федерацией, чем союзом («советской федерацией»¹⁵). В последний год существования СССР манёвры вокруг нового союзного договора стали главной политической интригой. Произошедший накануне подписания документа путч был попыткой сохранить всё как есть. Однако вместо этого произошёл полный развал государства.

Несмотря на такую историческую неудачу, союз как форма объединения народов остаётся перспективным. Подтверждение тому существование Европейского Союза, недавно образованного Евразийского Союза. Но здесь есть своё внутреннее противоречие. С одной стороны, требуется строго соблюдать суверенные права всех участников, с другой – эффективно решать общие задачи, которые, бывает, не полностью совпадают с чьими-то интересами. Добрая воля и цивилизованный подход позволяют благополучно выходить из таких ситуаций. В отличие от исторически проблемных вопросов демократии, избавления от войн, стремление государств к объединению в союзы – более простая задача. Она позволяет сохранять суверенитет народов, их культуру и в то же время с помощью региональных объединений продвигаться к формированию глобальной цивилизации.

Специфически советским / российским, с уклоном в уравниловку, было соединение бытия и стремления к социальной справедливости. В условиях

постоянно растущего дефицита для предотвращения социального взрыва повсеместно была введена система талонов. Рушились государство, экономика, но власти, боясь поднять хотя бы на копейку, изо всех сил держали цены и невольно подводили их к будущему обвалу в десятки раз.

Роль перестроечных реформ в отечественной истории особенно ярко прослеживается в оценке других этапов советского периода. Как одно из проявлений гласности широкое освещение в прессе получила тема сталинских репрессий. В 1987 г. исполнилось 50 лет со времени, когда они приняли небывалый прежде размах и затем продолжались до конца правления Сталина. Этот печальный юбилей привлёк к себе внимание как в СССР, так и за рубежом. Вал публикаций о репрессиях не спадал до конца существования советской власти и сильно подрывал её авторитет в народе, особенно среди интеллигенции и в национальных республиках. Естественным было стремление избавиться от этого наследия прошлого. Оно отвечало мировой исторической тенденции ухода от физического насилия, которое в ещё не столь далёком прошлом было обыденным явлением. Продолжало меняться и само насилие. От физического воздействия оно всё больше переходило к информационному, пропагандистскому, навязывающему угодные власти установки и интерпретации событий. Такая тенденция получила дальнейшее развитие в наши дни, и пока не просматриваются возможности преодоления ментальных форм насилия как мирового явления.

В годы перестройки было немало социальных явлений, которые находят своё повторение в XXI в. В этом также проявляется её историческая роль. Так, нас не может не волновать необходимость развития науки. Тогда она испытывала те же трудности, что и сейчас: понижение общественного статуса и престижа научной деятельности, недостаточное финансирование фундаментальных исследований. Особого внимания по-прежнему требуют общественные науки, которые уже в новых условиях могут дать целостную концепцию социального развития, учитывающую диалектику происходящих процессов, противоречивость их отражения в массовом сознании¹⁶.

Очень современно и актуально звучат констатации резолюции «О борьбе с бюрократизмом» XIX партийной конференции КПСС. «Неоправданно громоздким остаётся управленческий аппарат. Значительная его часть действует в отрыве от потребностей и интересов общества... Антиконституционны его действия, ведущие к извращению, выхолащиванию законов и правительственных решений. Нормой работы аппарата должны стать открытость, доступность для контроля и проверки со стороны трудящихся, общественности»¹⁷.

Общественный подъём в период перестройки стал проявлением естественного стремления людей как разумных существ осознанно творить историю. На практике же оказалось, что не удаётся преодолеть разрыв между стремлением и реальным бытием. Одна группа причин этого связана с тем, что люди ещё как следует не познали окружающий мир, самих себя и своё место в нём. Соответственно их стремления не могут полностью учитывать происходящее. Также нередко упускается из виду или недооценивается то, что давно известно из истории человечества. Другая группа причин коренится в самой истории, представляющей собой движение человечества во времени и пространстве и, как движение, бесконечной. История глубоко эшелонирована, что позволяет ей всегда сохранять запас хода, диалектическая «хитрость»

которого состоит в том, что наблюдаемое на поверхности направление в глубине даёт противоположный курс (как, например, прогресс и регресс), подготавливая будущие фундаментальные изменения всей мировой системы.

Ввиду таких сложностей окончательное устройство общества, к которому всегда стремились революционеры, невозможно в принципе. Сейчас многие люди понимают: пусть общество будет не идеальным, но оно должно быть «хорошим». Существуют концепции «хорошего общества» или т.н. третьего пути и некоторый практический опыт их реализации¹⁸. По сути, перестройка была одной из ранних попыток достичь этой цели.

Перестройка имеет значение как стремление общества к обновлению, избавлению от отживших наслоений прошлого. Такие порывы не раз бывали раньше и ждут нас в будущем. Непременным условием обновления является реальный взгляд на вещи. То, что в древнем Китае называли «исправлением имён». Или, как говорил М.С. Горбачёв, учиться «говорить друг другу правду»¹⁹. А чтобы каждый раз не начинать учиться с самого начала, как у нас бывает, нужно хорошо усваивать старые уроки. В том числе уроки перестройки.

- 1 Варшавский договор. URL: <http://histrf.ru/ru/lenta-vremeni/event/view/varshavskii-dogovor> (дата обращения: 3.03.2015).
- 2 Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. ПСС. Т. 33. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 89.
- 3 Ващук А.С. Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 18–20.
- 4 Головнёв А.В. Нордизм и ордизм в Северной Евразии // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 82–91.
- 5 Рябченко Н.П. Кризис патриархата: постановка проблемы // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 170–183.
- 6 Рябченко Н.П. Системные тенденции эволюции советского социализма // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 182–183.
- 7 Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 653–654.
- 8 Ковалевская Ю.Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 76–79.
- 9 Иванов В.В. Чёт и нечёт: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978. С. 9, 108.
- 10 Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. М.: Политиздат, 1988. С. 36–37, 45, 119.
- 11 Геродот. История. М.: АСТ Москва, Хранитель, 2007. С. 219–220.
- 12 Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. С. 143–144, 244–245.
- 13 Рябченко Н.П. Кризис патриархата... С. 172.
- 14 Материалы... С. 134.
- 15 Там же. С. 135.
- 16 Там же. С. 24–25.
- 17 Там же. С. 128, 130.
- 18 Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс – Традиция, 2005. С. 350–359.
- 19 Материалы... С. 38.

УДК: 947.081/.088 (571.6)

А.А. КИРЕЕВ

ПРОБЛЕМА ЦИКЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В работе даётся характеристика специфики циклической составляющей в истории Дальнего Востока России. Автор предлагает свою схему сравнительной хронологии двух типов политической цикличности в развитии региона с середины XIX в. до настоящего времени.

Ключевые слова: региональное развитие, цикличность, политические циклы, региональная политика, пограничная политика, российский Дальний Восток.

На сегодня существует уже довольно много исследований, посвящённых феномену цикличности и циклам в российской истории¹. Значительно меньше эта проблема разработана применительно к Дальневосточному региону России. Безусловно, сам факт импульсивности, волнообразности развития РДВ хорошо известен внимательным исследователям региона и особенно – его историкам. Однако попытки анализа и объяснения данного наблюдения пока очень редки². В значительной степени это можно связать с тем, что наиболее развитые теории циклов в общественном знании, в особенности экономического происхождения, например, теория «длинных волн», явственно обнаруживают свою малую пригодность для экстраполирования на дальневосточный эмпирический материал. Цикличность в истории Дальневосточного региона России имеет выраженную специфику, свойственную, впрочем, судя по всему, и другим периферийным регионам мира, территориям позднего освоения.

Одним из проявлений этой специфики была и остаётся экзогенность дальневосточного циклизма, его преимущественно внерегиональная обусловленность. Региональные циклы во многом вторичны, они являются производными от циклической и линейной исторической динамики Европейской России и сопредельных обществ США. Эта особенность напрямую вытекает из слаборазвитости РДВ, до сих пор не сложившегося в целостную и самодовлеющую региональную систему (подсистему), способную к автономной, внутренне детерминированной эволюции.

Другая особенность, тесно связанная с первой, состоит в том, что важнейшие региональные циклы имеют политический, а не социально-экономический характер. На протяжении большей части своей истории РДВ был полем военно-административной колонизации, по отношению к которой иные формы освоения являлись обслуживающими и запаздывающими. Функции этого региона в структуре не только национального, но и мирового пространства определялись в значительно большей мере межгосударственными отношениями, динамикой геополитических потенциалов, нежели ры-

ночным взаимодействием негосударственных субъектов, движением факторов производства. Главной внешней движущей силой дальневосточных циклов выступало российское государство, его центральная власть.

Третьей специфической чертой дальневосточной цикличности является особого рода полициклизм. Можно выделить два основных типа значимых для РДВ циклов: внутренней (региональной) политики и внешней (пограничной) политики российского государства. Несмотря на то, что оба типа цикличности (как и практически вся деятельность РФ) имеют своей исходной причиной давление международной среды, бросаемые ею вызовы государственной (национальной) безопасности, в различных направлениях политики России эти вызовы преломлялись по-разному. Между ведомствами и политико-бюрократическими группировками, формировавшими региональную и пограничную политику РФ на Дальнем Востоке, обычно существовали те или иные противоречия, достигавшие порой высокой степени остроты. Выражением этих противоречий и некоторых других факторов была несогласованность целей и средств двух направлений государственной политики, их несовпадающая историческая ритмика, асинхронность активизации и торможения. Подобное циклическое раздвоение государственной политики, конечно, далеко не исчерпывает собой всего полициклизма истории РДВ, в структуре которой можно выявить множество форм цикличности разного типа. Однако двум названным типам циклической динамики в истории региона принадлежит, на мой взгляд, особенно важная, ведущая роль. Их взаимодействие, взаимные интерференция и резонирование определяли в основном общие тренды развития РДВ на протяжении последних полутора веков.

Здесь я не буду останавливаться на причинах цикличности региональной и пограничной политики российского государства и её следствиях для самого региона. Эти вопросы требуют специальных и довольно масштабных исследований. В фокусе дальнейшего анализа будет находиться только вопрос о сравнительной хронологии циклов обоих типов, решение которого, в свою очередь, является предпосылкой для раскрытия механизма их связи.

Приступая к рассмотрению заявленного вопроса, необходимо уточнить используемое понятие «цикличность» («циклизм»), а также ряд других, сопряжённых с ним понятий. Под цикличностью в данной работе понимаются периодические, однотипные колебания значений того или иного параметра общественного процесса, регулярная смена тенденций их повышения и понижения. При этом мера регулярности, единообразной упорядоченности циклической динамики может быть различной. Циклические процессы в общественной жизни довольно редко приближаются по своей форме к геометрически правильным синусоидам. Для них обычно характерен более сложный рисунок. Регулярность их зачастую бывает неявной, «смазанной» и может быть выявлена только после аналитического устранения влияния «посторонних» факторов и выбора адекватного временного масштаба наблюдения.

Понятие «цикличность» устойчиво ассоциируется с понятием «закономерность» и даже «научный закон». Безусловно, обнаружение цикличности определённого процесса может послужить основой для открытия стоящих за ней закономерных связей. Тем не менее, само по себе понятие «цикличес-

ность» принадлежит к сфере эмпирического знания, его использование есть лишь констатация наличия определённой совокупности наблюдений, касающихся конкретного процесса. Выявление же необходимых причинных отношений, «ответственных» за наблюдаемую циклическую динамику, установление вероятностной силы и пространственно-временных пределов их действия – это задача теоретического уровня, и задача обычно весьма сложная, удовлетворительно решить которую для большинства из известных науке циклов всё ещё не удалось. Это связано как с особенной широтой и разнородностью факторного ряда общественных процессов, так и с присутствием в нём субъективной воли. Последнее в особенности значимо для политической цикличности, непосредственным источником которой являются целенаправленные действия субъектов власти.

Исходной структурной единицей циклического процесса выступает цикл – отдельное завершённое (круговое) колебание значений ключевого параметра данного процесса. С точки зрения амплитуды колебания, хронологии и формы общественные циклы чрезвычайно разнообразны. В то же время, по-видимому, в основе всех их типов лежит последовательность из четырёх фаз: 1) восходящая; 2) высокая; 3) нисходящая; 4) низкая. Точная реконструкция рассматриваемых в этой работе циклов государственной политики в их развёрнутом четырёхчастном виде может быть получена только после тщательных исторических изысканий. Я же ограничусь предварительным описанием циклов региональной и пограничной политики на РДВ, достаточным для получения общей характеристики их взаимных хронологических отношений.

Для этого структура обоих типов циклов будет упрощена до двухчастной (путём объединения соответственно 1-й и 2-й, 3-й и 4-й фаз). Таким образом, цикл внутренней (региональной) политики на РДВ будет сведён к двум фазам – стимулирования и дестимулирования. При этом под фазой стимулирования понимается период принятия российским (советским) правительством решений о мерах государственной поддержки (активизации) развития региона и направления им на РДВ соответствующих финансовых, материальных и человеческих ресурсов, а под фазой дестимулирования – период централизованного сокращения названных ресурсных потоков. Цикл внешней (пограничной) политики будет редуцирован также к двум фазам – дебарьеризации и барьеризации. Фазой дебарьеризации в данном случае я называю период повышения проницаемости внешних границ РДВ для трансграничных потоков товаров, капиталов, людей, информации и т.д., а фазой барьеризации – период снижения такой проницаемости, осуществляемого государством сокращения упомянутых трансграничных потоков.

Сопоставить хронологию двух типов цикличности в истории РДВ позволяет синхронистическая таблица (табл. 1), охватывающая временной интервал с середины XIX в. до наших дней. Для большей наглядности циклы обоих направлений государственной политики представлены предельно упрощённо – только их «активными» периодами (восходящая и высокая фазы четырёхчастной структуры), т.е. соответственно фазой стимулирования для региональной политики и фазой дебарьеризации для политики пограничной.

Таблица 1

Сравнительная хронология циклов внутренней и внешней политики на РДВ*

Хронология	Циклы внутренней (региональной) политики	Циклы внешней (пограничной) политики1850
1850		
	Стимулирование 1854–1861 гг.	
		Дебарьеризация 1858–1885 гг.
	Стимулирование 1877–1884 гг.	
	Стимулирование 1891–1897 гг.	
1900		Дебарьеризация 1896–1908 гг.
	Стимулирование 1906–1914 гг.	
		Дебарьеризация 1917–1928 гг.
	Стимулирование 1929–1945 гг.	
1950		
	Стимулирование 1966–1982 гг.	
	Стимулирование 1986–1989 гг.	
		Дебарьеризация 1991–1993 гг.
2000		
	Стимулирование 2006–... гг.	Дебарьеризация 2006–... гг.

* Таблица составлена автором.

Как показывает табл. 1, фазы стимулирования в политике российского государства на РДВ и фазы дебарьеризации в его пограничной политике в регионе хронологически, как правило, в полной мере не совпадали. При этом общая слабость их корреляции касается случаев как положительной связи между двумя разновидностями политической цикличности (когда они изменяются в одном направлении и рост притока ресурсов из центра сопровождается ростом их притока из-за границы), так и отрицательной (когда циклические динамики внутренней и внешней политики противоположно друг другу). По-видимому, только дважды – в 1929 и 2006 г. – циклы внутренней и внешней политики на РДВ целенаправленно изменялись в тесной и прямой взаимосвязи. Причём в 1929 г. эти изменения региональной и пограничной политики были направлены прямо противоположно, зеркально друг другу (синхронное стимулирование и барьеризация), а в 2006 г. – нацелены в одном направлении (синхронное стимулирование и дебарьеризация). Эти наблюдения могут свидетельствовать об отсутствии на протяжении большей части истории РДВ какой-либо общей логики, объединяющей оба направления государственной политики в регионе. Региональная и пограничная политики российского правительства, конечно, не могли не обладать определённой степенью взаимной согласованности, однако они очень редко представляли собой части некоего единого плана развития РДВ.

Если признать, что циклы региональной и пограничной политики на РДВ имеют различную, несовпадающую хронологию, то в их взаимодействии логически можно выделить четыре возможных комбинации:

стимулирование и дебарьеризация (совпадение активизации государственной поддержки региона с повышением его открытости для трансграничных отношений);

стимулирование и барьеризация (активизация государственной поддержки развития региона при одновременном сокращении его трансграничных контактов);

дестимулирование и дебарьеризация (сокращение государственной поддержки региона при повышении его открытости для трансграничных отношений);

дестимулирование и барьеризация (сворачивание государственной поддержки региона при одновременном сокращении притока в него различных ресурсов из-за рубежа).

Все названные логически возможные комбинации двух типов политической цикличности действительно эмпирически фиксируются в истории РДВ. Вместе с тем значимость в ней каждой из этих комбинаций не одинакова.

Поскольку, как уже отмечалось, циклам региональной и пограничной политики государства принадлежит, на мой взгляд, ведущая роль в истории РДВ, четыре их выделенные выше комбинации можно рассматривать также в качестве общих объективных сценариев (но далеко не всегда сознательных стратегий) развития региона. Располагая данными сценарии в том же порядке, в котором были описаны комбинации циклов региональной и пограничной политики, их можно представить следующим образом:

«кумулятивное развитие» (развитие региона в условиях совпадения, взаимного наложения восходящих и высоких фаз региональной и пограничной политики);

«национально-экзогенное развитие» (развитие в условиях восходящей и высокой фазы региональной политики и нисходящей и низкой фазы пограничной политики);

«международно-экзогенное развитие» (развитие в условиях нисходящей и низкой фазы региональной политики и восходящей и высокой фазы пограничной политики);

«эндогенное развитие» (развитие в условиях совпадения нисходящих и низких фаз региональной и пограничной политики).

Если расставить эти четыре сценария сообразно продолжительности их осуществления в рамках рассмотренного 165-летнего интервала, то на первом месте окажется «эндогенное развитие» – сценарий наименее перспективный и наиболее рискованный для РДВ, учитывая сохраняющуюся до настоящего времени чрезвычайную ограниченность собственных, внутренних источников социально-экономического роста региона. Немногим уступает первому сценарий «национально-экзогенное развитие». Третье место занимает «международно-экзогенное развитие», причём подавляющая часть продолжительности его осуществления приходится на ранний период истории РДВ, до 1929 г. Самое же скромное место в истории региона (менее одной восьмой её 165-летней длительности) принадлежит сценарию «кумулятивное развитие».

Предлагаемая схема описания циклической динамики РДВ является, безусловно, результатом лишь поверхностной группировки материала, касающегося весьма сложной проблемы. Хронологические и пространственные рамки выделенных циклов, не говоря уже об их оставшейся за скобками работы структурной организации, нуждаются в критической оценке и дальнейшем уточнении. Кроме того, следует заметить, что данные циклы истории РДВ реконструировались на базе изучения государственных решений, нормативно-правовых актов, т.е. на уровне политических намерений, которые, как известно, отнюдь не всегда с достаточной точностью воплощаются в исполнительской практике, а тем более – в фактической динамике региональных процессов.

- 1 Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997; Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: УГГУ, 2005; Розов Н.С. Циклы российской истории: анализ порождающего механизма // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. №1. С. 56–62; и др.
- 2 Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации / А.С. Ващук, А.Е. Савченко, Ю.Н. Ковалевская, Л.А. Крушанова, Е.В. Галенко, А.П. Герасименко, С.Г. Коваленко, А.П. Коняхина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014; Минакир П.А., Прокапало О.М. Дальний Восток: реальные стратегии и мнимые программы // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 13–21.

УДК: 947.088 : 172

С.Г. КОВАЛЕНКО, А.В. ПОПОВКИН, А.В. БЫБОЧКИН

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ МОРАЛЬНОГО ФАКТОРА В ОСМЫСЛЕНИИ ПЕРЕСТРОЙКИ

В современных оценках причин, вызвавших реформы СССР (перестройку), внимание исследователей сосредоточено на экономических и политических факторах. Однако очевидцы тех событий помнят, что не меньшее влияние оказывали моральные запросы и ожидания общества. Этот важный аспект почти не принимается в расчёт большинством современных исследователей. Для лучшего понимания событий тех лет авторы данной статьи обращаются к философской традиции осмысления морального измерения в политике. Это позволяет показать значимость учёта морального фактора в построении целостной исторической картины перестройки.

Ключевые слова: перестройка, философия морали, реформы, социализм, властные элиты.

В современной историко-политической мысли господствует объяснительный подход, опирающийся на представление о политике как форме реализации (удовлетворения) интересов стоящих у власти групп. Он берёт свое начало у Макиавелли, развивается в трудах К. Маркса¹, В. Паретто, Г. Моска, Р. Михельса и др. Нам представляется, что такой подход, как минимум, не позволяет комплексно реконструировать историческое событие, увидеть все его причины. Причем неполнота получаемой картины имеет два аспекта – теоретический и практический. В теоретическом плане важно обратить внимание на идеи М. Вебера, показавшего в работе «Протестантская этика и дух капитализма» действенность морального (религиозного) фактора в экономическом развитии². В настоящее время принято рассматривать идеи Вебера не как опровержение концепций Маркса, а как их дополнение: с одной стороны, экономические отношения действительно влияют на устройство общества, но с другой – господствующие духовные ценности могут оказывать существенное влияние на исторический процесс смены экономических отношений. Мы полагаем, что данная логика вполне применима и к анализу социально-политических процессов.

В практическом плане недостаточность подхода, концентрирующегося только на анализе баланса интересов (экономических, элитарных, политических), приводит к управленческим просчётам, каковыми и были попытки транспонировать на Россию либерально-капиталистическую модель. Не последнюю роль в их провале сыграло этическое отторжение большей частью населения страны примата ценности личного обогащения. Ведь если в протестантской этике господствует идущий от Кальвина принцип «успех в работе – признак богоизбранности», в результате чего люди экономически успешные получают ещё и нравственный авторитет, то в российской культуре личное богатство и нравственный уровень человека в лучшем случае никак не связаны, а в худшем рассматриваются как антиподы.

Кроме того, примат экономических и военно-политических интересов нередко приводил и к аморальным политическим решениям. В этом многие исследователи не раз, и вполне справедливо, упрекали, например, британский колониализм XIX в. В сложившейся «политике интересов» скрыто внутреннее противоречие: с одной стороны, господствует дискурс баланса интересов (экономических и военных), а с другой – целый ряд явлений (колониализм, нацизм, фашизм и т.п.) признаются недопустимыми, несмотря на их экономическую и военную продуктивность, причём именно по моральным причинам.

В этой связи уместно вспомнить высказывание В.С. Соловьёва: «Должно, хотя бы сперва только в теории, признать высшим руководящим началом всякой политики не интерес и не самомнение, а нравственную обязанность»³. Иными словами, как это ни покажется странным, признание и учёт морального фактора в политике будет логически последовательным ходом.

Попробуем теперь в первом приближении рассмотреть вопрос действия морального фактора в политике. Наиболее подходящим объектом для изучения будут те моменты истории, которые можно охарактеризовать как точки выбора дальнейшей траектории развития общества или государства, т.е. точки бифуркации. Такой, безусловно, можно считать перестройку.

В оценках причин, которые привели СССР к перестройке, в настоящее время явно доминируют «экономический»⁴ и «элитарный»⁵ подходы. А именно: считается, что перестройка явилась следствием экономической слабости государства, падения цен на нефть и внутрипартийной борьбы номенклатуры. Однако не следует забывать, что в период этих реформ реальной политической силой стало советское общество. Лейтмотивом его действий был поиск справедливости и свободы.

Моральный фактор во внутренней политике явственно прослеживался и во властном дискурсе элит. Так М.С. Горбачёв считал, что социалистический потенциал в СССР раскрыт ещё не полностью, поэтому этическим лейтмотивом при проведении реформ стал призыв к совершенствованию данного потенциала. В своей речи руководитель государства подчеркнул: «Мы об этом говорили и должны повторить ещё раз сегодня: на определённом этапе страна стала терять темпы движения, начали накапливаться трудности и нерешённые проблемы, появились застойные и другие чуждые социализму явления. Всё это серьёзно сказывалось на экономике, социальной и духовной сферах. При выработке политики и в практической деятельности обладали консервативные настроения, инерция, стремление отмахнуться от всего, что не укладывалось в привычные схемы, нежелание решать назревшие социально-экономические вопросы. За всё это, товарищи, руководящие органы партии и государства несут ответственность»⁶. То есть все несовершенства советской системы объяснялись тем, что имеющееся социальное устройство не соответствует своему идеалу. Более того, даже экономические реформы, такие как развитие большей самостоятельности предприятий и кооперативного движения, повышение зарплаты, осмыслились обществом в терминах справедливости.

Во власти с такой постановкой проблемы были согласны далеко не все. Выявились серьёзные разногласия М.С. Горбачёва и одного из его ближайших сподвижников Е.К. Лигачёва. Последний стал выражать несогласие с ха-

рактором и размахом проводимых реформ. Расхождения между ними были и по поводу т.н. белых пятен в советской истории. Это касалось восстановления исторической справедливости по отношению к сталинскому времени. В своём докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховных Советов СССР и РСФСР, посвящённом 70-летию Октябрьской революции, Горбачёв отметил: «Но процесс восстановления справедливости не был доведён до конца и фактически приостановлен в середине 60-х годов. Сейчас в соответствии с решениями октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК приходится вновь возвращаться к этому. Политбюро ЦК создало комиссию для всестороннего рассмотрения новых и уже известных ранее фактов и документов, относящихся к этим вопросам. По итогам работы комиссии будут приняты соответствующие решения»⁷.

В ответ на это 13 марта 1988 г. газета «Советская Россия» поместила статью (письмо) ленинградской преподавательницы химии Н. Андреевой под заголовком «Не могу поступиться принципами». Материал, как полагают исследователи⁸, был напечатан по прямому указанию Е.К. Лигачёва. Суть публикации была в том, что Н. Андреева открыто защищала И.В. Сталина, а авторов антисталинских произведений (драматурга М. Шатрова, писателя А. Рыбакова и др.) называла «фальсификаторами истории», которые заимствовали у Запада свою антисоциалистическую концепцию «гласности», чтобы подвергнуть полному пересмотру историю партии и советского общества. Письмо было напечатано целым рядом центральных газет. Только 5 апреля «Правда» опубликовала редакционную статью, в которой содержалась критика положений, выдвинутых Н. Андреевой.

Дискурс общества и власти также концентрировался вокруг справедливости. Так, многочисленные обращения граждан в органы власти изобилуют пожеланиями, чтобы реформы помогли добиться большей справедливости на предприятиях⁹. Причём речь идёт не только о повышении зарплаты и расширении других социальных благ, но и о том, что «...может быть, наконец, будет всё по-другому, по-правильному»¹⁰.

Даже в официальных документах делался упор на справедливость. На Апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС был провозглашён курс на «ускорение социально-экономического развития» страны. Ключевыми фразами политического лексикона Горбачёва стали: повернуть экономику к человеку, создать достойные условия труда и жизни советских людей, переориентировать экономику на социальные нужды народа, сделать всё для социального развития села, создать нормальные условия жизни для сельского труженика, повысить жизненный уровень большей части населения, обеспечить каждую семью квартирой или домом к 2000 г., заботиться о ветеранах войны и труда, сократить управленческие расходы, установить полнокровный социалистический рынок, создать правовое социалистическое государство, обновить национальную политику и т.д.¹¹.

Нравственные идеалы эпохи перестройки на ранних этапах не представляли собой чего-то революционного. Реформы мыслились скорее как возвращение к корням социалистического строя. Ключевыми ценностями выступали право любого человека на достойную жизнь и равенство в распределении благ. Новым мотивом, внесённым перестройкой, стала борьба

с уравниловкой, также осмыслявшаяся общественным сознанием как реализация социалистического принципа «От каждого по способностям, каждому – по труду».

Однако в силу ряда причин, в числе которых можно назвать легитимацию частного предпринимательства в форме кооперативного движения, экономический кризис в стране, приведший к росту дефицита и т.д., другие проблемы достижения общественного блага сдвигались в индивидуальном сознании советских людей на второй план. Под вопросом оказалась одна из базовых моральных максим советского общества – примат общественного над личным.

Исследования, проведённые группой сотрудников сектора ИИАЭ ДВО РАН, свидетельствуют об огромном социальном недовольстве в период начала перестройки¹². Каждый хотел большего, чем обладал к началу преобразований. В массовом сознании активно муссировалась мысль, что «...справедливость должна была быть восстановлена». Речь шла не только о социальной справедливости. Фактически сразу же был поднят очень болезненный вопрос о справедливости исторической. Так, в сборнике «Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки» фактически все статьи посвящены восстановлению исторической правды. Например, работа А. Сенина «Соратник Ленина» начинается с фразы «...6 февраля 1988 г. центральные газеты сообщили о восстановлении справедливости в отношении А.И. Рыкова, одного из ближайших соратников В.И. Ленина...». И таких примеров огромное количество¹³.

Итак, совершенно очевидно, что моральный фактор был активной силой в общественном и элитарном сознании эпохи перестройки. Однако по ряду причин он оказался практически не учтённым в теоретическом осмыслении проводимых преобразований. Здесь нам хотелось бы сделать небольшой экскурс в историю политической мысли.

Дебаты о влиянии морального фактора на политическую практику начинаются уже на заре теоретического осмысления политики – в спорах софистов с Сократом и Платоном. Софисты полагали, что «в каждом государстве силу имеет тот, кто у власти. Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу...», после чего объявляет «...их справедливыми для подвластных»¹⁴. Высшей ценностью признавалось только то, «что пригодно сильнейшему»¹⁵, т.е. интересы небольшой части общества, которая с позиции силы могла творить несправедливость в отношении других граждан и извлекать из этого выгоду. На правителей морально-нравственные нормы какого-либо влияния не оказывают, наоборот, справедливость, с точки зрения софистов, это порядок, установленный в отношении всех граждан для осуществления того, что пригодно правителям.

Несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе: для власть имущих она всегда предпочтительнее справедливости¹⁶. Чтобы преуспеть, несправедливость необходимо осуществить сполна: высшим искусством, по мнению софистов, почитается овладение ею «в сочетании с притворной благопристойностью»¹⁷, поскольку такая несправедливость остаётся не обнаруженной и безнаказанной.

Представления софистов в дальнейшем получили более развёрнутое описание в трудах Н. Макиавелли. Его рассуждения о соотношении политики и этики основываются на том, что действительность не оставляет политику

возможности морального выбора: если ты пощадишь противника, он не пощадит тебя¹⁸. Высшей ценностью у Макиавелли считаются государственная власть, сосредоточенная в руках правителя, постоянное её укрепление и честолюбие государя. При этом, создавая крепкую власть, можно пользоваться любыми эффективными средствами, не считаясь с какими бы то ни было моральными принципами и прибегая к насилию¹⁹.

Софистам противостояли основатели теории политической этики – Сократ, Платон и его ученик Аристотель. Наиболее обобщённое воплощение представлений Платона о политической этике содержится в его диалоге «Государство», в котором рассуждения об общественно-политическом устройстве πολιτεία предваряются пространным обсуждением необходимости подлинного понимания такой важнейшей этической категории, как «справедливость». Как у Платона, так и у Аристотеля справедливость занимает центральное место в системе этических представлений.

В учении Сократа никакой человек не является предельной ценностью, но существует целая иерархия «идей». В философии Платона высшее место принадлежит идее Блага²⁰, а у Аристотеля – Богу, которого философ понимает как «мышление, мыслящее само себя». Политическая власть легитимируется в этих доктринах не силой стоящих у власти людей, а реализацией справедливости, заключающейся в воплощении «идеального» порядка. Особенно ясно эту мысль формулирует Аристотель: в его учении смысл политики состоит в реализации всеобщего блага, а само занятие политикой является вторым по качеству образом жизни после философского созерцания²¹.

Продолжателем платоновской линии стал русский философ В.С. Соловьёв, который не только констатировал уход морального фактора из политической жизни Европы конца XIX в.²², но и пытался предложить решения имевшихся в то время сложных национально-политических вопросов и с учётом интересов, и на основании христианской морали. Однако его идеи не получили развития и вскоре сменились в нашей стране лозунгами о «революционной целесообразности», которые по сути были квинтэссенцией «политики интересов», в данном случае – классовых.

В каком-то смысле политический климат перестройки можно рассматривать как ренессанс морального фактора в политике. Подтверждение этому мы находим как в политической практике того времени, так и в культурной жизни страны. Первым наиболее заметным изменением стала политика гласности, которая, конечно же, управлялась государственными средствами массовой информации, но легла на благодатную почву общего недовольства жизнью советских людей. М.С. Горбачёв так обозначил это направление внутренней жизни страны: «Пожалуй, наиболее ярко новая атмосфера проявляется в широкой гласности. Мы стремимся к большей гласности во всех сферах жизни общества. Люди должны знать и хорошее, и плохое с тем, чтобы приумножать хорошее, а с плохим вести борьбу. Именно так и должно быть при социализме»²³.

В культурной жизни эта политика привела к появлению произведений, в которых предпринималась попытка нравственной переоценки советского периода. Это такие фильмы, как «Покаяние» режиссёра Т. Абуладзе, «Ночевала тучка золотая» С. Маилова и др. Газеты и литературные журналы про-

извели настоящий информационный взрыв, разом высветивший множество белых пятен советской истории. Потоки беллетристики и более серьёзной литературы, написанной как современниками, так и уже ушедшими авторами, призывали к освобождению от груза прошлого. Апофеозом стали «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына и «Всё течёт» В. Гроссмана.

Политика перестройки сопровождалась многочисленными опросами общественного мнения, часть из которых самой формулировкой проблем, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, провоцировала общественное недовольство. Постепенно вектор перестройки смещался с поиска новых духовных оснований общества на поиски справедливости лично для себя, а вернее – на легитимацию ценностей потребления. Как отметил Кара-Мурза, об уровне обоснованности таких притязаний в стране свидетельствует организованный всесоюзный опрос 1989 г. «Мнения об уровне питания». Было выявлено, что молока и молочных продуктов в среднем по СССР потреблялось 358 кг в год на человека (в США – 263 кг), однако 44% респондентов ответили, что потребляют этот продукт недостаточно. Более того, выяснилось, что в Армении 62% населения недовольно своим уровнем потребления молока (480 кг; для сравнения: в Испании – 140 кг). Таким образом, тезис «я живу плохо, хочу лучше» вне зависимости от того, что реальная жизнь не так уж и плоха, активно внедрялся в сознание²⁴.

В результате такой политики и роста потребительских настроений в обществе руководство СССР оказалось моральным банкротом. В немалой степени этому способствовала также идеологическая непродуманность реформ, приведшая к дезориентации номенклатурной элиты, к потере населением доверия к власти. Как справедливо отмечает А.С. Ващук: «В настроениях дальневосточников было интуитивное осознание ситуации в стране и регионе как особого периода слабости состояния власти, несмотря на обозначенные перспективы развития Дальнего Востока»²⁵.

Последовавшие за перестройкой лихие 1990-е сопровождалась процессами резкой стратификации общества. Характерно, что и в этих новых условиях шёл активный поиск моральных оснований. В качестве таковых воспринимались и нормы уголовного мира – некоторая часть предпринимателей жила «по понятиям». С другой стороны, часть политически активной интеллигенции нашла новые идеалы в ценностях неолиберализма (например, партия «Союз правых сил»). Многие граждане, уйдя в стратегии выживания, вынесли моральные вопросы «за скобки» своего существования, что в немалой степени способствовало росту правового нигилизма и бытовой преступности.

В таких условиях моральный дискурс был заменён дискурсом личной выгоды. Это привело к колоссальным социальным проблемам: россияне оказались в состоянии аномии, которую Э. Дюркгейм определяет как отсутствие чётких норм поведения в конкретном обществе, разрыв в преемственности социальных и культурных норм. По воспоминаниям одного из управленцев советского периода, «...индивидуализм начал разрушать всё вокруг... у людей как будто компас сломался... все стали друг другу врагами»²⁶. Подобные тенденции не преодолены и сейчас²⁷.

Стало очевидно, что справедливость для одного отдельно взятого человека не может служить основой для развития всего общества.

Ещё Платон более двух тысячелетий назад предостерегал от опасностей, таящихся в неподлинном понимании справедливости: ведь «где бы несправедливость ни возникла – в государстве ли, в племени, в войске или в чём-либо ином, – она, прежде всего, делает невозможным [совместные] действия этих групп... ведь она ведёт к раздорам, разногласиям, внутренней и внешней вражде»²⁸.

В настоящее время моральный фактор в российской политике, как внутренней, так и внешней, вновь если и не выходит на первый план, то становится весьма заметным на уровне многих деклараций политиков. Так, в крымских событиях 2014 г. впервые за много лет Россия не только руководствовалась прагматическими интересами, но и претендовала (и претендует) именно на моральную правоту. И именно вопрос об этой правоте вызывает столь бурные дискуссии в нашем обществе. Таким образом, мы видим необходимость учёта морального фактора в теоретическом осмыслении переломных исторических событий, подобных перестройке и крымской весне 2014 г.

-
- 1 Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kapit/ (дата обращения: 12.04.2015).
 - 2 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. 352 с.
 - 3 Соловьёв В.С. Великий спор и христианская политика. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «ПРАВДА», 1989. С. 66.
 - 4 Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 37–48.

- 5 Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005; Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 51–65.
- 6 Из доклада М.С. Горбачёва на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 г. // *Правда*. 1987. № 28 (25015). 28 янв. С. 1–2.
- 7 Горбачёв М.С. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском дворце съездов 2 ноября 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 63 с.
- 8 Бурлацкий Ф.М. Русские государи: эпоха реформации. Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М.: Шарк, 1996.
- 9 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. П–68. Оп. 117. Д. 962. Л. 5–7.
- 10 ГАПК. Ф. П–68. Оп. 117. Д. 962. Л. 8.
- 11 Материалы Пленума ЦК КПСС, 23 апреля 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 31 с.
- 12 Ващук А.С. Перестройка на Российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современных дальневосточников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // *Россия и АТР*. 2014. № 4. С. 5–22; Ковалевская Ю.Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Там же. С. 66–79; Коваленко С.Г. Среднее звено управленческой элиты Приморья в годы перестройки: реакция на местах // Там же. С. 80–93; Чернолуцкая Е.Н. «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985–1991) // Там же. С. 5–22.
- 13 Сенин А.С. Соратник Ленина // *Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки*. М.: Высшая школа, 1988. С. 578.
- 14 Платон. Государство: соч. в 3 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т. 3. Ч. 1. / ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1971. С. 106–107.
- 15 Там же. С. 106.
- 16 Там же. С. 114.
- 17 Там же. С. 141.
- 18 Макиавелли Н. Государь: избр. соч. / вступит. статья К. Долгова, сост. Р. Хлодовский, коммент. М. Андреева и Р. Хлодовского. М.: Худож. лит., 1982. С. 314.
- 19 Там же. С. 317.
- 20 Платон. Государство... С. 311.
- 21 Аристотель. Политика: соч. в 4 т. / общ. ред. А.И. Доватура. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 583.
- 22 Соловьёв В.С. Великий спор и христианская политика: Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «ПРАВДА», 1989. С. 66.
- 23 Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. URL: www.newchron.ru/prcv/Publ/Gorbachev (дата обращения: 4.04.2015)
- 24 Кара-Мурза С.Г. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001. М.: Алгоритм, 2002. URL: <http://mysteriouscountry.ru/wiki/index> (дата обращения: 02.04.2015).
- 25 Ващук А.С. Перестройка на Российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современных дальневосточников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // *Россия и АТР*. 2014. № 4. С. 5–22.
- 26 Интервью с респондентом В.А., м., 64 г., бывший работник органов управления Приморского края. Владивосток, 2014 // Арх. отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН.
- 27 Мельников С. Увечные ценности // *Огонёк*. 2013. № 3. URL: <http://kommersant.ru/doc/2308797> (дата обращения: 02.04.2015).
- 28 Платон. Государство... С. 125.

УДК: 930.1 (571.6)

А.С. ВАЩУК

ПЕРЕСТРОЙКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Рассматриваются особенности современной познавательной ситуации, методологический потенциал исследования реформ Горбачёва в региональном измерении. Акцент сделан на анализе работ, посвящённых политическим и социальным аспектам. Дается периодизация историографии проблемы, выделяются этапы: 1989 – середина 1990-х гг., вторая половина 1990-х – 2014 г. Выявлены основные концепции и проблемно-тематическое поле, новые тенденции и преемственные черты литературы двух этапов.

Ключевые слова: историография, перестройка, Дальний Восток России, концепция, историческая кратология.

Особенности современной познавательной ситуации. В понимании роли перестройки в российской истории большое значение имеет историографическое наследие, которое является концентрированной формой рефлексии как о самом феномене, так и о развитии исторического знания. Спектр проблем, попадающих в поле зрения историка, изучающего позднесоветские реформы, и набор методов их исследования крайне широк¹. Но и подходы к самому историографическому анализу также характеризуются плюрализмом. Специфику современной ситуации в области историографического жанра наиболее ярко определили авторы проекта «Исторические исследования в России: тенденции последних лет», которые пришли к выводу: «Современному исследователю, несмотря на всё разнообразие форм внутрицеховой коммуникации, скорее всего, придётся быть готовым к индивидуальному обретению знаний об историографическом процессе, к самостоятельному и тонкому прочтению результатов очевидного или неочевидного консенсуса дискурсов различных гуманитарных дисциплин»².

В контексте этой посылки мы предлагаем воспользоваться приёмом, введённым в историографический анализ И.М. Савельевой³, и поставить два последовательных вопроса. Что из того нового, что составляет современное проблемное поле позднесоветских реформ в регионе, основано на концепциях, теориях, подходах, возникших и получивших распространение в отечественной и зарубежной исторической науке за последние 20 лет? Что исследователи стали объяснять в перестройке на материалах Дальнего Востока в конце 1990-х – 2014 г., о чём они не говорили в начале 1990-х гг. и какие исследовательские позиции перешли в литературу наших дней?

Приметой времени стал т.н. юбилейный подход, но отношение гуманитариев к нему как форме актуализации той или иной проблемы неоднозначное⁴. Для нас 30-летний период, отделяющий от времени зарождения идей

перестройки, или почти 25-летний период от того времени, когда реформы приобрели свою завершённость, создаёт пространство исторического горизонта для анализа публикаций.

Первая временная дистанция, которую мы рассматриваем как приемлемую для методов научного познания периода 1985–1991 гг. в масштабах страны и региональном измерении, относится ко второй половине 1990-х гг. Период же 1989–1995 гг. обозначаем как предысторию изучения проблематики. В начале 1990-х гг. практически отсутствовали работы историков, анализировавшие реформы команды Горбачёва. В целом в отечественной литературе относительно перестройки в региональном измерении доминировали исследования географов и экономистов⁵, давшие старт концепции центр–периферия⁶ и изучению особенностей «пространственной экономики». По Дальнему Востоку также были опубликованы работы в рамках набирающих силу концепций, в частности школы П.Я. Бакланова⁷. Сегодня мы с большим интересом обращаемся к опыту анализа перестроечных процессов, а также изучения эволюции региональных экономических исследований, которые выполнены научным коллективом под руководством А.П. Минакира⁸.

Не утратила своей актуальности выявленная экономистами т.н. точка падения промышленного производства: «после 1988 г. экономика ДВЭР попала в состояние затяжного кризиса»⁹. В публикациях историков, вышедших после 1995 г., подтверждается и другой вывод: переход к Долговременной государственной программе развития региона не привёл к существенному перелому в развитии ДВЭР, уже в 1986–1987 гг. обозначились первые признаки инфляционного процесса. Исследователи конкретизируют положения и вводят новые иллюстрации. Современные работы отличаются стремлением выявить неравномерности наступления социально-экономического кризиса внутри региона.

При изучении социально-политического процесса также проявились признаки преемственности с некоторыми характеристиками этапа предыстории. В начале 1990-х гг. позиции историков по этой проблематике трудно было отделить от взглядов политиков и публицистов на перестройку, что являлось общероссийской чертой тех лет. Самый яркий пример такой ситуации – инкорпорация в исторические работы понятия «административно-командная система». Его ввёл экономист (позднее – политик) Г.Х. Попов в своих публицистических статьях перестроечного периода¹⁰, но этот термин широко используется и в 2000-е гг. В качестве примера приведём вывод из диссертационной работы Е.В. Корякиной (2009): «Попытки модернизации села, предпринятые властями во второй половине 1980-х гг. в условиях сохранения командно-административной системы, оказались во многом контрпродуктивными»¹¹.

Порождением эпохи Горбачёва стало распространение исторической публицистики по данной проблеме. Об авторах, склонных к такому жанру, И.Д. Чечель справедливо заметила: «...Степень приближённости их работ к „исследовательской программе“ советского историознания – открытый вопрос. Между тем, едва ли кто возьмётся отрицать, что собственно в годы перестройки предлагаемый публицистами массив знания мог восприниматься и воспринимался как научный»¹².

В региональном описании перестройки этот пласт не так широк¹³, тем не менее тенденция конвергенции жанров (публицистики и мемуаров с претензией на элементы научного анализа) сохранилась до наших дней. В основе такой литературы чаще всего лежит идеологическое мировоззрение автора. Так, в публикациях 2000-х гг. встречаем острую критику первых секретарей крайкомов и обкомов за отказ от советской идеологии и поддержку М.С. Горбачёва. Прослеживается неприятие поведения новых участников политического процесса – составов исполкомов Советов на местах в 1991 г., а также ярко выраженная позиция, осуждающая действия местных СМИ (на Дальнем Востоке – В.Г. Беспалов)¹⁴. Примечательно, что такая мемуарно-публицистическая точка зрения иногда совпадает с позицией профессиональных историков. В этом контексте можно привести мнение А.В. Островского, оценивающего гласность как одну из основных причин ликвидации советской власти. Он считает, что горбачёвский режим планомерно проводил идеологическое «переворужение» общества¹⁵.

Сегодня особой популярностью у дальневосточных исследователей пользуется публикация А.М. Кузьминой. Написанная больше в жанре хроники, она содержит богатейший событийный региональный материал (особенно 1987–1991 гг.) мемуарного характера. В книге присутствует иная точка зрения на реформы: гласность рассматривается как зарождение демократического движения¹⁶.

В современной литературе, как и на этапе предыстории, имеются работы, авторами которых являются не историки, но бывшие единомышленники Б.Н. Ельцина. Яркий пример – работы Л.В. Смирнягина*, который придаёт высказанному тезису «Дальний Восток как проблема России» концептуальное значение, называя среди причин исторического тренда в первую очередь фактор тяжёлого наследия перестройки. Он считает, что «...регион тяжело пережил годы перестройки и реформ и впал в затяжной социально-экономический кризис» в более тяжёлой степени, чем другие территории¹⁷. Этот тезис разделяют и современные историки, что подробно будет рассмотрено ниже. Претендует на исторический анализ С.А. Караганов (декан факультета мировой экономики и мировой политики ВШЭ), который также придерживается мнения, что перестройка на Дальнем Востоке привела к тяжёлым последствиям: «И крушение коммунизма не могло не вызвать в регионе особенно болезненной структурной перестройки»¹⁸. Таким образом, в приведённом блоке литературы горбачёвские реформы преимущественно оцениваются сквозь призму последствий – как тяжёлое наследие перестройки для региона или в контексте падения всей советской системы.

Если говорить о научном интересе историков к проблеме в региональном измерении, то в последние 20 лет он был незначительным. Это объясняется поисками новых методологических ориентиров, ожиданиями развития событий, которые стали бы опорной точкой отсчёта для исторической ретроспективы, а также трудностями источникового характера.

* Смирнягин Л.В. – д-р геогр. наук, профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 1993–2000 гг.; при Б.Н. Ельцине – член Президентского совета; в 1994–1997 гг. – зав. отделом аналитического управления администрации Президента РФ.

Теоретико-методологический багаж исследователей политической тематики в региональном измерении. Изучение горбачёвских реформ было актуализировано рефлексией историков на теорию модернизации. Не рассматривая всех достоинств модернизационного подхода к советской истории конца XX в., а также критики со стороны оппонентов, заметим, что ни в характеристике теории, ни в изучении её в рамках исторического процесса в России среди исследователей нет единогласия¹⁹.

При объяснении дальневосточных реалий акцент делается на модернизационный путь «сверху»: реформы постепенно втягивали в свою орбиту общество по вертикали. Наиболее распространёнными теоретическими конструкциями в трудах гуманитариев, изучающих проблемы перестройки, явились концепции, разрабатываемые исторической кратологией²⁰. Именно власть в современной объяснительной схеме остаётся центральным субъектом исторического процесса в целом и перестройки в частности. В этом плане достойное место занимает концепция пространства власти, разработанная Д.А. Андреевым и Г.А. Бордюговым, которая увязывает способ исторического бытия такого глобального мегасубъекта, как государство или общество, с особенностью функционирования власти. Под этим пространством они понимают сферу, где вершится власть: принимаются конкретные решения, происходит взаимодействие людей и групп, способных оказывать влияние на данную сферу²¹. Рассматриваемое понятие является очень ёмким, поскольку включает в себя характеристику всей инфраструктуры, обеспечивающей тот или иной управленческий режим. Основная драматургия в пространстве власти развивается в системе координат главных субъектов – носителя власти и элиты, через которую и осуществляется непосредственный процесс властвования. В дальневосточной литературе этот подход фактически нашёл своё отражение в двух направлениях (хотя дальневосточные авторы не всегда напрямую выходят на работы вышеупомянутых исследователей). Важно заметить, что их обращение к эвристическим возможностям исторической кратологии сочеталось с привлечением методов политической науки.

К первому направлению можно отнести работы автора данной статьи и Е.В. Буянова, которые использовали теорию трансформации региональных элит, акцентировав внимание на их роли в реализации перестроечных реформ с учётом приобретения новых качеств и статуса в пространстве власти. В своём диссертационном исследовании (1998) мы пришли к выводу, что в 1980-е гг., особенно в период перестройки, как в центре, так и в регионе вызревали предпосылки для дальнейшего и сильнеешего бюрократического взрыва, наступление кризиса социальной политики советского типа происходило по мере эволюции партноменклатурной элиты²². В своих оценочных суждениях дальневосточные авторы ссылаются на труды «новых российских классиков» или зарубежных авторов. Например, Е.В. Буянов опирается на теорию «циркуляции элит» В. Паретто и связывает её с политической модернизацией²³. В его работах большое внимание уделено анализу кризиса административно-командной системы в регионе через разные варианты местных сценариев разрушения партийного руководства. Автор приходит к выводу, что дальневосточные партийные организации не способны к активной политической борьбе; неудачи любых шагов по спасению

ситуации в СССР объясняются утратой КПСС своей роли стержня государства. Такая точка зрения в 1990-х – начале 2000-х гг. также была доминирующей в российской историографии. В рамках исторической кратологии появляется концепция переходных режимов*, но в литературе, посвящённой Дальнему Востоку, она пока не получила широкого применения и может быть полезной новому поколению историков при оценке событий первой половины 1990-х гг.

Другое направление исследований формировалось на базе политической регионалистики. В её формате оттачивалась концепция политико-административных взаимоотношений центра и дальневосточного региона в годы перестройки, одним из первых был М.Ю. Шинковский²⁴. В исследовательском поле в основном преобладал диссертационный жанр. В этом ряду хотелось бы выделить работы А.Е. Савченко, обратившего внимание на методологическое значение трудов Ч. Тили для исследования взаимоотношений центра и регионов России периода 1985–1990-х гг., что, по мнению исследователя, «имеет большой эвристический потенциал, поскольку позволяет рассматривать эту проблему в широком контексте целей и общей эффективности государственного управления с установлением прямых и обратных причинно-следственных связей»²⁵. Молодому историку удалось развить тезис о взаимосвязи кризиса партийных «первичек» с кризисом потребительского общества в регионе (тенденция доминирования потребительских мотиваций над трудовыми). Его статьи выполнены в рамках «мейнстрима» политической регионалистики. В них наиболее ярко проявляется изучение дальневосточной территории с использованием достижений западных классиков-обществоведов. В статье «Бег на месте...» делается неординарный вывод: программа по развитию Дальнего Востока (1987) была вариантом политического компромисса между разными уровнями власти, попыткой вырваться из замкнутого круга противоречий²⁶. Политико-административные отношения центра и Дальнего Востока А.Е. Савченко рассматривает как интегрированную оценку перестройки и в других своих публикациях²⁷.

Сегодня прослеживается некоторая схожесть позиций политиков и учёных по вопросу о причинах провала перестроечных реформ в регионах (когда речь идёт о выжидательной позиции бюрократии). Например, можно сравнить тезис в книге Л.Я. Бляхера «Искусство неуправляемой жизни» и позицию М.С. Горбачёва²⁸.

В 2000-е гг. исследователи начинают работать по направлению «власть и общество» на Дальнем Востоке, ориентируясь как на концепцию политической модернизации, так и на теорию гражданского общества. В публикациях представлены различные аспекты «политического участия и социализации

* Например, Д.А. Андреев писал: «...содержательная сторона политики любых переходных режимов представляется двуединой: преодоление элементов старого устройства и культивирование неких новых тенденций, представления о которых, как правило, весьма расплывчаты. Такие режимы начинаются и – главное – завершаются заметными историческими событиями, сопряжёнными обычно с насильственным обретением власти». См.: Андреев Д.А. Власть: механизмы и режимы // Исторические исследования в России–II. Семь лет спустя. М.: АИРО-XX, 2003. С. 130.

граждан», но особое внимание авторов концентрировалось на становлении партий, общественных и религиозных организаций, и в этом русле происходит изучение перестройки на Дальнем Востоке, а сам процесс анализируется как неотъемлемая составляющая российской политической системы. Авторами выявлены «ростки» демократического движения, рассматриваются конкретные ситуации становления многопартийности в краях и областях (Е.В. Буянов, А.В. Стяжкина и др.)²⁹. Е.В. Буянов связывает возникновение неформальных политизированных групп на юге Дальнего Востока как с общим влиянием перестроечных процессов в СССР, так и с развитием общественных конфликтов регионального уровня. Кроме того историк из Благовещенска внёс свой вклад в изучение историографии генезиса и развития многопартийности в регионе, представив обзоры в своей монографии и специальной статье³⁰. В литературе складывается мнение, что неформальное движение на Дальнем Востоке не имело исторической традиции и не сформировало принципы преемственности³¹. Д.А. Владимиров пишет: «В Приморском крае оно возникло буквально на пустом месте и исчезло вместе с породившей их политической системой... ни один из приморских политических неформальных оппозиционеров так и не вошёл в демократические элиты современной России»³².

В 2000-е гг. выходят статьи молодого учёного А.П. Коняхиной, которая на базе неопубликованных ранее архивных материалов и данных социологических опросов одна из первых проанализировала общественные настроения и тематику гражданского участия во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в Дальневосточном регионе. Подход исследователя отличается междисциплинарностью, что позволяет ей раскрыть характеристики состояния общества: рост напряжённости и протестной активности был связан как с ухудшением в целом социально-экономического положения населения, так и с негативными оценками деятельности властных институтов. В её работах отмечается, что на Дальнем Востоке основными «выразителями» требований были различные социальные слои (бюджетники, коренные малочисленные народы, молодёжь и др.) и новые социальные движения, неформальные инициативные группы. Автор активно вводит в исторический текст новые виды *источников*, в частности глубинные интервью (2012–2014 гг.), и впервые в региональном измерении анализирует состояние общества, раскрывающего «формирование солидарности и доверия» как *источник* социального капитала, сравнивая позднесоветское и настоящее время. А.П. Коняхина сделала вывод о быстром исчерпании в регионе в конце 1980-х гг. потенциала демократии как ценности и практики дальнейшего проявления солидарности в пространстве публичной политики, о наличии элементов общей «культуры недоверия», которая усиливалась по отношению к региональному сообществу в ситуациях внешних угроз³³.

Тематическое поле и оценки социальных аспектов перестройки на Дальнем Востоке. Традиционной темой социальных исследований Дальнего Востока всегда были вопросы формирования населения, трудовых ресурсов. В изучении периода перестройки эта тематика также заняла лидирующие позиции. Большую исследовательскую активность проявляли дальневосточные учёные в области демографии и экономики. В литературе утверждается тезис, что именно в период 1986–1990 гг. миграция стала

играть подчинённую роль в росте населения региона, а в конце 90-х гг. – уже отрицательную. Было зафиксировано сокращение сельских поселений на Северо-Востоке³⁴. Внимание экономистов обращено и на генезис рынка труда³⁵. Например, С.В. Ермаков приходит к выводу, что на Дальнем Востоке складываются системные диспропорции двух типов – «уровня стабильности населения» и «сбалансированности потенциала труда»³⁶.

Однако в 2000-е гг. наблюдается всплеск интереса к изучению влияния реформ на социально-демографическое развитие региона со стороны историков, акцентирующих своё внимание на миграционной политике. На первый план исследования они выводят новые аспекты, такие как этномиграционный фактор, управление миграциями и стратегии безопасности³⁷, ставшие историческим брендом. Учёным начала XXI в. удаётся вырваться из плена чисто демографической методологии, усилив исторические методы, например, сравнительный метод на фоне расширенного событийного ряда и в контексте социально-политических аспектов. Так, Е.Н. Чернолуцкая изучила глубокий срез эволюции форм трудоустройства³⁸. Отличительной чертой работ историков становятся историографические обзоры, как правило, во введениях монографий. Прделана большая работа по периодизации развития процесса накопления новых знаний³⁹. Высоко оценивается вклад в разработку дальневосточной миграционной тематики (1985–1991 гг.) выдающихся учёных России разных специализаций (Л.Л. Рыбаковского, В.Г. Гельбраса, Ж.А. Зайончковской, В.Л. Ларина, Д.В. Тренина, Е.Л. Мотрич и др.).

В обилии публикаций по Дальнему Востоку наряду с экономическими аспектами перестройки, представленными в рамках концепции «тихоокеанского разворота» (А.П. Минакир), одно из первых мест занимают социальные проблемы. В работах доминирует анализ официальной статистики, преимущественно по заработной плате, жилищному строительству, состоянию социальной инфраструктуры города и села, причинам оттока населения из региона. Конкретно-экономический анализ состояния социальной инфраструктуры на дальневосточных территориях в годы перестройки содержится в трудах историков А.П. Деревянко, С.А. Власова, Е.Н. Корякиной⁴⁰. Авторы солидарны в главном тезисе о значении социальных факторов на Дальнем Востоке в процессах реформирования на этапе начала разгосударствления. Одной из первых исторических монографий, в которой перестройка представлена как кризис всей системы обеспечения населения продовольствием и ситуация сплошного дефицита товаров повседневного спроса, была работа А.Н. Исакова⁴¹.

Новизной современной литературы является применение концепции «обратных связей» – ответа, реакции населения на новые социальные явления. Её суть: неудовлетворённость потребительских настроений обрушилась на региональную власть по всем доступным каналам обращения к ней⁴². Определённую эволюцию прошла оценка антиалкогольной кампании на Дальнем Востоке. Если в работе А.Н. Исакова эта реформа представлена в традиции ещё советской историографии (акцент на недостатках в организации кампании), то на современном этапе – в рамках концепции «благих целей и разного уровня последствий»⁴³. Однако социальные реалии показаны А.Н. Исаковым через яркие картинки быта. В 2000-е гг. историки сделали первые шаги по выявлению роли кооперативов перестроечной поры в

становлении рыночных отношений, и сам процесс их становления показан как ответ разных слоёв населения на вызов реформ не только «сверху», но и «снизу», возникавший в ходе изменения социальных отношений советского типа. Также обращается внимание на развитие теневого сектора экономики в регионе как один из факторов становления новой социальной группы – предпринимателей⁴⁴.

Новым направлением в региональной проблематике стало исследование перестройки на основе концепции социально-политической безопасности⁴⁵, позволившее выявить истоки динамической стратегии в регионе и причины её крушения. Основным содержанием этой стратегии были предпринятые попытки смены дальневосточной политики за счёт комплексного развития региона на основе интеграции в АТР, активной ротации кадров и демократизации системы. Авторы выделяют и другие черты: перевод ответственности за издержки с высшего на нижестоящие уровни управления, возможность быстрой ротации неэффективных управленческих кадров и в то же время рост противоречий в системе управления, ослабление легитимности правящего режима. В рамках концепции удаётся проанализировать изменения в характере преступности с учётом влияния горбачёвских реформ и определить причины неудач в борьбе за её снижение (Л.А. Крушанова)⁴⁶.

Большой вклад в изучение социальных процессов перестроечной эпохи на Дальнем Востоке внесли юристы, исследовавшие такое деструктивное явление, как организованная преступность⁴⁷. Данный срез дальневосточной истории отсутствовал в литературе конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Научный багаж российских исследователей проблем перестройки в региональном измерении сегодня расширяется и в рамках методологии повседневности. Так, в статьях Ю.Н. Ковалевской удачно сочетаются современные теоретические подходы к изучению истории повседневности и методы полевой социологии, разработанные в основном в западной науке, а также новый эмпирический материал, собранный в глубокой провинции⁴⁸.

При объяснении причин определённого восприятия перестройки дальневосточниками свою роль может сыграть поколенческий анализ социальной структуры. Пока этот метод только зарождается, и он в основном апробирован на примере поведения региональной партийно-государственной группы как составляющей социальной структуры и проводника реформ⁴⁹.

Таким образом, историки, обратившись к феномену советского человека с точки зрения его «качественных характеристик», начали преодолевать дискурс «положительного опыта и недостатков» по отношению к позднесоветскому периоду, который ещё присутствует в некоторых работах. Сущность поколенческого подхода заключается в признании и развитии следующего тезиса: социально-психологические качества определённого поколения формируются под воздействием переживания его представителями событий конкретно-исторического этапа⁵⁰. Поколения сменяют друг друга постепенно, и в этом процессе играют роль два вектора: «инерционность» и накопление новых ценностей, а также их взаимодействие, особенно в переходные периоды.

Резюме. Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. За всякой эпохой стоят конкретные люди, организованные в поколения. Именно они являются действительными живыми субъектами, носителями конкретных

идей, образующих смысловое поле той или иной эпохи, что ярко отражается и в историографической ситуации перестроечной проблематики в дальневосточном измерении. Очевидно, что сегодня доминирующие позиции занимают исследователи нового поколения, которые к перестройке подходят с новых методологических позиций. Главным признаком современной литературы является тенденция дистанцирования профессиональных историков от политических взглядов тех, кто был участником самого процесса.

Три аспекта реформ – экономический, политический и социальный – объединяются стержневой идеей: реформы рассматриваются в тесном единстве с дальневосточной политикой, новой технологией планирования. В объяснении причин провала перестройки доминируют методы исторической кратологии, в центре внимания – кризис власти, в т.ч. по линии центр–периферия. В социально-экономическом направлении исследований реформ преобладает концепция модернизации. В региональном измерении преобразования оцениваются как неудавшаяся советская модернизация в рамках динамической стратегии.

Из этапа «предыстории» в качестве теоретического наследства можно рассматривать концепцию командно-административной системы. К достижениям дальневосточной историографии последних лет относится зарождение нового направления, анализирующего дальневосточный социум через набор таких характеристик, как формы реакции населения на реформы, характер преступности, создание предпосылок для зарождения слоя предпринимателей. Центром изучения перестройки на Дальнем Востоке стал ИИАЭ ДВО РАН. Однако узкий круг исследователей и неравномерное освещение различных аспектов показывают необходимость дальнейшего углубленного и всестороннего изучения проблемы перестройки.

-
- 1 См.: Искандеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 7–19; Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX в. Вып. 2. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. 178 с.; Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 25–53. URL: http://roii.ru/dialogue/38/roii-dialogue-38_2 (дата обращения: 15.02.2015); Сениявский А.С. Социальные трансформации в России в контексте цивилизационной специфики (XX в.) // Социальные трансформации российской истории: доклады междунар. науч. конф. Екатеринбург, Москва: Изд-во Академкнига, 2004. С. 90–108; Согрин В.В. 1985–2005 гг.: Перипетии исторического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 20–34; Его же. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 3–18; Его же. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 124–125; Его же. Уроки российской истории и современные реформы // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 3–23; Тертыйный А.Г., Трофимов А.В. Современные концептуальные ориентиры в изучении российской истории // Социальные трансформации российской истории: доклады междунар. науч. конф. Екатеринбург, М., 2004. С. 571–584.

- 2 Бордюгов Г.А. Перед новым-старым выбором Пятнадцать лет // Исторические исследования в России – III. М.: АИРО–XXI, 2011. С. 9.
- 3 Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке...
- 4 Кузнецов А., Маслов А. Диктатура юбилеев. Мемориальный бум как призрак иной повседневности // Исторические исследования в России – III. М.: АИРО–XXI, 2011. С. 514–548; Бордюгов Г.А. Перед новым-старым выбором... С. 9.
- 5 Грицай О.В., Иоффе Г.В., Тревиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 161 с.; Нефедова Т. Поляризация городов и сельской местности и расширение российской периферии. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/17837-polyarizaciya-gorodov-i-selskoy-mestnosti-i-rasshirenie-rossiyskoy-periferii.htm (дата обращения: 15.02.2015).
- 6 См.: Савченко А.Е. История административно-политических отношений центра и регионов юга Дальнего Востока (середина 1980-х – 1990-е гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. С. 9–11.
- 7 Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки: материалы науч. докладов / под ред. П.Я. Бакланова. Хабаровск: АН СССР, ДВО ИЭИ, 1991. 141 с.; Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: Проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.
- 8 Тихоокеанская Россия–2030: Сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 52–58.
- 9 Дальний Восток России: экономическое обозрение. М.: Прогресс-комплекс, Экопрос. 1993. С. 34–35; Экономика Дальнего Востока: Переходный период. Хабаровск, Владивосток: Дальнаука, 1996. 212 с.
- 10 См.: Попов Г. С точки зрения экономиста (о романе Александра Бека «Новое назначение») // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65; Его же. Программа, которой руководствовался Сталин // Наука и жизнь. 1989. № 7. С. 54; Его же. Блеск и нищета административно-командной системы. М.: Пик, 1990. 240 с.
- 11 Корякина Е.В. Социальное развитие села юга Дальнего Востока в годы перестройки (1985–1991-е гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009.
- 12 Чечель И.Д. Советское общественное сознание 1985–1991 гг.: попытка историографического подхода. URL: <http://gefter.ru/archive/8736> (дата обращения: 15.02.2015).
- 13 Наш лозунг – перестройка! // Разведка публицистикой. Вып. 1. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. С. 132–153.
- 14 Беспалов В.Г. Главные, ребята, сердцем не стареть. Владивосток: Изд-во «Краски», 2010. С. 36–37.
- 15 Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М.: Изд-во «Эксмо, Алгоритм». Серия: Суд истории, 2010. 544 с.; Его же. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Изд-во: Форум, Крымский мост–9Д, 2011. С. 662–663.
- 16 Кузьмина М.А. Комсомольск-на-Амуре: конец двадцатого века (История демократического движения в эпоху политических потрясений). Кн. 1. Комсомольск-на-Амуре, 1998. 207 с.
- 17 Дальний Восток: новые подходы к старым проблемам. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200801104> (дата обращения: 11.02.2015).
- 18 Караганов С. России нужна ещё одна столица – сибирская // Российская газета. 2012. 17 мая.
- 19 Вашук А.С. Выживет ли региональная историческая наука в условиях глобализации? // Научные перспективы XXI века: Достижения и перспективы нового столетия: V междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Междунар. науч. ин-т «Educatio», 2014. № 5. Ч. 3. С. 158–164; Согрин В.В. 1985–2005 гг.: Перипетии исторического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005.

- № 1. С. 20–34; Его же. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 3–18; Его же. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 124–125; Его же. Уроки российской истории и современные реформы // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 3–23; Красильщиков В.А., Белосусов А.Р., Гутник В.П., Клепан А.Н., Кузнецов В.И. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. 115 с.; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: РОССПЭН, 1998. 264 с.; Куда пойдёт Россия: новые возможности и ограничения современного развития. Ч. I. Круглый стол журнала «Полис» // Полис. 2013. № 1. С. 32–49; То же. Ч. 2 // Полис. 2013. № 2. С. 94–107; Зубаревич Н.В. Четыре России. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii?full#cut (дата обращения: 12.02.2015).
- 20 Голечкова О. Феномен власти: новые проблемы и подходы // Исторические исследования в России – III... С. 111.
- 21 Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 7.
- 22 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 – конец 80-х годов): дисс. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998.
- 23 Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: История и итоги реформирования (конец 80-х – 1990-е гг.). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001. С. 307.
- 24 Шинковский М.Ю. Российский регион: Становление политического режима в условиях глобализации. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 336 с.
- 25 Савченко А.Е. История административно-политических отношений центра и регионов юга Дальнего Востока (середина 1980-х – 1990-е годы): дисс... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. С. 25.
- 26 Савченко А.Е. Бег на месте: Почему не работают программы развития Дальнего Востока? // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 95–108.
- 27 Савченко А.Е. Политический аспект провала стратегии развития Дальнего Востока в 1987–1991 гг. (на примере Приморского и Хабаровского краев) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 125–131; Его же. Циклы дальневосточной политики Центра: к поиску порождающих факторов // Таможенная политика России и Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 22–28; Его же. Российская провинция: от перестройки – к... // Полития. 2014. № 3 (74). С. 110–125; Его же. Динамика модернизации в центр-периферийном измерении 1985–2014 гг.: противоречия и взаимосвязь (на примере Приморского края) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 56–65.
- 28 Бляхер Л.Я. Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток. М.: Изд-во «Европа», 2014. С. 61; Шубин А.В. Парадоксы перестройки: Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. С. 77.
- 29 Стяжкина А.В. Формирование многопартийности в период 1989–1991 гг. (на примере Хабаровского края) // Седьмая дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток, 2002. С. 91–98; Арчаков М.К. Становление и деятельность самостоятельных неформальных общественно-политических организаций и движений в Приамурье во второй половине 1980-х гг. // Амурская область: История и современность: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Новиковские чтения). Благовещенск, 2008. Ч. 1. С. 214–217; Бородастов А.В. Деятельность неформальных и политизированных общественных объединений в Амурской области в 1988–1991 гг. // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 46. Благовещенск, 2009. С. 43–46; Кузьмина М.А. Комсомольск-на-Амуре...

- 30 Буянов Е.В. Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988–1995). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 10–31, 89; Его же. Возникновение и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока (конец 80-х – 90-е гг. XX в.): Историография проблемы в российских и региональных исследованиях. URL: http://www.amursu.ru/attachments/article/9531/N52_2.pdf (дата обращения: 10.01.2015).
- 31 Владимиров Д.А. Политическое участие и роль некоммерческих организаций в демократических преобразованиях в Приморье конца XX и начала XXI в.: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2010.
- 32 Там же. С. 19.
- 33 Коняхина А.П. Формирование гражданского общества на российском Дальнем Востоке: «Демократическое движение за перестройку» // Перестройке 25 лет. Историческая память современной России: материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 180–185; Её же. Практики гражданского участия на Дальнем Востоке России. От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 38–55; Её же. К истокам гражданского общества на Дальнем Востоке России: от человека недовольного к человеку действующему // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 174–179; и др.
- 34 Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Хабаровск: ДВО РАН, 2006. С. 14–17, 38–39; Сидоркина З.И. Демографические процессы и демографическая политика на Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 1997. 128 с.; и др.
- 35 Шкуркин А.М. Население и труд // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Новые явления, направления, пути перестройки. Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. С. 96–104; Безруков И.С. Дальний Восток на пути к рынку труда. Владивосток: ДВГТУ, ВГУЭиС, 1999. 235 с.; Михайлов В.Ю. Региональное регулирование занятости населения. Хабаровск, 2000. 143 с.; и др.
- 36 Ермаков В.С. Демографический фактор рынка труда региона (на примере российского Дальнего Востока): автореферат дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2007. С. 10–11.
- 37 Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 226 с.; Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 224 с.
- 38 Чернолуцкая Е.Н. Эволюция форм трудоустройства Дальнего Востока СССР: Принуждение, мобилизация, рынок труда // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 36–45; Её же. «Точка невозврата»: Демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985–1991) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 23–37.
- 39 Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А. и др. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 4–6; Щеглов В.В. Эволюция государственной политики формирования населения Сахалинской области (1925–1998 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 1999; Его же. Население Сахалинской области в XX в. Южно-Сахалинск, 2002; Его же. Миграционные процессы в Сахалинской области в 1925–1995 гг.: (историография вопроса) // Материалы XXXII науч.-методич. конф. преподавателей и аспирантов ЮСГПИ (апрель, 1997). Южно-Сахалинск, СахГУ, 2000. С. 24–26; Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 12–20; Исторические проблемы социально-политической безопасности... Кн. 2. С. 12–13; и др.

- 40 Деревянко А.П. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока России (середина 50-х – 90-е гг. XX в.). Исторический опыт // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 3. Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. Благовещенск, 2000. С. 249–267; Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 159–200; Корякина Е.В. Социальное развитие села юга Дальнего Востока...; Безруков И.С. Проблемы формирования экономически активного населения Дальнего Востока при переходе к рынку труда: автореф. ... дисс. д-ра эконом. наук. М., 1999. 44 с.
- 41 Исаков А.Н. Северо-Восток России в годы перестройки и перехода к рыночным отношениям (1985–1993): Страницы летописи новейшей истории. Магадан: СВКНИИ, 1999. 176 с.
- 42 Савченко А.Е. История административно-политических отношений... С. 86; Ковалевская Ю.Н. Трансформация повседневных структур и практики выживания населения малых городов Сахалина в конце 1980–2013 гг. // Вестник ДВО РАН. 2014. № 6. С. 54–63; Её же. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 66–79.
- 43 Ващук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и её последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 94–108.
- 44 Моисеева Л.А. Государственная политика развития предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985–2000 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2002. 411 с.; Безруков И.С. Дальний Восток на пути к рынку труда...; Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства...; Ковалевская Ю.Н., Крушанова Л.А. Становление предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1960 – начале 1990-х гг.: от «барахолки» к рынку // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 96–112; и др.
- 45 Исторические проблемы социально-политической безопасности... Кн. 1. С. 56–74.
- 46 Там же. С. 244–263.
- 47 Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998; Номоконов В.А. Зарождение и становление организованной преступности на Дальнем Востоке России (80-е – серед. 90-х гг.) // Дальний Восток: хроника организованной преступности – 3 (обзор прессы 1997–2008 гг.) Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 7–23.
- 48 Ковалевская Ю.Н. Трансформация повседневных структур...; Её же. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 66–79.
- 49 Ващук А.С. Перестройка в объективном и субъективном измерении // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 5–22; Коваленко С.Г. Среднее звено управленческой элиты Приморья в годы перестройки: реакция на местах // Там же. С. 80–93.
- 50 Юрганова Д.В. Советская повседневность: жизнь в дефиците. URL: <http://maiskoechtivo.pstu.ru/2008/1/8/1b.html> (дата обращения: 20.02.2015); Медушевский А.Н. Современная аналитическая история: теоретические проблемы и направления исследований. URL: <http://unc.rgggu.ru/article.html?id=90360> (дата обращения: 10.02.2015); Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская реформация XX века: статьи по культурной философии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. С. 6.; Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение. 2005. С. 2.

УДК: 930.1 (571.6+73)

Е.Н. ЧЕРНОЛУЦКАЯ

ПЕРЕСТРОЙКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассмотрена эволюция взглядов исследователей из США на влияние перестройки на экономическое развитие Дальнего Востока России. Предметом анализа выступают четыре издания, опубликованные в конце 1980-х – начале 2000-х гг. Показаны выявленные их авторами перспективные факторы экономического роста региона и препятствия на этом пути, которые стали следствием перестроечных процессов.

Ключевые слова: перестройка, Дальний Восток России, экономическое развитие, американская историография.

В американской историографии довольно сложно найти труды, посвящённые политическим, социальным и иным процессам на российском Дальнем Востоке, протекавшим непосредственно в годы перестройки. Более или менее конкретные аналитические материалы относятся к постперестроечному периоду, т.е. ко времени, когда регион уже пожинал плоды политики М.С. Горбачёва. Исследователей из США Дальний Восток интересует прежде всего как политический и экономический игрок в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поэтому авторами публикаций по дальневосточной проблематике большей частью выступают экономисты, географы и политологи, а сами эти работы нацелены на то, чтобы оценить актуальную конкретику и дать прогнозы на перспективу. Для современной историографии оценки, дававшиеся в режиме онлайн, интересны тем, что демонстрируют точки бифуркации и потенциальные пути развития исторического процесса на локальном уровне, выбор которых проверяется временем. В предлагаемой статье мы попытаемся проследить эволюцию взглядов экспертов из зарубежья на потенциал экономического развития дальневосточного региона на примере четырёх работ, изданных в конце 1980-х – начале 2000-х гг.

Одна из них была написана в то время, когда перестройка ещё не завершилась, но уже отчётливо проявила свои основные составляющие. Это исследование профессора географии университета Невады Г. Хаусладена «Урбанизация Сибири со времен Сталина» (1990)¹. Совершив исторический экскурс, автор значительное внимание уделил и анализу программ развития Дальнего Востока, принятых руководством страны в годы перестройки. По его мнению, данные документы свидетельствовали о том, что государство не намеревалось в будущем осуществлять в регионе экономические мега-проекты вроде БАМа, сохраняя за Сибирью и Дальним Востоком роль ресурсной периферии для европейского центра. Эти регионы должны были продолжать поставлять ресурсы на внутренние и внешние рынки страны,

чтобы стимулировать экономическое развитие её западной части, зарабатывать твёрдую валюту на покупку технологий и способствовать интеграции Советского Союза в мировую экономику. В частности, Дальнему Востоку по-прежнему была уготована роль поставщика рыбы, древесины и драгоценных металлов, особенно золота, серебра и алмазов².

В то же время учёный наряду со своими коллегами (Д. Матушевским, Р. Тхакурор, К. Тэйэром³ и др.) видел перспективы повышения международной значимости восточных территорий в плане выхода государства в Азиатско-Тихоокеанский регион. Г. Хаусладен выделил три основных направления в данной сфере, заложенных в инициативах М.С. Горбачёва: развитие двусторонних отношений со всеми странами АТР, урегулирование региональных споров (Афганистан, Корея, Кампучия) и масштабное уменьшение советского военного присутствия на Дальнем Востоке. Всё это, по мнению исследователя, позволяло СССР обезопасить восточные границы, высвободить ресурсы из военной сферы, получить доступ к капиталу и технологиям региона и, в конечном счёте, значительно облегчить экономический рост и развитие.

Вместе с тем в вопросе о долговременных последствиях перестройки для общего развития Сибири и Дальнего Востока Г. Хаусладен в 1990 г. пока не видел ясности, так как тогда ещё никто не знал, насколько полно смогут быть реализованы планы М. Горбачёва и его единомышленников. Учёный предлагал несколько возможных сценариев. Его наиболее очевидный и циничный прогноз заключался в том, что эти планы достигнуты не будут и значительных изменений во взаимоотношениях центра и восточных регионов не произойдет. В результате развитие последних, по-прежнему ограниченное, сконцентрированное и сильно зависимое от центра, будет базироваться в основном на эксплуатации природных ресурсов и транспортных связей⁴.

Второй сценарий мог осуществиться при условии полной или хотя бы частичной реализации горбачёвской политики. Г. Хаусладен считал, что, хотя восприятие роли Сибири и Дальнего Востока при этом не изменится, некоторые направления перестройки помогут стимулировать разностороннее развитие этих регионов. Увеличение местной автономии в принятии экономических решений, возможность реальной рыночной конкуренции между предприятиями, введение свободных экономических зон для иностранной торговли на региональном уровне будут воздействовать, прежде всего, на Дальний Восток и Западную Сибирь, особенно на их южные части, имеющие более развитую инфраструктуру и необходимые виды природных и территориальных ресурсов. Специализация региона сохранится, но на месте останется значительно более высокая доля прибавочной стоимости, создаваемая базовыми отраслями, которая затем может быть инвестирована в другие сектора региональной экономики, прежде всего – в инфраструктуру и потребительско-ориентированную деятельность. Для системы расселения первоначальное воздействие этих реформ принесёт пользу крупным городским центрам. На Дальнем Востоке наибольшую выгоду смогут иметь городские агломерации во Владивостоке (с его портовыми сооружениями) и Комсомольске-на-Амуре (с его промышленной базой). В перспективе они не только будут расти и разнообразиться, но увеличат экономические стимулы и накопление местных излишков, что, в свою очередь, поможет оставшимся агломерациям становиться всё более важной частью региональной картины⁵.

Третий альтернативный сценарий Г. Хаусладен связывал с «фактором Ельцина», ставшего президентом РСФСР и предложившего свою 500-дневную программу реформ, основанную на введении рыночной экономики в республике и большей степени независимости от правительства СССР по политическим и экономическим вопросам. Учёный полагал, что в случае реализации этой политики роль восточных районов останется прежней, но они будут служить в качестве периферии уже не для СССР, а для РСФСР. При этом сценарий мог получить и своё продолжение, поскольку было очевидно, что политика Б. Ельцина представляла собой «упражнения не только в радикальной экономической реформе, но и в национальной независимости», что, по словам автора (а они, напомним, написаны в 1990 г.), было шагом «к потере конфедерации республик», а в дальнейшем предвещало возможное движение за отделение Сибири или её части от России, тем более что имелся исторический прецедент для такого сценария⁶.

Учёный считал: несмотря на то, что Сибирь является этнически довольно однородным регионом (95% населения – европейцы, в том числе 85% – русские), тем не менее, многие жители «идентифицируют себя прежде всего как сибиряки и во вторую очередь – как русские. В результате своего социального происхождения (от свободных фермеров, гонимых властью верующих, политических диссидентов и т.д.) сибиряки исторически были независимы в своих действиях и циничны по отношению к политике своих европейских братьев и сестёр, политике, которая часто шла в ущерб Сибири». Исторические проявления этой «сибирской души» Г. Хаусладен видит в действиях декабристов и существовании Дальневосточной Республики. И хотя ДВР была недолговечна, «искра независимости, по крайней мере, части Сибири была зажжена и возродилась». Автор прогнозировал, что если такой сценарий разыграется, то из всего Зауралья движение за независимость наиболее вероятно получит поддержку на юге Восточной Сибири и Дальнего Востока. В свою очередь независимость могут потребовать и автономные области с преобладающим коренным населением, «поскольку они будут по-прежнему подчинены русским». Данный процесс автор расценивает как основное препятствие для развития восточных районов при любом из сценариев⁷.

В 1990-е и 2000-е гг. появились англоязычные публикации, в которых исследования проблемы развития Дальнего Востока России основывались на анализе уже свершившихся событий постсоветского периода. Сама эта проблематика не является предметом нашей статьи, но данные работы, как правило, содержат и некоторые оценки перестроечной ситуации как отправной точки для последующих трансформаций в регионе.

Примером может служить коллективная монография «Российский Дальний Восток в переходный период: Возможности для регионального экономического сотрудничества»⁸, изданная на западе в 1995 г. под общей редакцией политолога из Гонолулу М. Валенсии. В книге дан подробный анализ ситуации в сфере торговли, миграций, энергетических и минеральных ресурсов, транспорта и рыболовства. Авторы положительно оценивали шаги, предпринимаемые Горбачёвым, чтобы сделать российский Дальний Восток более открытым международному развитию. Вместе с тем они выявили массу препятствий, стоявших на этом пути.

Например, говоря о торговле, исследователи отмечают, что ослабление политической напряжённости в двусторонних межгосударственных отношениях, ставшее следствием политики Горбачёва, способствовало расширению российского товарооборота с Китаем и Японией⁹. Однако в целом торговые контакты и приток капиталов на российский Дальний Восток оставались на низком уровне. Основные причины этого Б. Кэмпбелл, консультант программы по народонаселению из Гонолулу, видит в сохранявшемся менталитете плановой командной экономики, высокой доле бартерных сделок, отсутствии развитой финансовой, транспортной, информационной инфраструктуры и др. Например, он сокрушается, что до 1992 г. конфиденциальный характер сохраняла подробная информация о наличии и добыче полезных ископаемых в регионе, которая была бы полезна для иностранцев, заинтересованных в покупке ресурсов или инвестировании в их добычу. Деятельность региональных структур в этой сфере продолжала оставаться под сильным контролем со стороны государства¹⁰.

В целом же оценки аналитиков сходились на одностороннем характере развития Дальнего Востока как наследия советского режима, с одной стороны, и незавершенности и противоречивых последствиях горбачёвских реформ – с другой, что давало региону неоднозначные шансы на будущее. Данная проблема стала фокусом другой коллективной монографии с говорящим названием «Российский Дальний Восток: Регион в зоне риска»¹¹, опубликованной в Сиэтле и Лондоне в 2002 г. под редакцией американских исследователей – экономиста Дж. Торнтон и политолога Ч. Зиглера. В книге исследуется ситуация, сложившаяся в регионе в первое постсоветское десятилетие в главных отраслях экономики и сфере международных связей.

Ретроспективно авторы затрагивают и некоторые аспекты перестройки. Дж. Торнтон и Ч. Зиглер обращают внимание на то, что с конца 1980-х гг. значительной трудностью для Дальнего Востока стала потеря традиционных в прошлом «щедрых инвестиций и субсидий центра». Поэтому реанимацию в регионе «духа сепаратизма», о которой не писал в своё время разве что ленивый, данные авторы оценивали как «в значительной степени политическую уловку региональных политиков, добивавшихся получения уступок от ослабленной Москвы», поскольку «советское централизованное планирование оставило Дальний Восток плохо подготовленным для XXI века». Его экономика «в рамках модели принудительной интеграции» была связана с западной частью Советского Союза в ущерб более выгодной международной кооперации с ближайшими соседями по АТР. Как результат командной системы регион вступил в период реформ с искажённой структурой затрат и производства, низкой конкурентной способностью своей продукции. В 1987 г. Горбачёв провёл через Политбюро Долгосрочную программу комплексного развития Дальневосточного экономического района, но, как и в случае со многими другими грандиозными советскими проектами, ДВЭР ничего не получил из обещанных ему по 14-летнему плану 232 млрд руб., которые должны были к 2000 г. сделать регион энергетически самодостаточным¹².

Многие авторы фокусировали внимание на том, что в советскую эпоху на Дальнем Востоке был размещён гигантский военно-промышленный комплекс и значительные по размерам вооружённые формирования. В связи с этим регион находился в большой зависимости от федеральных военных

бюджетов. Следствием военизации территории была также её режимность, сохранявшаяся до 1992 г. (запрет на проживание иностранцев и многих советских граждан, не имевших необходимых разрешений), что создавало проблему при переходе к рыночным отношениям¹³.

К. Бернс, политолог из Массачусетса, оперирует такими данными: к моменту распада СССР на Дальнем Востоке на оборонных предприятиях трудилось 40% региональной рабочей силы и выпускалось около 20% региональной продукции. Городские центры были сильно милитаризованы. Наибольшая часть дальневосточной оборонной продукции выпускалась в Хабаровском (60%) и Приморском (35%) краях, которые вместе составляли 92% занятости в оборонном секторе Дальнего Востока. Там работало 400 тыс. чел., напрямую вовлечённых в оборонное производство (без учёта связанных с ним опосредованно). Поэтому экономика Дальнего Востока – и особенно Приморского и Хабаровского краёв – была безоговорочно связана с судьбой этих предприятий. К тому же данный сектор промышленности в регионе характеризовался преобладанием большого числа отдалённых моно-индустриальных городов (Арсеньев, Большой Камень и др.), где от работы предприятия зависела и социальная инфраструктура. В конце 1980-х – 1990-х гг. общей бедой ВПК страны стало сокращение правительственных заказов. На Дальнем Востоке с 1989 по 1991 г. они уменьшились на 22%, что больно ударило не только по экономике, но и по социальной сфере. Другая проблема всех оборонных предприятий заключалась в принудительном проведении конверсии, имевшей разрушительные последствия¹⁴.

Однако в этой части К. Бернс обнаружила небольшое преимущество у Владивостока. Поскольку он, будучи базой Тихоокеанского Флота, до 1992 г. оставался закрытым городом, то расположенные в нём оборонные предприятия не были затронуты конверсионной политикой в горбачёвскую эру и таким образом избежали хаоса ранних конверсионных лет. Для них горбачёвский период предоставил возможность наблюдать, как проходили это испытание предприятия в других регионах, и анализировать их стратегии. Поэтому, когда в 1992 г. город открылся и там началась конверсия, директора предприятий теоретически были адаптированы к преодолению трудностей. Осознавая свою неспособность конкурировать с азиатскими компаниями на рынке потребительских товаров, они нацелились на экспорт специализированной продукции в АТР, а затем переориентировали усилия на местный рынок, особенно на модернизацию региональной инфраструктуры и нужды более динамичных секторов. Кроме того, во Владивостоке имелась альтернативная возможность для трудоустройства безработных из оборонного производства в рыбной промышленности. И это было явным преимуществом по сравнению с моногородами, такими как Арсеньев или Большой Камень¹⁵.

В целом, говоря о перспективах развития Дальнего Востока по прошествии полутора десятков лет после начала перестройки, авторы сборника всё ещё не могли предсказать внятного будущего. По их словам, регион мог стать и одним из самых динамично развивающихся в мире, и главной точкой беспокойства – с криминальными группами, коррупционными функционерами, азиатскими гастарбайтерами и поставками российской военной продукции для китайских военных сил¹⁶.

Нельзя не отметить, что оба рассмотренных издания представлены международным коллективом авторов. В них приняли участие исследователи не только из Америки, но также из стран Юго-Восточной Азии и России, что предопределило разносторонний, достаточно аргументированный, взвешенный подход к проблеме и свидетельствовало о концептуальной близости позиций представителей разных школ.

Вместе с тем современная западная историография не свободна и от работ, которые можно «мягко» определить как дискуссионные, а скорее – как провокационные. К числу таких, на наш взгляд, относится вышедшая в Вашингтоне в 2003 г. книга Ф. Хилл и К. Гэдди «Сибирское проклятье: Как коммунистические плановики заморозили Россию»¹⁷. В 2007 г. она появилась и в русском переводе под названием «Сибирское бремя: Просчёты советского планирования и будущее России»¹⁸. Хотя напрямую сей труд не связан с историей перестройки, но в нём анализируется судьба всей советской Сибири (в которую западные аналитики традиционно включают и российский Дальний Восток), а также даются рекомендации для достижения регионом «счастливого будущего», что косвенным образом затрагивает и обсуждаемую нами тему.

Более чем на 300 страницах авторы подробно анализируют климат, географию и историю освоения Сибири, используя как обычный нарратив, так и множество графиков, таблиц и хитроумных показателей, например, среднюю температуру воздуха в январе-месяце на душу населения, или ТДН. И все эти грандиозные усилия – для того, чтобы сделать несколько тривиальных выводов, вкратце сводимых к следующему:

1) Россия – это одна из самых холодных и географически протяжённых стран;

2) содержать такую страну обходится гораздо дороже, чем те, которые поменьше и потеплее;

3) советская система основывалась на централизованном планировании, которое «не учитывало действие рыночных сил»¹⁹.

На основании этой банальности авторы выносят России совсем не банальный «приговор». По их мнению, территория – это не сила, а слабость (проклятье) страны. А советское неэффективное с точки зрения рыночных отношений планирование привело к тому, что ресурсы использовались неправильно. «Система выдавала не те изделия. Её предприятия изготавливали их не так, как это следовало бы делать. Она обучала людей не тем навыкам. Хуже всего было то, что Госплан размещал предприятия и людей не в тех местах». Сибирские города разрастались до огромных размеров, при этом они находились там, где никогда бы не возникли при рыночных отношениях. Да и сами эти города были не «настоящими», а «плановыми», «искусственными», «потёмкинскими», являясь «не социальными или экономическими образованиями», а скорее «центрами для складирования, перераспределения и руководства деятельностью и снабжением огромной плановой промышленности региона»²⁰.

Советскую индустриализацию Сибири, включавшую масштабный переселенческий процесс, авторы называют грандиозной ошибкой из-за «уникального набора проблем, связанных с российскими размерами и холодом». *Остановка процесса индустриализации восточных районов страны с точ-*

ки зрения этой концепции является высоко позитивным результатом развала страны и макроэкономических реформ 1990-х гг.²¹, к которым привела перестройка. К этому времени население России оказалось разбросанным на бескрайних и холодных просторах с плохо развитой инфраструктурой между городами и высокими затратами на компенсацию неблагоприятных климатических условий и расстояний. «На такой основе, – настаивают авторы, – Россия не сможет построить ни конкурентную рыночную экономику, ни нормальное демократическое общество»²².

Ф. Хилл и К. Гэдди предлагают следующее решение проблемы: «Для того чтобы стать конкурентоспособной и добиться устойчивого роста экономики, России необходимо «сжаться» – не в смысле уменьшения территориальных параметров (физико-географические пределы), а в смысле рационального уменьшения экономико-географических пределов»²³ (выделено авторами). Если убрать всю наукообразную и риторическую шелуху, то под этим подразумевается, что в основу будущего России следует положить развитие её европейской части, поскольку она – «самая тёплая и самая близкая к важным рынкам». Гражданам страны рекомендовано думать о территории Зауралья не как о России, а как о «российском пространстве», «периферии», «окраинной территории», «отдалённом ресурсном рубеже». Ключевая же позиция в понимании экономической географии государства «должна быть возвращена историческому центру вокруг Москвы»²⁴.

Правда, небольшую «поблажку» в этом отношении авторы делают Дальнему Востоку, который слишком удалён и разобщён с европейской частью России, поэтому «полюс его притяжения – Северо-Восточная Азия». Экономические преимущества отданы южным районам Дальнего Востока, близким к рынкам Китая и морским путям. Однако на этом поприще у региона есть и свои трудности. Например, порт Владивосток проигрывает портовым городам Северной Америки по развитости и «средней январской температуре». В монографии отмечается также, что негативным наследием советской системы является зависимость района от ВПК и крупных государственных субсидий. Единственная достойная экономическая перспектива прибрежных регионов российского Дальнего Востока – освоение нефтяных и газовых ресурсов Сахалина с привлечением значительных инвестиций иностранных нефтяных гигантов²⁵.

Однако эта поправка не меняет главной рекомендации в отношении всех регионов Зауралья, включая Дальний Восток: людям надо массово мигрировать на запад (желательно в развитые центры, такие как Москва), тем самым «уменьшая крупные города в самых холодных и удалённых регионах» (в первую очередь, Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Хабаровск и Иркутск, поскольку они являются «главными негативными вкладчиками в ТДН»), «чтобы облегчить бремя российской экономики» и «отвечать тенденциям глобальной экономики». При этом правительству РФ следует отказаться от «сомнительных методик переселения из Сибири и с Севера жителей преклонного возраста», потому что их содержание в Европейской России обойдётся государству намного дороже. Правда, почему дороже, авторы не поясняют. Более того, они не видят другого выхода, как «сохранить снабжение топливом, продуктами питания и прочие дотации», чтобы сделать *выносимой* жизнь оставшихся в регионе людей. Что же касается миграции из

Сибири, то, по их мнению, необходимо «оказывать содействие переезду молодых и наиболее деятельных людей, которые могли бы применить себя с большей пользой в других регионах России». Авторы замечают, что такой отток населения уже идёт сам собой, ему лишь нужно не мешать, а, наоборот, всячески поддерживать. В конечном итоге «процессом будут управлять рыночные силы»²⁶.

Если такую политику не проводить, говорится в книге, то «соблазн продолжать рассматривать Сибирь как основу экономического развития России только усилится. Это худший сценарий развития», обрекающий государство «на повторный цикл нерационального использования ресурсов». К Сибири и Дальнему Востоку рекомендуется избрать «однозначно экономный подход», при котором людей «заменяют» на технологии, т.е. перейти к тем отраслям промышленности (энергетической и добывающей), которые легко обойдутся меньшим числом кадров и будут высокими заработками привлекать рабочих со стороны на основе вахтового метода и на короткий срок²⁷.

И вообще Россия, по мнению Ф. Хилл и К. Гэдди, отнюдь не обязана «отдавать предпочтение или иметь политические обязательства» перед Сибирью, как это делают другие страны, поддерживающие издревле заселённые, но отсталые регионы (например, как Северная Италия массированно субсидирует Южную Италию), ведь Сибирь освоена всего-то в XX веке. Авторы не сомневаются, что регионы будут выступать против такой политики, но российскому федеральному руководству, включая президента, нужно поставить себя над корыстными региональными интересами. «Важно избавиться от преференциальных экономических зон и скрытого субсидирования определённых отраслей промышленности в специфических регионах, включая и Сибирь»²⁸.

Итак, Ф. Хилл и К. Гэдди дают не просто прогноз будущего развития Сибири и Дальнего Востока, а настоятельные рекомендации российскому правительству и президенту, которые в той или иной формулировке повторяются на протяжении всех десяти глав книги в менторском тоне учителя, старательно вдалбливающего урок в голову плохо соображающего ученика.

Критический разбор рассмотренных трудов не входит в задачи нашей статьи, тем более что по поводу «Сибирского проклятья...» уже опубликовано немало достойных рецензий. Тем не менее, мы не можем не сделать несколько замечаний. В своих отзывах российские исследователи, с одной стороны, воздают должное стараниям американских коллег найти решение действительно сложной проблемы адаптации Сибири и российских «северов» к рыночным отношениям. С другой – отмечены не только методологические огрехи монографии (в частности, некорректность использования показателя ТДН), не всегда адекватное представление о географических реалиях Сибири, другие неточности и нестыковки, но и её явная тенденциозность и сомнительная аргументация²⁹. И если сразу после публикации книги об этой, другой, стороне исследования российские рецензенты старались говорить довольно деликатно, то сейчас – в свете известных событий – она становится всё более очевидной.

Мы разделяем точку зрения тех коллег, которые считают, что концепция Ф. Хилл и К. Гэдди, несмотря на декларацию необходимых мер для создания «сильной, единой и прочной России»³⁰, довольно далека от реальных

национальных интересов РФ в Сибири и на Дальнем Востоке и потребностей регионального развития. На примере данной книги мы имеем дело со стремлением не просто втиснуть эти аспекты в одну из жёстких теоретических схем. За всеми «доброжелательными» рассуждениями в стиле американских советников эпохи Б. Ельцина явно проглядывает некий внешний интерес.

Как бы мимоходом Ф. Хилл и К. Гэдди замечают, что в реализации предлагаемого ими проекта есть одна «закавыка»: обратное «великое переселение» россиян из Сибири в Европу обернётся «дорогостоящим и болезненным процессом», поскольку «...история ещё не знала столь масштабного уменьшения городов, в каком нуждается Россия». Между тем государство недостаточно богато, чтобы финансировать данный процесс. Но это легко поправимо: в таких случаях на помощь приходят расширенные международные программы, подобные проекту Всемирного банка «Реструктуризация Севера»³¹.

Думается, что это и есть фокус книги. Сегодня мало кто питает иллюзии относительно «добреньких» мировых кредиторов и реальных последствий экономических реформ, навязанных целому ряду стран. Что касается упомянутой программы реструктуризации Севера, то, по данным российского исследователя А.А. Ждановской, она проводится и обходится бюджету России в 95,24 млн долл., 80 млн из них – кредит РФ перед Всемирным Банком. Пилотные проекты провели в Воркуте, Норильске и Сусумане. К кредиту были привязаны следующие условия: отмена всех привилегий и социальных гарантий для предприятий и населения в северных регионах под предлогом создания там «настоящей свободной рыночной экономики». Нельзя не согласиться с мнением А.А. Ждановской, что предложенный в «Сибирском проклятье...» сценарий основан на логике не только капиталистической, но и геополитической, включающей планы США по переделу мира и контролю за ресурсами³².

Совсем не случайно издание получило положительные отзывы Д. Сакса (разработчика концепции «шоковой терапии» в России) и известных американских идеологов-русофобов Р. Пайпса и З. Бжезинского. Сами же авторы книги Ф. Хилл и К. Гэдди – сотрудники американского мозгового идеологического центра «Институт Брукинга», крупнейшими спонсорами которого помимо ряда фондов являются правительства США, Японии и Великобритании. Считается, что именно эта организация оказывает наибольшее воздействие на государственную политику Соединённых Штатов³³.

Наш обзор показывает, что зарубежные аналитики справедливо исходили из главной экономической характеристики российского Дальнего Востока как ресурсной периферии страны. Взгляд с позиции ещё не завершившейся перестройки приводил исследователей к выводу, что горбачёвские реформы давали региону мало шансов на коренное изменение его положения. Но такие шансы всё-таки были и заключались в возможном приобретении большей экономической свободы и элементов рыночной конкуренции, что могло содействовать более сбалансированному развитию Дальнего Востока и постепенной переориентации его экономических связей с запада своей страны на азиатско-тихоокеанское зарубежье. Более того, не исключался и сепаратистский сценарий под воздействием «фактора Ельцина». Как показала жизнь в 1990-е гг., этот «фактор» действительно сработал и привёл

к развалу СССР, однако сепаратистские настроения дальневосточников оказались сильно преувеличенными.

Бесспорно, дальновидной была увиденная перспектива открывшихся Дальнему Востоку в годы перестройки возможностей выхода «в мир» – на азиатско-тихоокеанские рынки. Что касается прогноза относительно приобретения регионом экономической «свободы», то он частично сбылся, но не учёл острых подводных камней, на которые натолкнулся Дальний Восток, когда крах советской системы вверг его в реальную стихию рынка и ввёл в глубокий экономический кризис. Данное обстоятельство заставило аналитиков 1990-х – начала 2000-х гг. более тщательно исследовать препятствия регионального развития. Как негативное наследие советского режима единодушно были отмечены сильная зависимость от централизованных инвестиций и дотаций, однобокий характер экономики, заключавшийся не только в её ресурсной ориентации, но и в наличии масштабного военно-промышленного комплекса, искажённой структуры затрат и производства, низкой конкурентоспособности производимой продукции, отсутствии развитой инфраструктуры. Перестройка нанесла ощутимый удар по региону, когда вместо реализации обещанной в 1987 г. долгосрочной программы комплексного развития ДВЭР она вовсе лишила его привычной финансовой поддержки центра. «Довеском» к этому стала принудительная конверсия оборонных предприятий. Такого рода оценки, на наш взгляд, вполне аргументированы и совпадают с позицией российских авторов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в зарубежной историографии под флагом «научности» проводятся и глубоко тенденциозные концепции развития региона, его места в экономическом пространстве страны. Исключительно позитивно оценить остановку процесса индустриализации восточных районов России, случившуюся по итогам горбачёвских реформ, наверное, возможно, но только с точки зрения тех сил, которые видят в России угрозу своим геополитическим интересам.

Как бы там ни было, все рассмотренные прогнозы, независимо от степени их политической ангажированности, представляются ценными для современного понимания характера и последствий перестройки на Дальнем Востоке России. Взгляд на эти проблемы со стороны даёт нам дополнительный ракурс анализа, стимулирует научные дискуссии и критическое отношение к собственным стереотипам.

- 1 Hausladen G. Siberian urbanization since Stalin. Reno: University of Nevada, 1990. 111 p.
- 2 Там же. P. 51–53.
- 3 Matuszewski D. Soviet reforms and the Asia-Pacific challenge // The Soviet Union and the Asia-Pacific Region / ed. by P. Thambipillai and D. Matuszewski. New York: Praeger, 1989; The Soviet Union as an Asian Pacific Power: implications of Gorbachev's 1986. Vladivostok initiative / ed. by Thakur R., Thayer C. Boulder: Westview, 1987.

- 4 Hausladen G. Siberian urbanization... P. 56–58.
- 5 Там же. P. 58–61.
- 6 Там же. P. 61–62.
- 7 Там же. P. 63, 67.
- 8 The Russian Far East in transition: Opportunities for regional economic cooperation / ed. by M.J. Valencia. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1995. 243 p.
- 9 Dorian J.P., Fridley D., Tressler K. Energy and mineral resources // The Russian Far East in transition... P. 93–95.
- 10 Campbell B.O. Prospects for trade and regional cooperation // The Russian Far East in transition...P. 22–27.
- 11 Russia's Far East: a region at risk / ed. by J. Tornton and Ch.E. Ziegler. Seattle, London: The National bureau of Asian research, 2002. 498 p.
- 12 Tornton J., Ziegler Ch.E. The Russian Far East in perspective // Russia's Far East: a region at risk. P. 4–6.
- 13 Там же. P. 5.
- 14 Burns K. Security implications of defense conversion in the Russian Far East // Там же. С. 270–271.
- 15 Там же. P. 275.
- 16 Tornton J., Ziegler Ch.E. The Russian Far East in perspective... P. 3.
- 17 Hill F., Gaddy C. The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold. Washington: Brookings Institution Press, 2003. 302 p.
- 18 Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя: Просчеты советского планирования и будущее России / пер. с англ. М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. 328 с.
- 19 Там же. С. 13.
- 20 Там же. С. 14, 15, 110–111, 223.
- 21 Там же. С. 114.
- 22 Там же. С. 13, 15.
- 23 Там же. С. 17.
- 24 Там же. С. 224, 227.
- 25 Там же. С. 233–236.
- 26 Там же. С. 162, 176, 184, 226, 239.
- 27 Там же. С. 192, 231.
- 28 Там же. С. 227–230, 240.
- 29 Мельникова Л.В. Освоение Сибири: ревнивый взгляд из-за рубежа // ЭКО. Новосибирск, 2004. № 6. С. 99–119; Воронов Ю.П. Сибиряки на чемоданах // ЭКО. 2004. № 9. С. 69–83; Лунёв С.И. Чего стоит Сибирь? // Международные процессы. М., 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 110–114; Безруков Л.А. Сибирский холод и экономика России // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). Ростов-на-Дону. 2011. Т. 3. № 1. С. 104–115; и др.
- 30 Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя... С. 227.
- 31 Там же. С. 162, 176, 228.
- 32 Ждановская А.А. Зачем Всемирный Банк «реструктурирует» Сибирь и Дальний Восток? // Сайт аналитического центра ВТО-ИНФОРМ. 2013. 17 июня. URL: http://wto-inform.ru/experts/aleksandra_zhdanovskaya_zachem_vsemirnyy_bank_restrukturiruet_sibir_i_dalniy_vostok/ (дата обращения: 25.02.2015).
- 33 Брукингский институт // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%F0%F3%EA%E8%ED%E3%F1%EA%E8%E9_%E8%ED%F1%F2%E8%F2%F3%F2; Тэлботт С. Институт Брукинга: как работает мозговой центр // Центр гуманитарных технологий: информац.-аналит. портал. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2194> (дата обращения: 15.02.2015).

II. Перестройка в социально-политическом и экономическом измерении

УДК: 947.088(571.6)

Л.А. МОИСЕЕВА

К 30-ЛЕТИЮ ПЕРЕСТРОЙКИ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены вхождение страны в системный кризис и роль перестройки в российском историческом процессе конца XX в. Проанализированы причины, ход и итоги реализации реформ, определивших переход к постсоветскому периоду отечественной истории.

Ключевые слова: системный кризис, реформы, специфика, перестройка, замысел, историческая реальность.

К началу 1980-х гг. мощный научно-технологический потенциал Советского Союза, созданный в послевоенный период, в значительной степени был исчерпан. В связи с падением цен на энергоносители на мировом рынке прекратился обильный приток «нефтедолларов» в экономику страны. Низкая эффективность производства, отсутствие материальной заинтересованности в производительном труде, господствовавшая уравниловка способствовали неуклонному падению производства. Затратный механизм ведения хозяйства в сочетании с валовым принципом промышленной политики увеличивали бюджетный дефицит.

По мере вступления советской экономики в полосу стагнации всё заметнее стала развиваться «теневая» экономика, возникшая в условиях тотального огосударствления и плановой централизации хозяйства. Если в начале 1960-х гг. её годовой объём составлял 5 млрд руб., то к концу 1980-х гг. эта цифра увеличилась уже до 90 млрд руб. В сфере нелегального сектора экономики было задействовано около 30 млн чел., или более 20% общей численности занятых в народном хозяйстве¹. По самым скромным подсчётам, 40-50 млрд руб. приходилось на прямые хищения².

Системность кризиса проявилась в деградации управления экономикой и разрушении всей перераспределительной системы. Широко разрекламированная «Продовольственная программа» (1982 г.) оказалась фактически проваленной: валовой сбор зерновых в стране за 1978–1984 гг. упал с 237 до 173 млн т³. Растущий спрос на основные потребительские товары, вплоть до

введения талонной системы распределения, привел СССР к тем явлениям, которые в истории России будут названы «застоем» и «механизмами торможения». В то же время острой социальной проблемой в обществе «реального социализма» являлось пьянство, имевшее социально-демографические последствия. Только официально зарегистрированных алкоголиков среди мужчин СССР насчитывалось более 21 млн чел., что сопровождалось увеличением доли женщин среди рабочих промышленных предприятий до 50% от всех занятых. Даже в первые послевоенные годы этот показатель не превышал 47%. Из-за падения рождаемости доля молодёжи в общественном производстве за 10 лет (с середины 1970-х гг.) сократилась в 4 раза – с 12 до 4 млн чел.

Произошли серьёзные изменения в социальной структуре населения. Привилегированное положение занимала группа руководящих работников, или партгосноменклатура, которую большинство историков называли «правлящим классом» в Советском Союзе. Её доля в социальной структуре советского общества, по сравнению с довоенным периодом, увеличилась в 2,4 раза. Это были самые обеспеченные люди, пользовавшиеся всевозможными привилегиями. При этом многие рабочие, занимавшие по численному составу первое место (60% в 1982 г.), были заняты на тяжёлых и малоквалифицированных работах⁴.

Важно отметить, что численность жителей сёл снизилась в 3 раза. Люди уезжали работать в город, а убирать урожай в массово-принудительном порядке присылали горожан – в основном служащих и интеллигенцию. Всё это рассогласовывало интересы различных социальных групп в обществе.

В духовной сфере наблюдалась утрата нравственных ориентиров. Продолжалось подавление инакомыслия. Любая духовная субстанция должна была соответствовать стандартам марксистско-ленинской идеологии.

Поиск выхода из системного кризиса, поразившего все сферы жизнедеятельности общества, стал общенациональной задачей. К середине 1980-х гг. стало очевидно, что эффективность системы управления ЦК КПСС себя исчерпала. С приходом в 1985 г. нового партийного руководства во главе с М.С. Горбачёвым были предприняты меры по усовершенствованию управления экономикой⁵.

Таким образом, актуальным является осмысление и обобщение наиболее важных тенденций и итогов новейшего этапа отечественной истории (перестройки), тридцатилетие которого – солидный повод выявить векторы, характер, перипетии, внутренние периоды происходивших событий.

В политической и исторической литературе М.С. Горбачёву даются разные, в т.ч. взаимоисключающие, оценки. На наш взгляд, трудно отрицать, что он оказал огромное, во многом определяющее воздействие на содержание отечественной истории 1985–1991 гг., как и то, что среди всех представителей советской элиты, в марте 1985 г. имевших шанс возглавить страну, он был единственным, обладавшим способностью выдвижения тех реформ, которые за нескольких лет фундаментально изменили ход отечественной истории. Два качества М.С. Горбачёва как политического лидера были необходимы для модернизации социально-экономического состояния «страны системного кризиса»: 1) собственная нацеленность на серьёзные реформы; 2) оппортунизм и прагматизм, выразившиеся в уникальной способности воспринимать перемены, продиктованные самой жизнью.

Выдвинутая М.С. Горбачёвым на Пленуме ЦК КПСС в апреле 1985 г. программа обновления командно-административной распределительной системы «развитого социализма» на первых порах отличалась умеренностью. Главным образом был взят курс на всемерное ускорение социально-экономического развития страны на основе внедрения новых методов хозяйствования и использования достижений научно-технического прогресса. Предполагалось включить «дополнительные резервы и преимущества» социализма, повысить трудовую дисциплину на производстве (т.н. человеческий фактор) на основе использования новейших технологий и т.д.⁶ М.С. Горбачёв призывал использовать накопленные материальные и финансовые ресурсы, обеспечивать максимальную загрузку производственных мощностей, в т.ч. за счёт введения многосменного режима работы, особенно в машиностроении, развивать изобретательство и рационализаторство, использовать передовые методы и формы социалистического соревнования.

В стратегии «ускорения» социально-экономического развития ставка делалась на традиционные для СССР способы подстёгивания «социалистического энтузиазма» в сочетании с усилением командно-административного контроля и массивной финансовой «накачкой» отраслей народного хозяйства, определённых как приоритетные⁷.

Необходимо отметить, что прирост производительности труда за 1985 г. на 1,3% истолковали как реализацию «стратегии ускорения», он породил у нового руководства страны иллюзию увеличения темпов промышленного роста. Это отразилось на принятии XXVII съездом КПСС в марте 1986 г. «Плана экономического и социального развития страны до 2000 г.», по которому промышленный потенциал Советского Союза должен был за 15 лет увеличиться вдвое⁸. Система управления народным хозяйством СССР, разработанная в соответствии с решениями XXVII съезда КПСС, включала следующие части:

- резкое расширение границ самостоятельности предприятий (объединений), перевод их на полный хозрасчёт и самофинансирование, повышение ответственности за конечные результаты, выполнение обязательств перед потребителями, установление прямой зависимости уровня доходов коллектива от эффективности его работы, широкое развитие коллективного подряда в трудовых отношениях;
- кардинальная реформа планирования, ценообразования, финансово-кредитного механизма, переход к оптовой торговле средствами производства, перестройка управления научно-техническим прогрессом, внешнеэкономическими связями, трудом и социальными процессами;
- коренная перестройка централизованного руководства экономикой, повышение его качественного уровня, сосредоточение на главных процессах, определяющих стратегию, темпы и пропорции развития народного хозяйства в целом, его сбалансированность и одновременно решительное освобождение центра от вмешательства в оперативную деятельность нижестоящих хозяйственных звеньев;
- переход от чрезмерно централизованной системы управления к демократической, развитие самоуправления, создание механизма активизации потенциала человеческой деятельности, чёткое разграничение функций и коренное изменение стиля и методов деятельности партийных, советских, хозяйственных и общественных организаций⁹.

Однако неосуществимость принятых съездом решений была предопределена. Внеэкономические методы интенсификации промышленного и сельскохозяйственного производства, не изменявшие социальной природы общественного воспроизводства и основанные на инерции сложившегося бюрократического хозяйственного механизма, уже находившегося в кризисном положении, не могли привести к реальным изменениям в экономике. Более того, идеология «штурмовщины» на производстве объективно создавала предпосылки техногенных аварий. К серьёзным последствиям для страны привела авария на Чернобыльской АЭС, произошедшая 25 апреля 1986 г.: многие погибли, десятки тысяч человек получили радиоактивное облучение, заражению подверглись большие территории Украины, Белоруссии, РСФСР.

Стало очевидным, что никакого ускорения не получилось и кардинальных изменений в экономике не произойдёт без трансформации устаревшей социально-политической системы СССР, поэтому по инициативе М.С. Горбачёва в 1987 г. к разработке научной концепции экономической реформы в стране были привлечены известные советские экономисты Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, А.Г. Гринберг, П.Г. Бунич, Т.И. Заславская и др.

Очень медленно, через сопротивление противников экономических перемен, расширялось историческое пространство, создавались условия для зарождения экономической инициативы россиян. Основой этого процесса должен был стать Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)». Январский Пленум ЦК КПСС 1987 г. признал целесообразным вынести подготовленный после XXVII съезда партии проект этого закона на всенародное обсуждение. В начале февраля его опубликовали. В течение четырёх месяцев он широко обсуждался во всех республиках и районах страны на собраниях трудящихся, в научных коллективах, общественных организациях, средствах массовой информации¹⁰.

Основным содержанием перестройки экономики стал переход на новые методы хозяйствования всех отраслей материального производства. В начале 1987 г. в условиях объявленного полного хозрасчёта и самофинансирования работали пять промышленных министерств СССР, 36 объединений и предприятий других отраслей. В дальнейшем к ним присоединялись всё новые и новые производственные организации. В течение 1987 г. к работе в условиях новых методов хозяйствования привлекли уже все отрасли материального производства – 2,5 тыс. предприятий и объединений промышленности, транспорта, строительства, агропромышленного комплекса, бытового обслуживания. Это был год поисков и освоения новых форм и методов хозяйствования в процессе крупномасштабного эксперимента на новых экономических принципах¹¹.

После одобрения Пленумом ЦК КПСС¹² 30 июня 1987 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О государственном предприятии (объединении)». В последующие месяцы шла большая работа по пересмотру всех ранее принятых законодательных актов, нормативных документов, инструкций министерств и ведомств с тем, чтобы привести их в полное соответствие с ним¹³.

Однако быстрых результатов, ожидаемых правительством, новый хозяйственный механизм не принёс. В 1987 г. не выполнили обязательств перед потребителями многие предприятия, переведённые на новые усло-

вия хозяйствования. Среди причин недостаточно эффективной работы на первом месте оставались неудовлетворительное материально-техническое обеспечение, отставание реконструкции действовавших производств, ввод новых мощностей.

На встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов 8 января 1988 г., говоря о первом этапе перестройки, М.С. Горбачёв отметил: «...мы прояснили, что надо делать и как надо делать»¹⁴. Вместе с тем к мерам, которые выдавались за радикальную экономическую реформу, называемую первым этапом перестройки, относились следующие: коренное изменение планирования, перевод предприятий на полный хозрасчёт, перестройка централизованного руководства экономикой, реформа ценообразования и финансово-кредитного механизма, развитие демократических основ управления, внедрение самоуправленческих начал, включая выборы руководителей организаций и предприятий. Однако реального воплощения эти меры практически не получили, поскольку диктат центральных ведомств сохранялся, затягивалась реформа ценообразования, господствовала система поставок по «лимитах».

Второй этап перестройки в экономике означал переход от экспериментальной апробации новых методов хозяйствования на полный хозрасчёт и самофинансирование различных отраслей производства, однако теперь уже после проведения большой организационно-экономической и идеологической подготовительной работы. В 1988 г. в новых условиях работали уже 30 союзных министерств.

От идеи хозрасчёта ждали «оживления» экономики. Главная роль отводилась созданию хозрасчётных государственных производственных объединений (ГПО), призванных решать как отраслевые, так и межотраслевые региональные задачи. Производственные, научно-производственные объединения, транспортные, сбытовые, внешнеторговые организации, учебные заведения – все они теперь входили в одну хозяйственно-производственную структуру¹⁵.

Вместе с тем наиболее значительным шагом в формировании исторических предпосылок для введения негосударственных форм хозяйствования стало Постановление Совета Министров СССР «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления». И по состоянию на 1 января 1988 г. в стране уже имелось 13 592 кооператива. С принятием в 1988 г. закона «О кооперации в СССР» завершился очень важный, переломный период возрождения кооперативов как полноправного звена единого народнохозяйственного комплекса.

Развитие кооперативов позволило создать действенные формы стимулирования предприимчивости и конкуренции в сфере производства, торговли и обслуживания населения. Началось формирование многоукладной экономики за счёт умножения частной собственности граждан. Так, только за первое полугодие 1988 г. число действовавших кооперативов выросло в 2,4 раза, достигнув 32,6 тыс. (зарегистрировано же было 54,8 тыс.). Через год их стало 77,5 тыс., а к 1990 г. – 300 тыс. Соответственно увеличилась и численность членов кооперативов – с 155 тыс. чел. до 5,6 млн¹⁶. Кооперация стала рассматриваться как объективно необходимая часть, присущая общественному укладу в целом. Вместе с тем она раскрывала творческие силы

людей, их потенциал. Человеку были предоставлены не только возможность свободы выбора сферы деятельности, но и право быть хозяином производства. Это стало важнейшим социальным измерением перестройки.

Необходимо отметить, что многие кооперативы с начала 1990-х гг. стали преобразовываться в другие, вновь разрешённые организационно-правовые формы предпринимательской деятельности, – закрытые акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью.

Находим важным показать специфику развития кооперативов на Дальнем Востоке – в самом отдалённом и проблемном регионе страны, который десятилетиями рассматривался как кладовая природных богатств и территория, обеспечивавшая функционирование воинских частей и Тихоокеанского флота. Под влиянием принятых правовых прорывных актов и изменений в идеологии Политбюро ЦК КПСС постепенно начинало укрепляться массовое сознание граждан, однако движение к правовому и общественному признанию частной собственности было весьма сложным. Данные опросов ВЦИОМ отражали этот процесс, в т.ч. среди дальневосточников, поскольку сама идея возможности заняться предпринимательством, за что государство ещё вчера жестоко наказывало, воспринималась как опасный миф. Поэтому в 1989 г. на вопрос «Как Вы считаете, что убедит людей в том, что в СССР начинаются реальные положительные сдвиги?» ответы респондентов распределились следующим образом: прилавки, полные продуктов – 52%, твёрдый порядок в стране – 38%, возможность зарабатывать столько, сколько нужно – 35%, возможность свободно высказываться – 26%, лишение начальства его привилегий – 26%, снятие ограничений на предпринимательскую деятельность – 6%¹⁷.

Как видим, люди хотели лучше питаться и иметь больше денег, твёрдый порядок в стране и свободу слова, но доля желающих заняться предпринимательством была минимальной. «Рыночные ценности» оказались в сознании людей на последнем плане. Тем не менее на Дальнем Востоке России кооперативы к 1992 г. стали уже значительной составляющей хозяйственной структуры. В Приморском крае действовал 1841 кооператив, в Республике Саха (Якутия) – 923, тогда как в Хабаровском крае, Сахалинской и Амурской областях их насчитывалось более 400, в Камчатской области – 396, в Магаданской – 862. Всего в регионе работало 5 333 кооператива¹⁸.

Вместе с тем, опираясь на идеи «регулируемого социалистического рынка», Политбюро ЦК КПСС ограничило свободу предпринимательства рамками дозволенного, определяемыми управленцами от КПСС. Хозрасчётные принципы управления не поддерживались: сознание работников оставалось таким, каким его сформировала административно-командная система, поэтому руководящие работники понимали перестройку как работу по новым инструкциям, без получения которых они не должны были принимать никаких мер.

Необходимо отметить, что общество проявляло враждебность и недоверие к свободному предпринимательству, возмущалось высокими ценами, опасалось криминального характера отношений в данном секторе экономики. При этом ужесточение государственного регулирования и контроля по отношению к хозяйствовавшим субъектам, и прежде всего кооперативам и арендным предприятиям, принятые законодательные акты оказались прак-

тически бездейственными, а реформы в экономике – блокированными. В руководстве партии и государства нарастал конфликт между сторонниками либеральной и консервативной программ осуществления реформ. Сам лидер партии М.С. Горбачёв подвергался критике как слева, так и справа, и его решения не отличались последовательностью. С одной стороны, он декларировал переход к рыночным отношениям, а с другой – провозглашал верность социалистическим ценностям.

Положение усугублялось снижением жизненного уровня населения и введением в стране карточной системы, устанавливавшей нормы отпуска продуктов и товаров первой группы жизненной необходимости. В промышленных регионах, особенно в угольных бассейнах, с 1989 г. начало расти забастовочное движение, приобретающее огромный размах. За 5 лет, к 1989 г., денежная эмиссия увеличилась в 4 раза, внешний долг СССР вырос с 10 млрд долл. в 1985 г. до 52 млрд долл. к концу 1990 г.¹⁹

Е.Т. Гайдар и академик С.С. Шаталин, образовавшие при М.С. Горбачёве рабочую группу по разработке реформ, в своей программе, опубликованной летом 1990 г., главную идею видели в том, что на смену двоевластию, правившему антинародным государством, должен прийти «народный капитализм». Программа ставила задачу: «всё, что возможно, – взять у государства и отдать людям»²⁰.

Экономическая культура общества – это устойчивые стереотипы сознания, которые повторяются из года в год, передаются из поколения в поколение. Её влияние определяется тем, что усвоенные людьми стереотипы этой культуры – нормы поведения, планы, предпочтения – воплощаются в практические действия. Поэтому было закономерным, что только 30% населения в декабре 1991 г. поддерживали переход к рынку немедленно, 14% считали, что переходить к рынку не следует, 16% ничего о рынке не знали, 40% хотели постепенного вхождения в рыночные отношения. То есть 70% населения не были готовы к рынку²¹.

Проект Г.А. Явлинского и академика С.С. Шаталина, предложенный российскому руководству летом 1990 г., вошёл в историю как программа «500 дней», которая предусматривала масштабную «приватизацию» государственной собственности, введение свободного рыночного ценообразования с параллельной индексацией заработной платы и социальных пособий, одновременно ограничивая возможности союзного центра управлять экономикой республик, что могло стать основой новых конфедеративных связей между ними.

Однако М.С. Горбачёв предпочёл программу экономических реформ, разработанную министром финансов СССР В.С. Павловым, ставшим премьер-министром в декабре 1990 г. Проект предусматривал осуществление жёсткого государственного контроля при переходе к рынку.

Таким образом, непоследовательность в проведении социально-экономических преобразований в период перестройки не только не позволила преодолеть системный кризис советской социально-экономической системы, но ещё больше его углубила, а возникшая острая политическая борьба усилила противоречие между центром и республиками, что привело к развалу СССР.

- 1 Подсчитано по: РГАЭ. Ф. Р-9235. Оп. 8. Д. 265. Л. 12–16; Д. 81. Л. 27–32; Панорама экономической перестройки. М.: Мысль, 1989. С. 31–34.
- 2 Улыбин К.А. Теневая экономика. М., 1991. С. 68.
- 3 Ускорение социально-экономического развития страны – задача всей партии, всего народа. М.: Политиздат, 1986. С. 29–30.
- 4 Подсчитано по: Информационный бюллетень ВЦИОМ. Вып. 1. М., 1990. С. 8–10.
- 5 Ускорение социально-экономического развития... С. 33–80.
- 6 Ритм перестройки. Год 1987 / сост. А.Ф. Румянцев. М., 1988. 303 с.
- 7 Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, апрель 1985 г. М.: Политиздат, 1985. С. 6–29.
- 8 Ускорение социально-экономического развития... С. 7–32, 33–40.
- 9 Ритм перестройки...
- 10 Панорама экономической перестройки... С. 113–141.
- 11 Ритм перестройки... С. 10–12; Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005; Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2000.
- 12 Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 78–79.
- 13 Там же. С. 5.
- 14 Горбачёв М.С. Октябрь и перестройка: Революция продолжается: доклад на совместном торжественном заседании КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящённом 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции 2 ноября 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 39.
- 15 См. подробнее: Горбачёв М.С. Наедине с собой. М., 2012; Грачев А.С. Горбачёв. М., 2001; Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачёва до Путина. М., 2001.
- 16 Кооперативы нового типа. М.: Мысль, 1989. 224 с.; Российское предпринимательство: История и возрождение. В 3 кн. Кн. 1 / гл. ред. Ю.В. Волков. М.: Русское деловое агентство, 1997. С. 14–17.
- 17 Подсчитано по: Информационный бюллетень ВЦИОМ. Вып. 1. С. 3–9.
- 18 Подсчитано по: ГАПК. Ф. Р-131. Оп. 13. Д. 248. Л. 12, 20, 22; Д. 250. Л. 17, 19, 49, 63–65; Д. 251, Л. 24; Д. 302. Л. 19; Д. 303. Л. 73–75, 76; Ф. Р-85. Оп. 9. Д. 230. Л. 27, 42; Д. 302. Л. 32–34, 39; Дальний Восток России: Экономический потенциал. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 502–530; Хабаровскому краю – 60 лет: стат. сб. Хабаровск: Госкомстат РФ, 1998. С. 62–69, 75–77, 89; Моисеева Л.А. Государственная политика развития предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985–2000 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 399; и др.
- 19 Социально-экономические преобразования в России: Современная ситуация и новые подходы: доклады отделения экономики РАН и междунар. Фонда «Реформа». М., 1994. С. 50–76.
- 20 Переход к рынку. Концепция и Программа. М., 1990. С. 3–4.
- 21 Подсчитано по: Информационный бюллетень ВЦИОМ. Вып. 2. М., 1991. С. 2–8.

УДК: 314.18

Е.Л. МОТРИЧ

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: РАЗВИТИЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Рассматривается формирование народонаселения Дальнего Востока по периодам времени, соответствующим проходившим в России переписям. Показаны роль и значение отдельных компонентов в динамике численности населения региона. Анализируются проблемы развития населенческого потенциала в постсоветский период, роль естественного воспроизводства и миграции. Приведена прогнозная численность жителей Дальнего Востока, рассчитанная по сложившимся тенденциям демографических и миграционных процессов.

Ключевые слова: естественное воспроизводство населения, миграция, темпы роста, регион, Дальний Восток.

История демографического развития Дальневосточного региона отражает социально-экономические, демографические и геополитические особенности России, но имеет свою специфику, поскольку эта территория была освоена позже других. Заселение Дальнего Востока всегда относилось к числу крупных и важных народнохозяйственных проблем страны. Если по данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., здесь проживало 367 тыс. чел.¹, то в 1926 г., когда был образован Дальневосточный край, – уже 1,6 млн чел.², то есть в 4 раза больше, среднегодовой темп прироста за эти годы составил 13,8%. Всесоюзные переписи 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. постоянно фиксировали увеличение численности населения во всех субъектах региона, хотя темпы прироста и роль отдельных компонентов в общей динамике были различными.

В 1926–1939 гг. число дальневосточников выросло на 87,5% (население РСФСР в целом увеличилось на 16,9%). Переписью 1939 г. в современных административных границах региона было учтено 3 млн чел.³ Среднегодовой прирост составил по РСФСР 1,4%, на Дальнем Востоке – 6,7%.

За межпереписной период 1939–1959 гг. численность жителей РСФСР возросла на 8,4%, Дальнего Востока – на 60%, при снижении среднегодового показателя на 3% и 0,4% соответственно. Миграция в 1940–1959 гг. обеспечила более 50% прироста населения региона⁴, где, по данным переписи 1959 г., насчитывалось уже 4,8 млн жителей.

В следующий межпереписной период (1959–1970 гг.) изменение демографических показателей на Дальнем Востоке происходило под влиянием преимущественно естественного воспроизводства (82,5% от общего увеличения численности населения). Среднегодовой темп прироста уменьшился до 1,9%. Перепись 1970 г. зарегистрировала 5,8 млн чел.⁵.

За 1971–1975 гг. число дальневосточников возросло на 9,9% (в РСФСР население увеличилось на 3,1%), в 1976–1980 гг. – на 8,5% (3,2% в России). Среднегодовой прирост снизился по сравнению с предыдущим пятилетним периодом с 1,9% до 1,7%. Наблюдался большой «холостой» оборот мигрантов (в 1971–1980 гг. выбыло 85,8% из числа приехавших в регион), поскольку Дальний Восток не располагал достаточно благоприятными возможностями для закрепления прибывающих⁶.

Период 1981–1985 гг. оказался последним с высокими темпами прироста населения, которые в 1986–1990 гг. снизились на Дальнем Востоке до 1,2% (в России сохранились на уровне 0,7%). Если в 1971–1975 гг. в регионе осталось 15,1% от числа прибывших, то в 1986–1990 гг. – только 5,7%. В 1990 г. темпы прироста дальневосточников составили всего 0,6%, но были всё ещё вдвое выше, чем в целом по России (0,3%)⁷.

На 01.01.1991 г. на Дальнем Востоке зарегистрировали максимальную численность населения – 8056,6 тыс. чел. Однако она оказалась меньше на 264 тыс. чел. прогнозируемой, рассчитанной на основе динамики предыдущих лет⁸. Удельный вес региона в общей численности России составил 5,4% (табл. 1).

Таблица 1*

**Численность населения Дальнего Востока
и его доля в населении РСФСР / РФ⁹**

Годы	Численность населения, млн чел.		Доля Дальнего Востока в общей численности населения РСФСР / РФ, %
	РСФСР / РФ	Дальний Восток	
1926	92,7	1,6	1,7
1939	108,4	3,0	2,8
1959	117,5	4,8	4,1
1970	130,1	5,8	4,5
1979	137,6	6,8	4,9
1989	147,4	7,9	5,4
1991	148,3	8,1	5,4

Данные наглядно демонстрируют постоянное наращивание демографического потенциала Дальневосточного региона, повышение его удельного веса в общей численности населения Российской Федерации. Вместе с тем цифры свидетельствуют о замедлении роста показателей после 1989 г.

В 1991 г. экономика региона оказалась на грани краха¹⁰. Дальневосточники отреагировали на экономические и политические катаклизмы, проявив осознанное стремление приспособиться к изменившимся условиям существования. Естественно, это вызвало и перестройку демографических процессов. В 1991 г., когда в России в целом был ещё, хотя и очень незначительный, прирост (0,1%), на Дальнем Востоке отток (66,1 тыс. чел.) впервые превысил естественный прирост (42,1 тыс. чел.), привёл к уменьшению общей численности населения на 24 тыс. чел., или на 0,3%. В 1991 г. начался процесс уменьшения числа дальневосточников, ставший затем стабильным. За 1991–1995 гг. отрицатель-

* 1926–1989 гг. – данные Всесоюзных переписей населения; 1991 г. – данные текущего учета населения по состоянию на 1 января.

ное значение темпов демографической динамики на Дальнем Востоке увеличилось в 5,3 раза (с -0,3% в 1991 г. до -1,6% в 1995 г.), а в целом за этот период уменьшение составило 8,7%. В последующие годы темпы сокращения численности снизились. Так, за 1996–2000 гг. число жителей в регионе уменьшилось на 7,2%, за 2001–2005 гг. – на 4,2%, 2006–2010 гг. – на 4,0% и 2011–2014 гг. – на 1,2%. За 1991–2014 гг. регион потерял 1,9 млн чел. Тем не менее заметим, что по сравнению с 1926 г. в 1991 г. на Дальнем Востоке населения было больше в 5,1 раза, а по состоянию на 01.01.2015 г. – только в 3,9 раза. На 01.01.2015 г. в Дальневосточном федеральном округе проживало 6211,4 тыс. чел., что даже по среднему варианту прогноза, выполненному в 2010 г., на 125,4 тыс. чел. меньше. Такой характер демографического развития региона явился причиной снижения его доли в общей численности населения России. В 1991 г. этот показатель был 5,4%, в 2000 г. – 4,7%, в 2010 г. – 4,4%, а на 01.01.2015 г. – 4,2% (табл. 2). После переписи 2010 г. убыль населения продолжалась только в Дальневосточном и Приволжском федеральных округах¹¹. При этом удельный вес территории региона в государстве (с учётом Крыма) составляет 36,0%. В среднем на Дальнем Востоке на кв. км приходится 1,0 чел., в России – 8,5 чел.¹²

Таблица 2

**Численность населения Дальнего Востока
и его доля в населении Российской Федерации¹³**

Годы	Численность населения, млн чел.		Доля Дальнего Востока в общей численности населения РФ, %
	Российская Федерация	Дальний Восток	
1991	148,3	8,1	5,4
1996	148,3	7,4	5,0
2000	146,9	6,9	4,7
2005	143,8	6,5	4,5
2010	142,8	6,3	4,4
2015	146,3	6,2	4,2

Таким образом, более трети территории РФ остаётся малонаселённой, что вызывает определённую обеспокоенность возможным нарушением здесь геополитического равновесия. В ближайших зарубежных странах Северо-Восточной Азии проживает около 300 млн чел., что составляет свыше 5% всего мирового сообщества. Эти государства имеют значительно превосходящую плотность населения, и перспективы их развития связаны с ростом демографического потенциала.

Неблагоприятная демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в пореформенный период проявляется ещё и в деформации возрастной структуры жителей региона.

Для определения возраста трудоспособности выделяют три группы населения: молодое (дети, дорабочий возраст от 0 до 15 лет); взрослое (рабочий возраст: мужчины от 16 до 60 лет, женщины от 16 до 55 лет); пожилое (пенсионеры, послерабочий возраст: мужчины после 60 лет, женщины после 55 лет). При такой градации мы употребляем более принятые термины: население младше трудоспособного возраста (молодое население), в трудоспособном возрасте (зрелое население) и старше трудоспособного возраста (старееющее

население). Для исследования демографических процессов важно выделение возраста 15–49 лет, который определяется как репродуктивный – возраст «фертильности» (способности к деторождению). От численности и доли этой группы зависит уровень рождаемости. Молодое население создаёт условия для роста населения; зрелое (преобладание взрослых поколений и умеренной доли других возрастов) показывает устойчивость, стабильность численности населения и наличие возможностей обеспечения хозяйства рабочей силой; стареющее свидетельствует о повышенной доли пожилых возрастов, т.е. о возможном снижении численности населения, при котором молодые поколения не восполняют число уходящих. Таким образом, состав определяет основные тенденции в изменении численности населения.

Соотношение возрастных групп в отдельных регионах мира в 2000 г. выглядело следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Возрастной состав населения по регионам мира в 2000 г.¹⁴

Регионы	Возрастные группы, в % к населению		
	0–14 лет	15–65 лет	Старше 65 лет
Мир в целом	30,5	62,7	6,8
Развитые страны	19,0	68,0	13,0
в т.ч. Россия	20,0	68,0	12,0
Развивающиеся страны	61,5	61,5	5,0

В развитых странах состав населения более пожилой в связи как с низкой рождаемостью, так и с ростом продолжительности жизни. Поэтому доля детей снижается до 1/5 населения, а доля стариков достигает 10–15%. Состав населения России типичен для развитых стран, но, безусловно, имеет некоторые различия по отдельным территориям.

Сравним возрастную структуру жителей РФ и Дальневосточного федерального округа по данным двух последних Всероссийских переписей – 2002 и 2010 гг. (табл. 4).

Таблица 4

Структура населения по основным возрастным группам (%)¹⁵

Территория	Моложе трудоспособного		Трудоспособное		Старше трудоспособного	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
РФ	18,1	16,2	61,3	61,6	20,5	22,2
ДФО	19,8	17,4	64,8	63,5	15,4	19,1
Республика Саха (Якутия)	26,5	23,3	63,5	64,0	10,0	12,7
Камчатский край	18,8	17,1	68,9	65,6	12,2	17,3
Приморский край	17,9	15,4	64,1	63,1	17,9	21,5
Хабаровский край	18,1	15,6	65,1	63,7	16,8	20,7
Амурская обл.	20,2	18,1	63,6	62,4	16,2	19,5
Магаданская обл.	19,0	16,8	69,8	66,5	11,1	16,7
Сахалинская обл.	18,6	16,7	66,4	63,7	14,8	19,6
Еврейская АО	20,9	18,5	63,2	62,2	15,9	19,3
Чукотский АО	23,2	22,4	70,0	67,3	6,7	10,3

Представленные данные возрастного состава населения в стране в целом и в ДВФО в частности не предвещают спокойной демографической ситуации в будущем. Перепись 2010 г. зафиксировала изменение соотношений в возрастном составе. При этом Дальний Восток демонстрирует более удручающие показатели. Если в РФ между двумя последними переписями (2002 г. и 2010 г.) удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста уменьшился на 10,5%, то в Дальневосточном регионе – на 12,1%. Доля трудоспособного населения в государстве увеличилась, пусть незначительно, – всего на 0,4%, а в регионе уменьшилась на 2,0%. Рост доли лиц старше трудоспособного возраста на Дальнем Востоке оказался в три раза выше, чем в целом по России (соответственно 24,0% и 8,2%). Разномасштабность изменения возрастного состава жителей данного региона и РФ имеет устойчивую тенденцию к продолжению (табл. 5).

Таблица 5

Изменение удельного веса возрастных групп в структуре населения в России и на Дальнем Востоке¹⁶

Возрастные группы	Россия	Дальний Восток	Россия	Дальний Восток
	2010 г., в % к 2002 г.		2013 г., в % к 2010 г.	
Моложе трудоспособного возраста	-10,5	-12,1	+3,7	+3,4
В трудоспособном возрасте	+0,4	-2,0	-2,4	-2,5
Старше трудоспособного возраста	+8,2	+24,0	+4,1	+5,2

В 2013 г. относительно переписного 2010 г. удельный вес трудоспособного населения в России уменьшился на 2,4%, а на Дальнем Востоке – на 2,5%, доля населения старше трудоспособного в стране увеличилась на 4,1%, в Дальневосточном регионе – на 5,2%. Старение жителей подтверждает ещё факт увеличения среднего возраста дальневосточников: 1979 г. – 29,5 лет, 1989 г. – 30,4 лет, 2002 г. – 33,9 лет, на 01.01.2012 г. – 37,3 лет.

Дальний Восток стремительно идёт к своей «старости». Принято считать, что население территории стареет, если в его структуре лиц старше 65 лет более 7,0%. В Дальневосточном регионе ещё на 01.01.2000 г. этот показатель составлял 7,5%. Прогрессирующее старение в перспективе может создать серьёзные проблемы не только в плане социального обеспечения, но и в плане увеличения демографической нагрузки на экономически активное население.

Правда, некоторым сюрпризом в демографической динамике является рост доли населения в возрасте младше трудоспособного, но на Дальнем Востоке он всё-таки ниже, чем в стране в целом. Одновременно заметим, что ДВФО в настоящее время находится в числе 43 (из 83) субъектов РФ с положительным значением естественного прироста, который с 2012 г. наблюдается впервые за последние 20 лет. Некоторый всплеск рождаемости в настоящее время обусловлен более многочисленным поколением потенциальных родителей 1990-х гг. рождения и демографической политикой последних лет (введение материнского капитала и определённых льгот семьям, име-

ющим второго и последующих детей). Показатель естественного прироста в 2012 г. составил 5,5 тыс. чел., в 2013 г. – 8 186 чел.¹⁷ Общий коэффициент рождаемости на Дальнем Востоке в 2012–2013 гг. несколько превзошёл показатель 1991 г. (13,7‰ в 1991 г., 13,90‰ в 2012 г. и 13,95‰ в 2013 г.), но остаётся ниже простого воспроизводства населения. Поэтому рассчитывать, что в перспективе численность жителей Дальнего Востока может иметь тенденцию к увеличению за счёт естественного воспроизводства весьма затруднительно. Кроме того эти сомнения обусловлены изменяющейся структурой населения и сокращением числа женщин репродуктивного возраста. На одну женщину в репродуктивном возрасте на Дальнем Востоке приходится менее 1,5 рождений, то есть регион подошёл к той сакральной черте, когда рождаемость находится ниже отметки двух детей на одну женщину, а для поддержания постоянной численности населения нужно, чтобы усреднённый показатель составлял 2,2 – 2,3 ребенка.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и высокий показатель смертности. Если в 2013 г. в России в целом он в расчёте на 1000 чел. стал ниже, чем в 1993 г. (соответственно 13,03‰ и 14,5‰), то в Дальневосточном федеральном округе он вырос на 7,1% (11,80‰ в 1993 г. и 12,64‰ в 2013 г.), хотя в отдельные годы наблюдалось его понижение.

Рождаемость ниже простого воспроизводства, высокий показатель смертности, в связи с этим трансформация структуры населения по возрасту способна стимулировать разрушение основ народонаселения региона, складывавшихся в течение многих десятилетий с большими трудностями и издержками.

Динамика численности населения страны (региона) зависит далеко не от одного естественного движения жителей. Поскольку на сегодня мы не располагаем данными по миграции за 2014 г., приведём показатель миграционного сальдо за 1991–2013 гг. Общая потеря населения за указанный период составила 1,9 млн чел. На долю миграции приходится 84,2% (1616,7 тыс. чел.). Если прежде миграция для Дальнего Востока, как указывалось выше, была практически лидирующим фактором в приросте населения, то с конца 1980-х гг. региональный миграционный маятник изменил своё движение – теперь миграционные потоки идут с востока на запад. В обмене населением с другими территориями страны Дальний Восток остаётся во всё увеличивающемся проигрыше. В 2002 г. выбывших было больше прибывших на 56,5%, в 2010 г. – на 89,5%, в 2013 г. – в 1,5 раза. Наиболее предпочтительными для выезжающих из ДВФО в России являются ЦФО, С-ЗФО и ЮФО. Если в целом результативность миграционного взаимодействия с РФ в 2013 г. составляла 56 прибывших на 100 выбывших, то с ЦФО этот показатель был равен 43 чел., С-ЗФО – 36 чел. и ЮФО – 37 чел. Современный тренд миграционных потоков вызван неравенством регионов в социально-экономических условиях и комфортности проживания. Поэтому в перспективе рассчитывать на то, что миграционный поток вдруг направится в отличные от мест выхода мигрантов суровые природно-климатические условия с пониженным уровнем материальной обеспеченности, необоснованно.

На мотивацию миграционного поведения населения оказывает влияние продолжительность проживания в регионе. Безусловно, те, кто пробыл на Дальнем Востоке относительно короткое время, могут стать потенци-

альными мигрантами, ориентированными на выезд из региона. По данным переписи 2002 г., в месте постоянного жительства в субъектах ДВФО проживало с рождения 48,7% населения, а по переписи 2010 г. – 40,3%. Таким образом, для Дальнего Востока может оказаться небезосновательным предположение об усилении миграционной убыли.

Отток населения сказывается на обеспечении народнохозяйственного комплекса рабочей силой и вызывает необходимость замещения её трудовыми ресурсами извне. В регион привлекается необходимая рабочая сила из стран СНГ и дальнего зарубежья, самая высокая результативность миграционных связей со странами СНГ (с Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией). Соотношение прибывших оттуда к выбывшим в обратном направлении составляет 10:1. Численность таких мигрантов за межпереписной период 2002–2010 гг. значительно увеличилась: таджиков стало больше в 2,3 раза, узбеков – 3,4 раза, киргизов – 3,8 раза¹⁸. Таким образом, миграция становится всё более инокультурной: той славянской миграции, которую имел регион, уже нет и, как показывает практика, не будет. А это – другая культура, другая религия, другой менталитет. Не случайно в РФ совершенствуется миграционное законодательство.

Определённую, хотя и очень скромную роль в формировании потока мигрантов из стран СНГ играет программа по добровольному переселению соотечественников. С 2008 г. (начало работы программы) число её участников составило 57,7 тыс. чел. Основную часть переселенцев (69%) приняли центральные регионы страны и Калининградская область, заметную часть – Сибирь (17%). На долю Дальнего Востока за весь период пришлось 7% принятых соотечественников¹⁹.

Приобрела положительное значение и результативность миграционных связей со странами дальнего зарубежья, но она обеспечена преимущественно Китаем, в обмене с которым за 2002–2010 гг. увеличилась в 2,8 раза (в 2010 г. на 10 прибывших из КНР приходилось 3,9 выбывших), что во многом обусловлено привлечением рабочей силы. Но тем не менее китайцев последняя перепись населения зарегистрировала в меньшем числе (9677 чел. по переписи 2002 г. и 8783 чел. по переписи 2010 г.).

При сохранении сложившейся демографической и миграционной ситуации и в условиях продолжающегося неравенства регионов РФ по уровню и качеству жизни можно предположить, что на российском Дальнем Востоке динамика численности населения может быть устойчиво отрицательной: в 2030 г. опустится до 5,9 млн чел., к 2050 г. – 4 млн чел. Обширное пространство региона и на перспективу может остаться малонаселённым. Это пагубно не только для Дальнего Востока, но и для России в целом²⁰. Конечно, ситуация может измениться, в частности, благодаря реализации Проекта о территориях опережающего развития на Дальнем Востоке. Вселяет некоторый оптимизм и реакция правительства РФ на программу «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 г.», при обсуждении которой (Якутск, апрель 2013 г.) Председатель правительства Д. Медведев сказал: «Одна из главных целей государственной программы – сделать Дальний Восток местом, где будут нормальные условия для жизни, для того, чтобы было комфортно жить и престижно работать. Задача это не простая, но она абсолютно решаемая»²¹.

- 1 Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграции. М.: Статистика, 1973. С. 10, 11.
- 2 Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973: стат. сб. М.: Статистика, 1975. С. 18.
- 3 Там же.
- 4 Мотрич Е.Л., Кравчук С.А. Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х годов // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6. С. 122.
- 5 Население СССР (численность, состав и движение населения)... С. 19.
- 6 Кравчук С.А., Мотрич Е.Л. Демографический потенциал как фактор социально-экономического развития и пограничной безопасности СССР на Дальнем Востоке в 1950–1970 годы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 88; Мотрич Е.Л., Кравчук С.А. Государственная политика хозяйственного освоения... С. 125.
- 7 Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. М.: Госкомстат России, 1992. С. 10, 12.
- 8 Предположительная численность населения РСФСР. ЦСУ РСФСР. М., 1984. С. 31.
- 9 Таблица составлена по: Население СССР (численность, состав и движение населения). С. 18, 19; Демографический ежегодник России. 2013: стат. сб. М., 2013. С. 21; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/96CD96E096F196EB96E596ED96EB96E5_96F196F396E196FA_9_6E596EA.
- 10 Дальний Восток: экономическое обозрение. Изд. 2-е. Хабаровск: Риотип, 1995. С. 61–64.
- 11 Население России 2010–2011: восемнадцатый–девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 28.
- 12 Регионы России: Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. М., 2009. С. 61; Демографический ежегодник России. 2013. С. 21.
- 13 Таблица составлена по: Регионы России... С. 61; Демографический ежегодник России. 2013. С. 21, 25, 27; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/96CD96E096F196EB96E5_96ED9_6EB96E596_F196_F396E196FAE596EA.
- 14 Таблица составлена по: Воронова О.Н. Возрастной состав населения. URL: http://www.voronova-on.ru/demogr/vozrast_nasel/index.html.
- 15 Таблица составлена по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. В 14 т. Т. 2.: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 15, 267–297; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 т. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 14, 256–283.
- 16 Таблица составлена по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года... Т. 2. С. 15, 267–297; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года... Т. 2. С. 14, 256–283; Демографический ежегодник России. 2013. С. 48, 50.
- 17 URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Естественный_прирост_населения_субъектов_Российской_Федерации?vea.
- 18 Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 4. Кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 112–122; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Т. 4. Кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: «Статистика России», 2012. С. 130–141.
- 19 Население России. 2010–2011... С. 484, 485.
- 20 Рыбаковский Л.Л. Демографический потенциал Дальнего Востока, его динамика и качество (доклад на Пятый Дальневосточный международный форум, секция 5. Хабаровск, 4–5 октября 2011 г.). М., 2011. С. 17.
- 21 Сайт правительства РФ. URL: <http://правительство.рф/docs/23680/>; Программа развития Дальнего Востока начинает действовать // Тихоокеанская звезда. 2013. 4 апр.

УДК: 947. 088 (571.6)

С.А. ВЛАСОВ

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

В годы перестройки в СССР предпринимались меры по решению наиболее сложных социальных проблем путём реализации специальных государственных программ. На материалах Дальнего Востока показано, что был достигнут кратковременный эффект, но в целом попытка разом решить эти проблемы в условиях трансформации экономической и политической систем оказалась неудачной.

Ключевые слова: перестройка, социальная политика, продовольственная программа, товары народного потребления, программа «Жильё-2000», программа «Здоровье».

В СССР развитие социальной сферы и решение социальных проблем представляли собой одно из главных направлений внутренней государственной политики. Начиная с середины 1950-х гг. им уделялось постоянное внимание. О необходимости и важности улучшать материальное благосостояние населения, повышать качество жизни, заботиться о социальном благополучии граждан шла речь на съездах КПСС, эти вопросы нашли отражение в проектах пятилетних планов по развитию страны и других важных партийно-государственных документах. К этому времени некоторые социальные проблемы были решены (безработица, неграмотность, детская безнадзорность), другие (жилищное строительство, развитие сферы услуг, производство товаров народного потребления) решались, но не достаточно быстро и эффективно. Между тем от успешности их преодоления зависели самочувствие советских граждан, их вера в коммунистические идеалы и, в конечном счёте, политическая стабильность советской системы.

К середине 1980-х гг. в СССР темпы экономического развития не позволяли проводить эффективную социальную политику, удовлетворяющую возросшие запросы населения. Высшее партийно-государственное руководство было вынуждено признать не только существующие в стране отдельные недостатки, но и факт наличия многих нерешённых социальных проблем. В апреле 1985 г. на пленуме ЦК КПСС объявили о необходимости радикальных перемен на пути к качественно новому состоянию советского общества, строительству «истинного» социалистического общественно-го строя. В дальнейшем такая политика получила название перестройки. Средством достижения поставленной цели должна была стать интенсификация советской экономики, что могло внести коренной перелом в социальное развитие, привести к подъёму материального и культурного уровня жизни народа.

Ускорение социально-экономического развития СССР предполагало проведение активной социальной политики. Среди первоочередных мер по её реализации были намечены следующие: ликвидация дефицита продовольственных и промышленных товаров, обеспечение жильём всех нуждающихся граждан, достижение социально приемлемого уровня развития сферы услуг и ряд других¹. Почти все из вышеперечисленных направлений «активной социальной политики» удостоились статуса специальных государственных программ, что лишь подчёркивало их значимость для дальнейших перспектив развития СССР.

Особое внимание уделялось продовольственной проблеме. Ещё до начала перестройки, в мае 1982 г., была принята «Продовольственная программа», рассчитанная до 1990 г., где намечалось к концу 12-й пятилетки (1990 г.) довести потребление основных продуктов питания на душу населения до следующих параметров: мясо и мясопродукты – 70 кг, рыбопродукты – 19 кг, молоко и молокопродукты – 330 – 340 кг, яйца – 260 – 266 шт., овощи и бахчевые культуры – 126 – 135 кг, хлебопродукты – 135 кг². В целом предполагалось заметно увеличить потребление продуктов питания и решить проблему их дефицита.

Для Дальнего Востока ставилась задача добиться снабжения населения в основном за счёт местного производства. Практика же была иной. Регион получал продукты питания в основном за счёт поставок союзно-республиканского фонда. Даже в таких благоприятных районах (с точки зрения производства сельскохозяйственной продукции), как Амурская область и Приморский край, значительная часть продовольствия завозилась. Так, в Приморье в середине 1980-х гг. в общем объёме потребления поставки молока местного производства составляли 50%, мяса – 55%, овощей и бахчевых – 70%, яиц – 86%³.

В перестройку попытки модернизации сельскохозяйственного производства направлялись на внедрение новых форм организации труда (арендный подряд), специализации и кооперирования. Одним из резервов по увеличению производства продуктов питания за счёт местных поставок являлись личные подсобные хозяйства (ЛПХ) граждан. Так, в Приморском крае в 1988 г. их было свыше 142 тыс., но излишки сельхозпродуктов поставляли 87–90 тыс., что примерно составляло 80%⁴. Кроме того, в крае насчитывалось около 750 садово-огородных товариществ, которые объединяли почти 100 тыс. садоводов-любителей. Для пополнения продовольственного рынка пытались задействовать и эти ресурсы.

Все вышеперечисленные меры дали кратковременный результат: за 1986–1990 гг. производство зерна, молока и мяса в основных сельскохозяйственных районах Дальнего Востока – Амурской области, Приморском и Хабаровском краях – в среднем возросло в 1,2 раза. Но в целом за годы перестройки агропромышленному комплексу региона не удалось обеспечить устойчивый прогресс сельскохозяйственного производства и в полном объёме снабдить дальневосточников продуктами. На протяжении 1985–1991 гг. они потребляли в 1,5 раза меньше молока и молочных продуктов, овощей и бахчевых по сравнению с остальными жителями России. Соответствие наблюдалось только по хлебобулочным изделиям и картофелю⁵.

Проблемы в сфере потребления промышленных товаров побудили руководство страны принять в сентябре 1985 г. «Комплексную программу развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 гг.», которая была ориентирована на значительное увеличение их выпуска, улучшение качества и ассортимента. Для этого предусматривалось ускоренное развитие отраслей, занятых производством товаров, к выпуску подключались все министерства и ведомства, независимо от их основной деятельности⁶.

Так, в Приморском крае в рамках реализации «Комплексной программы» за два года к выпуску товаров народного потребления (ТНП) было привлечено около 50 предприятий и организаций, для которых эта деятельность не являлась основной; в 1987 г. производство ТНП превысило уровень 1985 г. на 92 млн руб.⁷

Одним из крупных центров по производству ТНП не только в крае, но и в целом на Дальнем Востоке был Уссурийск, где более 30 предприятий выпускали около 400 видов товаров: холодильники, мебель, обувь, различную пищевую продукцию. В середине 1980-х гг. почти четверть всего объема производства ТНП в Приморье приходилось на Уссурийск⁸. Однако, несмотря на принятую программу, ряд предприятий города не только не увеличил выпуск продукции, а, наоборот, сократил. В числе таковых были фабрика «Работница», кожевенно-обувное объединение, Уссурийский машиностроительный завод.

В качестве оправдания руководство этих предприятий говорило о некачественности кадров, что в свою очередь объяснялось низкой заработной платой, нерешённостью жилищной проблемы и другими причинами социально-бытового характера. Для того чтобы удержать людей и привлечь новых сотрудников, следовало повысить зарплату, но это представлялось невозможным, так как приводило к росту себестоимости продукции и убыточности предприятий. В качестве выхода из сложившейся ситуации руководство Уссурийского машиностроительного завода просило своё министерство разрешить поставки холодильников в Китай и Монголию, чтобы получить дополнительную прибыль и направить часть её на зарплату⁹. Однако вместо этого на 1988 г. министерством был установлен завышенный план по выпуску 165 тыс. холодильников, хотя реально завод мог дать не более 115 тыс.

Подобным образом власти действовали и в отношении других предприятий, спуская «сверху» планы, не учитывающие их возможности и интересы. В 1988 г. Арсеньевское производственное объединение им. Н.И. Сазыкина выпустило ТНП на 28,5 млн руб., а на 1990 г. Приморский крайисполком обязал его увеличить этот показатель до 46,5 млн руб., хотя предприятие не располагало такими возможностями¹⁰.

Все эти факты свидетельствовали, что властная бюрократия не учитывала реальную ситуацию и принимала решения, не согласованные с интересами предприятий. Хотя к этому времени авторитарная, командно-административная система советского социализма начала меняться, в стране набирала ход экономическая реформа, направленная на активизацию инициативы, предприимчивости, экономической самостоятельности предприятий. Новый этап экономических реформ начался с Постановления ВС СССР от 30 июня 1987 г. «О перестройке управления народным хозяйством

на современном этапе экономического развития страны», в котором была сформулирована комплексная программа экономических преобразований, основанная на идеях перехода к рыночной экономике. Практическим руководством для реализации этой задачи стал Закон «О кооперации», принятый в мае 1988 г.

На данный нормативный акт советское руководство и экономисты возлагали особые надежды. С их точки зрения, кооперативный сектор должен был содействовать не только насыщению рынка товарами повседневного спроса, но и созданию конкуренции государственной экономике. Идеологи перестройки рассчитывали стимулировать экономическую активность производителей и самодеятельность населения, чтобы насытить потребительский рынок.

О развитии кооперативного движения на Дальнем Востоке можно судить по данным табл. 1.

Таблица 1

**Основные показатели деятельности кооперативов
по краям и областям Дальнего Востока в 1987–1990 гг.***

	Число кооперативов / объём реализованной продукции (млн руб.)	
	1987	1990
Приморский край	127 / 5,7	2 340 / 619,4
Хабаровский край	87 / 2,3	1 647 / 565,2
Амурская область	50 / 0,7	673 / 262,4
Камчатская область	28 / 0,5	1 032 / 233,4
Магаданская область	61 / 0,5	1 464 / 505,6
Сахалинская область	56 / 1,2	1 158 / 463,9

Данные таблицы свидетельствуют о стремительном росте кооперативов. Однако он не решал проблему насыщения рынка товарами повседневного спроса, так как подавляющее большинство кооперативов работали в общественном питании, торговле, оказывали другие посреднические услуги. Они создавались не в тех сферах, где ощущался острый недостаток в товарах и бытовых услугах, а там, где можно было заработать «лёгкие и быстрые» деньги. Это вызывало недовольство жителей региона, и они обращались к властям с требованиями о закрытии некоторых из таких предприятий.

В целом на Дальнем Востоке доля кооперативов в общем производстве товаров народного потребления в 1989 г. составила всего 0,9%, что было ниже среднего показателя по РСФСР – 1,8%¹¹. Более успешно работали кооперативы в сфере услуг, где не требовалось таких больших капиталовложений, как в производство ТНП, к тому же прибыль от вложенных средств можно было получить быстрее и в большем объёме. Государственные предприятия бытового обслуживания уступали кооперативам в мобильности, ценовой политике и по ряду других показателей, отставали в организации новых видов услуг, поскольку всё это им приходилось согласовывать с вы-

* Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: стат. ежегодник. М., 1988. С. 436; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодник. М., 1991. С. 74.

шестоящими инстанциями. Об успешности работы кооперативов в сфере обслуживания свидетельствуют данные по Приморью. Там в 1989 г. кооперативы оказали бытовых услуг населению на сумму 12,8 млн руб., что составляло почти 11% от общего объёма бытовых услуг в крае¹².

В работе кооперативов имелось много недостатков: не была выработана чёткая система контроля над их деятельностью, в том числе со стороны предприятий и организаций, при которых они создавались, и исполкомов местных Советов; отсутствовало должное взаимодействие между финансовыми и правоохранительными органами. Во многом негативные явления обусловило то, что кооперативное движение не стало приоритетом политики государства. Вместо этого имели место бесконечные колебания власти и рассуждения по поводу допустимости как кооперативов, так и рыночных отношений в условиях социалистической экономики. Поскольку продуманной государственной политики (как и контроля) в отношении кооперативов не было, большинство из них занялось «зарабатыванием денег», а не производством товаров народного потребления.

В 1989 г. положение на потребительском рынке существенно ухудшилось. В категорию «дефицита» всё чаще попадали простейшие товары повседневного спроса. Социологи отмечали, что если раньше с этим понятием связывалось представление о модных импортных товарах, не входящих, как правило, в число предметов первой необходимости, то в конце 1980-х гг. дефицитными стали и многие дешёвые товары массового спроса¹³.

В такой ситуации региональные власти обратились к хорошо известному в СССР и неоднократно апробированному способу решения проблемы – введению нормированного (по карточкам) распределения товаров повседневного спроса. Сначала в эту категорию попали моющие и парфюмерно-косметические средства, а затем карточно-талонная система распространилась и на другие товары. Введение карточек свидетельствовало о провале «Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг».

Среди социальных программ, провозглашённых в перестройку, наиболее грандиозной была «Жильё-2000», целью которой ставилось обеспечение к 2000 г. каждой советской семьи благоустроенной квартирой или отдельным домом. Положения программы были сформулированы в ряде партийно-государственных документов. Впервые задачу кардинального решения жилищной проблемы озвучили на XXVII съезде КПСС. Затем её конкретизировали в постановлениях ЦК КПСС и СМ СССР «Об основных направлениях ускорения жилищной проблемы в стране» от 17 апреля 1986 г., «О дальнейшем совершенствовании управления строительным комплексом страны» от 14 августа 1986 г., «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» от 19 сентября 1987 г. и в других документах.

Задача ставилась крайне сложная: чтобы достигнуть намеченной цели, необходимо было увеличить объёмы возведения жилья в несколько раз. Следует отметить, что, по мнению некоторых исследователей, расчёты правительственной программы делались поспешно, поверхностно, исходя из среднестатистических показателей, и не учитывали прогнозируемой социально-демографической и семейной структуры населения. Семей, нуждавшихся в улучшении жилищных условий, было намного больше, и,

соответственно, запланированные темпы и объёмы строительства в действительности следовало в несколько раз увеличить¹⁴.

Тем не менее, даже по предварительным расчётам, чтобы обеспечить каждую семью отдельной квартирой или домом к 2000 г., с учётом накопленного жилого фонда, его износа и выбытия, за три пятилетки на Дальнем Востоке предстояло увеличить объём жилищного строительства в несколько раз. Так, в Хабаровском крае требовалось ввести в эксплуатацию примерно 19 млн кв. м жилой площади¹⁵, в Приморском – около 30,5 млн кв. м, что предполагало возрастание объёма строительно-монтажных работ по сравнению с 1985 г. более чем в четыре раза¹⁶. Для других районов Дальнего Востока требуемые объёмы по возведению жилья были несколько меньше: в Амурской области эта цифра составила 14,8 млн кв. м жилой площади¹⁷, Камчатской – 6 млн¹⁸, Магаданской – 8 млн¹⁹, Сахалинской – около 8 млн кв. м²⁰.

Отметим для сравнения, что за три предыдущие пятилетки (1971–1985 гг.) объёмы возведённого жилья составляли: в Амурской области – 6 млн кв. м, Камчатской – 3 млн, Магаданской – 3,5 млн, Сахалинской – 4,7 млн, Приморском и Хабаровском краях – 14,4 млн и 11,6 млн кв. м*. Для того чтобы реализовать программу «Жильё-2000», необходимо было построить на Дальнем Востоке почти в три раза больше зданий, чем за предыдущие 15 лет.

Таким образом, предстояло решить крайне сложную, фактически невыполнимую задачу. До определённого времени никто открыто не заявлял о нереальности планов, намеченных программой «Жильё-2000». В условиях командно-административной системы местная партийно-хозяйственная бюрократия была вынуждена без возражений взяться за исполнение заведомо неподъёмной задачи, поставленной высшим партийным руководством. Однако с 1988 г. политическая ситуация в стране изменилась: XIX партийная конференция (28 июня – 1 июля 1988 г.), публикация в газете «Советская Россия» статьи Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами» (март 1988 г.), политика гласности – всё это означало, что внутри КПСС развернулась борьба и теперь можно открыто критиковать высшее партийное руководство. Наиболее смелые коммунисты заговорили о нереальности жилищной программы: на IV пленуме Приморского крайкома КПСС сомнения в реализации программы «Жильё-2000» высказали редактор газеты «Красное знамя» В.П. Шкрабов и начальник ТСО «Приморсккрайстрой» В.В. Нескоблинов²¹.

Тем не менее, несмотря на скепсис, программа продолжала осуществляться, для этого был использован весь арсенал имеющихся средств: подрядное строительство, хозяйственный способ, жилищно-строительные кооперативы, молодёжная инициатива в рамках молодёжных жилых комплексов (МЖК), индивидуальное строительство. Все эти меры наряду с развитием производства строительных материалов и частичным решением кадровой проблемы (использование труда будущих жильцов, привлечение иностранной рабочей силы) дали определённые результаты.

С 1986 г. объёмы жилищного строительства стали заметно возрастать, и в 1989 г. на Дальнем Востоке был установлен своеобразный «рекорд» – в эксплуатацию сдали 3,72 млн кв. м жилой площади²². Никогда раньше или

* Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1980 г.: стат. ежегодник. М., 1981. С. 234; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: стат. ежегодник. М., 1986. С. 248–249.

позже в регионе так много не строили. Для сравнения укажем, что в постсоветские годы максимально высокий показатель был достигнут там в 2013 г., когда построили жилья общей площадью 1,73 млн кв. м²³.

В соответствии с установками XXVII съезда КПСС и требованиями перестройки, на Дальнем Востоке была разработана и утверждена комплексная межведомственная программа «Здоровье», рассчитанная на 12-ю пятилетку, на период до 2000 г. Её главной целью являлось удовлетворение потребностей населения в высококачественной лечебно-профилактической и лекарственной помощи, для чего необходимо было улучшить материально-техническую базу медицинских учреждений, решить многие организационные и кадровые проблемы. При составлении программы «Здоровье» учитывались рекомендации Всесоюзного института социальной гигиены, в которых указывалось, что на общественное здоровье влияют четыре основных фактора: образ жизни и труда, биология человека, окружающая среда, состояние системы здравоохранения и медицинской помощи. В соответствии с этим в программу «Здоровье» включались мероприятия по улучшению условий труда, природной среды, по совершенствованию физического воспитания, рационального питания, медицинского обслуживания и по ежегодной диспансеризации населения.

Программа, разработанная совместно с отраслевыми комитетами профсоюзов, ведущими объединениями и ведомствами региона, ставила следующие задачи на 12-ю пятилетку: продление активного периода жизни дальневосточников, увеличение рождаемости, снижение детской смертности, повышение доли трудоспособных пенсионеров в народном хозяйстве и т.д. Было указано, что тяжёлая физическая работа, плохие условия труда и быта, нехватка качественных продуктов питания – основные причины, подрывающие здоровье.

Наиболее успешно программа «Здоровье» осуществлялась в 1987–1988 гг. В частности, в Приморском крае были введены в строй: хирургический корпус краевой клинической больницы, туберкулёзный корпус в Арсеньеве, детская инфекционная больница в Уссурийске, четыре детских поликлиники во Владивостоке²⁴. Помимо этого удалось улучшить условия труда 30 тыс. работающим, выделить 99 млн руб. из государственного бюджета на охрану окружающей среды, ввести в строй сооружения для очистки сточных вод на 95 тыс. куб. м в сутки. Однако во вредных условиях труда в крае продолжали работать более 150 тыс. чел., не прекращалось загрязнение озера Ханка, бухты Золотой Рог, Амурского залива; сооружение природоохранительных объектов, как и ранее, осуществлялось медленными темпами, к тому же планы выполнялись лишь наполовину²⁵.

Новым этапом в развитии здравоохранения должна была стать всеобщая диспансеризация населения, которая предназначалась для обеспечения всесторонней оценки здоровья каждого человека, наблюдения за его состоянием, предупреждения и эффективного лечения заболеваний.

Однако массовое развёртывание диспансеризации сталкивалось с рядом трудностей, главными из которых являлись нехватка дополнительных помещений и медицинских кадров. Для того чтобы проводить всеобщую диспансеризацию, следовало открывать отделения профилактики с необходимым набором кабинетов. Только так возможно осуществлять профилак-

тические осмотры населения без нарушения ритма ежедневной лечебной работы. В этой связи делом первостепенной важности являлось укрепление материально-технической базы учреждений здравоохранения. Только в сельских северных районах Дальнего Востока – Камчатской и Магаданской областях, северных районах Сахалина, Амурской области и Хабаровском крае – на 1988–1995 гг. намечалось построить несколько новых больниц (на 3896 коек), поликлиник (на 13 265 посещений в смену), 25 врачебных амбулаторий и 59 фельдшерско-акушерских пунктов²⁶.

Программа «Здоровье», как и другие социальные программы, оказалась нереализованной. По мере проведения экономической реформы 1987 г. (выборность руководителя предприятия, введение хозрасчёта и др.) начал демонтироваться традиционный аппарат управления экономикой. Новый ещё не был отлажен и давал серьёзные сбои. Потеря управления экономикой стала одной из важнейших причин неэффективности начатых преобразований. Правительство не могло разрешить наиболее острые противоречия в социально-экономической жизни страны. Радикальные преобразования, проводившиеся властью во второй половине 1980-х гг., не вывели народное хозяйство СССР из кризиса.

Кроме того, на рубеже 1980–1990-х гг. среди высшего руководства началась политическая борьба, что привело к ослаблению контроля над местным чиновничеством. Итогом этих процессов стал спад производства, который охватил все отрасли хозяйства страны. Государство фактически лишилось экономической возможности реализовать социальные программы. Исторический опыт событий 1985–1991 гг. показал, что радикальные экономические и политические реформы не сочетаются с целенаправленной социальной политикой. Социальные реформы могут быть успешными, если имеют стабильный экономический базис, если чётко сформулированы приоритеты, разграничены полномочия в реализации, определены ответственные структуры и проводится контроль над их выполнением со стороны высшего политического руководства.

-
- 1 Программа КПСС. Новая редакция // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 15. М., 1989. С. 118–119.
 - 2 Продовольственная программа СССР на период до 1990 года // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 14. М., 1987. С. 279.
 - 3 Отчёт бюро Приморского крайкома КПСС о руководстве перестройкой. Доклад первого секретаря Приморского крайкома КПСС Д.Н. Гагарова // Красное знамя. Владивосток, 1988. 17 янв.

- 4 Продовольственная программа – дело всенародное // Красное знамя. 1988. 13 сент.
- 5 Корякина Е.В. Социальное развитие села юга дальнего Востока в годы перестройки (1985–1991): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2009. С. 16.
- 6 Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 гг. М., 1985. С. 11–18.
- 7 Отчёт бюро Приморского крайкома КПСС...
- 8 ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 423. Л. 69.
- 9 Там же. Д. 802. Л. 32.
- 10 Глушков С. Говорят депутаты // Красное знамя. 1989. 29 дек.
- 11 Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Новые явления, проблемы, пути перестройки. Хабаровск, 1991. С. 106.
- 12 Социально-экономическое развитие Приморского края за 1989 г. // Красное знамя. 1990. 6 февр.
- 13 Рукавишников В.О. Очередь // Социологические исследования. 1989. № 4. С. 7.
- 14 Шаяхметова В.Р. Изменение концепции социальной защиты населения в СССР и Российской Федерации (1985–1999 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003. Рукопись. С. 63.
- 15 Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 1986. 5 окт.
- 16 ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 898. Л. 129.
- 17 ГАО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 5082. Л. 231.
- 18 ГАКК. Ф. 88. Оп. 4. Д. 3228. Л. 20.
- 19 Магаданская правда. Магадан, 1987. 19 мая.
- 20 Советский Сахалин. Южно-Сахалинск, 1987. 25 марта.
- 21 Действовать как политическая партия. Прения на IV пленуме Приморского крайкома КПСС // Красное знамя. 1989. 3 нояб.
- 22 Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 176.
- 23 Дальний Восток России (положение Приморского края в сравнении с другими субъектами ДВФО). 2013: стат. сб. Владивосток, 2014. С. 57.
- 24 ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 898. Л. 39.
- 25 Там же. Д. 683. Л. 16, 18, 40.
- 26 Гамов А. Арктический консилиум // Советская Россия. 1988. 22 сент.

УДК 94(470)»19/...»

В.Г. ЗЕЛЯК

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ СЕВЕРОВОСТОКЗОЛОТО И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРЯН В ЗАВЕРШАЮЩИЕ ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

На примере наиболее крупного промышленного предприятия Колымы и Чукотки – объединения Северовостокзолото – исследуются проблемы перехода региона от социалистической экономики к рыночным отношениям. Показано, что на завершающем этапе перестройки (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) и в последующие годы радикальных реформ отношение центральных властей к региону кардинально изменилось. Особый акцент сделан на анализе достижений и проблем в социальной сфере.

Ключевые слова: Северо-Восток, перестройка, Северовостокзолото, золотодобыча, социальное положение северян.

Изучение социально-экономических проблем, связанных с переходом от социалистической экономики к становлению рыночных отношений в отдалённых северных регионах, представляется весьма актуальным. Эти территории, находившиеся в суровых природно-климатических условиях и существенно зависевшие от ежегодного централизованного снабжения, оказались наиболее уязвимы к издержкам преобразований завершающего периода перестройки и последующих радикальных реформ.

В конце 1980-х гг. на территории современных Магаданской области и Чукотского округа, объединяемых экономико-географическим термином «Северо-Восток», самой крупной хозяйственной структурой являлось объединение Северовостокзолото, которое осуществляло добычу золота, олова, вольфрама и серебра. Горнопромышленный комплекс в целом оставался системообразующим компонентом экономики региона. Моноотраслевая специализация Северо-Востока обусловила прямую зависимость развития практически всех отраслей народного хозяйства и сферы обслуживания от потребностей металлодобычи. Изучение деятельности объединения Северовостокзолото и социального положения северян – его работников – способствует расширению и детализации научных представлений о социально-экономических процессах, происходивших на Колыме и Чукотке в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

При значительных объёмах продажи Советским Союзом углеводородов за рубеж в 1980-е гг. золото по-прежнему оставалось важной экспортной статьёй, доходы от которой использовались для закупки продовольствия, техники, проведения секретных операций; возрастала потребность в золоте для нужд науки и промышленности. В сложный период перестройки значение золота как фактора стабилизации социально-экономического по-

ложения в стране увеличилось. На Колыме и Чукотке объединение Северовостокзолото за 1985–1991 гг. добыло 350,77 т золота, 28,88 т.т. олова в концентрате, 13,87 т.т. вольфрама в концентрате, 1240,7 т промышленного серебра (табл. 1).

Таблица 1

Динамика металлодобычи объединения Северовостокзолото в 1985–1991 гг.*

Показатели	Годы						
	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Общая добыча золота, т	51,43	52,57	51,92	53,51	50,96	45,61	44,77
Олово в концентрате, т.т.	4,22	4,6	4,49	4,22	4,25	3,76	3,34
Вольфрам в концентрате, т.т.	1,86	1,82	1,8	1,88	2,16	2,39	1,96
Промышленное серебро, т	158,6	171,2	171,5	183,5	189,3	183,2	183,4

Производство золота в СССР за 1986–1990 гг. составило 1415 т, в том числе 254,57 т добыло Северовостокзолото. Несмотря на то, что удельный вес объединения в общесоюзном производстве снизился до 18% (самый низкий показатель за предшествующие пять десятилетий), оно оставалось одним из крупнейших поставщиков валютного металла. Удельный вес Северовостокзолото в золотодобывающей промышленности РСФСР за 1986–1990 гг. составил 37,2%, однако в 1991 г. он сократился до 26,6%¹.

Добыча золота и других важных для народного хозяйства металлов обусловила особую заботу в отношении работников Северо-Востока со стороны государства. В целях устойчивого развития региона и обеспечения его трудовыми ресурсами в предшествующие десятилетия были выработаны особые меры: выплата более высоких зарплат по сравнению с центральными районами страны, предоставление разнообразных социальных льгот, возможность решения жилищного вопроса посредством бесплатного предоставления жилья в регионе и поддержка в приобретении кооперативного жилья за пределами Колымы и Чукотки.

В период перестройки объединением Северовостокзолото реализовывались масштабные социальные программы «Жильё» и «Здоровье». Программа «Жильё» была направлена в первую очередь на ликвидацию бараков и переселение семей работников в благоустроенные дома. С большим напряжением сил и неоднократным переносом сроков данную работу выполнили к началу 1990-х гг. По указанию вышестоящих инстанций в конце 1987 г. Северовостокзолото разработало программу «Квартира-93», согласно которой в 1993 г. предполагалось предоставить жильё всем очередникам, учтённым по состоянию на 1 января 1988 г. (их насчитывалось более 16 тыс. чел.)². Однако завершить эту работу не удалось.

В 1970–1980-х гг. активно развивалось кооперативное строительство жилья на территории Магаданской области и за её пределами. За 1970–1988 гг. объединением Северовостокзолото было сформировано 15 жилищно-строительных кооперативов, получено и заселено 1292 квартиры в РСФСР, Молдавии, на Украине, в Белоруссии и Узбекистане³. Преимущественное право на

* Таблица составлена по: ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 2737. Л. 4– 12; Д. 2851. Л. 5–6; Д. 2930. Л. 2–11; Д. 2996. Л. 2–11; Д. 3056. Л. 4–12; Д. 3093. Л. 3–11, 133–140.

такие квартиры имели сотрудники, проработавшие в системе Северовостокзолото до ухода на пенсию не менее 20 лет или получившие инвалидность или профзаболевание, независимо от срока работы в объединении. Однако в конце 1980-х гг. местные власти на территории СССР зачастую стали отказывать северянам в строительстве, ссылаясь на ограниченность своих индустриально-строительных баз. Долгосрочный договор удалось заключить только с исполкомом Витебского горсовета в Белоруссии. В этом городе Северовостокзолото рассчитывало получить в 1987–1991 гг. 597 квартир, но фактически получило 254, то есть в 2,4 раза меньше. Дополнительно объединение построило в 1991 г. 46 квартир в г. Тихвине Ленинградской области.

Программа «Здоровье» предназначалась прежде всего для улучшения условий труда работников объединения. Помимо достаточно высокого уровня травматизма, на горнопромышленном производстве был высок уровень профессиональных заболеваний (пневмоконииозы, виброболезнь и др.). Для их профилактики и лечения в Магадане функционировал хорошо оснащённый противосиликозный диспансер, квалифицированная медицинская помощь оказывалась в районных центрах и приисковых посёлках. Объединение Северовостокзолото обеспечивало своих работников льготным санаторно-курортным обслуживанием в регионе и за его пределами. Как правило, профсоюзные организации оплачивали путёвки в здравницы в размере от 30 до 100% их стоимости. В Сочи у объединения имелся ведомственный пансионат «Магадан». Помимо этого работники объединения отдыхали и лечились в пансионате «Адлер», санаториях им. 50 лет Октября курорта Шмаковка и им. Куйбышева курорта Ялта, на курортах Трускавец и Кисловодск, в санатории «Талая» (Магаданская область) и других местах⁴.

Руководство Северовостокзолото поощряло и финансировало физкультурно-оздоровительную и спортивно-массовую работу, обеспечивало деятельность спортивных кружков и секций, организовывало различного рода спортивные соревнования.

Северовостокзолото из своих фондов оказывало значительную социальную поддержку работникам объединения и членам их семей, ежегодно выделяло средства на приобретение праздничных подарков для тех из них, кто находился на излечении в областной больнице (Магадан). Как правило, такие мероприятия приурочивались к празднованию Нового года, Первого мая и очередной годовщины Октябрьской революции.

Весьма существенными были отчисления на отдых и оздоровление детей работников объединения – содержание пионерских лагерей в летний период, детских клубов «Орион» и «Бригантина» (в Магадане). Летом в пионерских лагерях предоставлялось дополнительное питание витаминной продукцией в виде ранних овощей и фруктов. Также Северовостокзолото совместно с профсоюзной организацией ежегодно приобретало для детей новогодние подарки.

В период перестройки распространённой формой социальной поддержки стала выдача объединением различных ссуд для своих работников или погашение определённой части их задолженностей по ссудам на жильё. Один из первых примеров – оказание в феврале 1986 г. начальнику отдела технического обучения безвозмездной материальной помощи в 580 руб. для погашения части остатка задолженности по ссуде в жилищно-строительном

кооперативе (15% от остатка ссуды в 3880 руб.). Денежные средства при этом не выдавались на руки, а переводились в г. Могилёв БССР на счёт ЖСК «Горняк-46»⁵. В мае 1986 г. заведующей машбюро административно-хозяйственного отдела аппарата Северовостокзолото была предоставлена беспроцентная ссуда на обзаведение домашним хозяйством в 1,5 тыс. руб. со сроком погашения 8 лет (как малообеспеченной семье)⁶. В течение 1987 г. объединение оказало своим сотрудникам материальную помощь для погашения части задолженности по ссудам за жильё, по меньшей мере, на 3,6 тыс. руб., а в 1988 г. – уже на 104 тыс. руб.⁷ При этом в нескольких случаях женщинам за счёт средств централизованного фонда социального развития предоставлялась безвозмездная материальная помощь в размере 50% остатка задолженности по ссудам за кооперативные квартиры.

Как видно, объединение Северовостокзолото тратило значительные средства на различные социальные нужды своих работников, дополняя и расширяя льготы, гарантированные государством.

На завершающем этапе перестройки осуществлялся переход от плановой экономики к рыночным отношениям как в масштабах страны в целом, так и на региональном уровне в частности. Основную опасность видели в том, что в случае резкого ухудшения привычного уклада жизни населения возрастёт общественно-политическая напряжённость.

В 1990–1991 гг. в экономике Магаданской области нарастали кризисные явления. Уже в 1990 г. значительно снизился объём промышленного производства, упала производительность труда, третья часть предприятий промышленности не справилась с выполнением договорных обязательств, работала убыточно⁸. Помимо этого сократились производство и закупки продукции сельского хозяйства. Жизненный уровень северян падал, происходило быстрое имущественное расслоение населения. Особую озабоченность вызывало сокращение численности работников предприятий, среди которых было и Северовостокзолото.

Руководство объединения предпринимало меры по адаптации к стремительно менявшимся социально-экономическим условиям. С одобрения вышестоящей инстанции – Главалмаззолото – сделали основную ставку на перевод золотодобывающих госпредприятий на старательскую форму организации работ. При этом намечалась большая экономия по социальным расходам, так как старатели получали оплату за добытый металл при предоставлении им минимума социальных гарантий со стороны государства. Меры социальной поддержки, практиковавшиеся объединением в отношении своих работников, на старателей не распространялись.

В течение 1991 г. этот процесс принял массовый характер. Однако в ряде случаев трудовые коллективы госпредприятий сопротивлялись переводу на старательский способ работы, так как понимали его серьёзные издержки. Например, рабочие горного участка «Кубака» Дукатского горно-обогатительного комбината, приложив большие усилия, за четыре года в отдалённой пустынной местности создали глубокий карьер с производственной инфраструктурой, наладили быт. Они были возмущены тем, что руководство комбината при поддержке администрации объединения предписало с 1 мая 1991 г. участок ликвидировать, а его основные средства, материалы, здания и сооружения передать старательской артели «Буркот»⁹.

Горняки посчитали, что данная мера ухудшит их положение, они позиционировали старательскую работу как «каторжный труд по двенадцать часов в сутки», были уверены, что питание в полевых условиях станет скудным, а быт – плохо обустроенным. Их не устраивали отсутствие социальной защиты и произвол старательских администраторов из-за нераспространения трудового законодательства на артели. Горняки указывали, что специалисты объединения Северовостокзолото по радио и телевидению, со страниц областной печати горячо рекламировали старательский способ добычи, который отличался четкой организацией труда, требовал минимум затрат государственных средств, давал самое дешёвое золото, однако об ухудшении положения рабочих при этом умалчивалось. В борьбе за свои права горняки угрожали организацией забастовки.

Другой распространённой практикой адаптации к новым экономическим реалиям перестройки являлся выход предприятий на внешний рынок. Однако объединению Северовостокзолото не удавалось установить прямые внешнеторговые связи и организовать продажу добываемых металлов за рубеж. Государство сохраняло монополию на драгоценные металлы, что делало неосуществимым выход на свободный рынок. Помимо этого Северовостокзолото ни из одного металла не производило конечный продукт. Так, золото добывалось из недр в шлихах (с примесями), а его дальнейшая обработка осуществлялась на аффинажном заводе за пределами области.

В апреле 1991 г. накануне летнего промывочного сезона ситуация в объединении обострилась. Администрация не смогла, главным образом по объективным причинам, выполнить экономические требования рабочих об адекватном росту цен на товары и услуги повышении заработной платы. Вопреки воле руководства в Магадане провели экстренную конференцию горняцких коллективов, на которой приняли решение о 24-часовой предупредительной забастовке в случае невыполнения требований.

Меры, предложенные руководством Северовостокзолото, горняков не удовлетворили, и 22 апреля 1991 г. прошла забастовка, в которой приняли участие не менее 4,5 тыс. работников объединения¹⁰. На территории современной Магаданской области – более 2,2 тыс. чел., в том числе на Дукатском горно-обогатительном комбинате – более 800 чел., Карамкенском комбинате – 800 чел., руднике им. Матросова – более 500 чел., Тенькинском комбинате – более 100 чел. На Сусуманском комбинате остановили работу второй карьер прииска им. Фрунзе и коллективы старательских артелей на прииске «Большевик». На территории Чукотского округа бастовало более 2,3 тыс. чел., в том числе на комбинатах Полярнинском – более 1170 чел., Комсомольском – 450 чел., Иультинском – 200 чел., Певекском – 500 чел. В целом в акции принял участие каждый пятый работник горного производства объединения. Вместе с тем, например, руководству Ягоднинского комбината удалось полностью предотвратить забастовку на своих предприятиях, а участие горняков Тенькинского комбината оказалось минимальным.

Летом 1991 г. позитивных изменений в экономике Северо-Востока не произошло, однако в период массовых промывочных работ горняки забастовок не проводили. Реакцией на ухудшение социального положения, снижение ранее достигнутого уровня комфортности стал масштабный отток населения из региона. Главный инженер золотодобывающего Тень-

кинского горно-обогатительного комбината Д.Б. Шабалтас указывал, что в связи с повышением цен на материалы прибыль комбината уменьшилась¹¹. Как следствие, комбинат оказался вынужден сократить выделение средств на социальные программы, в том числе и на строительство жилья. Появились проблемы с организацией питания рабочих, которым летом 1991 г. по талонам в месяц выдавали по одному килограмму мяса и по две банки тушёнки на человека. Приобрести мясо у частников даже по более высоким ценам было затруднительно, так как они забивали скот осенью. Из-за увеличившихся трудностей рабочие уезжали на «материк», при этом в первую очередь предприятия покидали ценные специалисты, которые за такую же зарплату устраивались на работу в центральных районах страны. Оставались в основном люди пенсионного возраста и те, кому по каким-либо причинам некуда было выезжать. Приток новых кадров резко сократился.

Динамика трудоустройства объединения Северовостокзолото на завершающем этапе перестройки характеризуется следующими данными. В 1990 г. среднесписочная численность всех его работников составила 71,6 тыс. чел., в 1991 г. она снизилась до 64,2 тыс. Уменьшение наблюдалось по всем отраслям деятельности (горное производство, автотранспорт, энергетическое хозяйство, ремонтные заводы и т.д.). На золотодобыче численность промышленно-производственного персонала сократилась с 20,4 до 18,9 тыс. чел. (при этом возросло число старателей). На добыче других металлов сокращение кадров было не таким значительным, а на серебродобыче наблюдался рост с 1471 до 1537 чел.¹² Отток кадров из объединения частично перераспределился внутри региона, но главным образом работники уезжали в центральные районы страны. Ещё более значительные масштабы этот процесс принял в последующие годы.

Итак, несмотря на ухудшение социально-экономического положения северян, забастовок в промысловый сезон удалось избежать, хотя неоднократно различные коллективы горняков объявляли предстачечную готовность. Только в конце декабря 1991 г. 1,1 тыс. работников Полярнинского комбината на Чукотке провели двухчасовую предупредительную забастовку, требуя повышения заработной платы, выплаты денежных компенсаций, создания на базе комбината коммерческого центра¹³.

Особую актуальность представляет проблема наличия вариантов более сбалансированной адаптации моноспециализированного региона к резко менявшимся условиям. Уже современники изучаемых событий предлагали меры, которые позволяли стабилизировать положение на Северо-Востоке и сохранить квалифицированные кадры¹⁴. Весьма действенным (даже при монополии государства на драгоценные металлы) стало бы перечисление предприятиям 10–20% валюты, полученной после продажи добытого ими золота. Как вариант, вполне возможным представлялось ввести условное начисление части зарплаты горняков в валюту (как, например, в объединении «Якуталмаз») с последующим правом приобретать на эту валюту товары. Также существовало предложение отпустить цены на добывавшееся золото, как это было сделано в отношении продукции других отраслей, чтобы предприятия устанавливали их самостоятельно, и облагать налогами прибыль сверх определённого уровня рентабельности.

Следует отметить, что Главалмаззолото предпринимало отдельные робкие шаги, например, по перечислению валюты предприятиям и артелям, но размеры этих операций оказались недостаточными, чтобы существенно повлиять на ситуацию. Государство сохранило монополию, не допустив рыночного оборота драгметаллов. Как и ранее, за счёт золота, добытого регионами, и полученной от его продажи валюты решались общегосударственные задачи.

Таким образом, значение перестройки для региона по линии «центр-периферия» к концу обозначенного периода и особенно в последующие годы радикальных реформ определяется тем, что Северо-Восток из региона, к которому центральные власти относились с особой заботой, превратился в тяжёлую ношу для республиканского бюджета. В начале 1990-х гг. представители правительства России высказали мнение, что содержать такой затратный регион невыгодно, а золото можно закупать на мировом рынке. Зарплаты и объёмы социальных гарантий перестали мотивировать работников закрепляться на Колыме и Чукотке надолго, что обусловило массовый отток населения и обезлюдение обширных территорий. К началу 2015 г. население Магаданской области по сравнению с началом 1991 г. сократилось в 2,6 раза (с 383 тыс. до 148 тыс. чел.), Чукотского округа – в три раза (со 154 тыс. до 51 тыс. чел.).

- 1 Зеляк В.Г. Золотодобывающая промышленность Колымы и Чукотки в эпоху перестройки (1985–1991 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2. Ч. 2. С. 69–73.
- 2 ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 2910. Л. 79; Д. 2995. Л. 90.
- 3 Сабенин С. П. Жильё для горняков // Магаданская правда. Магадан, 1991. 12 дек. С. 2.
- 4 ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 988. Л. 202–204; Д. 990. Л. 145; Д. 991. Л. 122.
- 5 Там же. Д. 2809. Л. 115.
- 6 Там же. Д. 2810. Л. 167.
- 7 Там же. Д. 2974. Л. 211, 221, 224, 237.
- 8 С ответственностью за судьбу северян // Магаданская правда. 1991. 23 янв. С. 1.
- 9 Бурко И. «... После приказа»: Заманить горняков «Кубаки» в ловушку не удастся // Магаданская правда. 1991. 21 марта. С. 2–3.
- 10 Магаданская правда. 1991. 24 апр. С. 1.
- 11 Шустов А. На пределе // Магаданская правда. 1991. 17 июля. С. 1.
- 12 ГАМО. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 3083. Л. 197–199; Д. 3101. Л. 42.
- 13 Казакул В. Директора назначим сами // Магаданская правда. 1991. 25 дек. С. 1.
- 14 Лунышин П. «Авиабилеты в один конец...» // Магаданская правда. 1991. 8 авг. С. 2.

УДК: 331.56

Т.А. КРУПА

БЕЗРАБОТИЦА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг. И ЕЁ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье речь идёт о проблемах безработицы на Дальнем Востоке в целом и в Приморском крае в частности, которые сложились во второй половине 1990-х гг. Рассматриваются особенности регионального рынка труда, специфика безработицы в регионе, положение социально уязвимых категорий населения. Анализируются меры, упреждающие безработицу, которые реализовывались на Дальнем Востоке в постперестроечный период.

Ключевые слова: безработица, занятость, социальные последствия, уязвимые категории населения, рынок труда.

Одним из непосредственных результатов перестройки стала безработица, которая, как правило, сильнее всего влияет на уязвимые категории населения – женщин, молодёжь, семьи с несовершеннолетними детьми. Во второй половине 1990-х гг. безработица стала явлением повседневным. Как правило, потеря работы означает балансирование на грани бедности. На Дальнем Востоке в 1990-е гг. постоянно увеличивался разрыв между уровнем доходов людей и цен. В то время города и населённые пункты региона являлись самыми дорогими в России по потребительским ценам, что особенно остро сказывалось на материальном положении дальневосточников. Например, в 1998 г. коэффициент соотношения номинального денежного дохода к прожиточному минимуму в среднем на душу населения по территориям дальневосточного района дифференцировался от 1,1 (Сахалин и Еврейской АО) и 1,2 (Амурская, Камчатская и Магаданская области) до 1,7 (Приморье, Хабаровск, Якутия) при 1,9 в среднем по России¹.

Неблагоприятная ситуация на региональном рынке труда характеризовалась наличием городов и посёлков, градообразующей основой которых являлись одно-два предприятия («Спасскцемент» в Спасске, «Звезда» в Большом Камне, «Дальполиметалл» в Дальнегорске, ЛУТЭК в Лучегорске, «Прогресс» в Арсеньеве, предприятия горнодобывающего профиля в Партизанском районе Приморского края и др.). Почти все предприятия переживали кризис, связанный с реструктуризацией или переменой собственников, что усугубляло ситуацию с безработицей в регионе.

Сокращение численности занятых на Дальнем Востоке затронуло все отрасли, в т.ч.: промышленность (25,8%), строительство (47,2%), жилищно-коммунальное хозяйство и непроизводственные виды бытового обслуживания населения (8,3%); образование, культуру, искусство, науку (5,7%). Предприятия и организации этих профилей не могли сохранить рабочие места в связи с ухудшением финансового положения². К счастью, обвальная безра-

ботицы не произошло. Не будь оттока населения с Дальнего Востока, посредством чего часть безработных «экспортировалась» в центральные районы страны, показатели незанятости увеличивались бы более интенсивно³.

Во второй половине 1990-х гг. концентрация в регионе предприятий добывающей и оборонной промышленности, в которых экономический кризис проявился особо остро, предопределила проблему неполной занятости работников предприятий ВПК, военнослужащих, моряков и рыбаков. Указанная проблема существовала ещё в 1960-е гг., но тогда она не была столь ощутимой для дальневосточников, т.к. уровень среднедушевых доходов в названных отраслях всегда был выше среднего. В постперестроечный период материальный жизненный уровень в регионе оказался значительно ниже среднего по стране. Кроме того, существенно сократилась доля занятых в строительстве, на морском транспорте, в портовом и рыбном хозяйствах. Как правило, в названных отраслях работало преимущественно мужское население.

В условиях, когда основной кормилец семьи не занят или частично занят, некомфортное материальное положение заставляет женщин и молодёжь искать работу. Обычно женщины находят её в социальной сфере. Но Дальний Восток по сравнению с другими регионами России всегда отличался низким уровнем развития социальной инфраструктуры.

Частично или полностью это обстоятельство предопределило распространение в большей доле женской, чем мужской безработицы. Мужчины более мобильны в самостоятельных поисках работы, и для них нет тех ограничений, с которыми при найме сталкиваются женщины (в частности, работодатели зачастую отказывают им, узнав о наличии несовершеннолетних детей)⁴. Как видно из таблицы 1, больше половины безработных в Приморском крае в 1995–1998 гг. – женщины.

Таблица 1

Динамика безработицы среди женщин Приморского края⁵

	Всего безработных	В том числе женщин	Уровень женской безработицы (в % от всего безработного населения)
1995	32 434	23 481	72,3
1996	50 035	32 689	65,3
1997	40 324	27 656	68,5
1998	35 016	24 113	68,9

Как правило, затруднительное материальное положение в семьях, сокращение на производстве вынуждали женщин обращаться в службы занятости. Треть из них имела высшее и среднее специальное образование. В 1998 г. доля женщин в общем числе безработных – 76%. Женская безработица носила более затяжной характер: из безработных более года 79% составляли женщины⁶.

Наиболее незащищённая категория населения на рынке труда – не только женщины, но и молодёжь 20–24 лет. Известно, что в эти годы молодые люди находятся в репродуктивном возрасте и формируют планы на дальнейшее семейное поведение. Из-за отсутствия прочной материальной основы создание семьи и рождение детей откладывались, что негативно влияло на демографическое развитие региона.

Ситуация, складывавшаяся на молодёжном рынке труда Приморского края во второй половине 1990-х гг., являлась достаточно напряжённой и имела тенденцию к ухудшению. Возможности молодых людей были ограничены в силу их более низкой конкурентоспособности на рынке труда по сравнению с другими категориями населения.

В Приморье с 1990 г. постоянно росла доля нетрудоустроенных выпускников системы начального профессионального образования. В 1998 г. свободное трудоустройство имели 50% из них, то есть в 5 раз больше, чем в 1990 г.⁷ В 1999 г. среди выпускников высших учебных заведений были признаны безработными 392 чел., средних специальных учебных заведений – 922 чел., профессиональных училищ – 1025 чел. В 1999 г. 66% (3 338 чел.) от общего количества граждан, направленных на профессиональное обучение и переобучение службой занятости края, составляли люди в возрасте от 16 до 29 лет.

Во второй половине 1990-х гг. молодёжный рынок труда находился в сложном положении. Руководители предприятий и организаций Приморья неохотно брали работников, не имеющих профессионального опыта. Тем не менее ситуацию в этой сфере нельзя считать полностью негативной, т.к. службы занятости постоянно держали на контроле безработную молодёжь. В крае в 1999 г. (по сравнению с 1998 г.) число безработных сократилось на 2 тыс. чел., было трудоустроено около 10 тыс. молодых людей в возрасте от 16 до 29 лет⁸.

Для профилактики безработицы Департамент федеральной государственной службы занятости по Приморскому краю постоянно проводил массовые мероприятия, направленные на адаптацию населения к рынку труда. Например, ежегодная акция «Карьера» для выпускников вузов и безработной молодёжи, в рамках которой действовала ярмарка вакансий с привлечением кадровых агентств Приморья.

Что касается трудоустройства более взрослой категории населения, то в крае, чтобы длительно неработающие граждане приобрели навыки активного поиска работы, во второй половине 1990-х гг. проводились программы социальной адаптации – «Клуб ищущих работу» и «Новый старт», в которых в 1999 г. приняли участие 1,3 тыс. чел. Почти треть из них за непродолжительный период времени нашла работу⁹.

Семьи безработных, в которых имелись инвалиды, несовершеннолетние дети, а также семьи демобилизованных военнослужащих оказывались наиболее уязвимыми в условиях конкуренции на рынке труда. Слабо социально защищённые граждане, прежде всего инвалиды, первыми оказывались без работы, им сложнее было найти подходящее место. Работодатели не хотели предоставлять рабочие места этой категории граждан, т.к. на рынке труда имелся избыток рабочей силы. Инвалид же требует особых условий, создавать которые никто не желал.

В 1999 г. во Владивостоке в службу занятости обратились за содействием 234 инвалида, что составило 25% к уровню 1998 г. Устроилось на работу из них 66 чел., профессиональное обучение прошли 39 чел. Для защиты этой категории граждан в этом же году было принято постановление «О квотировании рабочих мест в г. Владивостоке для лиц, особо нуждающихся в социальной защите». Кроме того, службой занятости проводились

информационные дни для инвалидов, желавших трудоустроиться, где можно было получить консультации специалистов этой службы, юристов, информацию о вакансиях¹⁰.

Часто в трудной ситуации оказывались семьи военнослужащих, которых в 1990-е гг. массово увольняли со службы. На Дальнем Востоке всегда была высока концентрация этой категории граждан из-за особого геополитического положения региона. Когда в армии и на флоте происходило сокращение, проблема занятости военнослужащих приобретала особую остроту. За первое полугодие 2000 г. при содействии службы занятости было трудоустроено 206 лиц, высвобождённых из вооружённых сил. На обучение гражданским специальностям направили 233 чел. из числа военнослужащих и членов их семей¹¹.

В условиях безработицы уязвимыми оказывались не только сами безработные, но и их несовершеннолетние дети. Ясно, что в семье таких родителей ребёнок теряет возможность полноценного питания, обучения, лечения и отдыха. Например, во второй половине 1990-х гг. в Приморском крае 50% безработных женщин имели несовершеннолетних детей, из них 8% женщин – матери-одиночки¹². Так как сложная ситуация на рынке труда отражалась на детях, нужно было предпринимать меры для их защиты. Приморский департамент федеральной службы занятости проводил необходимые мероприятия, финансировал оздоровление и отдых детей безработных граждан. Преимуществом пользовались матери-одиночки, инвалиды, многодетные родители. В 1999–2000 гг. 226 ребят из семей безработных отдыхали в летних лагерях и профилакториях¹³.

Несмотря на постоянное обострение проблемы занятости, массового роста безработицы во второй половине 1990-х гг. не происходило. Многим предприятиям удалось удерживать большую часть сотрудников с помощью неполной рабочей недели, вынужденных отпусков и т.п.

В Дальневосточном регионе число граждан, имевших статус безработных, за период 1995–1996 гг. выросло на 1,3%, в РФ – на 6,8%¹⁴. С 1996 г. количество официально зарегистрированных безработных несколько уменьшилось. В 1999 г. по сравнению с 1996 г. такое снижение по Приморскому краю составляло 41,6%, по Дальнему Востоку – 31,5%, по РФ – 39,8%¹⁵.

Негативные социальные последствия безработицы для экономического положения дальневосточников были очевидны. Исходя из этого, в региональную программу социальной политики включались меры по смягчению влияния безработицы на социально уязвимые слои населения. Расширялся объём социальной работы с семьями безработных, в т.ч. инвалидов и военнослужащих, с женщинами, имевшими несовершеннолетних детей. Выделялись финансовые средства на отдых и лечение детей безработных граждан, на привлечение подростков к общественным работам, на переобучение ищущих работу. Осуществлялись мероприятия по распространению самозанятости, что являлось особенно актуальным для сельской местности, где уровень безработицы был выше, чем в городе. Решить эту проблему пытались с помощью развития малых семейных предприятий по таким направлениям, как бытовое обслуживание, переработка и транспортировка сельскохозяйственной продукции, организация фермерских и подсобных хозяйств и т.п.

Основой политики занятости населения в 1990-е гг. стало упреждение безработицы, выражающееся в контроле над формированием рынка труда со стороны профсоюзов, законодательных и исполнительных властей. В целом для стабилизации обстановки предпринимались меры по развитию кадрового потенциала, учитывающие интересы дальневосточников, способствующие укреплению их экономических ресурсов.

Ситуация на региональном рынке труда в указанный период являлась достаточно напряжённой, но не доходила до критической точки. Стремительного роста безработицы не произошло. Частично это было обусловлено оттоком населения с Дальнего Востока. Сдерживание безработицы происходило также за счёт неполной занятости в таких специфичных для этой территории отраслях, как морской транспорт, портовое и рыбное хозяйство. Смягчить данное явление помогали созданные в постперестроечный период региональные центры занятости, которые проводили программы социальной адаптации для уязвимых категорий населения – женщин, молодёжи, инвалидов.

- 1 Гусева Е.Г. Дальневосточный регион в экономике России // О развитии ведущих отраслей экономики дальневосточного региона в ходе экономических реформ (по материалам заседания совета ассоциации «Дальстат»). Владивосток: Прим. краев. упр. гос. стат., 1999. С. 15.
- 2 Дальний Восток России: Экономический потенциал. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 323.
- 3 Безруков И.С. Дальний Восток на пути к рынку труда. Владивосток: ДВГТУ, ВГУ-ЭиС, 1999. С. 150.
- 4 Там же. С. 326.
- 5 Источник: Труд и занятость в Приморском крае в 1998 г.: стат. сб. Владивосток, 1999. С. 43.
- 6 Прогноз кадрового потенциала Приморского края (совместный доклад) / под ред. Ю.Н. Казакова. Владивосток: ДВГАЭУ; Мин-во труда и соц. развития РФ Администрации Приморского края; Институт труда (НИИ труда) ДВ филиал, 2000. С. 106.
- 7 Тенденции изменения системы начальной подготовки и переподготовки кадров в регионе / науч. рук. А.П. Латкин. Владивосток, 1999. С. 34.
- 8 Прогноз кадрового потенциала... С. 233.
- 9 Там же. С. 129.
- 10 Там же. С. 120.
- 11 Там же. С. 129.
- 12 Социальная сфера городов и районов Приморского края: стат. сб. Владивосток: Прим. краев. упр. гос. стат., 2000. С. 19.
- 13 Прогноз кадрового потенциала... С. 128.
- 14 Там же. С. 113.
- 15 Регионы России: стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998. С. 87.

УДК: 316.4 (571.6)

А.П. КОНЯХИНА

ВЛАСТЬ И РЕФОРМЫ: ВЗГЛЯД ИЗ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГЛУБИНКИ (1985–2015 гг.)

Статья основана на материалах полевых исследований в регионах юга Дальнего Востока России и посвящена человеческому измерению процессов реформирования в период 1985–2015 гг. В центре внимания автора – отношение жителей сельской и городской глубинки к власти и её модернизационным проектам. Рассмотрены некоторые стратегии поведения дальневосточников в качестве реакции на изменения социального порядка и привычного образа жизни.

Ключевые слова: перестройка, реформы, модернизация, социальные трансформации, адаптация, общественное мнение, Дальний Восток России, глубинка.

Революционный характер инициированных в середине 1980-х гг. реформ в СССР, их социальные последствия до сих пор определяют повседневный мир тех, для кого перестройка стала частью личной биографии. Опыт её проживания («вопреки» или «благодаря») в контексте «большой» истории даёт уникальный материал как для анализа мягких переменных (культурные, ментальные характеристики), определяющих успех или провал программ социального переустройства, так и для дальнейшей концептуализации понятий, выросших на этом «поле» в обитаемом пространстве российской провинции.

Провинция/регион/глубинка как места событий и практик становились объектами пристального профессионального взгляда, например, таких историков, социологов, географов, как В.Л. Глазычев, Ю.М. Плюснин, С.Г. Кордонский, Н.В. Зубаревич, Т.Г. Нефёдова и др.¹ Дальний Восток в этом контексте также постепенно перестает быть *terra incognita*, обретая своё звучание и осмысление².

Цель статьи – исследовать социальную реальность дальневосточной глубинки в период трансформаций 1985–2015 гг. через зафиксированные представления и реакции жителей городов и посёлков. Мы сосредоточимся на двух основных аспектах. Во-первых, на отношении людей к модернизационным проектам (советскому и современному вариантам) и власти в целом как их проводнику. И, во-вторых, на связанных с этим отношением стратегиях поведения населения в частной и публичной сферах.

Эмпирическую базу составили материалы проведённых сотрудниками отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН* полевых исследований в Приморском и Хабаровском краях, Сахалинской и Амурской

* Исследования проводились при поддержке гранта РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока в 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» (проект № 13-01-00199).

областях, пополнившие архив отдела (АОСПИ). За три года экспедиций был сформирован корпус архивных источников, биографических сочинений (71 шт.), анкет (1449), записей глубинных полужформализованных интервью с представителями органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций, предпринимателями, фермерами, работниками бюджетной сферы, пенсионерами (около 130). Такое разнообразие позволяет отразить реальность через самопрезентацию, поднимая на поверхность значимые для жителей образы и смыслы.

Для начала принципиально отметить, что в ретроспективном взгляде наших собеседников на перестройку этот исторический период оказался не обособляемым, обнаружилось его слияние с последующими 10-15-20 годами. А причины реформ и провозглашённые задачи, выпадая из памяти и сознания людей, так и не были в большинстве своём ими отрефлексированы и проговорены³. Это вело к тому, что любая официальная риторика об очередном модернизационном «рывке» воспринималась как белый шум, сводя на нет попытки мобилизации под старыми/новыми лозунгами. Любопытно, что термином «постсоветский», который может служить своеобразным маркером непреодолённого прошлого, оперируют, как правило, разного рода эксперты, учёные, а никак не сам обыватель, живущий в условиях актуального для него настоящего.

Перестройка воспринималась прежде всего как крах привычного социального и институционального порядка. И вне зависимости от того, положительно или отрицательно оценивались позже людьми перемены, она стала фундаментальным событием-травмой, когда прежние культурные установки и привычный уклад жизни входили в противоречие со стремительно обновлявшимися ценностями, нормами, окружающей действительностью. «В советские времена мы привыкли, что кто-то возьмёт знамя, кто-то пойдёт, а мы, конечно, будем идти следом за этими знамёнами. А тут всё: и знамени нет, и знаменосца нет. И куда идти?.. И народ оказался брошенным на произвол судьбы»⁴. «Просто всё в один момент рухнуло. Всё, во что мы так верили, вдруг перестало существовать»⁵. Дезориентация и деморализация усиливались на фоне экономической нестабильности и «ухода» государства как держателя социальных обязательств.

Специфика многих малых городов и посёлков Дальнего Востока состояла в том, что их развитие в советский период определялось деятельностью градообразующих предприятий угольной, химической, металлургической, авиационной, лесоперерабатывающей промышленности, обеспечивавших занятость населения, поддержание необходимой социальной инфраструктуры. В условиях распада страны и перехода к рыночной экономике, сопровождавшихся снижением управляемости, сменой форм собственности, неконкурентоспособностью, сокращением госзаказа, сворачивалось и присутствие многих предприятий в экономическом пространстве. В результате под угрозой исчезновения оказались целые населённые пункты.

В ослабшем, полуразрушенном государстве надеяться и полагаться оставалось только на собственные силы. Данные опроса, проведённого на Сахалине в 1992 г., показали, что лишь 4% респондентов при ухудшении материального положения или потере работы рассчитывали на помощь государства, 76% – только на себя, 17% – на помощь близких⁶. Основными

тактиками выживания в кризисный период в условиях долгосрочных задержек заработной платы и плановых сокращений являлись как свойственные традиционному обществу способы поддержания существования (взаимопомощь в кругу родственников и знакомых, отпуск товаров «под запись» в магазинах, взаимобмен/продажа разного рода услуг в рамках своего предприятия; вторичная занятость, работа в «подсобных» хозяйствах, на огородах и дачах), так и новые, связанные с поиском альтернатив в неформальной, непрофильной или теневой сферах, с использованием преимуществ своего регионального положения. Люди уходили в моря, в тайгу, становились «челноками». Широкое распространение на Дальнем Востоке получила работа вахтовым методом, поскольку невозможно было приобрести или арендовать жильё в другом городе⁷.

Применение этих тактик, часть из которых позже утратила свой временный статус, на каждом этапе фиксировало положение, при котором обычный человек обучался обходиться без государства, его опеки и контроля. Если в 1989 г. только 8% населения думало, что «государство нам даёт так мало, что мы ему ничем не обязаны», то спустя 20 лет число считающих так увеличилось до одной трети⁸. Это значительный слой людей, для которых альтернативы в достижении благ находились уже вне области официальных коммуникаций.

П. Штомпка на примере посткоммунистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы обозначил ряд факторов, сказывающихся на индивидуальной и коллективной способности к адаптации, способных снизить или, наоборот, увеличить болезненность социальной травмы. Значение имеет то, какие схемы интерпретации ситуации использует человек и какими внутренними ресурсами (социальный и культурный капитал) он располагает⁹.

В дальневосточной провинции, как образно выразился сахалинский фермер, из тех, кому во всеобщем развале «ничего не досталось... половина разбежалась на карьеры, половина плюнула, пошла держаться за хвосты своих коров, остальные спились, поумирали...»¹⁰. Другие же открыли для себя (или «получили») новые возможности (интересы, профессию, ресурсы). В глубинке разрывы социального пространства компенсировались (как живое дерево затягивает рану смолой) усилиями впервые примеривших на себя эту роль местных предпринимателей¹¹. Благодаря им материальные остатки советского прошлого, будь то единственный в районе хлебозавод или ведомственный магазин, обрели своих рачительных наследников.

Культурная травма приводила и к самоидентификационным сдвигам, усиливая стремление сохранить то обозримое близкое, что только и способен удержать в руках человек в ситуации высокой неопределённости. Три опроса ВЦИОМ по программе «Советский человек» (1989, 1994, 1999 гг.) наглядно показали, что идентификация с «большой» родиной (национально-государственное самоутверждение и самоотождествление) уступила место идентификации с «малой» родиной («место, где родился и вырос») ¹². На использовании материальных и символических ресурсов своего локального сообщества базировались многие адаптационные стратегии и неформальные социальные практики.

Сегодня самыми значительными для населения изменениями, произошедшими в годы перестройки, по-прежнему остаются возможности свободно выезжать за рубеж (колебания от 34 до 41% в 2010–2015 гг.) и свободно высказываться (от 32 до 40%)¹³. Для многих дальневосточников именно приграничная торговля стала инструментом выживания в 1990-е гг. Как несомненная завоёванная ценность, определявшая отношение к власти и её мероприятиям, рассматривалось и право на свой взгляд и действия, альтернативные официальным. «Приехали с области [чиновники – А.К.] мне руки ломать... Чего вы меня пугаете? Это моя фирма. Я вот захочу – завтра сам закрою всё... Что вы мне сделаете?»¹⁴. «Ну что мне сделают?! Ну, скажите, пожалуйста? Налоговые проверки? У меня бухгалтерская компания. Неужели мы себя не защитим? А что ещё?! Стрелять закончили, слава богу...»¹⁵. Рост самоуважения, в свою очередь, вёл к расширению границ частного («моё дело», «мой бизнес», «мой посёлок»), когда обустроенная своими руками комфортная среда вытесняла/заполняла «пустое» пространство государственного.

В 2009 г. Президент РФ Д. Медведев публично заявил о повороте к модернизационной государственной стратегии. Своей риторикой о шансах на развитие страны демократическим путём через «сближение интересов личности, общества и государства»¹⁶ она напомнила реформы второй половины 1980-х гг., приобретая и неофициальное название «Перестройка-2». В том же году была принята и «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», в которой ускоренное развитие на инновационной основе обозначалось необходимым условием экономического и геополитического прорыва России в АТР.

Мы исходили из того, что успех самого совершенного проекта не гарантирован, если он не опирается на потребности элит, ожидания населения и способность власти его осуществить. Но 2000-е, по мнению исследователей, показали пример непоследовательности реформаторских шагов и непредсказуемости их результатов именно вследствие опоры на незаинтересованную в переменах высшую бюрократию¹⁷. Что касается оценок жителей периферии, то мы сразу же столкнулись с отсутствием ясных толкований понятия «модернизация». Оно не укоренилось в словаре чиновников местного уровня, не было и предметом общественной рефлексии. Являясь повесткой дня для власти федеральной, её внутриполитической стратегией, для населения модернизация стала «ритуализированным» (А. Аузан) воплощением представлений о нормальной жизни, запрос на которую всё так же актуален.

В интервью считывалась, в первую очередь, её технологическая составляющая как возможность обновления производственных мощностей действующих предприятий, ветшающей инфраструктуры городов и посёлков (дорог, мостов, жилья, систем освещения, водоснабжения, газификации). Федеральная власть рассматривалась здесь как двигатель и главный субъект изменений, который предлагает своё видение и распоряжается финансовыми потоками. Для местной власти и бизнеса очевидным было желание встроиться в процесс для решения, прежде всего, своих тактических задач.

Сотрудники органов местного самоуправления (как и население в целом) не владели необходимой информацией о намерениях центральной вла-

сти и не распознавали сути её деклараций. «Нужна вообще стратегия, что мы хотим иметь от этого Дальнего Востока, а уже потом... по ступенькам...»¹⁸. Исключённые из системы принятия решений, не располагая рычагами влияния, они сосредотачивались на текущей ситуации: «в плане общей картины я как бы таких перспектив не ставлю, не вижу... Планирование... маленькими отрезочками»¹⁹, «стараясь, где-то что-то так, где-то так... но по-другому не получается никак»²⁰.

Сегодня можно увидеть, что по одну сторону расположились территории, вовлечённые в процессы такой «точечной» модернизации (участие в нацпроектах, программах, адресная господдержка) и получившие таким образом импульс к развитию, по другую – не вписавшиеся в контекст аутсайдеры, балансирующие в отсутствие инициативы и ресурсов на грани выживания или постепенно деградирующие.

Разработка унифицированных для всех регионов и муниципалитетов программ развития, внедрение комплексных инвестиционных планов, как и единых критериев оценки результатов деятельности администраций, представляли опять же действием по большей части ритуальным, осуществляемым вне коммуникаций. Предзаданный характер процесса (вручение «сверху») определял его известную формализацию, и лишь сам исполнитель (чиновник), имевший собственную волю и разум, мог сделать его осмысленным, адаптировав под текущие намерения и установки²¹. С точки зрения местного чиновника, адекватное восприятие государственных проектов, «проявление мудрости» по отношению к ним – это не сотрясать возражениями воздух («Законы, которые пишутся... они неприменимы в принципе в жизни, они не работают»), а приспособливаться. «Мы ж тоже понимаем, что раз задача поставлена [речь о «майских указах» 2012 г. Президента РФ – А.К.]... значит, есть какие-то причины»; «Мне такую задачу, как тебе [имеются в виду региональные власти – прим. А.К.], не ставили... Ты хочешь эту задачу выполнить через меня... Ну, давай, если хочешь договориться, давай будем договариваться...»²².

Замкнутая вертикаль власти – «вещь в себе»: чем выше, тем более она закрыта и менее респонсивна и договороспособна. «Половина тех, которые на краевых, на областных уровнях работают... депутатов – они вообще не представляют, чем народ живёт... Федеральный уровень – это вообще отдельная тема. Они приезжают иногда. Начинают вопросы задавать. Я даже с ними... не пытаюсь спорить, что-то им доказывать. Просто потому, что это... бесполезно... Там вообще ничего не слышат»²³. Так, абсолютное большинство районных предпринимателей в Хабаровском крае считало государственную поддержку малоэффективной из-за слабой информированности чиновников о реальных потребностях бизнеса и непонимания ими местной специфики²⁴.

Отлаженные бюрократические, управленческие процедуры зачастую не предполагали обратной связи. Раздача заранее вопросов предпринимателям из глубинки, приглашённым на селекторное совещание с министром РФ, чтобы «ответы стройные получить», приводила к тому, что «действительно насущное... спустили организаторы на тормозах»²⁵; «Было совещание и – ничего... Ничего из предложений не вошло, ничего не было реализовано. Наверху не хотят связываться с мелкими хозяйствами...»²⁶.

Локальный подход к решению задач (самостоятельно строить 10-тонное овощехранилище вместо абсурдного в местных условиях, но финансируемого по госпрограмме из федерального/регионального бюджета 500-тонного) оказывается более адекватным в сравнении с идеями «высокой» модернизационной политики, не учитывающей «практическое» знание. «Государственная социальная инженерия, – писал Дж. Скотт, – врождённо авторитарна», а «разработанный и спланированный социальный порядок схематичен – он всегда игнорирует существенные черты любой реальности, любого функционирующего социального порядка», что и ведёт, в конечном счёте, к провалу самого проекта²⁷. Как сегодня реализуется сценарий, при котором местное сообщество («бедные») сопротивляется модернизационным планам государства («богатых»), показал на примере малых дальневосточных городов Л.Е. Бляхер. В числе выделенных им факторов, определявших содержание и результат противостояния: стабильность общины и её эффективность в решении повседневных проблем её членов, наличие встроенной легальной властной структуры, степень заинтересованности сторон в проведении модернизации на данной территории²⁸.

Таким образом, мы видим, что причины неравномерности фактических результатов модернизации обнаруживаются не только в экономической плоскости, но и в гуманитарной. В данном случае на первый план выходит проблема понимания и совпадения/несовпадения базовых представлений об общем благе и путях его достижения у «реформаторов» и «реформируемых», а также их ценностных установок в целом. Когда вопросы, которые «ставятся на обсуждение» жителей, оторваны от реальности, попытка власти посоветоваться с народом приобретает имитационный характер, выглядит профанацией. «Государство ожидает [от населения – А.К.], пытаясь сейчас завлечь. Опять идёт по команде сверху у нас... Делают всё, что угодно. Кампанейщину любую можем устроить...»²⁹; «Мы, как заложники. И в неведении живу... Мы не знаем, может, нас запланировали на вахтовый метод. Какие у государства планы на нас?»³⁰

На протяжении всего позднего и постсоветского времени отношение дальневосточников к «вызовам» центральной власти находилось под влиянием ряда устойчивых мифологем. В их числе и представление о «богатом регионе», блага которого до жителей не доходят³¹. Главы краёв и областей, номенклатура воспринимались как соучастники политики центра в колониальном использовании природных и людских ресурсов, которые лишь отработывали предоставленные привилегии³², отдавая территорию на откуп министерствам и ведомствам. Сегодня к ним добавились государственные корпорации и крупные экономические субъекты с пропиской в Москве и за рубежом, приход которых увязывается региональной властью с необходимостью привлечения инвестиций.

Вертикально ориентированные, они не встроены в локальное социальное пространство, а их активная хозяйственная деятельность и программы модернизации нередко вызывают отторжение со стороны сообщества, доходя до открытого коллективного протеста. Обсуждение экономической целесообразности конкретных проектов трансформируется подчас в постановку вопроса о гарантиях соблюдения прав граждан, о доверии к власти вообще. Так, в 2013 г. жители п. Славянка Хасанского района (Приморский

край), уникального по своей природе и рекреационным возможностям, выступили против строительства открытого угольного терминала: «Мы считаем, что конституционные наши права грубо нарушаются»³³; «Без решения вопросов экологии... на развитии Славянки можно будет ставить крест»³⁴; «Яркий пример благоденствия мы уже видели в посёлке Посъете... Единственное здание, которое выглядит презентабельно и хорошо, – это здание Управления угольного терминала»³⁵; «Сейчас позакрывали заводы, позакрывали рыбокомбинаты, и все, кому не лень, схватились за лопаты и начинают за границу гнать уголь...»³⁶; «Власть... обманывает нас... Что же нам готовят: то ли массивное кладбище из жителей посёлка Славянки, то ли хотят экономическое развитие?»³⁷

Квинтэссенцией отношения населения к федеральной власти может служить его реакция на предвыборный слоган губернатора Приморского края С.М. Дарькина «Нам здесь жить!», на который дальневосточники до сих пор отвечают: «А нам-то как тут жить? А мы-то за что? Нам-то куда уезжать?»³⁸ Сегодня та же оппозиция «центр-периферия» отражается в сознании жителей уже сельской глубинки. Они с обидой говорят о своей «ущербности» в сравнении с положением в городах – «точках роста», на которых сосредоточило своё внимание государство: «Субсидии... не выплачивают: денег нет, саммит надо делать... Всё бросили на город, на мосты. Я не против города, но...»³⁹.

Государство в попытке модернизировать территорию под цели управления сталкивается с существующим здесь физически пространством «на самом деле», в котором жизнь организована согласно «человеческим» представлениям (С.Г. Кордонский)⁴⁰. Оптимальная роль государства виделась нашим собеседникам-предпринимателям в том, чтобы на уровне законодательства приблизиться («дать удочку») к человеку, «к обыкновенным людям, которые вот тут на местах живут... А не там где-то только в центре»⁴¹. Понять их и... отпустить: «больше давать свободы... чтобы было... больше возможностей, а не запретов»⁴².

Для части предпринимательского сообщества было типичным желание выйти из-под ока государства, сделаться для него «невидимым»: «Я не хочу думать о государстве, извините меня, когда им туда уходят деньги. Я хочу думать о своём районе»⁴³. Вторжение носителей государственного суверенитета («карающих органов»: чиновников налоговых и силовых служб) в сферу частного опиралось во многом на структурное насилие⁴⁴. Не располагая необходимым для проведения реальных реформ доверием населения, действуя в условиях усечённой публичности, власть, таким образом, выступала для значительной его части легальным, но нелегитимным субъектом изменений.

Подводя итоги, можно увидеть, что воплощённые в модернизационной повестке власти стратегические программы на уровне конечного потребителя «благ», жителей сельской и городской глубинки, воспринимались зачастую как «непросчитываемая» попытка нарушения отлаженного социального порядка. Ответом на «вызовы» в условиях высокого институционального недоверия выступали коллективное сопротивление изменениям, политическая и экономическая самоизоляция с выходом из полного рисков и издержек поля официальных коммуникаций, а также рациональное использование спускаемых по вертикали проектов в своих сугубо практических интересах и задачах.

- 1 Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое издательство, 2005; Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009; Кордонский С.Г. Россия. Поместная федерация. М.: Европа, 2010; Зубаревич Н.В. Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные записки. 2012. Т. 46 (1). С. 55–64; Нефёдова Т. Сельская Россия на перепутье (географические очерки). М.: Новое издательство, 2003; Вдали от городов: Жизнь постсоветской деревни. СПб.: Алетейя, 2013; Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев / ред. И.И. Травин, Ю. Симпура. СПб: Европ. Дом, 1999; Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. 2014. № 2. С. 103–104.
- 2 Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток. М.: Изд-во «Европа», 2014; Ващук А.С. Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 5–22; Ващук А.С., Савченко А.Е. Социальная реальность Дальнего Востока как проблема современной истории: постановка задач // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 3–8; Ковалевская Ю.Н. Трансформации повседневных структур и практики выживания населения малых городов Сахалина в конце 1980-х – 2013 гг. (на примере Углегорского района) // Вестник ДВО РАН. 2014. № 6. С. 54–63; Рыжова Н.П. Адаптационные механизмы функционирования фирмы: как выживал бизнес депрессивного региона в начале 2000-х // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 1 С. 61–91; Коняхина А.П. Практики гражданского участия на Дальнем Востоке. От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 38–55; Тридцать лет перехода: К оценке вектора социальной трансформации на примере Приморского края (1985–2014 гг.). Аналитический отчет. Владивосток, 2014. URL: <http://ihaefe.org/wp-content/uploads/word.png> (дата обращения: 8.03.2015).
- 3 См.: Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни... С. 114–115; Савченко А.Е. Российская провинция: от перестройки – к... // Полития. 2014. № 3. С. 110.
- 4 АОСПИ. Интервью с У. (м., фермер, ок. 65 лет). Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля.
- 5 АОСПИ. Соч. 28, м., 1948 г.р., Южно-Сахалинск.
- 6 Корель Л.В., Шабанова М.А. Сахалин-92: жизнь на пороге рынка // ЭКО. 1993 № 1. С. 30.
- 7 Плюснин Ю.М. Отходничество в современной России // Отечественные записки. 2012. № 5. URL: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69031687> (дата обращения: 17.09.2014).
- 8 Общественное мнение – 2012. М.: Левада-центр, 2012. С. 41.
- 9 Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 482–483.
- 10 АОСПИ. Интервью с У. Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля.
- 11 Ковалевская Ю.Н. Трансформации повседневных структур... С. 59–60.
- 12 Левада Ю.А. Сочинения: Проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 124.
- 13 Роль перестройки в истории страны. Пресс-выпуск. 22.04.2015. URL: <http://www.levada.ru/22-04-2015/rol-perestroiki-v-istorii-strany> (дата обращения 23.04.2015).
- 14 АОСПИ. Интервью с П. (м., предприниматель, ок. 50 лет). Сахалинская область, г. Шахтерск. 2013. 18 июля.

- 15 АОСПИ. Интервью с О. (ж., предприниматель, ок. 55 лет). Хабаровский край, г. Хабаровск. 2014. Июнь.
- 16 Дмитрий Медведев: Россия, вперед! 10.09.2009. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения: 17.01.2015).
- 17 Гельман В.Я., Стародубцев А.В. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов // Полития. 2014. № 3. С. 25.
- 18 АОСПИ. Интервью с У. Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля.
- 19 АОСПИ. Интервью с Д. Сахалинская область, г. Углегорск. 2013. 16 июля.
- 20 АОСПИ. Интервью с В. Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 1 июля.
- 21 Рыжова Н. Бюрократические ритуалы «развития» России: возможна ли интерпретация скрытых смыслов? // Обратная связь: книга для чтения: сб. статей и эссе к 60-летию М. Рожанского. СПб.; Иркутск: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2014. С. 263–264, 267.
- 22 АОСПИ. Интервью Х.Х. (сотрудник районной администрации). 2014.
- 23 АОСПИ. Интервью Х.Х. 2014.
- 24 Малое и среднее предпринимательство в регионе: социологическое измерение. Хабаровск: ДВАГС, 2011. С. 65.
- 25 АОСПИ. Интервью У.У. 2012.
- 26 АОСПИ. Интервью с У. (м., фермер, ок. 65 лет). Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля.
- 27 Скотт Дж. Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2011. С. 23, 153.
- 28 Бляхер Л.Е. Можно ли согласовать спонтанный порядок и полицейское государство? Государство vs. Локальное сообщество в малых городах Дальнего Востока России // Полития. 2013. № 2. С. 50–73.
- 29 АОСПИ. Интервью Х.Х. 2014 г.
- 30 АОСПИ. Интервью с К. Сахалинская область, г. Углегорск. 2013. 16 июля.
- 31 Бляхер Л.Е. Государство и несистемные сети желтороссии, или заполнение «пустого пространства». URL: http://www.dv-reklama.ru/ftp/2011/blyaher_ocherki.pdf (дата обращения: 6.03.2015).
- 32 ГАПК. Ф.П-68.Оп.117.Д.1025.Л.88.
- 33 АОСПИ. Видеозапись митинга. Приморский край, п. Славянка. 23 марта 2013 г. Выступающая Н.Г.
- 34 АОСПИ. Видеозапись митинга... В.П.
- 35 АОСПИ. Видеозапись митинга... Н.Н.
- 36 АОСПИ. Видеозапись митинга... Б.В.
- 37 АОСПИ. Видеозапись митинга... Ж.
- 38 АОСПИ. Интервью с И. Приморский край, г. Дальнегорск. 2013. 6 июля.
- 39 АОСПИ. Интервью с Т., Приморский край, с. Шмаковка. 2012.
- 40 Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация... С. 21–22.
- 41 АОСПИ. Интервью с Ш. Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 1 июля.
- 42 АОСПИ. Интервью с Л. Сахалинская область, г. Шахтёрск. 2013. 16 июля.
- 43 АОСПИ. Интервью с Ш. (ж., предприниматель). Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 1 июля.
- 44 Алексеенкова Е.С., Сергеев В.М. Тёмный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности). С. 159–160. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Alekseenkova_2008_3.pdf (дата обращения: 1.02.2015).

УДК: 947.088 (571.6)

Ю.Н. КОВАЛЕВСКАЯ

ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОЙ АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ И РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ (1985–2015 гг.)

Статья основана на анализе полевого материала: 13 неформализованных интервью с женщинами из Приморского, Камчатского и Хабаровского краёв, Амурской и Сахалинской областей. Выявлены характер и масштаб преодоленных рисков, среди которых природные катастрофы, экстремальные условия жизни, преступность, ликвидация отраслей промышленности и рабочих мест. Показано конкретное содержание личных и коллективных практик адаптации: основная и дополнительная работа, подсобное хозяйство, смена деятельности и открытие собственного бизнеса, общественная деятельность, взаимодействие с органами власти. Анализ материала доказывает, что женщины не просто выживали сами, но создавали институты взаимопомощи. Приоритетами для них выступают семья, образование детей и внуков, комфортная среда обитания.

Ключевые слова: практики адаптации, перестройка, рыночные реформы, Дальний Восток России.

Доклад написан по материалам полевых исследований, собранным в 2012–2014 гг. Источниками послужили 13 неформализованных интервью, полученных во время командировок по Приморью, Сахалинской, Амурской областям, Камчатскому и Хабаровскому краям.

Тема социальной адаптации населения России в период рыночных реформ отражена в современной научной литературе, прежде всего – социологической. Теория практик раскрыта в одноимённом исследовании В.В. Волкова и О.В. Хархордина. Мы пользуемся определением повседневной практики как «искусства решения практических задач в ситуации неопределённости»¹. В книге «Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России» авторов, по их собственным словам, «более всего интересовало то, как происходит конструирование и освоение конкретных практик социально-экономической адаптации, от чего зависит степень их распространения»². Анализ практик адаптации представлен в труде «Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев»³. Провинциальные практики адаптации выявлены в замечательных работах Ю.М. Плюснина⁴. На наш взгляд, методы социологии и истории повседневности, основанные на полевых исследованиях, которые применяют Т. Шанин, Ю.М. Плюсин и их сторонники, наиболее адекватны для отражения всех реалий и противоречий российской действительности последних 30 лет.

Цель нашего исследования: ввести в научный оборот полевой материал, показать своеобразие проблем, с которыми пришлось столкнуться женщинам на Дальнем Востоке, и повседневные практики, помогшие им выжить и адаптироваться к меняющимся условиям.

Масштаб и «концентрация» проблем

Представленные в статье интервью взяты в случайном порядке, т.е. специальной цели выбрать наиболее драматичные и трагические женские судьбы не ставилось. Тем не менее все наши респонденты или их близкие и знакомые пережили катаклизмы значительного масштаба.

Прежде всего это природные катастрофы, а также плохая экология и экстремальные условия жизни. Все респондентки из Углегорского района Сахалинской области в разной степени пострадали от землетрясения 2000 г. У одной из них (г. Шахтёрск, 2013 г.) после катаклизма пришла в аварийное состояние система отопления, расположенная почему-то не в подвале, а на чердаке многоквартирного дома. Починили её только через 12 лет, по программе софинансирования⁵. Другая вспоминает, как «...двое суток ночевали на делянке возле дома, как и все люди»⁶. В г. Углегорске, кроме того, очень плохая экология: после ликвидации целлюлозно-бумажного завода остались запасы серы, их уже 25 лет не могут утилизировать; через город протекает река-«вонючка», которую приходится переходить по шатким самодельным мосткам⁷.

Девушка из Петропавловска-Камчатского вспоминает, как её семья и весь город замерзали в 1990-е гг.: «В нашем регионе нет своих энергоносителей, весь мазут завозят с материка... И наш сосед с первого этажа в форточку вывел буржуйку... И, видимо, они, как люди городские, не владели всеми этими технологиями. Два раза посреди ночи мы уходили из квартиры от обилия угарного газа и до утра гуляли... У нас подруга детства жила в частном доме, и мы у неё жили, топили печку... Главная новость была: пришвартовался танкер или не пришвартовался»⁸.

Жители Амурской области и Хабаровского края пострадали от наводнения 2013 г. Как отметила владелица страховой фирмы, «...пока кто-то не свистнет [смеётся], мужик не перекрестится. В Хабаровске уже и свистело, и топило, и горело...»⁹.

Многие женщины напрямую пострадали от ликвидации градообразующих предприятий и целых отраслей промышленности. Рабочая из пос. Алдан (Якутия) вспоминает: «Всё разрушено. Горно-обогатительный комбинат вся страна строила. По оргнабору по всей Сибири – туда требуется, сюда требуется. А сейчас никого не нужно. Одни магазины. А кто покупает – не понятно»¹⁰.

Из интервью с Ш., главным геологом угольного разреза, г. Шахтёрск Сахалинской области: «...В 87-м году, примерно, мы попали под массовую ликвидацию угольной промышленности, тогда было первое банкротство и закрытие, а потом уже на базе этой шахты образовали частное предприятие. Потом были конкурсные управляющие, приходившие временно, набивавшие деньгами карманы и уходившие... В 2005 г. было очередное банкротство и смена начальника, с того времени работаем без изменений»¹¹.

Предприниматель из Приморья с горечью вспоминает уничтожение Хрустальненского горно-обогатительного комбината и других отраслей промышленности в районе: «Лесная промышленность загублена. Лесокombинат и лесхоз тоже уничтожены путём всяких реорганизаций... Очень жалко, что так вот произошло, что комбинат уничтожили... Грубо уничтожили, нагло уничтожили. Людей всех оставили без работы»¹².

В 1990-е гг. жизнь осложняли также невыплаты и задержки зарплат. Из интервью с А., Петропавловск-Камчатский: «...Были долги по зарплате. Было время, когда предприятия рассчитывались с водоканалом не деньгами, а продукцией. Поэтому у нас всегда были или яйца, или куры с птицефабрики... Рассчитывались и шторами – и такое помню»¹³.

Для жителей северных территорий, проживавших и работавших в экстремальных условиях, жизненно необходимой была возможность уезжать в отпуск в более тёплые края. Туда же многие стремились переехать после выхода на пенсию. Поэтому после распада СССР многие семьи оказались разделёнными: дети, внуки остались на Дальнем Востоке, а старшее поколение – за его пределами, иногда – в другой стране: «...У меня была бабушка на Украине, в Полтаве. Мы к ней постоянно ездили в советские годы, до 1992 г. И потом у нас был очень большой перерыв, мы откладывали деньги на отпуск целенаправленно – копили-копили и в 1998 г. поехали. И там случился дефолт, и мы оказались на Украине без денег, без обратного билета до Москвы»¹⁴.

Внутри региона резко снизилась доступность многих населённых пунктов. Библиотекарь, г. Зея Амурской области: «У нас есть аэропорт. Раньше были воздушные линии: Иркутск, Хабаровск, Благовещенск – можно было улететь. Сейчас нет... Очень много северных посёлков, в которые вообще попасть невозможно»¹⁵.

В 1990-е гг. во всех населённых пунктах региона была тяжёлая криминальная обстановка. Как отмечают многие респонденты в 2000-е гг. она нормализовалась, однако среди респондентов есть женщина-предприниматель из Приморья, пострадавшая от разбойного нападения, но не нашедшая защиты в правоохранительных органах: «У нас криминал наш, местный, общак так называемый полностью сросся с нашей местной милицией... Сначала вообще-то было записано „похищение с угрозой жизни“. Потом отказали [в возбуждении уголовного дела – Ю.К.]»¹⁶.

Таким образом, масштаб проблем и рисков, которые пришлось преодолеть нашим героиням, довольно велик. Их концентрация в одной жизненной траектории также значительна. То есть один и тот же человек должен был справляться и с природными бедствиями, и с исчезновением целых отраслей промышленности, и с тем, что в «один прекрасный день» его родственники вдруг оказались гражданами чужих стран, и с разгулом криминала. А есть ведь и личные бедствия – болезни, семейные неурядицы и т.п. Кроме того, эти резкие трансформации, шоковые перемены растянулись уже на время жизни второго поколения.

Практики адаптации

а) работа, вторичная занятость

Все опрошенные нами женщины подтверждают тезис А. Шюца, что основа повседневности – трудовая деятельность. Все они работают, даже те, кто уже давно на пенсии. В разные периоды они совмещали работу с учёбой, второй (и третьей) работой, трудоустраивали своих детей (семейный бизнес) и других людей (трудовой коллектив).

Женщина, медик, 69 лет, г. Шахтёрск¹⁷:

- Я во всех отделениях работала. Я и медсестрой в физкабинете в последнее время работала... [После выхода на пенсию стала фермером, затем – вахтёром – прим. Ю.К.]

- На лавочке вечером не страшно сидеть?
- Мне сидеть некогда. У нас дача есть, я вечером не сижу.
- Библиотекарь, ок. 60 лет, г. Шахтёрск: «Пережили мы её [перестройку – Ю.К.] тяжело. У меня на тот момент ребенку было 4 года. Работала в библиотеке. Место работы не меняла, но работала на трёх работах, потому что поднимала ребёнка одна и надо было его кормить, одевать, обувать, были большие задержки по зарплатам... Работала дворником в профилактории в летний период, вставала в 5 часов... Работала техничкой – мыла библиотеку. Вот так вот доставалось, так было мне тяжело...»¹⁸.

б) дачи, огороды, фермерство

Одним из способов выживания в период кризиса почти все опрошенные называют дачи, огороды, подсобное хозяйство. Библиотекарь, г. Шахтёрск [речь идёт про 1990-е гг. – Ю.К.]¹⁹:

- Было очень тяжело. Брат мой купил дачу, и мы с Егором [сыном] держали...
- У вас в советское время дачи не было?
- Нет, не было. Именно в то время мы её завели. И так мы жили, так мы продержались за счёт этой дачи.

Преподавательница, Камчатка: «...Наличных денег у нас в принципе не было... Из еды – сублимированная лапша, яйца и куры... Население активно выживало за счёт дач. У кого была дача – удавалось вырастить картофель, морковь, свёклу»²⁰.

Иногда подсобное хозяйство становилось основным занятием – фермерством. Однако трудозатраты и финансовые вложения в нём были настолько велики, что при возможности найти иные способы заработка люди от него отказывались.

Медсестра/фермер/вахтёр, г. Шахтёрск²¹:

- Что тогда входило в это хозяйство?
- Две коровы, куры, козы, свиньи... Сено косили, у нас трактор был... Деньги, которые на книжке были, вложили в трактор и машину...
- А почему вы прекратили?
- Тяжело, возраст уже. Мне дочка предложила работу в спортшколе сторожем... Работала сторожем, потом вахтёром.

в) смена деятельности, собственный бизнес

Успешная адаптация в период реформ связана со способностью к поиску новых сфер приложения сил, смене деятельности. Некоторые наши героини подчёркивают, что эти перемены были вынужденными, другие, наоборот, говорят, что любят рисковать и менять жизнь.

Владелица пекарни, г. Углегорск²²:

- А вы ведь и при советской власти успели пожить. Вы и тогда работали по этой профессии – кондитер?
- Нет. Я бухгалтером была...
- И как же вы решились? Как пришли к этому бизнесу?
- Обстоятельства так сложились. Процесс выживания, он нас куда-то толкает... Так получилось, что мне пришлось заниматься... Она [пекарня] брошенная была. Оборудование купили, а заниматься ею никто не

занимался. А бухгалтер – он же смотрит на предприятии... Учёт ведёт. Раз этот учёт вёлся, ну и получилось, приходит кто-нибудь: «Иди в бухгалтерию». Если кто-то отзывается, тот постепенно втягивается в эту работу, и так и получилось, что я втянулась...

Предприниматель, Приморский край, с воодушевлением вспоминает 1990-е гг. как период создания бизнеса (после приватизации магазина трудовым коллективом): «...Магазины стояли абсолютно пустыми. И тут дали возможность... реорганизоваться. Вот мы вышли акционерным обществом. Всем своим предприятием, Домом торговли... Государственная система обеспечения рухнула... И пришлось самой вот создавать»²³.

Журналистка, г. Углегорск: «У меня есть подруга, она была предпринимателем, хотя закончила физмат. Но недавно она поняла, что как предприниматель она не востребована, появились большие магазины, и её маленький магазинчик разорился. И она решила заняться репетиторством по своей специальности – математика. Это оказалось очень выгодно»²⁴.

Владелица страховой фирмы, Хабаровск²⁵:

- Кем работали с 1985 г.?
- Я работала в институте преподавателем философии. Почему ушла в 92 г.? Потому что уже была семья и я получала на руки 1100... Меня пригласили в банк на должность секретаря с зарплатой 11000... Я много поменяла. Уходя, я была и в свободном полёте, я была репетитором английского языка в 90-е, потом я работала пресс-секретарём. В общем, много. Я не боюсь менять специальность и направления. Мне интересно, да. А вот 9 лет я в страховании. Начинала, в принципе, с нуля. Но это интересно, действительно интересно...

2) общественная и политическая деятельность

Успешная социальная адаптация иногда требует коллективных действий. Интервью раскрывают, по каким случаям наши героини обращаются к однократным или длительным практикам солидарности, общественной деятельности.

Однократное или кратковременное объединение усилий эффективно для решения проблем в сфере ЖКХ. г. Шахтёрск, библиотекарь²⁶:

- Нет ли опыта коллективного отстаивания интересов?
- Когда у нас было холодно, мы собирали подписи. У нас был актив в подъезде, мы чего-то добивались. А сейчас его нет – многие уехали, а другим ничего не надо.

Г. Шахтёрск, геолог: «Да, ситуация удручающая, но сейчас и правда стало легче, мы добились реализации программы ремонта, нам сделали крышу, отопление, много чего»²⁷.

Зачастую, начав «борьбу» по какому-то конкретному поводу, люди долго втягиваются в решение общественно-значимых вопросов и становятся членами различных комитетов, депутатами думы и членами политических партий. Здесь действует принцип: «кто везёт, на том и едут».

Депутат, член Совета ветеранов, пос. Чигири: «...Я не собиралась быть депутатом... Но меня избрали в избирательную комиссию, и там я услышала: “Что ваши Чигири? Там не найдёшь ни председателя Совета, ни главы администрации, никакие вопросы не решишь”. И я решила узнать, есть ли

какие-то законы для людей. Власть мы ругаем все, вот и решила узнать, и для этого пошла в депутаты... Я начала копать. Нажила, конечно, себе кучу врагов... Но у меня и актив свой есть... Это жители посёлка... Самые разные профессии... Это люди, которые меня знают, и я их знаю... Вообще-то ко мне теперь стали обращаться многие»²⁸.

Если у женщины есть общественный темперамент (или «локальная идентичность»), то он реализуется в самых разных направлениях одновременно – в бизнесе, в депутатстве, благотворительности и т.д. Среди наших респондентов ярким тому примером является предпринимательница, депутат из пос. Кавалерово: «Очень болеем за район, очень люблю свой район... Приехала сюда по направлению, в 79-м году... Девчат у меня 17 работников... Я... была директором Дома торговли здесь, при Хрустальненском горно-обогатительном комбинате... Коллектив весь мой практически сохранился... Помогаю я многим: вторая школа, интернаты, детский дом. Эти предприятия, которые называю “мои предприятия”... И просто частным людям – то на операции... Спортсмены... хоккейная команда “Кристалл” и гиревики. У меня есть и грамоты... Смешно!»²⁹.

Активная женщина становится центром сети постоянных взаимодействий, как по горизонтали, так и по вертикали: «Получается, что мы объединили вокруг себя предпринимателей – Совет предпринимателей. Сами самоорганизовались, сами себе услуги оказываем и взаимодействуем с органами власти на предмет организации мероприятий по поддержке: финансирование там... социальная ответственность бизнеса там и т.д., и т.п. То бишь, группа предприятий объединилась вокруг нашей организации и сама с собой играет»³⁰.

Одна из опрошенных (амурский филиал партии «Яблоко»), Благовещенск³¹:

- Я преподаватель, историк по образованию, член Амурского экологического клуба «Улукиткан»... Часть экологического движения хотела создать свою партию «Зелёная Россия»... мы пришли в «Яблоко» – своей «зелёной» фракцией.
- Гражданское общество по каким поводам активизируется? Вот у вас недавно такая трагедия была [наводнение – Ю.К.]?
- Я могу сказать не только по наводнению, но и по другим поводам – по тому же космодрому, что зачатки гражданского общества, они присутствуют. К сожалению, они не находят поддержки.

д) взаимодействие с властью

У всех наших респондентов периодически возникает необходимость взаимодействия с властью. Более всего это касается представителей бизнеса и общественных организаций. Как ни странно, особенных нареканий к местной власти нет. Есть осознание её ограниченных возможностей и определённых правил игры, которым нужно следовать.

Фермер, г. Шахтёрск³²:

- В администрацию не обращались за чем-нибудь?
- Да нет. Сенокос дали и всё.
- То есть, всё-таки они отвели вам землю?
- Да.

- Нормально, без коррупции всякой?
- Нет. Без всякого.
- То есть, нареканий на администрацию нет?
- Нет.

Библиотекарь, г. Шахтёрск³³:

- Были случаи обращения к властям, есть возможность решать вопросы?
- Если всё сделать квалифицированно – можно. Вот у меня протекал угол – я пошла в мэрию... Создали комиссию, пришли ко мне, составили акт и всё сделали.
- То есть, власть доступна.
- В общем, да, доступна.

Руководитель НКО, г. Углегорск³⁴:

- Поддержки от власти Вы не получаете?
- Абсолютно.
- А не мешают они Вам?
- Если вы... глубоко в сферу их деятельности не вступаете, и конфликта открытого нету, то они ничего сделать не могут. Но вообще у нас доходит до арбитражных судов, и мы там доказываем по закону, что мы имеем право на всё это дело, и пусть они попробуют нам просто так сказать, что «вы нам не нравитесь и кышните!» [смеётся].

Более серьёзные ожидания связаны с правительством: люди хотят видеть определённую экономическую политику, долгосрочную стратегию.

Владелица пекарни, г. Углегорск: «Вы знаете, я вот иногда задумываюсь: у государства тоже очень сложные задачи стоят. Они... какие-то параметры устанавливать должны. Они ведь не должны сами работать. Работаем-то мы... Лучше, если на более длительный срок какие-то правила сохраняются. Уже так надоело – сами бланки меняются, формы – зачем? Нам неохота думать об этом... Если бы замерло на 10 лет... И не что-то глобальное – а вот эта ерунда»³⁵.

Особенно тяжело переживается отсутствие разумной налоговой политики, которое губит бизнес, разоряет предпринимателей, ведёт к сокращению рабочих мест без всякой пользы для государства.

Интервью с предпринимательницей, пос. Кавалерово³⁶:

- Так что сейчас для вас более тяжёлые времена, да?
- Очень тяжёлые. Даже вот в 90-е...
- Ну, с этого года вот как, изменилась система налогообложения?
- Да. Вот могу сказать, собственно, началось в конце 11-го года, 12-й абсолютно весь у меня... так: месяц чуть-чуть на плаву, месяц даже убыточный. Мы сейчас поедем то, что заработали за предыдущие годы... Это точно так же касается, ну, лесников... И ещё, вот у нас предприниматели... жили маленечко... Всё как-то вот... стало... хуже [тихо]. Если мы скатились по уровню оборота на две тысячи второй год, то... очень плохо.

По её мнению, 2011 г. – худший для мелкого бизнеса, даже по сравнению с 1998-м г., что подтверждается и другими исследователями, и материалами СМИ³⁷.

Женские приоритеты

а) семья, образование детей

Семья, особенно дети и внуки, доминирует среди приоритетов наших героинь, несмотря на то, что все они активно трудятся, занимаются бизнесом и общественной работой.

Женщины-предпринимательницы распространяют материнское отношение и на свой трудовой коллектив. Предпринимательница, депутат Думы, пос. Кавалерово: «У меня единственное предприятие в районе, в котором работают все, кто работали... Мы вырастили вместе детей, все вместе обучили. Все девчата у меня обеспечены жильём. Сейчас уже внуков вместе обучаем...»³⁸.

Владелица пекарни, г. Шахтёрск³⁹:

- Я работаю с алкоголиками, в том плане, что...
- Они хорошие работники? Почему вы их не выгоняете?
- Да, замечательные... Но это заболевание... Ну вот, сейчас уже моё терпение лопнуло, нам придется их уволить. Но я не всех увольняю. Я знаю, что вот некоторые люди пьют, но они у нас работают... Но я испугалась, что я могу нечаянно сделать естественный отбор, и у меня соберутся все алкоголики на предприятии – что я тогда буду делать?

Если заходит речь о переезде (а уехать с Дальнего Востока из тех, кто был опрошен, хотят или вынуждены почти все), женщины стремятся взять с собой детей, даже взрослых и женатых (замужних). Предпринимательница, пос. Кавалерово⁴⁰:

- Приглашали меня туда... ближе к югу... Ну, конечно же, ещё семья сына. Семья сына, это невестка...
- Тоже с вами?
- Ну, конечно [*вздыхает*]...

Образование детей является одним из главных приоритетов: «Была острая необходимость учить детей... Поэтому, когда работа была, за неё хватились, чтобы поставить детей на ноги»⁴¹.

На вопрос, где учились дети и какие возможности даёт образование в Сахалинской области, Г.Ш., геолог, ответила: «Одна [дочь училась] в Новокузнецке в НАГС [Академия государственной службы], а вторая в ДВГТУ во Владивостоке... Нужен не просто диплом, нужны фактические знания, нужно настоящее образование... Пробыться можно, главное – стараться»⁴².

Библиотекарь, г. Шахтёрск [одна воспитывала ребенка – Ю.К.]: «...Сын хотел поступить в мед[ицинский институт], но не было средств выехать за пределы области. Поступил в Южно-Сахалинске в Нефтегазовый институт бесплатно, закончил с отличием и был направлен в Москву в магистратуру, тоже бесплатно. Сейчас на стажировке в Арабских Эмиратах. С первого курса он работал. Если цель есть, то достигнешь»⁴³.

б) социальная и культурная среда

Одним из важных результатов социальной адаптации является социальное самочувствие, т.е. субъективная оценка человеком качества своей жизни и своего места в обществе⁴⁴. Для самочувствия женщин, с которыми мы беседовали, одним из приоритетов является среда обитания в самом широком смысле: от экологии до психологического комфорта.

Владелица пекарни, г. Углегорск: «...Мне кажется, нужно физическую среду изменить. Чтобы я вышла из дома – и мне было приятно на душе. Чтобы я шла ночью... – мне часто приходится ночью ходить – темнотища, упасть можно... Физическую среду нужно модернизировать. И дать людям спокойно работать – не дёргать их этими бумагами постоянно»⁴⁵.

Журналистка, г. Углегорск: «...Молодёжи нужны не только деньги. Им нужна нормальная среда – чтобы нормально жить, чтобы дети могли тут остаться... Даже внешний облик города более привлекательный... более чистенький, облагороженный... Опрятные тротуары, озеленение... Благоустройство и рабочие места – вот самое главное»⁴⁶.

Геолог, г. Шахтёрск: «...Пугают огромные дома с зияющими дырами вместо окон, очень много бесхозяйственности. Это в целом проблема многих шахтёрских городов, они медленно умирают, хотя если говорить о крупных шахтёрских городах, то там всё движется аршинными шагами, яркий пример – Новокузнецк с его программой переселения из ветхого жилья и многие другие вещи»⁴⁷.

Библиотекарь, г. Шахтёрск⁴⁸:

- А вы бы хотели уехать, если бы была возможность?
- Я бы хотела. Я люблю хорошие библиотеки, люблю театр. Люблю просто ходить и восхищаться окружающей красотой. Мне приятно видеть культурных людей... А здесь этого нет, и я не думаю, что когда-нибудь будет. И грустно, и скучно жить. И выручают вот книги.

Выводы. Условия жизни Дальнего Востока России таковы, что ещё до начала социально-экономической адаптации приходится решать проблему простого биологического выживания.

Повседневность дальневосточных женщин – труд. Респонденты упоминают о работе во время учёбы, о дополнительной работе, в том числе и после выхода на пенсию. При этом условия труда часто изменяются, причём не в лучшую сторону. Наши героини пережили ликвидацию тех отраслей промышленности и предприятий, где они работали, разрушение инфраструктуры (ЖКХ, систем транспорта, образования, здравоохранения, культуры), деградацию моногородов и северных поселений.

По мнению женщин-предпринимательниц, если в конце 1980-х – 1990-е гг. трудности отчасти носили объективный характер и открывали новые возможности, связанные прежде всего с «государствозамещением», то с 2010 г. у малого бизнеса проблемы возникают из-за неэффективной экономической политики РФ. Бизнес, созданный в 1990-е гг., переживший кризисы 1998 и 2008 гг., разрушается в 2011–2014 гг. из-за неадекватных действий налоговых органов.

Интервью содержат материал, который позволяет утверждать, что женщины тратят значительные усилия не столько на вертикальную мобильность, сколько на создание горизонтальных сетей поддержки. Вокруг успешной женщины возникают расширяющиеся круги солидарности:

семья => трудовой коллектив (с семьями) => объекты

благотворительности => органы местного самоуправления.

У многих наших респонденток есть постоянный или возникший по ситуации «актив» (группа поддержки), который позволяет им добиваться поставленных коллективных целей. Таким образом, они не просто выживают сами, но и создают институты взаимопомощи.

Среди приоритетов у женщин на первом месте находится, конечно, семья, включая взрослых детей и внуков. Образование детей является главным средоточием трудовых усилий семьи, даже в пенсионном возрасте. Интервью свидетельствуют, что хорошее образование в регионе является социальным лифтом, даже при отсутствии связей, «блата» и т.п. ресурсов.

Женщины уделяют также большое внимание качеству среды обитания – для них важны хорошая экология, красота и комфорт городского пространства, наличие объектов культуры, психологический климат. Отсутствие комфортной среды является одной из причин оттока населения с Дальнего Востока.

-
- 1 Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 15.
 - 2 Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. С. 8.
 - 3 Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010. 388 с.
 - 4 См.: Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009. 146 с.; и др.
 - 5 Интервью А05, г. Шахтёрск, Сахалинская обл., женщина, ок. 70 лет, гл. геолог угольного разреза, 2013 г.
 - 6 Интервью А018, г. Шахтёрск, ж., ок. 60 лет, библиотекарь, 2013 г.

- 7 Интервью А015, г. Углегорск, Сахалинская обл., ж., предприниматель (пекарня), 2013 г.
- 8 Интервью А021, г. Петропавловск-Камчатский, ж., ок. 30 лет, преподаватель, 2013 г.
- 9 Интервью С08, г. Хабаровск, ж., ок. 50 лет, руководитель страховой фирмы, 2014 г.
- 10 Интервью В14, пос. Алдан, Якутия, ж., ок. 40 лет, рабочая (разговор в зале ожидания на вокзале Благовещенска), 2014 г.
- 11 Интервью А05.
- 12 Интервью D01, Приморский край, ж., предприниматель и депутат районной думы, 2013 г.
- 13 Интервью А021.
- 14 Там же.
- 15 Интервью В12, г. Зея, Амурская обл., ж., ок. 50 лет, библиотекарь, 2014 г.
- 16 Интервью D01.
- 17 Интервью А08, г. Шахтёрск, женщина, 69 лет, медсестра/фермер/вахтёр, 2013 г.
- 18 Интервью А018.
- 19 Там же.
- 20 Интервью А021.
- 21 Интервью А08.
- 22 Интервью А015.
- 23 Интервью D01.
- 24 Интервью А017, г. Углегорск, журналистка, ж., 1975 г.р., 2013 г.
- 25 Интервью С08.
- 26 Интервью А018.
- 27 Интервью А05.
- 28 Интервью В10, пос. Чигири (пригород Благовещенска), ж., ок. 70 лет, депутат муниципалитета, член Совета ветеранов, 2014 г.
- 29 Интервью D01.
- 30 Интервью А013, г. Углегорск, ж., директор НКО, 2013 г.
- 31 Интервью Б09, г. Благовещенск, ж., 1978 г.р., член партии «Яблоко», 2014 г.
- 32 Интервью А08.
- 33 Интервью А018.
- 34 Интервью А013.
- 35 Интервью А015.
- 36 Интервью D01.
- 37 Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации...; Куликов С. Отечественный бизнес придушили чиновники // Независимая газета. 2012. 24 янв. и др.
- 38 Интервью D01.
- 39 Интервью А015.
- 40 Интервью D01.
- 41 Интервью А05.
- 42 Там же.
- 43 Интервью А018.
- 44 Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Две модели адаптации к социальным изменениям // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 160.
- 45 Интервью А015.
- 46 Интервью А017.
- 47 Интервью А05.
- 48 Интервью А018.

УДК: 378(571.6)»1980/1990»

Л.И. ГАЛЛЯМОВА, В.Г. МАКАРЕНКО

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ: РЕГРЕСС ИЛИ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?

Анализируются особенности развития высшей школы на Дальнем Востоке России в годы перестройки (1985–1991) под воздействием правительства реформ, сделан акцент на усилении материально-технического и научно-педагогического обеспечения вузов.

Ключевые слова: Дальний Восток России, политика перестройки (1985–1991), реформирование, высшая школа, материально-технический и научно-педагогический потенциал.

В истории СССР вторую половину 1980-х – сентябрь 1991 г. принято обозначать как период перестройки или время очередных попыток проведения «сверху» политических и социально-экономических реформ. Их инициатором и активным проводником выступил избранный в марте 1985 г. генеральным секретарём ЦК КПСС М.С. Горбачёв. В стране и партии его восприняли как перспективного демократичного руководителя, потенциального реформатора, которому симпатизировали многие люди в СССР и за рубежом.

Широкая программа реформ (их предполагалось осуществить, как обычно, административными методами¹) под лозунгом «ускорения социально-экономического развития страны» предусматривала дальнейшее совершенствование социализма в СССР на основе эффективного использования достижений научно-технического прогресса, активизации человеческого фактора и изменения сложившегося порядка планирования. Начавшиеся в государстве в соответствии с решениями апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС реформы на первом этапе поддержали не менее 80% населения². Принятые решения свидетельствовали, что руководство КПСС и советское правительство осознали критическую степень отставания СССР по уровню развития техники, технологии производства и социальной сферы от современных мировых стандартов*. Это, в свою очередь, предопределило необходимость коренных преобразований в экономике на основе ускорения научно-технического прогресса, внедрения его результатов в общественное производство и социальную практику. Большое значение придавалось активизации человеческого фактора, определяющей роли высококвалифицированных кадров, рациональному их использованию, повышению престижа интеллектуального труда и, в конечном итоге, эффективной деятельности всей модели подготовки специалистов, в том числе и высшей школы страны³.

* По свидетельству А.И. Лукьянова, в апреле 1985 г. члены «команды» М.С. Горбачёва «...понимали необходимость глубоких реформ, необходимость демократизации. Но всей глубины кризиса, в котором находится страна, и все меры трудностей предстоящего пути мы не знали». Цит. по: Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 3. М.: Время, 2006. С. 719.

Несомненно, в любом государстве система образования относится к ряду фундаментальных социальных институтов, от успешного функционирования которых зависит устойчивое поступательное и прогрессивное политическое, социально-экономическое, культурное развитие общества, его морально-психологическое и нравственное состояние. Советская модель государственного высшего образования сформировалась ещё в 1920–30-е гг.⁴ и в целом соответствовала социально-экономическому укладу СССР⁵, отраслевой структуре его экономики, плановому принципу развития хозяйственного комплекса, административно-командной форме управления. В практически неизменном виде система высшего образования просуществовала до начала перестройки. Естественно, что за это время в ней накопились нерешённые проблемы и противоречия. Не случайно на XXVII съезде КПСС (февраль – март 1986 г.) был сделан акцент на том, что «...в последние годы рост выпуска специалистов не сопровождался должным повышением качества их подготовки. Серьёзно отстала материальная база высшей школы. Нуждается в значительном улучшении практика использования специалистов»⁶. Впервые за многие годы на заседании политбюро ЦК КПСС (1986 г.) предметом обсуждения стали вопросы совершенствования правил приёма в вузы и ликвидации некоторых социально-классовых льгот и привилегий⁷.

На январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачёв отметил: «Перестройка требует от работников компетентности и высокого профессионализма. Сегодня не обойтись без современной и разносторонней подготовки, без глубоких знаний в вопросах производства, науки и техники, управления, экономики, организации и стимулирования труда, психологии. В общем, нам нужно максимально задействовать интеллектуальный потенциал страны, существенно повысить его творческую отдачу»⁸. Вполне закономерно, что в сложный перестроечный период система высшего образования, как одна из важнейших подсистем экономической структуры государства, должна была трансформироваться в соответствии с внешними и внутренними конкретно-историческими условиями, с изменением государственной политики в сфере образования⁹, а также под воздействием политических (идеология), экономических (финансирование), демографических и социальных факторов.

Административно-правовая база перестройки высшей школы была заложена в ряде принятых партийно-правительственных документов. В них не только неоднократно подчёркивалась роль вузов в эпоху прогрессирующей НТР в социально-экономическом и культурном развитии советского общества, но и ставились задачи по разрешению основных проблем и ликвидации крупных недостатков, характерных в целом и для высшей школы Дальнего Востока*. Так, в постановлении ЦК КПСС «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране» (март 1987 г.)

* Основная особенность дальневосточной региональной системы высшего образования в 1960–1980-е гг. – хроническое отставание от средних показателей РСФСР по материально-техническому и кадровому обеспечению вузов, что предопределило неудовлетворительные организационные условия и низкий уровень подготовки специалистов, выпускаемых в массовом порядке. Подробнее см.: Макаренко В.Г. Высшая техническая школа Дальнего Востока России (середина 60-х – 80-е годы XX в.). Владивосток: ДВГТУ, 2002; Его же. Использование инженерно-технических кадров в народном хозяйстве Дальнего Востока (1966–1985): Препринт. Владивосток, 1989.

указывалось на недопустимую в эпоху НТР слабость материально-технической базы (в первую очередь – низкая обеспеченность электронно-вычислительной техникой) и социальной инфраструктуры, недостаточно высокую квалификацию научно-педагогических кадров и складывавшуюся тенденцию их постарения, преобладание пассивных форм обучения, снижение престижа высшего образования и, как следствие, – конкурсов при поступлении в вузы, качества подготовки, а также нерациональное использование специалистов, недостаточную востребованность части выпускников вузов, их перепроизводство по ряду специальностей¹⁰. В связи с этим ЦК КПСС выдвинул в качестве основной задачи реализацию коренной перестройки деятельности высшей школы «для обеспечения нового качества подготовки специалистов в тесной связи с улучшением их использования, гарантирующего выход нашей страны на передовые рубежи научно-технического и социального прогресса, а также опережающего развития высшего образования по отношению к технической реконструкции народного хозяйства»¹¹.

К началу перестройки высшая школа Дальнего Востока СССР формально выглядела достаточно благополучно по критерию обеспечения специалистами многоотраслевого народнохозяйственного комплекса региона. В середине 1980-х гг., благодаря деятельности 28 вузов, в которых обучалось 121,1 тыс. студентов, в основном обеспечивались текущие и перспективные потребности региональной экономики в «классических» профилях специальностей¹². Только за счёт выпусков молодых специалистов из трёх технических институтов – Хабаровского (ХПИ), Комсомольского-на-Амуре политехнического (КНАПИ) и Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТа) – в значительной мере удовлетворялись потребности в инженерных кадрах для машиностроения, строительства, железнодорожного транспорта. На судах морского флота региона было занято 45% выпускников Дальневосточного высшего инженерного морского училища (ДВВИМУ), в Дальневосточном морском пароходстве – 59%. На предприятиях лесной и бумажной промышленности региона трудилось 96% выпускников ХПИ¹³. Однако по новым специальностям, определяющим научно-технический прогресс (электронно-вычислительные машины (ЭВМ), робото- и лазерная техника, порошковая металлургия, геологоразведка на морском шельфе и некоторые другие), специалистов с высшим образованием крайне не хватало¹⁴.

Сложившиеся диспропорции в планировании их подготовки обусловили недостаток специалистов во второй половине 1980-х гг. в промышленности Приморского края по 35 перспективным специальностям, в т.ч. по энергетике, электронике, химической технологии¹⁵. Основные причины такого положения коренились в противоречиях между задачей обеспечить народнохозяйственный комплекс страны и регионов специалистами с высшим образованием и возможностью её реализации при отсутствии точных данных о потребности в кадрах того или иного профиля. В результате на Дальнем Востоке, как и в стране в целом, не были достигнуты оптимальные пропорциональность и сбалансированность в подготовке специалистов по отраслевым группам специальностей¹⁶. Так, если общая потребность (по валу) Приморского края в выпуске специалистов с высшим образованием удовлетворялась на 115%, то по конкретной отраслевой номенклатуре специальностей – только на 60%¹⁷. Анализ целевых комплексных программ «Дальний

Восток» (1979) и «Интенсификация народного хозяйства Дальнего Востока» (1988) показывает, что в определении точной потребности в специалистах с высшим образованием полная ясность отсутствовала. Например, в вузах Приморского края в 1980-е гг. подготовка кадров была сбалансирована в соответствии с реальными нуждами региона только по 12 специальностям из имеющихся 94, что в итоге привело к перепроизводству инженеров. Расчётная потребность в них в 1986 г. составляла 6 468 чел., в то время как контингент вузовских выпускников достиг 7 225¹⁸.

Кроме того, во второй половине 1980-х гг. на Дальнем Востоке сохранялись также территориальные диспропорции в размещении вузов. Учебные заведения находились преимущественно в крупных городах южной зоны региона. По решению центральных органов управления была сделана попытка компенсировать такое нерациональное расположение за счёт создания в наиболее отдалённых районах учебно-консультационных пунктов (УКП) и филиалов вузов, однако обеспечивать их материально-технической базой и необходимыми кадрами в течение длительного времени и в нужном объёме не удавалось.

В этот период, несмотря на ряд перестроечных лозунгов о необходимости борьбы с засильем централизованных бюрократических методов руководства, сохранялись громоздкая система управления подготовкой кадров, а также ведомственная подчинённость вузов. Причиной являлись определённый консерватизм и инерционность самой системы, а также несовершенство (с точки зрения перестроечных процессов) сферы управления высшей школой СССР*. В реальной практике это способствовало консервированию дублирования в подготовке новых кадров, складыванию устойчивых диспропорций в обеспечении ими отраслей народного хозяйства. Таким образом, несмотря на планирование деятельности высшей школы, гаран-

* В 1980-е гг. централизованное управление вузами Дальнего Востока осуществляли 17 министерств и ведомств: Министерство бытового обслуживания (два технологических вуза), Госкомспорт СССР (Институт физкультуры), Министерство рыбного хозяйства СССР (Дальрыбвтуз), Министерство путей сообщения (Институт инженеров железнодорожного транспорта), Министерство морского флота (Дальневосточное высшее инженерное морское училище им. Г.И. Невельского), Министерство здравоохранения РСФСР (три медицинских института), Госагропром СССР (два сельскохозяйственных института), Министерство культуры РСФСР (два института культуры), Министерство высшего образования РСФСР (семь вузов), Министерство связи, Министерство торговли (Дальневосточный институт советской торговли) и т.д. Несогласованность между ними, ведомственные перегородки приводили к дублированию в подготовке специалистов. Рассредоточение по одноимённым профилям специальностей в пределах отдельных краёв и областей региона (и даже городов) не только вело к распылению материально-технического и научно-педагогического потенциалов и не способствовало повышению качества подготовки специалистов, но и являлось причиной перепроизводства кадров по ряду специальностей. Таким образом, своевременное обеспечение специалистами с высшим образованием многоотраслевого хозяйственно-экономического комплекса Дальнего Востока сдерживалось централизованной, чрезвычайно громоздкой и бюрократизированной системой управления. Для устранения ведомственных барьеров в 1988 г. была создана единая организационная структура – Комитет по делам науки и образования.

тированное государственное распределение молодых специалистов, официальное отсутствие безработицы и рынка труда, сложившаяся во второй половине 1980-х гг. на Дальнем Востоке практика подготовки кадров с высшим образованием находилась в остром противоречии с реальными потребностями народно-хозяйственного комплекса региона.

В 1980-е гг. планировалось изменить неблагоприятную ситуацию с помощью таких методов, как расширение прав и инициативы студентов, активизация ректорского и преподавательского корпуса, перестройка управления и планирования, изменение системы подготовки специалистов, обновление форм и методов учебного процесса. Так, в сентябре 1986 г. в Приморском крайкоме КПСС было проведено совещание идеологического актива, заведующих кафедр общественных наук, директоров НИИ и вузов по вопросу преподавания философии в условиях перестройки. Однако, согласно воспоминаниям участников совещания, «...конкретных решений принято не было, так как у работников крайкома ясных ответов на новые вопросы не нашлось»¹⁹. Эта проблема касалась не только вузов всей страны. Работники высшей школы осознавали, что перестраиваться надо, но, привыкнув только к неуклонному исполнению спущенных сверху директив, не могли понять – в чём и как перестраиваться? Ясной картины не видели ни в центре, ни на местах.

В поисках ответов в октябре 1986 г. в Москве провели Всесоюзное совещание преподавателей общественных наук. В центре внимания были вопросы: что конкретно и как делать, перестраивая сферу высшей школы, обновляя формы и методы преподавания гуманитарных и общественных наук в условиях гласности, открытости и начавшейся информационной насыщенности. Разработанные рекомендации министр высшего образования СССР Г.А. Ягодин в марте 1987 г., находясь во Владивостоке, представил студентам и преподавателям Дальневосточного государственного университета. Зафиксированные в документах основные принципы и направления работы в новых условиях были следующими: дальнейшее развитие интеграции высшего образования, науки и производства, изменение структуры подготовки специалистов, её улучшение за счёт создания учебно-методических объединений по группам родственных специальностей, углубления специализации, расширения самостоятельной и индивидуальной подготовки студентов, а также гуманизации образования, проведения регулярной аттестации вузов, введения выборности ректоров и самоуправления студентов как одной из форм демократизации внутривузовской жизни²⁰. На Всесоюзном съезде работников народного образования (1988 г., Москва) были сформулированы и одобрены основные принципы перестройки и дальнейшего развития системы высшего образования СССР: совершенствование управления, выборность ректоров, демократизация, гуманизация, дифференциация, вариативность, рационализация, открытость, мобильность и непрерывность обучения²¹.

Перечисленные принципы неоднократно дублировались и в других партийно-правительственных документах и ведомственных программах. Так, в Комплексной программе научно-технического прогресса в СССР (1988 г.) в раздел «Образование и подготовка кадров» включили формулировки основной цели перестройки высшей школы и направления её дальнейшего развития: формирование у выпускников вузов профессиональных

знаний и умений, усиление опыта творческой деятельности, повышение морально-личностных качеств, обеспечивающих активное включение молодых специалистов в профессиональную и общественную деятельность на высококачественном образовательно-квалификационном уровне²². Таким образом, главными задачами высшей школы, как и в предыдущие годы, оставались достижение наиболее полного обеспечения потребностей народного хозяйства специалистами высокого уровня и рост качества подготовки в соответствии с требованиями НТР, дальнейшее развитие производительных сил, повышение культурно-образовательного потенциала общества.

Такая ориентация вузов обусловила ряд конкретных мероприятий их руководства по смещению акцентов в образовательном процессе на следующие направления: обеспечение более высокого теоретического уровня обучения, общенаучной фундаментальной подготовки; умение применять полученные знания на практике; формирование активной жизненной позиции, преданности делу марксизма-ленинизма; воспитание патриотизма и социалистического интернационализма, культуры творческой деятельности, психологической устойчивости, эффективности совместной деятельности в коллективе; развитие студенческого самоуправления²³.

Проведение в жизнь широкой программы перестройки отечественной высшей школы требовало соответствующего государственного финансирования, однако экономические возможности СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. были ограничены из-за дальнейшего углубления социально-экономического кризиса, который приобретал всё более системный характер. Ситуацию осложнили проведение непродуманной антиалкогольной кампании в мае 1985 г., ряд аварий, природных катаклизмов и катастроф (авария на атомной станции в Чернобыле 26 апреля 1986 г., землетрясение в Армении в декабре 1988 г., гибель подводной лодки «Комсомолец» 7 апреля 1989 г. и др.)²⁴.

При постоянном снижении государственного финансирования вузы Дальнего Востока, как и страны в целом, были обречены выживать самостоятельно, испытывали хроническое отставание материально-технического обеспечения от потребностей учебного процесса²⁵. Тем не менее в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в высшей школе Дальнего Востока стала меняться структура подготовки специалистов, открывались новые факультеты, кафедры, институты. Как и в предшествовавшие годы, продолжалось расширение системы высшего образования, обусловленное экстенсивным развитием экономики. Так, реализация единой территориальной комплексной программы энергоснабжения Дальнего Востока в середине 1980-х гг. предопределила возрастание потребности в кадрах по энергетическим специальностям. В связи с этим в 1984 г. началась подготовка инженеров по энергоснабжению промышленных предприятий, городов и сельского хозяйства в Благовещенском технологическом институте. В 1985 г. в ХПИ был создан энергетический факультет, в ХабИИЖТе на факультете электрификации ввели специализацию по системам электроснабжения и их автоматизации²⁶.

В 1980-х гг. в вузах региона расширился выпуск инженеров по электронно-вычислительной технике, автоматическим системам управления (АСУ), станкам с числовым программным управлением (ЧПУ), прикладной математике, порошковой металлургии, лазерной технике, началась подготовка специалистов по робото- и микропроцессорной технике²⁷. В ноябре

1986 г. филиал Дальрыбвтуза в Петропавловске-Камчатском был преобразован в самостоятельное учебное заведение – Высшее инженерное морское училище, в котором началась подготовка специалистов для рыбного хозяйства по судовождению, технологии рыбных продуктов, электрооборудованию, машинам и механизмам судов, акустике и радиотехнике²⁸.

В соответствии с запросами средств массовой информации в 1987 г. в ДВГУ отделение журналистики преобразовали в факультет. В декабре 1988 г. строители сдали в эксплуатацию новый гуманитарный корпус Дальневосточного университета. Однако учебных площадей по-прежнему не хватало. В 1989 г. создана Русская школа для иностранцев, которую временно разместили в помещениях студенческого клуба и аптеки, переоборудованных для занятий²⁹. В связи с началом подготовки семейных врачей во Владивостокском медицинском институте в 1987 г. открыли кафедры поликлинической терапии и педиатрии, в 1988 г. – кафедры факультетской хирургии, пропедевтики внутренних болезней, гигиены питания, коммунальной гигиены, гигиены детей и подростков, в 1989 г. – кафедру наркологии и психиатрии³⁰. Откликаясь на необходимость модернизации высшего образования, Хабаровский педагогический институт открывает кафедры социальной педагогики, методики и второго иностранного языка, основ медицинских знаний и охраны здоровья детей и др., в 1989–1992 гг. создаются отделения китайского, японского и корейского языков, в 1989 г. – кафедра теории и истории культуры, которая на протяжении ряда лет являлась единственной на Дальнем Востоке осуществлявшей подготовку учителей по истории мировой художественной культуры, и т.д.³¹

В годы перестройки вузы приобрели большую самостоятельность: получили право формировать собственные учебные планы с учётом регионального компонента, определять специализацию, формы и методы подготовки, развивать международные связи, направлять студентов и преподавателей на стажировки за рубеж³². Новые условия и потребности социально-исторического развития страны сформировали предпосылки для расширения сферы преподавательской и научно-исследовательской деятельности, например, в области восточной филологии. Так, в 1989 г. ХГПИ принял первых студентов из Китая, вузовские преподаватели, затем и студенты получили возможность совершенствовать свои знания и повышать квалификацию в вузах Китая, Кореи, Японии³³. В январе 1991 г., несмотря на закрытость Владивостока для иностранцев, было подписано первое партнёрское соглашение ДВГУ с Мэрилендским университетом о совместной подготовке специалистов в области международных экономических отношений и менеджмента по новаторской программе (двух дипломов). На основе данного соглашения приказом Госкомитета РСФСР по делам науки и высшего образования в ДВГУ создали совместный Российско-американский факультет, а университет признали базовым для подготовки менеджеров на Дальнем Востоке³⁴.

Однако перестроечные процессы в вузах страны и региона протекали неоднозначно. Система высшего образования как своеобразный консервативный институт общества во многом развивалась по инерции предшествующего периода в соответствии с общими тенденциями этого процесса в СССР, ког-

да почти ежегодно расширялась сеть вузов, их специализация*. Если в 1970-е гг. при стабильной численности высших учебных заведений в регионе отмечался постоянный рост численности студентов, то в 1980-е – начале 1990-х гг. происходил обратный процесс: при увеличении числа вузов численность студентов неуклонно снижалась, что было связано не только с падением престижа высшего образования и интеллектуального труда в обществе, но и с возникновением сложной демографической ситуации в стране. На практике очень медленно преодолевались основные недостатки и противоречия в деятельности высшей школы. Тем не менее появились и новые тенденции: самоуправление студентов, выборность ректоров. Так, в 1990 г. коллектив учёных и преподавателей ДВГУ избрал на альтернативной основе своим ректором 42-летнего декана юридического факультета канд. юрид. наук В.И. Курилова, который предложил оптимальную программу развития вуза³⁵.

В целях демократизации вузовской жизни в учебных заведениях региона формировались студенческие советы, имеющие право не только обсуждать, но и решать вопросы учёбы, воспитательной работы и быта, направления выпускников в аспирантуру, выделения повышенных стипендий и мест в общежитиях; студенты вводились в состав учёных советов с правом решающего голоса. В конце 1980-х гг. на заседаниях парткомов и учёных советов обсуждались вопросы свободного посещения лекций, индивидуальных планов обучения, качества лекций преподавателей³⁶.

В соответствии с рекомендациями Всесоюзного съезда работников народного образования (Москва, 1988 г.) проводились мероприятия по улучшению централизованного руководства вузами с расширением демократических начал управления, автономии, большей самостоятельности, творческой инициативы учебных заведений. В 1987 г. вместо научно-методических советов вузов, фактически работавших под непосредственным руководством и по программам Министерства высшего и среднего специального образования СССР, по его же инициативе стали создавать государственно-общественные учебно-методические объединения вузов, что способствовало обновлению содержания учебных планов и программ на основе информатизации высшей школы, внедрения интенсивных методов обучения (вариативного, дифференцированного и дистанционного)³⁷.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в высшей школе были введены новые учебные планы, которые предусматривали расширение самостоятельной работы студентов, хотя для её надлежащей организации на кафедрах не хватало соответствующих материальных условий³⁸. Тем не менее процесс

* Так, за 1981–1985 гг. (по сравнению с 1966–1970 гг.) число подготовленных специалистов в ХПИ увеличилось в 2,1 раза, ХабИИЖТе и КнАПИ – в 2,6, ДВПИ и Дальрыбвтузе – в 1,3, ДВВИМУ – в 1,2 раза. Однако темпы роста подготовки специалистов в первой половине 1980-х гг. имели тенденцию к снижению, что было связано, с одной стороны, с падением престижа инженерных профессий, ухудшением успеваемости, ростом отсева студентов, а с другой – с обострением демографической ситуации в 1980-е гг., с перепроизводством инженеров по ряду специальностей и сокращением в связи с этим приёма в вузы региона. Данная тенденция была характерна и для вузов страны в целом. См.: Макаренко В.Г. Высшая техническая школа Дальнего Востока... С. 113, 94.

обновления материальной базы вузов постепенно продвигался за счёт оснащения современным оборудованием: компьютерной техникой с выходом в интернет, ксерокопировальными машинами, сканнерами, телевизорами и магнитофонами и пр. Например, в ДВГУ приоритетно обеспечивались техникой естественнонаучные факультеты. Математический факультет в начале 1990-х гг. имел лабораторию с 18 компьютерами типа «Ямаха», «Искра», МХ-2, IBM. В 1991 г. централизованно был приобретен класс с 12 персональными компьютерами типа IBM. Значительную поддержку вузам в оснащении современной техникой и оборудованием оказывали институты Дальневосточного отделения РАН – автоматики и процессов управления, биологии моря, геологии, океанологии и др.³⁹

Значимым направлением перестройки высшей школы стала систематическая оценка научно-педагогической деятельности преподавательских кадров на основе нового «Положения о порядке замещения должностей и аттестации профессорско-преподавательского состава». Во Владивостокском медицинском институте эта работа проходила в несколько этапов, включая обсуждение кандидатур на заседаниях кафедр, принимающих решения о соответствии преподавателей занимаемым должностям. На основе этого определялся и тарификационный служебный оклад. Как и многие из нововведений перестроечных лет, аттестация оказалась недолговечной и уступила место традиционной системе отбора научно-педагогических кадров – избранию на должность по конкурсу⁴⁰.

Деятельность научно-педагогического персонала дальневосточных вузов не раз получала высокую оценку со стороны органов власти. Так, в 1987 г. стал победителем в соревновании среди вузов России и удостоился переходящего Красного знамени СМ РСФСР Хабаровский педагогический институт, десятки научных работников и сотрудников которого были отмечены высокими правительственными и ведомственными наградами⁴¹. В 1988 г. в связи с 30-летним юбилеем ВГМИ за высокий профессионализм и заслуги в организации медицинской науки и образования были награждены преподаватели П.А. Мотавкин (орден Трудового Красного Знамени), А.Н. Грибань (орден «Знак Почёта»), В.М. Нагорный (медаль «За трудовое отличие»). Отмечен большой вклад в становление и развитие ВГМИ ректоров В.М. Живодёрова, А.С. Тихомирова, проректоров Ю.К. Черненко и Н.А. Киселёва⁴².

Перестроечные процессы в стране привели к ослаблению монополии КПСС и ВЛКСМ на идеологическую и политико-воспитательную работу, к расширению гласности, демократических начал в общественной жизни, в т.ч. и в студенческой среде. В стране появились многочисленные нетрадиционные, неформальные, самодетельные общественные объединения, кружки, фонды, комитеты, стимулировавшие общественную активность в области политики, науки, техники, образования, музыки, спорта, экологии, культуры, религии⁴³.

Политические клубы «неформалов», объединённые идеями дальнейшей демократизации общества и радикализации перестройки, создавались во всех крупных городах страны – Москве, Ленинграде, Свердловске, Саратове, Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске. Одним из первых в Приамурье в сентябре 1988 г. был политический клуб «Трудодень» (Хабаровск), его совет возглавил преподаватель ХаБииЖТа В.А. Блажевич. В декабре 1988 г.

во Владивостоке организовали клуб «Демократ». В 1989 г. «Трудодень» и «Демократ» провели совместное заседание по вопросам выборов народных депутатов в Верховный совет СССР⁴⁴.

В 1989 г. на Дальнем Востоке началось объединение таких организаций и групп в общественное движение (в рамках Конституции СССР) «Народный фронт» по аналогии с подобными организациями в западных районах страны с целью «содействовать курсу партии на перестройку». Координационный совет Хабаровского народного фронта возглавил преподаватель ХПИ В.Г. Попов. В дальнейшем ХНФ выдвинул более радикальные цели и выступал за демонтаж тоталитарных структур и построение демократического общества, «за полную ликвидацию монополии КПСС в управлении страной, многопартийность, за разделение властей, полную реорганизацию КГБ, образование муниципальной милиции, подчиненной местным органам власти, сокращение армии»⁴⁵.

В Амурской области неформальные объединения молодёжи и студентов, дискуссионные клубы по проблемам перестройки и демократизации общества возникли в 1988–1989 гг.: «Гражданская инициатива» (рук. А.Н. Харлов, сотрудник НИИ СОИ), несколько отделений политических партий, движение «Демократическая Россия», «Демократический Союз», военно-патриотический клуб «Амур» (рук. бывший работник Архаринского райкома ВЛКСМ В.А. Морозов), «Союз борьбы за освобождение России» (организаторы В.А. Пухлов, А.Н. Батулин), «Конфедерация анархо-синдикалистов Амурской области» и др. В них наряду с другой молодёжью входили студенты педагогического и медицинского вузов Благовещенска. Диапазон задач, которые ставили участники данных объединений, был достаточно широк: политическое воспитание масс путём пропаганды принципов гражданского общества, правового государства, свободомыслия, равенства всех форм собственности; консолидация всех демократических сил в борьбе с тоталитаризмом и т.д. Эти движения стали мощным фактором активизации современного политического процесса в Приамурье, оказали большое воздействие на радикализацию перестройки на Дальнем Востоке, явились основой для формирования вначале протопартийных объединений, а в дальнейшем и региональных организаций всероссийских политических партий⁴⁶.

Однако многое из того, что планировалось осуществить в рамках принятых партийно-правительственных документов и ведомственных программ в вузах, на практике реализовать не удалось⁴⁷. Затягивание нововведений, неисполнительность субъектов преобразований, разбалансировка экономики, падение общественного производства, отсутствие материально-технических и социальных условий для создания инновационных обучающих программ – все эти факторы являлись тормозом на пути преобразований и модернизации вузов. В результате надежды реформаторов на глубокие изменения в системе высшего образования не оправдались. На Дальнем Востоке внедрение отдельных инноваций сдерживалось не только объективными и субъективными факторами, но и специфическими условиями функционирования региональных вузов, а именно: хроническим отставанием материально-технического и кадрового обеспечения от потребностей современного учебного процесса, что являлось продолжением основных тенденций и традиций предшествовавшего периода.

В целом сложившаяся в годы перестройки система подготовки специалистов в высшей школе Дальнего Востока не принесла ожидаемых реформаторами результатов и не смогла ликвидировать существовавший дисбаланс между реальными потребностями в кадрах и ускорением социально-экономического развития региона. Тем не менее перестройка не только позволила сохранить потенциал вузов Дальнего Востока, но и выявила ряд новых возможностей для совершенствования и дальнейшего развития подготовки специалистов, открывая перспективы выхода на более качественный уровень.

Углубление политического и социально-экономического кризиса в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (завершившееся распадом СССР) при отсутствии реальных результатов перестройки привело к смене ориентации большинства социальных слоёв советского общества от её первоначальной идеи «совершенствования социализма» или «социализма с человеческим лицом» как социальной утопии к идее перехода к рыночной экономике, предваряя очередное реформирование системы высшего образования и смену её модели.

1 Грачёв А.С. Горбачёв. М.: Вагриус, 2001. С. 127.

2 Там же. С. 93, 94, 96, 99, 113.

3 Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране. Постановление ЦК КПСС // Народное образование в СССР: сб. нормативных актов. М.: Политиздат, 1987. С. 223–245; О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 13 марта 1987 г. // Там же. С. 246–257; Правда. 1987, 21, 25 марта.

- 4 Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. С. 297–299.
- 5 Соскин В.Л. Российская советская культура... С. 297–299; Арташкина Т.А. Генезис и структура целеполагания в системе деятельности высшей школы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. С. 520–521.
- 6 XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1986. С. 71.
- 7 Мотавкин П.А., Полушин О.Г. От факультета до университета. Владивостокскому государственному медицинскому университету 50 лет. Владивосток: Медицина ДВ, 2008. С. 103.
- 8 Материалы Пленума ЦК КПСС. 27–28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 49–50.
- 9 Арташкина Т.А. Генезис и структура целеполагания... С. 518–521.
- 10 Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране. Постановление ЦК КПСС // Народное образование в СССР... С. 223–245.
- 11 Там же. С. 226.
- 12 Макаренко В.Г. Высшее образование на Дальнем Востоке России (середина 60-х гг. XX в. – 2007 г.) // Социально-экономическое и культурное развитие Дальнего Востока России в XX веке / под общ. ред. Г.М. Ремизова, А.Д. Табацкого. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПГУ, 2008. С. 385.
- 13 Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 1985, 15 марта; Центральный государственный арх. Министерства образования и науки Российской Федерации (далее – ЦГА МОН РФ). Ф. 605. Оп. 1: Материалы... Протокол выездного заседания коллегии во Владивостоке от 18 марта 1987 г.
- 14 Макаренко В.Г. Подготовка и использование инженерно-технических кадров на Дальнем Востоке СССР в период с середины 60-х до середины 80-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1990. С. 20.
- 15 Оленин С.П. Социологические аспекты проблемы повышения качества подготовки специалистов для народного хозяйства // Пути повышения эффективности подготовки и использования кадров. Владивосток, 1988. С. 4, 7.
- 16 ЦГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1: Материалы... Протокол № 2 от 17 января 1985 г.
- 17 Оленин С.П. Социологические аспекты проблемы повышения качества подготовки специалистов для народного хозяйства // Пути повышения эффективности подготовки и использования кадров: материалы науч.-практ. конф. Секция 1. Пути повышения эффективности подготовки кадров в системе народного образования. Владивосток, 1988. С. 6.
- 18 ЦГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1: Материалы... Протокол заседания от 17–18 марта 1987 г.
- 19 Мотавкин П.А., Полушин О.Г. От факультета до университета... С. 104.
- 20 Там же; Дальневосточный государственный университет. История и современность: 1899–1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 319.
- 21 Кононенко В.М. Политика перестройки и состояние высшего образования в 1985–1991 годы. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=5302 (дата обращения: 14.04.2015).
- 22 Кононенко В.М. Политика перестройки...
- 23 Там же; Мотавкин П.А., Полушин О.Г. От факультета до университета... С. 104–105; Дальневосточный государственный университет... С. 384–391.
- 24 Грачёв А.С. Горбачёв... С. 256–272.
- 25 Дальневосточный государственный университет... С. 323.

- 26 ГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1: Материалы... Стенограмма заседания коллегии во Владивостоке 17–18 марта 1987 г.; Заключение Главного управления технических вузов по отчету о работе ДВПИ за 1984 г.; Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. Проспект. Хабаровск, 1985. С. 21.
- 27 Образцов И.Ф., Голубков А.С. Задачи совершенствования подготовки специалистов // Проблемы и перспективы развития образования в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 23; ГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1: Материалы... Заключение Главного управления технических вузов по отчету о работе ДВПИ за 1985 г.; Стенограмма заседания выездной коллегии 17–18 марта 1987 г. во Владивостоке; Политехник. Владивосток, 1984. 21 марта.
- 28 ГА МОН РФ. Ф. 605. Оп. 1: Материалы... Решение коллегии от 18.03.87 г.; Красное знамя. Владивосток, 1987. 9 апр.
- 29 Дальневосточный государственный университет... С. 323–325.
- 30 Мотавкин П.А., Полушин О.Г. От факультета до университета... С. 107.
- 31 Кузница педагогических кадров. Хабаровскому государственному педагогическому университету – 70 лет: материалы юбилейного сборника. Хабаровск: Изд-во Хабаровск. гос. пед. ун-та, 2004. С. 119, 125, 169–170, 176, 207.
- 32 Дальневосточный государственный университет... С. 320–321, 323. Подробнее см.: Макаренко В.Г. На фоне реформ: Международные связи вузов Дальнего Востока России в конце 80-х – 90-е гг. XX в. (на примере вузов Приморского и Хабаровского краёв) // Россия и АТР. 2000. № 3; Его же. На пороге преобразований: Высшая школа Дальнего Востока России в условиях перехода к рыночной экономике // Россия и АТР. 1998. № 4. С. 88–90; Галлямова Л.И., Макаренко В.Г. Реформирование системы образования на Дальнем Востоке России в 1991–2011 гг.: некоторые итоги и перспективы // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы науч. конф. Вып. 2. Уссурийск: Изд-во Дальневост. федер. ун-та (филиал в Уссурийске), 2012. С. 112–119.
- 33 Кузница педагогических кадров... С. 170–173.
- 34 Дальневосточный государственный университет... С. 334–335.
- 35 Дальневосточный государственный университет... С. 321–323.
- 36 Мотавкин П.А., Полушин О.Г. От факультета до университета... С. 104–105.
- 37 Там же. С. 105; Вестник Дальневосточного регионального учебно-методического центра. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2009. № 17. С. 4–7.
- 38 Мотавкин П.А., Полушин О.Г. От факультета до университета... С. 104–105.
- 39 Дальневосточный государственный университет... С. 326–328; Галлямова Л.И., Макаренко В.Г. Реформирование системы образования... С. 112–116.
- 40 Мотавкин П.А., Полушин О.Г. От факультета до университета... С. 107.
- 41 Кузница педагогических кадров... С. 22.
- 42 Мотавкин П.А., Полушин О.Г. От факультета до университета... С. 107.
- 43 Арчаков М.К. Становление и деятельность самодеятельных «неформальных» общественно-политических организаций и движений в Приамурье во второй половине 1980-х гг. // Амурская область: История и современность: материалы всерос. науч.-практ. конф. В 2 ч. Благовещенск: Амур. обл. краевед. музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2009. Ч. 1. С. 214–217.
- 44 Там же. С. 215.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 216–217.
- 47 Дальневосточный государственный университет... С. 325.

УДК 321.96

Е.В. ВАСИЛЬЕВА

УЧЁНЫЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием перестройки на статусные позиции научных кадров Дальнего Востока, их профессиональную ориентацию, мировоззренческие установки и общественно-политическую активность.

Ключевые слова: перестройка, учёные, мировоззрение, профессиональная и общественная активность.

Непосредственное отношение имело к науке изменение политического курса СССР, заявленное в апреле 1985 г. как ускорение социально-экономического развития страны¹, а позднее – как перестройка и новое мышление², в целом направленные на обновление социализма, но завершившиеся его развалом в 1991 г. Перестройка в науке началась с кадровых решений, поскольку виделось, что из всех её проблем именно кадровая была особенно острой: с середины 70-х и до середины 80-х гг. темпы роста численности научных работников оказались самыми низкими за весь послевоенный период развития советской науки³. Дело было не только в ограничительной политике советского государства, пытавшегося выйти за рамки экстенсивного развития народного хозяйства. Сама профессия учёного переставала быть привлекательной. Чтобы привлечь специалистов в науку, с июня 1985 г. научным работникам существенно увеличили заработную плату⁴, поскольку в эти годы «лекарство от большинства экономических бед усматривалось в усилении личной материальной заинтересованности работников в результатах своей деятельности»⁵. Кроме того, для стимулирования внешней мотивации учёных с января 1986 г. ввели новые должности (главный научный сотрудник, ведущий научный сотрудник и научный сотрудник) при сохранении прежних (старший и младший научные сотрудники)⁶.

Кадровые преобразования в науке проходили на фоне партийных попыток демократизации общества, которые вылились в краткий слоган «гласность»⁷, а в Академии наук СССР привели в 1987 г. к изменению устава и выборности директоров и руководителей подразделений научных учреждений, а также членов учёных советов⁸. Выборность руководящего звена вскоре стала обязательной для всех секторов отечественной науки. Основную реорганизацию претерпела Академия наук: внутри неё были созданы новые отделения с расширенными правами и дополнительными для региональных структур функциями. В результате в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об Уральском и Дальневосточном отделениях Академии наук», принятым 26 сентября 1987 г., на базе Дальневосточного научного центра возникло Дальневосточное отделение АН СССР (ДВО)⁹.

Однако научные кадры на Дальнем Востоке были представлены также отраслевым и вузовским секторами. При снижении за последние 15 лет темпов роста численности, их распределение в 1985 г. было следующим: академические работники составляли 15,7% от общего числа, 29,4% приходилось на сектор отраслевой науки и 52,8% – на вузовский*. Кандидаты наук составляли 36,3%, обогнав союзные показатели на 5,3%; доктора наук – 1,7%, отставая от показателей на 1,3%. В целом секторальное распределение научных работников в регионе соотносилось с общесоюзным¹⁰.

Большая часть научных работников была сосредоточена в Приморье – 43,1% и Хабаровском крае – 35,5%; затем следовали Амурская область – 8,8%, Магаданская – 5,0%, Сахалинская – 4,3% и Камчатская – 2,9%.

Структура научных учреждений всех трёх секторов науки, в целом ориентированная на ресурсодобывающие отрасли промышленности, детерминировала и профессиональное распределение учёных, при котором основное их число представляли естествоиспытатели. В Приморье, например, их удельный вес составил 21,1%, в то время как по Союзу – 8,7%. Больше, чем в СССР, здесь было аграриев (2,8 и 5,1% соответственно), медиков (5,1 и 6,2%), историков (3,5 и 1,9%), филологов (6,6 и 3,9%) и даже философов (1,8 и 1,4%). Но Приморье, как и весь Дальний Восток, существенно отставало по числу научно-технических кадров: в 1985 г. в крае они составляли 23,7%, а в СССР – 47,7%**.

Должностная структура научных учреждений, как и в стране в целом, демонстрировала своё несовершенство. Так, в академическом секторе науки в Приморье 63,0% научных работников занимали должности младших научных сотрудников, в секторе отраслевой науки – почти вдвое меньше – 34,3%. Больше, чем в академическом секторе, здесь был удельный вес старших научных сотрудников: 33,4% против 21,0%. Исходя из данных предыдущих десятилетий, это можно экстраполировать и на весь Дальний Восток¹¹. Только престиж АН СССР сдерживал отток научных работников в отраслевой сектор, о чём свидетельствует и квалификационный уровень: в 1985 г. в составе ДВНЦ насчитывалось 45,8% кандидатов и 4,1% докторов наук, в то время как в отраслевом секторе – 23,3 и 0,5% соответственно. Вузы занимали «среднее положение»: 40,5% кандидатов и 1,6% докторов наук.

Повышение социального статуса научных работников за счёт кадровой составляющей научной политики ускорило рост их численности: в 1988 г. на Дальнем Востоке число научных работников по отношению к 1985 г. выросло на 7,0% (выше, чем в предыдущее пятилетие, на 0,4%). Такие результаты были достигнуты в основном благодаря реорганизации академического

* Здесь и далее статистические сведения о научных кадрах Дальнего Востока на 1985 и 1988 гг. приведены на основании источника: Текущее делопроизводство в 1988 г. Отдела статистики науки и технического прогресса Госкомстата СССР. Сводный отчёт по статистике научных кадров СССР за 1985 г.; Сводный отчёт по статистике научных кадров СССР за 1988 г.

** Здесь и далее статистические сведения о научных кадрах Приморского края на 1985 и 1987 г. приводятся на основании источника: Текущее делопроизводство Приморского краевого управления государственной статистики в 1985 г. и 1987 г.; Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 63.

сектора. Здесь число учёных с 1985 по 1988 г. увеличилось на 18,0%, в то время как в отраслевом секторе – всего на 8,5%. Это тем более показательно, что рост научных кадров в ДВНЦ с 1980 по 1985 г. составил 10,8%, а в отраслевой науке Дальнего Востока – 28,7%. Но и увеличение заработной платы, составившее только в науке Приморья к концу 1987 г. (в сравнении с 1985 г.) 10,0%, тоже сыграло свою роль. Так, в вузах к концу 1985 г. (к 1980 г.) число преподавателей (оплата их труда не выросла) сократилось до 96,7%. Падение было преодолено лишь к 1988 г., когда численность научно-педагогических кадров в регионе увеличилась на 3,1%, чему способствовал рост заработной платы теперь уже во всему Дальнему Востоку (после Постановления ЦК КПСС, Совета Министров и ВЦСПС в январе 1986 г.)¹².

Период конца 1987 – начала 1988 г. стал границей, за которой динамика численности научных кадров в регионе обрела негативную тенденцию, продолжавшуюся все 90-е и начало нулевых годов XXI в. К 1991 г. сокращение общего их числа по отношению к 1988 г. составило 6,5%, в ДВО – 1,8%, в отраслевом секторе – 30,0%. Лишь в вузах продолжался рост, составивший 5,3%.

При этом удельный вес кандидатов наук в академическом секторе составил 45,6% от общего числа занятых в нём, то есть был на 0,2% ниже, чем в 1985 г. На этот раз подобное снижение объясняется не только оттоком работников за пределы Дальнего Востока (постоянная проблема высококвалифицированных кадров в регионе), но и их переходом в доктора наук, чей удельный вес возрос до 7,3% (или на 3,2%). Те же причины в вузовском секторе привели к росту численности кандидатов наук на 6,0%, что составило 40,0% от общей численности занятых в нём преподавателей (или на 0,5% меньше, чем в 1985 г.), а докторов – на 45,5%, составив 2,3% (что на 0,7% больше, чем в 1988 г.). С учётом того, что число докторов в отраслевом секторе науки на Дальнем Востоке с 1985 по 1988 г. выросло более чем в два раза, можно утверждать, что данная тенденция в трансформации структуры научных кадров стала основной*.

Помимо возросшей заработной платы внешним фактором повышения удельного веса докторов наук стало преобразование должностной структуры научных работников, что удобно рассмотреть на примере Приморья. Почти через два года после вновь установленного распределения должностей, т.е. на конец 1987 г., на должность главного научного сотрудника пришлось только 0,1% всех его научных сотрудников, а ДВО оказалось единственным сектором, где данная должность была введена. Её заняли 0,3% всех научных работников Отделения. Представлена она была исключительно докторами наук, что составило 5,8% от всех докторов наук ДВО.

Невелика оказалась и доля ведущих научных сотрудников: 0,8% по Приморью, из которых 10,3% были докторами и 87,9% – кандидатами наук. Среди научных работников ДВО ведущие составили 2,6%, из них 13,6% докторов и 86,4% кандидатов наук. В отраслевом секторе на эту должность пришлось 1,2% всех научных сотрудников, из них 92,8% кандидатов наук, остальные учёной степени не имели.

* Ввиду неточности опубликованных статистических данных о квалификационном уровне работников в отраслевом секторе науки на Дальнем Востоке в 1991 г. автор их не приводит.

На группу старших научных сотрудников (ст.н.с.) от общей численности научных кадров Приморья пришлось 10,5%, из них 1,8% докторов наук и 57,2% кандидатов. В ДВО на эту должность пришлось 15,8% от общей численности всех научных работников, из них 4,4% докторов и 91,8% кандидатов, 3,8% занимающих эту должность учёной степени не имели. В отраслевом секторе ст.н.с. составляли 23,5%, из них 0,4% были докторами, 41,1% – кандидатами наук и 58,5% – без степени. В вузах доля ст.н.с. составила 4,3% от общей численности профессорско-преподавательского состава, из них 27,9% кандидатов наук и 72,1% сотрудников без степени.

В должности научных сотрудников Приморья оказалось 7,8%. Из них 51,8% – кандидаты наук и 48,2% – без учёной степени. Секторальное распределение было следующим: ДВО насчитывало 23,4% от общего числа научных сотрудников этого сектора, отраслевая наука – 33,0% и вузовская – 0,5%. Из них кандидатами наук в ДВО являлись 65,1%, в отраслевом секторе – 12,1%, в вузах – 15,0%.

Младшие научные сотрудники (м.н.с.) в структуре научных кадров Приморья занимали 18,6%. Из них кандидатами наук оставалось лишь 8,0%. Основная их доля приходилась на ДВО, где удельный вес м.н.с. был самым высоким – 44,5%, в то время как учёную степень кандидата наук из них имели 11,3%. В отраслевом секторе в общей структуре м.н.с. занимали 27,9%, а кандидатами наук из них были 3,4%. В вузах – 4,8% м.н.с., и 0,3% из них приходилось на кандидатов наук.

Поскольку рассчитанного оптимального соотношения должностей в их общей структуре не предлагалось, каждое ведомство действовало автономно. В результате сектор академической науки Приморья, по сравнению с отраслевым, оказался наименее восприимчивым к должностному продвижению кадров высокой квалификации. Если в ДВО из всех докторов наук этого сектора руководящие должности занимали 73,3%, то в отраслевой науке – 88,9%. Аналогичное наблюдалось и в группе кандидатов наук этой должности: 18,8% в ДВО и 47,6% в отраслевом секторе.

В ДВО выше, чем в отраслевом секторе, был удельный вес докторов наук по отношению к их общей численности в группе старших научных сотрудников: 13,9 и 11,1% соответственно. Но в группе кандидатов обоих секторов наблюдался обратный процесс: 31,5% от их общей численности продолжали занимать эту должность в ДВО и 35,9% – в отраслевом секторе. Из-за слабого продвижения кандидатов наук по служебной лестнице в академическом секторе на должности научных сотрудников их было 33,0%, в отраслевом секторе – 4,5%. То же касалось и м.н.с.: из всех кандидатов наук эту должность занимали 10,9% в ДВО и 3,6% – в отраслевом секторе.

В целом же можно говорить о том, что преобразованная должностная структура мотивировала кандидатов наук и учёных без степени на повышение квалификации преимущественно в академическом секторе. Стимулирование подобного рода было ослаблено в отраслевом секторе и отсутствовало в вузовском.

Другие структурные параметры научных кадров Дальнего Востока были детерминированы организационными факторами, из которых на первое место можно выдвинуть развитие и реорганизацию сети научных учреждений. В территориальном отношении они привели к росту удельно-

го веса научных работников, достигшего в 1991 г. в Приморье 54,0% от их общего числа, в областях Магаданской – 6,5%, Сахалинской – 7,1%, Камчатской – 4,1%. Падение до 21,2% отмечалось в Хабаровском крае и до 7,1% – в Амурской области¹³. В профессиональном отношении был замечен рост удельного веса естествоиспытателей, которых на Дальнем Востоке в 1994 г. было уже 60%, в то время как представителей технических наук – 18,9%, медицинских – 2,6%, сельскохозяйственных – 10,1%, общественных и гуманитарных – по 4,2%. Для сравнения: в Приморье данная пропорция была следующей: 66,2/13,7/1,6/6,0/5,1/7,4%¹⁴.

В связи с изменившейся в конце 1980-х гг. методологией учёта научных кадров отмечаем лишь сохранение тенденции их профессионального распределения в регионе (без сравнения с 80-ми гг., но имея ввиду, что профессиональная структура обычно меняется медленнее других структурных параметров)¹⁵. Тем не менее, очевидно, что учёные Дальнего Востока никак не отвечали задаче комплексного освоения региона, которая в очередной раз была поставлена ЦК КПСС в августе 1987 г., и продолжали его ресурсное изучение.

Сама же научная деятельность в годы перестройки во всех секторах науки на Дальнем Востоке в большей степени, чем ранее, оказалась подчинённой проблемам внедрения полученных результатов. Этого требовало партийное руководство на местах, в то время как ученые, чтобы приступить к комплексному освоению региона, вновь и вновь настаивали на необходимости преодоления межведомственных барьеров¹⁶. Ориентация на внедрение в определённой мере ослабила их непосредственные исследования, поскольку в данном регионе, в отличие, например, от Сибири, ни в одном из секторов науки не было создано структуры, предметно занимавшейся им. Директор Института экономических исследований П.Я. Бакланов на встрече первого секретаря Хабаровского крайкома партии В.С. Пастернака с учёными, состоявшейся в январе 1988 г., признавался: «Проблемы накапливаются, мы пытаемся все их одновременно решить, решаем единицы, либо вообще не решаем»¹⁷. Неудивительно, что при подведении итогов развития научных исследований в конце 1980-х гг. Дальневосточный регион никем из ведущих науковедов не упоминался¹⁸.

Конечно, обозначенные три-четыре года для науки слишком небольшой срок, чтобы ощутить реальные результаты. Тем не менее демократизация общества и гласность действительно открыли новые возможности. Прежде всего это коснулось информационной сферы. С падением «железного занавеса» отечественные учёные вновь обрели связь с мировой наукой. Дальневосточники исключением не стали. Если в 1985 г. в зарубежных научных командировках побывало 37 сотрудников ДВНЦ, то в 1990 – 391, при этом 212 командировок пришлось на капиталистические страны. Так же обстояли дела и с принятием зарубежных учёных: в 1985 г. в академическом секторе науки Дальнего Востока их побывало 36 чел., а в 1990 – 526¹⁹.

Что же касается мировоззренческого аспекта, то материал показывает, что сознание научных работников к перестройке было готово. «У нас везде в Институте идёт разговор о перестройке. Но как перестраиваться – не знают. Перестраиваться нужно – так жить дальше нельзя», – говорил зав. лабораторией ТИПРО Н.С. Фадеев²⁰. Тем не менее демократизировать свою жизнь

не торопились. Так, после прошедших первых выборов руководителей научных учреждений их состав практически не изменился. Исключение составил ДВГУ, избравший на должность ректора работника ДВО В.Ю. Глущенко. В целом же научные работники действовали инерционно, не только не возражая против партийного руководства перестройкой, но и требуя его. Многие в их сознании и поведении было обусловлено внешними (принадлежность к определённому сектору науки и членство в КПСС) и внутренними, субъективными, факторами.

Для учёных академического сектора проблема перестройки изначально осознавалась как реорганизация научной деятельности, требовавшая изменения характера планирования работы, корректирования тематики и сроков исполнения, а в целом – повышения роли науки в регионе. Сведение собственно идеологической компоненты заявленного процесса именно к этому осознавалось и в отраслевой науке, поскольку довольно частыми стали письма от научных работников обоих секторов науки с предложениями подобного рода не только в местные партийные органы, но и в центральные²¹. Тем не менее именно в среде учёных отраслевого сектора науки на Дальнем Востоке в 1988 г. прозвучало мнение, что перестройку тормозят формы организации общества, однопартийная система и несовершенный устав партии. Его высказал научный сотрудник ТИНРО С.В. Тараканов²².

Возможно, он не был одинок в такой позиции, но в столь категоричной форме учёные в 1987–1988 гг. всё же не высказывались. Более привычными для них, особенно для вузовской интеллигенции, были признания в верности идеям партии и следовании её решениям; разделялись утверждения вроде заявленного проф. ДВГУ А.А. Биневским: «Мировоззрение у всех нас единое – марксистско-ленинское»²³. В вузах только приближались к обсуждению дискуссионных вопросов истории, политики, науки. И первой реакцией их работников были предложения исключить из партии И.В. Сталина, создать народный фронт в поддержку перестройки, проводить референдумы²⁴.

Дальнейшие политические события в стране вызвали более резкие колебания в мировоззренческих установках учёных Дальнего Востока. Так, несмотря на то, что обсуждение Первого съезда народных депутатов СССР 1989 г. в их кругу в целом проходило в русле привычных политических представлений, мнения в оценке содержательной стороны некоторых выступающих разошлись. Одна часть разделяла критическую настроенность Ю. Афанасьева, А. Собчака, А. Сахарова, приветствовала выступление в поддержку Сахарова участника Съезда сотрудницы ДВО Е. Гаер. Другая продолжала придерживаться партийно-государственной линии. При этом размежевании собственная партийная принадлежность, должностное положение и другие статусные параметры решающей роли не играли.

Динамизм происходящего вызвал и более активные поведенческие реакции. Во Владивостоке, например, в 1990 г. возникло некое неформальное общество интеллигенции, объединившее прежде всего учёных, на собраниях которого обсуждались проблемы, далеко выходявшие за грань собственно политических. Включились научные сотрудники и в работу местных отделений «Мемориала», оповещая жителей региона о масштабах проходивших на Дальнем Востоке репрессий. Но поскольку эта спонтанно возникшая деятельность не обрела постоянного характера, за исключени-

ем, может быть, дальнейшей работы нескольких историков Владивостока и Магадана, её можно отнести к результатам эмоциональных всплесков, а не продуманной мировоззренческой позиции. Последнее подтвердил и опрос, проведённый во Владивостоке в мае 1990 г. по проблеме «Партия и перестройка», включавший в число опрошенных и научных работников. Он показал неготовность большей части из них к каким бы то ни было радикальным переменам в стране²⁵.

Неудивительно, что провозглашение Декларации о государственном суверенитете РСФСР, принятой 12 июня 1990 г. на Первом съезде народных депутатов РСФСР, решительной поддержки у учёных не вызвало. В какой-то мере готовность изменить политические ориентации противоречила их профессиональной настроенности. А последняя продолжала связывать всю деятельность по реорганизации науки и высшей школы с существующими государственными структурами. Именно поэтому в апреле 1991 г. Совет ректоров Хабаровского края поддержал предложение Верховного совета РСФСР о создании комитетов и отделов по науке и высшей школе при исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся, как ещё недавно при местных партийных органах²⁶. Именно поэтому высшие учебные и научные учреждения региона никак не определились в своём отношении к ГКЧП, ожидая указаний из центра²⁷. Последние месяцы перестройки до распада СССР научные работники Дальнего Востока пребывали в состоянии эмоциональной напряжённости, тем не менее исследования продолжались в обычном порядке.

В целом же можно утверждать, что учёные Дальнего Востока в период перестройки скорее следовали за происходившим, чем опережали его, создавая новые тренды.

-
- 1 Горбачёв М.С. О созыве XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС на Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. // Ускорение социально-экономического развития страны – задача всей партии, всего народа: сб. документов и материалов. М.: Политиздат, 1986. С. 11.
 - 2 Горбачёв М.С. О перестройке и кадровой политике партии: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 г. // Материалы пленума Центрального комитета КПСС. 27–28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 5–66; Его же. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 271 с.

- 3 Алахвердян А.Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. М.: Изд-во «Когито-центр», 2014; Научные кадры СССР: динамика и структура. М.: Мысль, 1991. С. 41.
- 4 О совершенствовании оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС от 22.05.1985 г. № 462. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-postanovlenija/p9n/htm>.
- 5 Миндели Л.Э., Хромов Г.С. Научно-технический потенциал России. В 2 ч. Ч. 2. М.: Ин-т проблем реализации науки РАН, 2012. С. 73.
- 6 Об утверждении квалификационных характеристик должностей научных сотрудников, учёного секретаря и заведующих (начальников) научно-исследовательскими подразделениями научно-исследовательских институтов (учреждений). Постановление Госкомтруда от 30.12.1985 г. № 416. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-postanovlenija/p9n/htm>.
- 7 Горбачёв М.С. О перестройке и кадровой политике партии... С. 33.
- 8 Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. С. 44.
- 9 Акуличев В.А. Итоги деятельности Дальневосточного отделения АН СССР за 1987 год: Доклад на Общем собрании ДВО АН СССР 1 марта 1988 г. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. С. 1.
- 10 Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 62.
- 11 Васильева Е.В. Научная интеллигенция Дальнего Востока СССР (60-е – середина 80-х годов). Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 182.
- 12 Правда. 1986 г. 10 янв.
- 13 Наука в регионах России: стат. сб. М.: Центр исследований статистики науки, 1998. С. 82–83.
- 14 Там же. С. 120–121.
- 15 Отечественная наука и научная политика в конце XX в.: тенденции и особенности развития (1985–1999). М.: Фонд современной истории; Изд-во Московского университета, 2011. С. 32–33.
- 16 РГАСПИ. Ф.17. Оп. 155. Д. 3123. Л. 24; Д. 3124. Л. 34; Оп. 157. Д. 21. Л. 24, 96–98; Д. 423. Л. 25; ГАПК. Ф.П-68. Оп. 117. Д. 397. Л. 12; ГАХК. Ф.П-35. Оп. 117. Д. 24. Л. 18; Д. 163. Л. 123, 127, 141.
- 17 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 163. Л. 145.
- 18 Наука России на пороге XXI века: Проблемы организации и управления. М.: МГУ, 2000; сноски 5 и 18.
- 19 Отчёт о научной и научно-организационной деятельности ДВО АН СССР за 1990 г. Владивосток: Изд-во ДВО АН СССР, 6/г. С.95.
- 20 ГАПК. Ф.П-368. Оп.1. Д.65. Л.35.
- 21 Там же. Ф.П-68. Оп. 117. Д. 508. Т. 1. Л. 6, 151. Т.2. Л. 59, 89, 211–212; Д. 753. Л. 17, 124, 129, 221; Д. 907. Л. 104–109, 140–142; Д. 908. Л. 122–124, 134–136; Д. 909. Л. 2, 49–50.
- 22 Там же. Ф.П-368. Оп. 1. Д. 67. Л. 93–99.
- 23 Там же. Ф.П-392. Оп. 1. Д. 372. Л. 65.
- 24 Там же. Д. 371. Л. 30, 31, 34.
- 25 Там же. Ф.П-68. Оп. 117. Д. 1076. Л. 1–31.
- 26 ГАХК. Ф.1985. Оп. 1. Д. 60. Л. 96.
- 27 Там же. Л.162.

УДК 7.067.3

Э.В. ОСИПОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТВОРЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕАТРОВ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

В статье представлена ретроспекция сценической практики дальневосточных театров в годы перестройки. Политика гласности, объявленная в стране, дала им мощный импульс для творческой рефлексии. Перестроечная «оттепель» вывела на сцену острые публицистические постановки, позволив театрам показать даже социальное «дно» общества, расширила жанровые стили и их смешение. Избавившись от давления тяжеловесной административно-командной системы, в новых экономических условиях функционирования театры, находившиеся в состоянии эйфории творческой свободы, не сразу оценили значение фактора зрителя, за которого теперь пришлось бороться.

Ключевые слова: перестройка, Дальний Восток России, театры, театральный эксперимент, реформы, драматургия, репертуар, финансирование.

Провозглашённый М.С. Горбачёвым принцип гласности создал условия для большей открытости в принятии решений и переосмысления прошлого. Назрела острая необходимость реформы и в сфере исполнительского искусства. Дискуссии о перспективах развития театра, набравшие обороты в театральных кругах, выплеснулись в бурное общественное обсуждение всех наболевших проблем. Театральные авторитеты позволили себе высказывания против многоярусной цензуры и мелочного диктата ведомств в решении элементарных хозяйственных проблем, что ускорило реорганизацию системы партийно-государственного руководства культурой. Уже с 1986 г. принимались правовые акты, определившие содержание перестройки в этой сфере, направленные на изменения нормативов 40-50-летней давности.

В этот процесс активно включились театроведы, которые предложили радикально изменить систему управления. По этим и другим проблемам функционирования театра появились научные монографии и сборники¹. Несмотря на то, что эти вопросы изучались в рамках партийно-государственных программ, предложения учёных выглядели достаточно прогрессивными, т.к. выходили за общепринятые социалистические экономические догмы. В частности, это касалось предложения абсолютного расширения товарно-денежных отношений во всей сфере театральных услуг. В образованных кругах звучала мысль об отказе от единых принципов управления театрами страны.

Под руководством НИИ искусствознания было проведено общесоюзное опытное исследование «Театры страны в условиях эксперимента». Его целью являлось повышение социальной эффективности сценического искусства, развитие инициативы театрального коллектива, повышение его ответственности за достижение высоких результатов творчества и расширение зритель-

ской аудитории при рациональном использовании материальных и финансовых ресурсов. На основании этого приказа театрам предоставлялись права, касающиеся порядка планирования и финансирования деятельности, расширялись возможности материального стимулирования труда и формирования фонда творческо-производственного и социального развития коллектива.

В результате были отменены предварительная цензура пьес и акт сдачи спектакля, театральные коллективы обрели право самостоятельно формировать свой репертуар. С этого момента число спектаклей текущего репертуара заметно сократилось, подмостки стали стремительно заполняться постановками, прежде запрещёнными цензурой.

Финансовая сторона также реформировалась. Театральная администрация получила право повышать цены на билеты (до 50%) и устанавливать скидки к их базовой цене. Так, средняя цена билета повысилась на 10-15%. Вводилась практика предоставления беспроцентного кредита в банке сроком на один год (до 50 тыс. руб.) для новых постановок, разрешалось приобретать необходимые для производственных нужд товары через торговую сеть.

Изменилась и форма оплаты труда творческих работников. Если до преобразований существовал принцип уравнительности, то после зарплата артистов с высокой загруженностью заметно увеличилась за счёт надбавок за активную творческую деятельность; совершенствовались договорные и контрактные системы, например, пожилые актёры переводились на разовые выступления и пр. Осваивались новые способы формирования трупп, расширялись возможности творческого конкурса.

Таким образом, комплексный эксперимент показал необходимость проведения реформ в рамках целостной концепции театрального дела. Дальневосточные театры, как и все другие в стране, заинтересованно ждали результатов этого во многом непрогнозируемого опыта. Творческих работников особенно беспокоила перспектива «дальнейшего существования по результатам эксперимента»². Их осторожное отношение к реформам имело свои основания. На местах понимали, что многое было не таким идеальным, каким его представляли себе управленцы. Начало перестройки в культурной сфере давалось особенно трудно. Театр терял своего зрителя, которого перемены в жизни пугали не меньше: от него требовали освободиться от привычных стереотипов как раз в то время, когда, в условиях нарастающего кризиса, ему попросту было не до театра. Тенденция падения зрительского интереса к театральному искусству проявлялась в те годы по всему региону³. Число посещений в 1987 г. по сравнению с 1986 г. заметно сократилось. К примеру, в Амурском, Уссурийском, Хабаровском краёв, Комсомольском-на-Амуре драматических и Магаданском музыкально-драматическом театрах заметно снизились показатели общей посещаемости спектаклей на сцене основного стационара⁴. Плановые убытки приходилось восполнять увеличением проката на выездях, на селе и на гастролях (спасало то, что они ещё финансировались из бюджетов).

Театральные коллективы опасались закрытия театров – и небезосновательно. Один из актёров Хабаровской драмы в 1987 г. обстановку в ней характеризовал так: «...и холодно, и буфет плохой, и помощи нет со стороны»⁵. В 1987–1990 гг. многие зрелищные учреждения утратили атмосферу торжественности и праздничности, новые театральные сезоны часто открывались позже объявленного.

Из-за сложившейся в стране в целом и в культурной сфере в частности ситуации преобразования в театре в основном происходили через внешнее воздействие на него, в то время как ему, разумеется, нужно было меняться изнутри. В 1988 г. Министерство культуры РСФСР и Союз театральных деятелей России предложили двигаться вперёд по пути реформы. Опубликованные для обсуждения в газете «Советская культура» «Основные направления развития и перестройки театрального дела в РСФСР» стали программой глобальных изменений, фундаментом новых условий хозяйствования, вошедших в театральную практику с начала 1989 г. Сторонники реформы стремились освободить искусство от гнёта административно-командной системы, расширить творческие и финансовые возможности коллективов⁶. Однако при этом сохранялась система планирования, в том числе и по доходам.

В 1989 г. были окончательно введены свободные цены на билеты. Полученные преференции давали возможность в зависимости от конкретной ситуации (платёжеспособности реальных и потенциальных зрителей, спроса на отдельные спектакли, уровня посещаемости театра в разные сезоны и дни недели и т.д.) использовать ценовую политику для дополнительного стимулирования посещаемости, увеличения доходов театральной кассы. Как правило, цены поднимались на спектакли, пользующиеся наибольшей популярностью⁷. В среднем по региону билеты подорожали на 25-33% (по России – на 14%), что позволило некоторым коллективам выполнить план по доходам от основной деятельности, несмотря на падение посещаемости, как это случилось, например, в Уссурийском драматическом театре. Не все руководители театров сразу решились на увеличение цены билета, опасаясь отпугнуть зрителей. Не торопились они и с поднятием цен для сельского жителя⁸.

В новой экономической модели деятельности театров наиболее полно реализовывались принципы хозрасчёта, в ней содержалось минимальное количество внерыночных ограничений. По мнению её разработчиков и сторонников, такая модель и должна была создать самые благоприятные условия для творчества, для выявления и развития талантов⁹, что естественным образом и прежде всего нашло бы отражение в театральном репертуаре.

Первый перестроечный год художественная программа оставалась вполне традиционной. Театр функционировал по инерции. Делались традиционные «подношения» к съезду партии, работникам искусства по-прежнему вручались государственные премии, звания, совершались назначения сверху. Эта привычная жизнь давала театру ощущение нужности стране и места «в общем строю». С другой стороны, творческое сознание постепенно наполнялось чувством какого-то внутреннего раскрепощения, что отражалось в подборе репертуара. Наблюдалось активное увлечение современной пьесой, хотя в регионе она появилась ещё в начале 1980-х гг.* Долевое предложение советской драматургии увеличилось в разы: за перестроечное пятилетие репертуарный комитет РСФСР рекомендовал 502 советских произведения тех лет и всего 20 зарубежных.

* Сахалинский областной драматический театр им. Чехова в репертуарном отчёте за 1980 г. показывал, что 5 из 6 премьер года были поставлены по пьесам советских драматургов («Земное притяжение» А. Сафронова, «Энергичные люди» В. Шукшина, «Аморальная история» Э. Рязанова и Э. Брагинского, «Репетитор» Г. Полонского и др.).

Сами режиссёры стремились отдать должное отечественной драматургии. Приморский театр им. Горького пригласил социологов для беседы с артистами на тему «Репертуар и творческая индивидуальность»¹⁰. В результате напряжённой полугодовой работы репертуар театра пополнился модными спектаклями на современные темы: «Змеелов» Л. Карелина, «Ретро» А. Галина, «Родственники» Э. Брагинского и Э. Рязанова.

Во второй половине 1980-х гг. театральные коллективы часто обращались к драматургии современников, уже ставших классиками, выдержанной «на полках», и пьесам-однодневкам, сделанным на скорую руку на злобу дня. Во всём ощущалась спешка, многие деятели искусства боялись, что наступившие перемены пройдут так же скоро, как прошла в своё время и оттепель 1960-х. Надо заметить, политический фактор жизни страны не мог исчезнуть в одночасье. Перестройка, неразрывно связанная с последним съездом партии, определила традиционную рефлексию театральных коллективов и критиков, которые озадачивались вопросами: «Чем ответил театр на решения XXVII съезда КПСС? Какой перестройкой, какими переменами? Как заявил о своём идейно-художественном кредо, о своей гражданской позиции?...»¹¹ – материалы «переломного» съезда партии требовали «живого» отклика искусства на перемены в стране. К заданной сверху «остроте» стремились театры всей страны. С этой целью проводилась декада, посвящённая съезду, к которой коллективы подготовились «с полной отдачей творческих сил и на хорошем организационном уровне»¹².

Драматический театр Комсомольска-на-Амуре в преддверии XXVII съезда партии находился в поиске произведений, «высвечивающих болевые точки современности». На его сцене появились спектакли «Ищу человека» Д. Валеева и «Зинуля» А. Гельмана (в 1985–86 гг. прошёл в четырёх дальневосточных театрах). С именем А. Гельмана связана история советской сцены целого десятилетия: «Заседание парткома», «Обратная связь», «Мы, нижеподписавшиеся», «Наедине со всеми», «Скамейка», «Зинуля» и др. не сходили со сцены и были своего рода способом «утоления социальной жажды». А. Смелянский писал: «...выстроенность социологических притч А. Гельмана, ещё более очевидная злободневность драматургических опытов, нацеленных на изучение механики советской жизни, привлекали режиссёров»¹³.

Яркой публицистичностью, остротой и актуальностью поднятых тем отличались в «послесьездовские» годы постановки региональных театров. Самым оперативным откликом на решения партсъезда стал спектакль «Эффект Редькина». Эта обличительная пьеса А. Козловского, прошедшая в шести театрах региона, повсеместно ставилась в гротесковом исполнении. Комедийный тон подачи образов несунa, пьяницы, бюрократов различных уровней и «очковтирателей» привлекал зрителей. Только магаданский режиссёр А. Левиновский «загрузил» эту пьесу серьёзным прологом. По замыслу постановщика артисты театра входили в зрительный зал после третьего звонка с материалами съезда в руках и, выбрав себе небольшую аудиторию, начинали зачитывать наиболее острые фрагменты документов. Этот спектакль критика сочла «попаданием в десятку»¹⁴.

Поиски модной тогда публицистической остроты в региональном литературном резерве привели к постановкам таких спектаклей, как «Свободы жаркий день» Якутского драматического театра им. П. Ойунского. В основу

сценического материала была положена пьеса народного писателя Якутии Д.К. Сивцева (Суорун Омоллоона), представленная в новаторском жанре политического диско-спектакля. Этот же театр в 1987 г. обратился к пьесе якутского классика А.И. Софронова «Споткнувшийся». А. Борисов актуализировал драматургический материал узнаваемыми деталями современных социологических процессов¹⁵. Ещё одной постановкой (по повести якутского писателя В. Мекумянова «Порок»), наполненной перестроечными веяниями, театр им. Ойунского «выступил против обмана, бюрократизма и социальной несправедливости»¹⁶.

Уссурийский драматический театр также отреагировал на процессы, происходившие в обществе, обратившись к творчеству чукотского писателя Ю. Рытхэу. Премьерой спектакля «Месячник трезвости» театр поддержал решения партии и правительства, «убедительно выступив против пороков человеческих»¹⁷.

В 1987 г. Сахалинский театр взял к постановке спектакль «Денежная комедия» по пьесе местного драматурга А. Тоболяка (Анатолия Прицкера). Спектакль вызвал полярно противоположные мнения театралов и критиков. Особенно сложно его воспринимали зрители, не умевшие по-новому взглянуть на то, что принято было считать вечным и неизменным. Партийный руководитель одного из заводов Южно-Сахалинска возмущался позицией автора, «высмеивавшего социалистический строй»¹⁸. Писателю, к тому времени уже довольно известному широкому кругу читателей (благодаря двум повестям, напечатанным в журнале «Юность»), пришлось вступить в дискуссию со зрителем-оппонентом. Своё видение он отстаивал весьма осторожно, из привычного страха открыто полемизировать на столь щекотливую тему.

Коллективное мнение в таких случаях было менее опасным, поэтому театры позволяли себе с «головой погрузиться в омут перестройки». На первый план выдвигались обсуждение и осуждение «деформаций социализма». Взяв на себя роль «рупора перестройки», театры ставили спектакли публицистического звучания по произведениям драматургов М. Шатрова, Н. Погодина, Н. Эрдмана и др. Наиболее востребованными оказались пьесы М. Шатрова. Амурский областной театр посвятил съезду спектакль «Революционный этюд». По этой же пьесе, только под названием «Синие кони на красной траве», прошёл спектакль в Приморской краевой драме им. Горького. Русский драматический театр Якутии откликнулся на новые социально-политические веяния другой пьесой «перестроечного» драматурга – «Диктатура совести». Как сообщалось в якутской газете, эта «пьеса о том, что не все, пройдя сквозь горнило революции, выдерживают проверку новой жизнью, обеспеченностью, властью»¹⁹.

Современность, в которой был «отчётливо выраженный дух времени с его требовательностью», интересовала магаданских и камчатских постановщиков пьесы Г. Щербаковой «Ах, Маня!..». Камчатская драма в 1987 г. выбрала к постановке пьесу Н. Погодина «Мой друг», где главный конфликт – столкновение героя «со злейшим врагом социалистической революции»²⁰. Критики, поддерживая театр в его творческих ориентирах, настаивали на его определении как своеобразной модели общества: «это лаборатория, в которой изучаются нравственные параметры нашего современника»²¹.

Театральный репертуар по своей гражданской тональности полностью соответствовал перестроечному духу, царившему в обществе. Всего за два года перестройки структура сводного репертуара дальневосточного театра претерпела очевидные изменения: увеличилась доля пьес так называемой морально-нравственной, личной проблематики. В 1987 г. она составила примерно половину афиши* (в России – 77%²²). Художественные советы театров, всё ещё пользовавшиеся партийной, профсоюзной и комсомольской поддержкой, задавали соответствующий настрой в коллективах. Например, знаменитое партийное постановление по борьбе с пьянством и алкоголизмом заставило театры не только отреагировать на него постановками (об этих спектаклях упоминалось выше), но и отказаться от некоторых уже находящихся в производстве. Так, приказом Управления культуры Хабаровского крайисполкома была снята постановка краевого ТЮЗа «Маленький спектакль на лоне природы» «в связи с запрещением показа сцен распития спиртных напитков»²³.

Обязательным для театров пока оставался отклик на знаменательные даты и события страны и края: 65-летие образования СССР и освобождение Приморья от белогвардейцев и интервентов; по-прежнему доминантной темой было предстоящее 70-летие Октября.

Неудержимое стремление к ярко выраженной публицистичности привело режиссуру и актёров к однообразию творческих приёмов, не всегда оправданному гротеску, буффонаде, снижающейся до иллюстративности, когда игра актёров становилась почти плакатной. Это объяснялось желанием в очень непростое время сказать своё слово как можно громче, острее. Однако острота и гласность в тех формах, в каких их подавали театры, скоро наскучили дальневосточному зрителю. Умами и сердцами зрителей завладело телевидение – мощнейший информатор и комментатор происходящих в стране перемен.

Если театры с головой ушли в освоение непривычного стиля организационно-творческого существования, то критики в регионе перестраиваться не желали. Привычно считая себя «политическими писателями и летописцами культуры», они с трудом принимали происходившие в жизни театра перемены. Рецензенты настолько увлеклись объявленной властью гласностью, что порой не замечали разрушительной силы своих отзывов. Они обвиняли театры в отсутствии принципов при формировании репертуарных афиш. Сахалинский театральный обозреватель А. Губер отмечал «неумолимое движение репертуарной линии областного театра в сторону легковесной, беспроblemной драматургии»²⁴. Камчатский журналист А. Овчинникова назвала афишу областного театра «репертуарным винегретом», упрекая его в желании удовлетворить все вкусы зрителя при отсутствии своего собственного. Магаданская пресса писала о том, что Ю. Гриншпун сознательно переключает внимание зрителя «с мыслительных процессов на его органы чувств»²⁵. Критик из Южно-Сахалинска В. Каменецкая также указывала на отсутствие вкуса у художественного руководства областной драмы²⁶. Режиссёра Хабаровской драмы критиковали всё за ту же перенасыщенность репертуара комедиями. Театр, по мнению журналистов, «заигрывал» со своим зрителем. Почти повсеместно критиковалась очень популярная в те годы

* Подсчитано автором по: Репертуарные годовые отчёты и протоколы заседаний художественных советов театров за 1986–1987 гг.

добрая и человечная комедия-лубок о современной деревне «Печка на колесе» по пьесе Н. Семёновой. В театрах же старались не замечать нападок со стороны критики, без положительного резюме которой прежде выжить было практически невозможно. Теперь принцип взаимоотношений с ней стал иным («Собака лает...»).

Со сменой главных тем на сцене театров поменялись и главные герои, региональная критика выявляла новые приоритеты: «...из шести премьер сезона в четырёх так или иначе варьировалась тема любви, поиска личного семейного счастья...»²⁷. На второе место вышли спектакли морально-нравственного характера, и только третье место осталось за социально-производственной тематикой. Всё явственнее ощущалось стремление театров освободиться от пропагандистско-идеологических клише.

Таким образом, перестроечный накал со временем стихал, конъюнктурно-кратковременный интерес к «обличительной» пьесе энергично оттеснялся комедиями лирико-бытовой тематики и мелодрамами – как отечественными, так и (в наибольшей степени) зарубежными*. Многие постановщики региональных театров увлеклись выявлением так называемых «белых драматургических пятен». Такая сложная драматургия требовала порой невероятных зрительских усилий, эмоциональных, психических и даже физических. Не всегда находившие в этом удовольствие, зрители искали больше лёгкого театра, отдыха для себя. В их реальной жизни было столько забот, что проживать ещё глобальные проблемы общества, сидя в театральном кресле, совсем не хотелось. Театр в своём стремлении к творческой гармонии не должен терять одного из важнейших предназначений – приятного времяпрепровождения для зрителя.

Развлекательный же театр предлагал пьесы Л. Жуховицкого, И. Глинского, В. Мережко и др. Традиции упрощенчества постепенно трансформировались в производственную унификацию спектаклей. Вольное обращение театра с названием пьесы – это верный признак «заигрывания» с публикой и стремления подогнать спектакль под сложившийся стереотип восприятия. Зазывным эффектом обладали такие «кричащие» названия спектаклей как «Папа, папа, бедный папа...» (Хабаровская драма), «Продаётся мужчина» (Приморский краевой театр), «Арестуй меня, потом я тебя» и «Штаны» (Амурский театр), «Дача Сталина» и «Я стою у ресторана...» (Камчатская облдрама) и т.д.²⁸

Отмеченные тенденции распространились и на исполнительский стиль. «Западная жизнь» получила в театре два стереотипных воплощения: драмы в «зловещих» интонациях Т. Уильямса и комедии в «итальянизированном» стиле пьес Э. де Филиппо. К примеру, в репертуаре Сахалинского драматического театра в 1989 г. комедия занимала более 60% афиши²⁹. Из этого числа около 50% составляли пьесы по современной западной драматургии.

Превращение зрелищных учреждений своего рода в службу с одобрения и порой под нажимом местных органов культуры, а также непростое положение местных театров в их взаимоотношениях с публикой и городскими властями, выбор репертуара и вопросы кадров – всё это составляло «провин-

* На дальневосточных сценах в эти годы в активном прокате были «Утешитель вдов», «ЧАО!», «Двери хлопают», «Месье Амилькар платит...», «Филумена Мортурано», «Мышеловка» и др.

циальные проблемы». Они стали предметом серьёзного обсуждения на Всероссийском театральном фестивале, собравшем во Владивостоке творческие коллективы из Сибири и Дальнего Востока в феврале 1988 г. Театры Иркутска и Хабаровска, Петропавловска-Камчатского и Якутска, Улан-Удэ и Владивостока показывали спектакли, которые вне зависимости от темы и жанра сами коллективы определяли как лучшие. Фестиваль позволил судить о состоянии театрального дела целого региона: общей проблемой почти всех участников оказался репертуар – они «шли за публикой, а не вели её за собой»³⁰.

Период перестройки стал переломным в искусстве. Она привнесла свои версии жизни, свою картину мира, и в них отражались общественные настроения. «Смена героев» на театральной сцене несла в себе драматизм меняющегося времени. На рубеже 1980–90-х гг. показ социального дна в театральных бестселлерах А. Галина, В. Мережко, Н. Коляды, А. Дударева по сути транслировал идею нравственной несостоятельности верховной власти, её конфликта с обществом, с рядовым гражданином. Дно, уголовный быт, криминальная, казарменная среда, проституция были представлены в литературе и театре как жертвы существующего режима. Негативное к нему отношение дальневосточного зрителя проявлялось в повышенном интересе к названным темам, сочувствии героям сцены. Увлечение подобной драматургией, уход от высокохудожественной литературы свидетельствовали о нарастающем кризисе в театральной культуре страны.

Хотя зрители дальневосточных театров по-прежнему смотрели классику («Вишнёвый сад» А. Чехова, «Вассу Железнову» М. Горького, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Бешеные деньги» А. Островского; В. Шекспира, Лопе де Вега и Ф. Шиллера), уровень зрительского интереса, судя по посещаемости этих постановок, говорил в пользу того, что «экономист-производственник» и массовый театральный зритель как бы объединились в своих интересах и вместе выступали против художника.

Оценивая состояние театральной жизни региона в целом, можно сделать следующий вывод. Динамика развития репертуара в экспериментально-реформационных условиях второй половины 1980-х гг. свидетельствует о том, что снятие идеологического диктата позволило театрам формировать репертуар по собственному усмотрению, но это же обстоятельство обострило проблему их выживания в новой противоречивой социальной и культурной обстановке. Именно в эти годы резко увеличилось число развлекательных постановок. Перед театрами страны, в т.ч. и дальневосточного региона, возникла серьёзная дилемма: стать частью индустрии развлечений или «активной силой, помогающей преобразованию общества».

Театральный эксперимент, проведённый ещё до того, как реформа стала реальностью, показал психологическую неготовность ряда творческих и руководящих работников к переменам в организации театрального дела. Административно-командная система продолжала сопротивляться, мощный потенциал тяжеловесной, цементируемой многие годы системы невозможно было изжить в одночасье. Таким образом, годы горбачёвских реформ стали достаточно сложным временем для региональных театров, которые, приспосабливаясь к новым экономическим отношениям, вынуждены были лавировать между новыми интересами и ценностями публики.

- 1 См.: Актуальные вопросы экономики и организации театрального дела. М.: ГИТИС, 1986. 192 с.; Бржевский А.Г. Экономические проблемы планирования развития театрально-зрелищных предприятий. М.: Искусство, 1986. 271 с.; Театр и город. М.: ВТО и ВНИИ искусствознания, 1986. 156 с.; Театр – ...время перемен. М.: Искусство, 1987. 223 с.; и др.
- 2 Розанов В. Заслужить работой // Магаданская правда. Магадан, 1987. 3 окт.
- 3 Иняхин А. Зал наполовину полон или наполовину пуст? // Театр. 1986. № 11. С. 100–106; Твердохлебова Н. Грустный разговор после праздника // Молодой дальневосточник. Хабаровск, 1987. 28 марта; Горшков В. За кулисами и перед ними // Дальневосточный комсомолец. Хабаровск, 1987. 1 марта; Паршуков В. Дефицит доверия // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1986. 23 нояб.; ГАХК. Ф. Р-1690. Оп. 3. Д. 493. Л. 32.
- 4 ГААО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 149. Л. 1; ГАХК. Ф. Р-1900. Оп. 1. Д. 178. Л. 30; Д. 174. Л. 3.
- 5 Твердохлебова Н. Грустный разговор после праздника // Молодой дальневосточник. 1987. 24 марта.
- 6 Рубинштейн А.Я. Что дальше? // Театр. 1988. № 10. С. 14.
- 7 ГАПК. Ф. 507. Оп. 1. Д. 117. Л. 19; ГАХК. Ф. Р-901. Оп. 1. Д. 185. Л. 17 и др.
- 8 ГААО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.
- 9 Культурная политика России. История и современность: Два взгляда на одну проблему. М.: Редакц.-издат. центр Министерства культуры РФ, 1998. С. 39.
- 10 Звеняцкий Е. Приглашение к размышлению // Красное Знамя. Владивосток, 1985. 29 окт.
- 11 Каменецкая В. И театру нужна перестройка // Советский Сахалин. Южно-Сахалинск, 1986. 17 мая.
- 12 ГАХК. Ф. Р-901. Оп. 1. Д. 182. Л. 162.
- 13 Смелянский А. Предлагаемые обстоятельства: Из жизни русского театра второй половины XX века. М.: Артист. Режиссёр. Театр, 1999. С. 109.
- 14 Формула открытия проста... // Магаданская правда. 1986. 23 апр.
- 15 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. Т. 15. 1985–1988. М.: Политиздат, 1989. С. 25.
- 16 Необходим современный репертуар // Молодёжь Якутии. Якутск, 1986. 4 окт.
- 17 Текущий архив Управления культуры Приморского крайисполкома (на 1987 г.). Сводный отчёт управления и отчёты театров по основной деятельности за 1987 г. Финансово-экономический отдел. Л. 52.
- 18 Мосолов Л. «Это клевета...» // Советский Сахалин. 1987. 27 марта.
- 19 Пробудить совесть // Молодёжь Якутии. 1986. 4 окт.
- 20 Овчинникова А. Русло и берега // Рыбак Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1987. 30 окт.
- 21 Стародубцева Э. Слово к театру // Там же. 1987. 9 янв.
- 22 Дмитриевский В.Н. Театр, зритель, критика: проблемы социального функционирования: дис. ... д-ра искусствоведения. Ленинград, 1991. С. 69.
- 23 ГАХК. Ф. Р-901. Оп.1. Д. 160. Л. 21.
- 24 Губер А. А жизнь кипит... // Молодая гвардия. Южно-Сахалинск, 1985. 16 мая.
- 25 Кочкина В. Театральный сезон: обретения и потери // Магаданская правда. 1987. 30 мая.
- 26 Каменецкая В. И театру нужна перестройка // Советский Сахалин. 1987. 17 мая.
- 27 Её же. Спектакль отменяется из-за болезни // Там же. 1987. 27 мая.
- 28 Мокроусов А. Перебороть инерцию публики... // Камчатская правда. Петропавловск-Камчатский, 1989. 21 апр.
- 29 Цупенкова И.А. История театральной культуры Сахалинской области: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. С. 153.
- 30 Барабаш Н. Нет у муз периферий? // Советская культура. 1988. 25 фев.

УДК 348

С.М. ДУДАРЁНОК

ПРАВОСЛАВИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

В статье исследуются процессы демократизации государственно-конфессиональных отношений в период перестройки. Показано, что сначала правящая партия, заявлявшая о всеобъемлющих реформах, не слышала верующих и не считала разрешение религиозного вопроса первоочерёдным делом. Ситуация стала меняться только после встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва с патриархом Московским и всея Руси Пименом (Извековым) и членами Священного синода накануне празднования тысячелетия крещения Руси (1988). Особое внимание уделяется жизни православных приходов и старообрядческих общин Дальнего Востока России в перестроечные годы, показаны новые тенденции в их деятельности.

Ключевые слова: религия, верующие, перестройка, государственно-конфессиональные отношения, православие, свобода совести.

Новый политический курс, объявленный Генеральным секретарём ЦК КПСС М.С. Горбачёвым в апреле 1985 г. на заседании пленума ЦК КПСС, предполагал в самом общем виде и изменения (демократизацию) религиозной ситуации в стране. Однако на тот момент ни Горбачёв, ни его ближайшее окружение не имели чёткой стратегии по решению данного вопроса. Не секрет, что сам Михаил Сергеевич и члены политбюро придерживались весьма ортодоксальных взглядов на религиозные проблемы. По свидетельству К.М. Харчева, председателя Совета по делам религий при СМ СССР в 1984–1989 гг., Горбачёв «боялся» религиозных проблем, не шёл на их обсуждение с председателем Совета, несмотря на его неоднократные просьбы¹.

Примечательно, что, выступая 25 февраля 1986 г. с политическим докладом на XXVII съезде КПСС, Горбачёв ни слова не сказал о проблемах свободы совести и о государственно-церковных отношениях. Показательны и некоторые другие решения и действия высшего партийного руководства, явно демонстрирующие нежелание обратить внимание на имеющиеся сложности в религиозной сфере.

В сентябре 1985 г. на заседании секретариата ЦК КПСС рассматривался вопрос «О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси». Подготовка иностранных религиозных организаций к празднованию этой даты рассматривалась руководством страны как попытка идеологических диверсий против населения СССР, особенно против молодёжи. В ответ предлагалось активизировать контрпропагандистские действия. Принятое секретариатом постановление дублировалось в решениях партийных комитетов краёв и областей, в т.ч. и дальневосточных.

В январе 1986 г. ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О некоторых мерах по противодействию клеветнической клерикальной зарубежной пропаганде в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции». В принятом постановлении предлагалось особенно обратить внимание на борьбу с антикоммунизмом в его религиозном виде. Тем не менее спустя год

РПЦ в специальном послании к пастве в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции признавала, что революция «стала эпохальным событием в истории нашей страны и всего мира» и что «в борьбе за народовластие самоотверженно участвовали и верующие люди, в т.ч. чада Русской православной церкви, которые видели в революции возможность воплощения в жизнь своих религиозных идеалов»².

Знакомство с архивными фондами уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР субъектов Дальневосточного федерального округа показывает, что основными направлениями деятельности уполномоченных были сбор информации и контроль над деятельностью религиозных объединений. Наиболее пристальное внимание уделялось незарегистрированным «сектантским» религиозным общинам. К середине 1980-х гг. Приморский край становится крупнейшим в СССР пятидесятническим центром движения за «исход из грешной земли»³. Активны были на территории региона и общины Совета церквей евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня и Свидетели Иеговы. На каждую такую общину составлялось объёмное досье со списками её руководителей и членов, иногда даже со списками членов их семей³. Дальневосточные власти массово применяли к «сектантам» репрессивные меры: штрафы, привлечение к уголовной и административной ответственности, необоснованно, т.е. вопреки существовавшему закону о культах, отказывали в регистрации религиозных обществ. Подобные запреты распространялись не только на «сектантов», но и на православных. Так, в конце 1987 г. 70 верующих г. Охи Сахалинской области обратились в местные органы власти с просьбой открыть православный приход и построить церковь. После переписки с Москвой и проведения «бесед с верующими» Охинский горком КПСС и горисполком пришли к выводу, что «необходимости в строительстве православной церкви в городе Охе нет»⁴.

Подобного рода примеры можно приводить десятками и сотнями. Правящая партия, заявившая о всеобъемлющих реформах, в первые три года «перестройки и гласности» не слышала верующих и не считала разрешение «религиозного вопроса» первоочередным делом. Благоприятные возможности для завоевания широкой поддержки нового курса власти со стороны религиозных организаций и верующих оказались в полной мере не использованы.

В подтверждение сошлёмся на свидетельство многолетнего сотрудника Совета по делам религий при СМ СССР Ю.М. Дегтярёва: «Некоторые руководители горрайисполкомов и в „перестроечные“ 80-е годы вели упорную борьбу с законом, не утруждая себя необходимостью официального рассмотрения коллективных ходатайств верующих с последующим направлением своих предложений в вышестоящие органы исполнительной власти. Вместо этого они поспешно давали верующим отрицательные ответы, даже не обосновывая их при этом. Республиканские органы исполнительной власти в отношении законных требований верующих об открытии молитвенных зданий также часто занимали позиции, которые отнюдь не соответствовали требованиям закона»⁵. Ситуация стала меняться только после встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва с патриархом Московским и всея Руси Пименом (Извековым) и членами Священного синода накануне празднования 1000-летия крещения Руси, которая состоялась 29 апреля 1988 г.⁶

* Эмиграционные настроения приморских пятидесятников оказывали влияние на верующих различных конфессий всего Дальнего Востока России.

В годы советской власти православная вера в отсутствии приемлемых условий её возобновления поддерживалась в среде дальневосточников главным образом за счёт сохранения традиций в семьях. Можно утверждать, что в этот период православие, не успев как следует упрочиться на территории Дальнего Востока, было практически искоренено. Из более чем 300 религиозных объединений РПЦ, действующих на российском Дальнем Востоке до 1917 г.⁷, к началу 1970-х гг. осталось только 10*: в Амурской области – 3 (300 чел.)⁸, Хабаровском крае – 2 (1150 чел.)⁹, Приморском крае – 5 (3700 чел.)¹⁰. Сахалинская, Камчатская и Магаданская области не имели к этому времени ни одного зарегистрированного религиозного объединения РПЦ (МП)¹¹. Незарегистрированные религиозные группы действовали в Камчатской (2) и Магаданской (1) областях, но были так малочисленны и неактивны, что местные власти просто не принимали их в расчёт.

В 1985 г. в Приморском крае имелось 7 религиозных объединений РПЦ (МП) (3,5–3,8 тыс. чел.)¹², в Хабаровском крае – 4¹³, два из которых зарегистрировали в начале 1980-х гг.

Регистрация новых приходов привела к увеличению штата священнослужителей и повышению их профессионального уровня. К 1985 г. в Хабаровском крае их было семь. Наибольшим авторитетом среди верующих пользовался благочинный по Хабаровскому краю Г.Н. Сальчук (1952 г.р., из семьи священника, окончил медицинский институт и духовную семинарию). Поскольку он великолепно знал английский язык, краевой уполномоченный по делам религий использовал его в качестве переводчика при общении с иностранными туристами – православными верующими из Японии, всё чаще и чаще посещавшими Хабаровск и Христорождественскую церковь. Большим авторитетом у верующих пользовался и священник Хабаровской церкви В.Ф. Васильев (1948 г.р., окончил Московский институт международных отношений и заочно духовную семинарию). С 1980 по 1985 гг. он служил в Курском епархиальном управлении, а в Хабаровск был назначен в ноябре 1985 г.¹⁴

Одним из показателей православной религиозной жизни является количество совершаемых обрядов. До середины 1980-х гг. на территории дальневосточного региона была тенденция к снижению религиозной обрядности, но с 1986 г. ситуация изменилась. Если в 1985 г. в Хабаровском крае совершили 199 крещений, то в 1986 г. – 986, отпеваний – 817 и 1 127 соответственно¹⁵; в Приморском крае в 1985 г. – 1 934 крещений и 2 874 отпеваний, в 1987 г. – 2 432 и 2 747, в 1988 г. – 3 577 и 3 324, в 1989 г. – 8 909 и 6 337¹⁶.

В начале 1980-х гг. стремился оживить православную жизнь в приходах епископ Иркутский и Читинский Ювеналий (С.А. Тарасов) (Хабаровская и Владивостокская епархия, созданная в 1945 г., более 40 лет не имела своего епископа и находилась во временном управлении епископа Иркутского и Читинского). До 1984 г. на территории Хабаровской и Владивостокской епархии существовал только один благочинный – старший священник Хабаровской Христорождественской церкви. В декабре 1984 г. епископ Ювеналий создал благочиния в Хабаровском и Приморском краях, Амурской области, назначил благочинных¹⁷.

* Помимо них на территории Хабаровского края существовало ещё 5 религиозных групп РПЦ, две небольшие группы были и на территории Камчатской области. Данные группы не имели священнослужителей и собирались только по большим религиозным праздникам.

С целью активизации деятельности православных церквей епископ Ювеналий гораздо чаще, чем предшественники, объезжал епархию. К его приезду церкви готовились, и на службах с участием Ювеналия собиралось значительно большее число верующих¹⁸. Неоднократно посещал приходы епархии и его преемник епископ Иркутский и Читинский Хризостом. Во время поездок он посещал храмы, встречался с верующими, преподавателями вузов и уполномоченными по делам религий, давал интервью представителям средств массовой информации.

После встречи М.С. Горбачёва с патриархом Московским и всея Руси к нормализации государственно-конфессиональных отношений стремились не только верующие, но и представители органов власти. Так, 22 июня 1988 г. духовенство РПЦ совместно с приглашёнными руководителями евангельских христиан баптистов, адвентистов седьмого дня и христиан веры евангельской (пятидесятников) Хабаровска официально возложили цветы к вечному огню на площади Славы и впервые были приняты председателем крайисполкома Н.Н. Данилюком. На этой встрече Хабаровскому благочинному РПЦ Васильеву вручили приветственный адрес по поводу 1000-летия крещения Руси. Процедуру приёма и беседу депутатов с духовенством и руководителями протестантских религиозных организаций снимало французское телевидение, готовящее фильм «Рабочий день председателя». Отчёты о встрече и интервью с духовенством транслировались по местному телевидению и радио¹⁹.

В августе 1988 г. в Хабаровскую и Владивостокскую епархию был назначен епископ Гавриил (Ю.Г. Стеблuchenko)*. В епархию входили Хабаровский и Приморский края, Амурская, Сахалинская, Магаданская и Камчатская области – всего 15 приходов. Центром епархиального управления стал Хабаровск. Епископ поселился в двух комнатах ветхого деревянного дома около церкви, в остальных помещениях расположилось епархиальное управление, чей штат состоял из 5 чел.²⁰ Основная трудность, с которой столкнулся новый епископ, заключалась в слабой духовной подготовке настоятелей приходов. Назначение епископа Гавриила было недоброжелательно встречено епископом Хризостомом. Он не пожелал лично встретиться с новым епископом, а перед прибытием Гавриила в Хабаровск отозвал нескольких священников, включая настоятелей церквей в Хабаровске и во Владивостоке, усугубив и без того имевшиеся трудности с замещением вакансий.

За первые четыре месяца пребывания в должности епископа Хабаровского и Владивостокского Гавриил посетил все приходы епархии, несмотря на значительную удалённость и сложности с транспортом, в краях и областях представился местному руководству и оговорил нужды верующих. Дважды побывал в Московской патриархии и организовал доставку религиозной литературы более чем на 400 тыс. руб. По его инициативе в одном из храмов Хабаровска был возобновлен колокольный звон²¹. Восстановление епархии и деятельность Гавриила, совпавшие с юбилейными датами – 1000-летием крещения Руси и 400-летием установления патриаршества, – повлияли на религиозную обстановку в регионе. В 1989 г. епархия имела в обороте более 1 млн. руб.²².

* Епископ Гавриил (Стеблuchenko Юрий Григорьевич) 1940 г.р., уроженец Херсона, окончил духовную семинарию и академию, более года работал за границей, перед назначением в Хабаровск был настоятелем Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

Активная деятельность епископа, зарекомендовавшего себя внимательным, требовательным и в то же время скромным человеком, привела к повышению требований верующих ко всем священникам, особенно к их моральному облику. По этой причине в 1988 г. в двух приходах Хабаровского края возникли острые конфликтные ситуации, в основе которых лежали самовольная бесконтрольная финансовая деятельность священников и их давление на исполнительные органы религиозных объединений, что привело к расколу в приходах. До принятия нового Устава РПЦ на Поместном соборе в 1988 г. священники не имели права вмешиваться в финансово-хозяйственную деятельность исполнительных органов. После принятия Устава ряд дальневосточных священников, по мнению уполномоченного по делам религий по Хабаровскому краю В.А. Никульникова*, «новый Устав рассматривают однозначно как узаконенную вседозволенность в приходе, о чём открыто говорят прихожанам, заранее подбирают угодных им лиц в приходской совет. По этой причине актив верующих настороженно воспринимает введение настоятеля в совет, высказывается о необходимости усиления демократических начал...»²³.

Оба священника решением епископа были убраны из приходов²⁴, несмотря на то, что священников катастрофически не хватало. Например, в 1989 г. на 5 приходов в Хабаровском крае вместо 20 по штату было только 7 священнослужителей, включая епископа. Среди них до 40 лет – 4, остальные – до 60 лет; 5 имели среднее светское образование, епископ – высшее духовное.

Данное решение значительно повысило авторитет самого епископа и назначаемых им священнослужителей. Об этом говорит тот факт, что несколько священников были выдвинуты кандидатами в депутаты местных и краевых органов власти, а священника из Комсомольска-на-Амуре Г. Попазова избрали депутатом Городского совета.

Нормализация отношений церкви и государства способствовала более последовательной политике местной администрации в решении насущных проблем религиозных объединений. Так, в 1989 г. исполком Городского совета Комсомольска-на-Амуре единогласно принял решение об отводе участка земли в центральной части города под строительство церкви, а православные верующие городов Бикин и Вяземск и пос. Бира Хабаровского края, подав заявления на регистрацию их религиозных обществ, беспрепятственно получили положительное решение²⁵.

С конца 1980-х гг. дальневосточные приходы РПЦ активно занимались благотворительной деятельностью: жертвовали деньги в различные фонды, приобретали оборудование для детских лечебных учреждений, посещали дома престарелых, места отбытия наказаний. Например, на деньги церкви в Комсомольске-на-Амуре содержалась патронажная сестра, которая оказывала помощь в уходе за немощными.

Рост общественного признания, организованность, значительные материальные ценности, денежные средства, которыми обладала Хабаровская и Владивостокская епархия, побуждали лидеров неформальных движений искать контакты с РПЦ, чтобы использовать её авторитет в своих целях. Епископ Гавриил, священники епархии к этому относились с большой осторожностью, опасаясь, что церковь окажется втянутой в политическую борь-

* В.А. Никульников назначен на должность уполномоченного по делам религий при СМ СССР по Хабаровскому краю в ноябре 1987 г.

бу. Чтобы не допустить такого, епископ снял свою кандидатуру, выдвинутую избирателями в депутаты Краевого совета²⁶.

Наиболее значительным событием религиозной жизни Дальнего Востока было проведение 3–5 декабря 1988 г. в Хабаровске международного круглого стола под девизом «За мир и безопасность в АТР», в котором участвовали представители двух влиятельных религиозных организаций – «Христианской мирной конференции» и «Азиатской буддийской конференции за мир». Встреча состоялась в соответствии с протоколом о сотрудничестве, подписанном в апреле 1987 г.

За круглым столом встретились выдающиеся религиозные деятели буддистов и христиан из Бангладеш, КНДР, Японии, Кампучии, Лаоса, Монголии, Непала, Таиланда, Вьетнама, представители Совета по религиозным и культурным делам Далай Ламы, Австралии, Чехословакии, ГДР, Великобритании, сотрудники штабквартир «Христианской мирной конференции» и «Азиатской буддийской конференции за мир». В качестве почётного гостя присутствовал Генеральный секретарь Всемирной конференции «Религия и мир» Дж. Тейлор. Преподобный Седзи Цутоми из Японии представлял «Христианскую Азиатскую Конференцию».

С основными докладами выступили вице-президент «Христианской мирной конференции», президент Всемирного совета церквей митрополит Павел Мар Грегори (Индия), д-р ист. наук, сотрудник Института востоковедения АН СССР В.И. Корнев, вице-президент «Христианской мирной конференции» Кристи Роза (Шри Ланка), председатель Комиссии «Азиатской буддийской конференции за мир» по Индийскому океану Медатооди Суманатисса (Шри Ланка). После глубокой и плодотворной дискуссии было принято «Совместное буддийско-христианское обращение ко всем нациям и народам». Всех участников конференции тронули сердечность и дружеская атмосфера, царившие на встрече²⁷.

Православие на Дальнем Востоке помимо Московского патриархата в указанный период было представлено различными толками и согласиями старообрядчества. Незарегистрированные старообрядческие общины существовали в середине 1980-х гг. в Амурской, Магаданской областях и Приморском крае. В силу специфики быта, закрытости миру, стремления сохранить в чистоте вероучительную и культовую сторону своей веры старообрядцы не доставляли органам власти особого беспокойства. Их религиозная жизнь протекала в семейном кругу или индивидуально.

В Хабаровском крае старообрядческая религиозная традиция никогда не прерывалась. В середине 1980-х гг. в Хабаровске и его окрестностях проживало около 40 старообрядцев Белокриницкого согласия, которые периодически организовывали молитвенные собрания. Раз в год по разрешению отдела по делам православных церквей Совета по делам религий при СМ СССР к ним из Ростова-на-Дону для совершения религиозных обрядов приезжал священник И.А. Рыбаков. Верующие, в подавляющем большинстве пожилого возраста, были лояльно настроены по отношению к властям. Ответственно и власти, взяв религиозное объединение на местный учёт, не препятствовали в организации периодических религиозных собраний, хотя регистрацию данного религиозного объединения считали нецелесообразной. Культового здания община не имела и собиралась чаще всего в частном доме, именно там проходили и богослужения, когда приезжал священник. И только в 1988 г. общину официально зарегистрировали²⁸.

В четырёх районах Хабаровского края (Облученском, Солнечном, Бикинском и им. Лазо) в 1960–1970-х гг. было 250–300 старообрядцев-беспоповцев. К 1985 г. их число сократилось до 80²⁹. Из них примерно 15 чел. проживало в пос. Берёзовый (начётчик Ф.Е. Пугин, 1911 г.р.), столько же – в пос. Дуки (начётчик А.А. Оборин, 1914 г.р.), остальные – в с. Тавлинка (Амгунь), где непрекаемым авторитетом пользовался основатель села К.К. Басаргин (1892 г.р.). Религиозных объединений и постоянных молитвенных домов старообрядцы-беспоповцы также не имели, периодически по большим религиозным праздникам они собирались на моления небольшими родственными группами³⁰. Такое положение не могло устраивать верующих, поскольку препятствовало чёткой организации религиозной жизни. В некоторых таёжных сёлах они пытались построить молитвенные дома, выдав их за жилые постройки³¹.

Старообрядцы предпринимали попытки предотвратить секуляризацию их семей. Старшее поколение запрещало школьникам вступать в пионеры, пользоваться школьными столовыми, понуждало детей соблюдать посты: в дни постов нередко были случаи голодных обмороков³². Это мало помогало: во многих семьях старшее поколение было верующим, а молодые, как отмечается в отчёте уполномоченного по делам религий по Хабаровскому краю Н.Д. Моляра, «старообрядческих догматов и обрядов уже не придерживались». Были и такие, «которые дома при родителях изображают себя верующими, а за пределами семьи, на производстве ведут себя как неверующие». Секуляризация старообрядческих семей значительно возросла в период активного строительства БАМа, и власти обладали сведениями, что «отдельные старообрядцы вынашивают намерения искать место для поселения дальше, в тайге»³³.

Члены общины активного возраста, даже если имели образование, старались работать не в основном производстве леспромпхозов, лесничеств и строительных организаций, а на второстепенных должностях (сторожами, уборщиками и т.д.), чтобы иметь достаточно времени для личного хозяйства и прибыльного побочного заработка на сборе дикоросов, охоте и рыбной ловле. Старообрядцы имели большие огороды, пасеки, держали много скота. Излишки продукции подсобных хозяйств реализовывали на рынке и через систему кооперации. Они значительно выделялись по благосостоянию среди своих односельчан: жили в добротных рубленых лиственных домах, имели автомобили, мотоциклы и моторные лодки³⁴.

У многих старообрядцев Хабаровского края были родственники в США, Канаде, Бразилии, Австралии и других странах. В период перестройки они смогли возобновить родственные контакты: установили регулярную переписку и по мере возможности стремились к личным встречам. Так, в 1989 г. 14 старообрядцев из Солнечного района Хабаровского края выезжали за рубеж по приглашению родственников. Контакты с зарубежными единоверцами значительно оживили религиозную жизнь. Появились молодые верующие, «убеждённые в правоте своей веры, стремящиеся утвердить себя среди единоверцев», что позволило уполномоченному по делам религий по Хабаровскому краю В.А. Никульникову сделать вывод, что «говорить о бесперспективности их веры, её угасании вряд ли можно»³⁵.

«Нормализация» отношений с самой многочисленной религиозной организацией страны – РПЦ – усилила процессы демократизации в религиозной сфере и привела к началу 1990-х гг. к возникновению в стране принципиально новой религиозной ситуации. На смену политике государственного атеизма пришло демократическое решение религиозного вопроса,

открывшее россиянам возможность свободного мировоззренческого и вероисповедного самоопределения, распространения веры. Новая религиозная ситуация нашла своё выражение в возрождении на территории Дальнего Востока России традиционных форм культовой и внекультовой деятельности религиозных объединений, значительном увеличении числа конфессий, деноминаций, религиозных направлений, быстром росте числа их последователей.

- 1 См.: Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. М.: РОИР, 2010. С. 36.
- 2 См.: Журнал Московской патриархии. 1987. № 11. С. 2.
- 3 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 109. Л. 28–32.
- 4 ГИАСО (Гос. ист. арх. Сахалинской области). Ф. 1142. Оп. 1. Д. 22. Л. 45.
- 5 Дегрярёв Ю.М. Ещё раз об институте уполномоченных // Религия в СССР. М., 1991. № 7. С. 9.
- 6 О подготовке РПЦ к юбилею см.: Чернов М.И. К 1000-летию введения христианства на Руси (Справочно-аналитический материал). М.: Знание, 1988.
- 7 Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. М., 2000. С. 190.
- 8 ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации). Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 963. Л. 3.
- 9 ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 21. Л. 12.
- 10 ГАПК. Ф. Р-1578. Д. 187. Л. 5.
- 11 ГАКО (Гос. арх. Камчатской области). Ф. 829. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; ГАСО. Ф. 1142. Оп. 4. Л. 9; ЦХСД МО (Центр хранения современных документов Магаданской области). Ф. 21. Оп. 41. Д. 218. Л. 8.
- 12 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 674. Л. 1; Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 187. Л. 1.
- 13 ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 50. Л. 16.
- 14 Там же. Л. 18.
- 15 ГАХК. Ф. Р-1359. Д. 48. Оп. 3. Л. 12–14; Д. 50. Л. 80; Ф. Р-1359. Оп. 4. Д. 137. Л. 193.
- 16 ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 187. Л. 1; Д. 194. Л. 2; Д. 200. Л. 1; Д. 205. Л. 1.
- 17 ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 4. Д. 129. Л. 3.
- 18 Там же. Д. 130. Л. 139.
- 19 Там же. Д. 157. Л. 41.
- 20 ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 4. Д. 177. Л. 10.
- 21 Там же. Оп. 3. Д. 50. Л. 154, 155.
- 22 Там же. Оп. 4. Д. 177. Л. 12.
- 23 ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 50. Л. 155–156.
- 24 Там же. Л. 155.
- 25 Там же. Оп. 4. Д. 177. Л. 12, 13.
- 26 Там же. Л. 13.
- 27 Там же. Д. 157. Л. 76–78, 89–99, 100–101.
- 28 Там же. Оп. 3. Д. 50. Л. 26–27; Оп. 4. Д. 157. Л. 66; Д. 177. Л. 13.
- 29 Там же. Оп. 4. Д. 137. Л. 183.
- 30 Там же. Оп. 3. Д. 31. Л. 26.
- 31 Там же. Оп. 4. Д. 113. Л. 7.
- 32 Там же. Д. 137. Л. 183.
- 33 Там же. Д. 136. Л. 21, 22.
- 34 Там же. Д. 137. Л. 184.
- 35 Там же. Д. 177. Л. 14.

УДК 347.961:93(571.6)

А.В. ДРУЗЯКА

УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ*

В статье рассматриваются правовые основы, проблемы функционирования и изменения условий деятельности органов государственного нотариата на Дальнем Востоке России в 1985–1991 гг. Выделен комплекс трудностей, связанных с территориальной спецификой. Делается вывод о формировании предпосылок для нового типа органов нотариальных учреждений.

Ключевые слова: перестройка, Дальний Восток России, органы нотариата, гражданский оборот.

Комплекс идеологических, правовых, административных и организационных мер 1985–1991 гг., направленных на переустройство фундаментальных основ жизни нашей страны, который получил с подачи М.С. Горбачёва название «перестройка», в немалой степени отразился на деятельности органов дальневосточного нотариата. В этот короткий период коренным образом изменились социально-экономические условия и нормативная база его деятельности, что впоследствии вызвало кардинальную трансформацию самой системы нотариата.

О состоянии дел в нотариальных органах Дальнего Востока во время перестройки мы можем судить по документам, хранящимся в фондах региональных архивов. Основные направления работы и сопутствующие проблемы дальневосточного нотариата отражены в регулярных статистических и аналитических отчётах, которые направлялись в контролирующие органы отделов юстиции, в материалах совещаний нотариусов, документах курирующих отделов краевых и областных управлений Минюста РСФСР, воспоминаниях ветеранов нотариата, публикациях в региональных СМИ¹.

Вплоть до начала конституционной реформы 1993 г. правовые основы деятельности нотариальных органов (государственного нотариата) определялись союзно-республиканским законодательством, нормативными актами правительства, министерства финансов и министерства юстиции. Основопологающим документом был союзный закон «О государственном нотариате», который вступил в действие с 1 января 1974 г. и существовал до принятия «Основ законодательства о нотариате» в 1993 г.².

Государственный бюджетный нотариат в ведомстве союзных и республиканских органов юстиции был непосредственно подчинён областным, краевым органам юстиции, которые ведали всеми вопросами правового,

* Статья написана при поддержке гранта ДВФУ, проект № 14-08-05-2, и гранта 12BZS071, КНР.

организационного и материального обеспечения деятельности нотариусов на местах. В столицах союзных и автономных республик, краевых и областных центрах одна из нотариальных контор учреждалась как первая государственная нотариальная контора, которая совершала наиболее сложные действия и способствовала единообразию общей нотариальной практики. В соответствии с законами союзных республик, государственные нотариальные конторы выполняли следующие функции: удостоверение сделок (договоров, завещаний, доверенностей); принятие мер к сохранности наследственного имущества; выдача свидетельств о праве на наследство, о праве собственности на долю в общем имуществе супругов; наложение запрета отчуждения жилого дома; свидетельствование копий документов и выписок из них, свидетельствование подлинности подписи на документах и верности перевода с одного языка на другой; удостоверение факта нахождения гражданина в живых, в определённом месте, тождественности гражданина с изображением на фотографии, времени предъявления документа; обеспечение доказательств, если дело не возбуждено в суде; совершение исполнительных надписей, морских протестов и протестов векселей; передача заявлений граждан и организаций; приём в депозит денежных сумм и ценных бумаг; предъявление чеков к платежу и удостоверение их неуплаты; принятие документов на хранение.

Необходимо отметить, что до конца 1980-х гг. государство искусственно сдерживало развитие многих сфер гражданского оборота, а количество удостоверений договоров о переходе права собственности на имущество оставалось ничтожно малым. Так, в 1972 г. сотрудники Благовещенской городской нотариальной конторы совершили всего 8 370 нотариальных действий. При этом были удостоверены всего 25 договоров дарения, займа и аренды, в их числе: договоров дарения легковых автомобилей и мотоциклов с колясками – 11, аренды жилых домов, принадлежащих гражданам – 2, займа денег – 12³. Это, прежде всего, было связано с крайне ограниченным рынком товаров народного потребления (ТНП), запретом оказывать частные платные услуги и сделки с автомобилотранспортом и недвижимостью. По воспоминаниям руководителя ФЭУ облисполкома Амурской области В.М. Кушноря, в Благовещенске до конца 1980-х гг. было всего два человека, плативших местный налог, – православный священник и мастер-часовщик, занимавшиеся частной трудовой деятельностью*.

При этом изменения в жизни региона, связанные с действием масштабных программ развития, строительством новых объектов, ростом населения (который наблюдался до 1990 г. включительно), требовали расширения и укрепления системы нотариальных органов. В 1974 г. в связи с началом строительства БАМа и резким увеличением численности населения на той территории администрация Желтулакского (Тындинского) района поставила вопрос о введении штатной ставки нотариуса. До этого государственные нотариусы Шимановского, Зейского, Сковородинского районов и Благовещенска работали в зоне строительства БАМа т.н. вахтовым методом.

Нотариату в советский период отводилась важнейшая роль в обеспечении законности в сфере гражданского оборота, он был одним из ведущих

* Воспоминания записаны автором в 2013 г.

правоохранительных органов, призванных способствовать государственной политике в сфере гражданских правоотношений.

На наш взгляд, наиболее ярко значение нотариата проявилось в период реформ на рубеже 1980–1990-х гг., когда он не только выступил в качестве инструмента новой государственной политики, но и стал важнейшим гарантом законности прав новой категории частных собственников и предпринимателей. «Сигналом» для усиления роли нотариата в СССР стал закон, принятый 19 ноября 1986 г., который допустил индивидуальную трудовую деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, бытового обслуживания населения, а также других видов деятельности, основанных исключительно на личном труде граждан и членов их семей. С 1 января 1991 г. он утратил силу в связи с введением в действие нового закона РСФСР⁴. К числу необходимых условий надо отнести постановление СМ СССР от 13 января 1987 г., разрешившее создание совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран⁵. Важным звеном реформ, расширяющим поле деятельности органов нотариата, было постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О переводе предприятий и организаций отраслей народного хозяйства на полный хозрасчёт и самофинансирование» от 11 июня 1987 г.⁶ Продукция, произведённая после выполнения госзаказа, теперь могла реализовываться производителем по свободным ценам. И завершающей частью реформы стало разрешение на создание кооперативов⁷.

Перечисленные законодательные акты, способствуя формированию частной собственности, кардинально изменили правовые основы гражданского оборота. Массовое кооперативное движение началось и в дальневосточном регионе. Газета «Амурская правда» сообщала 1 мая 1987 г., что на благовещенском колхозном рынке открыт первый в области кооператив общественного питания «Чинар». В области появилось большое количество новых торговых точек, на всех приспособленных для торговли площадках производился обмен товарами и продуктами. Подобные структуры особенно быстро росли в приграничных районах и дальневосточных портах, где ранее торговля с рук была официально запрещена или ограничена.

Но существовали и объективные факторы для расширения поля деятельности работников нотариата, в их числе демографический. С середины 1980-х гг. нагрузка на нотариат существенно увеличилась, что во многом было связано с ростом населения Дальнего Востока. Особой территориальной точкой оказался Благовещенск, в котором в 1979 г. проживало 172 тыс. чел, а в 1989 г. – 205,6 тыс. Во второй половине 1980-х гг. в этом городе увеличился приток импорта, резко активизировалась внешняя торговля, наблюдался рост частной приграничной (по классификации китайских коллег – «народной») торговли товарами народного потребления. 18 февраля 1988 г. в Благовещенский речной порт впервые прибыли китайские автомашины за грузами, оговорёнными условиями договора о бартерной торговле между Амурским облпотребсоюзом и торговыми организациями сопредельного китайского города Хэйхэ. 24 сентября 1988 г. первая группа амурчан (40 чел.) отправилась в однодневную поездку в Хэйхэ, в это же время в Благовещенск прибыла группа китайских туристов. Было положено начало двухстороннему туристическому обмену, «народной торговле».

Либерализация внешнеэкономической деятельности (ВЭД) привела к её бурному росту на приграничных территориях. В Амурской области в 1987 г. внешнеторговый оборот с КНР по линии прямых связей составил 0,5 млн руб., в 1988 г. – уже 21,3 млн, а в 1989 г. – 92,2 млн руб.⁸ При этом ВЭД на Дальнем Востоке особенно была связана с ростом объёма иностранных инвестиций в различные сферы региональной экономики, в частности, в добывающие и сырьевые отрасли, способствовала формированию потребительского рынка, восполняла дефицит рабочей силы. Вместе с тем во второй половине 1980-х гг. стали стремительно расти социально-экономические проблемы, среди которых наиболее острыми были товарный дефицит и недостаток жилья.

На фоне быстро меняющихся правовых и экономических условий перестройка деятельности нотариата была не столь активной. Одной из существенных проблем в годы реформ являлась неразвитость сети его территориальных органов. Необходимо было преодолеть и чисто управленческие моменты, мешавшие адекватно отвечать на запросы меняющегося общества. Например, согласно регулирующему документу 1971 г., старшие нотариусы, их заместители и нотариусы относились к должностям с ненормированным рабочим днём. При этом, несмотря на существенно выросшую в течение 1970–1980-х гг. нагрузку и дальневосточную специфику обслуживания территорий, союзные и республиканские руководители крайне неохотно шли на увеличение штатной численности нотариата в регионах⁹. В 1973 г. средняя нагрузка на одного нотариуса в Амурской области составляла от 4 680 (в Благовещенске и Благовещенском районе) до 4 720 (Мазановский район) нотариальных действий, в то время как в среднем по РСФСР – 4 480. Данный факт напоминает старый анекдот о нормальной «средней температуре по больнице».

Период начала перестройки был далеко не лучшим для государственного нотариата. В 1988 г. не работала Тамбовская нотариальная контора, с января по октябрь из-за отсутствия подходящего помещения не могла открыться нотариальная контора в Экимчане, проваливались гнилые полы в помещении Серышевской конторы. Вместе с тем социально-экономическая обстановка в стране и области требовала расширения и укрепления структуры нотариальных органов, и определённые изменения в регионе произошли. В 1988 г. в Тынде открылась Вторая нотариальная контора, которая стала обслуживать граждан и в Зейском районе. В 1989 г. произошло объединение 1-й и 2-й государственных нотариальных контор Благовещенска с получением ими ещё одной ставки. В 1989 г. в этом городе работали уже пять нотариусов. Тогда же было принято решение об объединении Свободненских городской и районной нотариальных контор. Общее число нотариальных контор в Амурской области выросло до 20 (в т.ч. с одним нотариусом работали 16 контор), их сотрудники совершили 74 292 нотариальных действия; в 1990 г. – уже 21 контора и 76 348 действий¹⁰.

В 1985–1991 гг. в структуре нотариата произошли существенные организационные изменения, расширилась система органов. В начале 1992 г. в Управлении юстиции Магаданской области по штату было утверждено 34 должности нотариусов (один старший нотариус 1-й Магаданской нотариальной конторы и 33 нотариуса). Из числа штатных работников нотариата подавляющее большинство (31 чел.) были женщины, среди которых преоб-

ладали лица в возрасте до 40 лет (24 чел.). Почти все работники имели высшее образование (30 чел.) и стаж в своей должности менее 3-х лет (21 чел.). В то же время на начало 1992 г. 9 нотариусов работали в должности более 10 лет¹¹.

Вместе с тем в исследуемый период впервые за послевоенные годы были приняты решения о материальном стимулировании государственных нотариусов: предусматривались доплаты из фонда экономии заработной платы за увеличение объёма работ и высокие показатели (постановление СМ СССР от 05.08.1988 г. «О мерах по коренной перестройке сферы платных услуг»). В 1988 г. государственные нотариусы Магаданской области обеспечили выполнение довольно напряжённого плана оказания правовых услуг населению и по итогам года были премированы за добросовестную работу¹².

Не обошли стороной нотариат и новые демократические веяния, затронувшие принципы формирования его руководящих органов. Так, приказом отдела юстиции Магаданского облисполкома от 30.10.1989 г. были назначены первые выборы старшего государственного нотариуса Магаданской 1-й государственной нотариальной конторы. Они проводились на общем собрании нотариальной конторы путём открытого или тайного голосования. Избранным считалось лицо, за которое проголосовало более половины присутствующих. После согласования кандидатуры человека, победившего в выборах, с Министерством юстиции РСФСР он назначался на должность приказом начальника отдела юстиции облисполкома¹³.

Изменения происходили и на территории Приморья, где население проявляло большой интерес к получению земельных участков, покупало японские автомобили. На 1991 г. в крае действовало 38 нотариальных контор. Средняя нагрузка на нотариуса составляла 3 190 нотариальных действий в месяц, а по отдельным городам – свыше 5 000. В 1991 г. было совершено 4 382 561 нотариальных действий, что более чем в 2 раза превысило показатели прошлого года.

Основную массу (51%) гражданского оборота по-прежнему составляли копии уставов и других учредительных документов предприятий, а также копии доверенностей на управление автомобилем. Существенный рост количества действий был связан с увеличением обращений граждан по поводу оформления предоставления земельных участков, выдачи свидетельств о собственности, дарения автотранспорта, доверенностей на управление автомобилями. В некоторых нотариальных конторах (Владивосток, Уссурийск, Находка) такие обращения составляли почти половину всех действий, а доверенности на управление японскими автомобилями – до 80% всех доверенностей, что в первую очередь было связано с резким увеличением импорта доступных по цене иномарок через порты Приморья. В этот период также существенно увеличилось количество удостоверений подписей на банковских карточках, что говорит о большом количестве открываемых предприятий и регистрации лиц, занимавшихся индивидуальной предпринимательской деятельностью.

Анализ служебной нагрузки государственных нотариусов Владивостока, проведённый в конце 1991 г. по методике, утверждённой Министерством юстиции РСФСР, показал, что нотариусы города несли нагрузку в 1,5 раза выше установленной. Самая большая активность нотариусов была во Владивостоке, где за 1991 г. в 2 раза выросло количество нотариальных действий

и в 2 раза увеличилась сумма взимаемой госпошлины. В целом по Приморскому краю сумма взимаемой госпошлины по сравнению с прошлым годом увеличилась на 30% и составила 6 527 367 руб.

Для упорядочения приёма граждан и сокращения потерь их рабочего времени нотариусы были вынуждены два раза в неделю работать в вечернее время, с одним выходным днём или с 7 часов утра. Чтобы избежать конфликтов в очереди и иметь возможность подготовиться к определённому виду нотариальных действий, нотариусы Владивостока и Находки с 1 ноября 1991 г. практиковали приём граждан по предварительной записи. При этом учитывались советские общественные традиции, например, без записи принимались участники Великой Отечественной войны, инвалиды и капитаны судов, подавшие морской протест¹⁴. В то же время условия работы нотариусов в отдельных городах и районах не изменялись в лучшую сторону. Например, в Находке, одном из крупнейших на Дальнем Востоке центров по продаже автотранспорта, сразу несколько государственных нотариусов работали в одной комнате. В учреждениях не хватало средств на оплату труда уборщицы и машинистки. 3-я Владивостокская нотариальная контора занимала помещение всего в 24 кв.м, где работали одновременно четыре человека и находился нотариальный архив. Помещение приёмной конторы площадью 10 кв.м также использовалось как приёмная юридической консультации¹⁵. 5-я Государственная нотариальная контора испытывала острый дефицит оргтехники: на трёх нотариусов была одна пишущая машинка «Олимпия – Прогресс» выпуска 1953 г.¹⁶ Положение в районах было и того хуже. Например, Лазовская государственная нотариальная контора в с. Преображение располагалась на территории судоремонтного завода в комнате в 25 кв.м. У нотариуса отсутствовали приёмная, сейф для хранения печатей, денежных средств и документов, телефон¹⁷.

Несмотря на такие трудности, к началу 1990-х гг. в регионе уже зарождался рыночный гражданский оборот, который стимулировался новой серией реформ. В 1990 г. Верховный Совет СССР принял два важнейших постановления – «О Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР» и «Основные направления по стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике», – которые предусматривали приватизацию государственной и муниципальной собственности, учреждение акционерных обществ и банков, развитие предпринимательства¹⁸. Реализация реформаторского курса значительно расширила гражданский оборот, существенно меняя условия деятельности нотариальных контор, в т.ч. в сфере оплаты труда, формирования штата и руководящих органов нотариата, материально-технического обеспечения, ранее находившегося в исключительном ведении союзных ведомств. В первую очередь это коснулось условий деятельности и оплаты труда нотариусов на местах.

Во второй половине 1991 г. краевые власти Приморья приняли положения о порядке и условиях перевода государственных нотариальных контор края на новые экономические условия работы по оказанию услуг правового характера. Было предусмотрено внесение оплаты на добровольной основе физическими и юридическими лицами (в т.ч. и иностранцами) за услуги, за которые не предусмотрено взимание государственной пошлины (например, за составление проектов правовых документов). Нотариусы края получили

возможность оказывать дополнительные правовые услуги и получать за свой труд материальное вознаграждение в виде 45% от полученных средств. Это в свою очередь позволило привлечь технических сотрудников, преобразить интерьеры и улучшить оборудование нотариальных контор¹⁹.

В 1990-е гг. началась либерализация цен, внешней торговли, наблюдался рост количества частных предприятий, постепенно формировались рыночные институты. Однако реформы сопровождались всеобщим социально-экономическим кризисом. В этот период областные и краевые власти Дальнего Востока оказались в ситуации правовой неразберихи. Требовалась срочная реформа законодательства, центральные власти передавали компетенцию по многим важнейшим вопросам в регионы, быстрыми темпами формировалось региональное законодательство, не всегда соответствовавшее федеральным нормам. Бурное развитие политической активности проходило на фоне тяжёлого финансово-экономического кризиса, выход из которого новое руководство страны видело в открытии границ, оживлении предпринимательства и воссоздании полномасштабного гражданского оборота, создании либеральной рыночной экономики по западным образцам.

В совокупности изменение условий хозяйствования, нормативной базы предпринимательства, форм собственности привело к ряду существенных преобразований в сфере хозяйственной деятельности и гражданского оборота. В гражданско-правовой сфере появилось много новых субъектов правоотношений, в т.ч. на Дальнем Востоке увеличилось число российских и иностранных собственников. В Амурской области к середине 1991 г. было зарегистрировано 800 кооперативов, около 300 малых предприятий, 13 акционерных и 18 совместных предприятий, 276 крестьянско-фермерских хозяйств²⁰. Происходило расширение количества разрешённых объектов гражданского оборота (недвижимости, автотранспорта, средств производства, услуг, информации и многих других), появление и развитие региональных рынков этих объектов. Население нуждалось в государственных гарантиях обеспечения законности гражданского оборота, совершенствовании нормативной базы гражданских правоотношений и системы юридической помощи населению и предпринимательскому сообществу.

Последовавшие вслед за перестройкой процессы приватизации государственной и муниципальной собственности, вызвавшие ещё более бурный рост объёма гражданского оборота и деловой активности в стране, появление новых субъектов гражданского права и формирование новых видов собственности, потребовали срочного создания новых органов нотариата, способных соответствовать новым социально-экономическим реалиям и отвечать потребностям участников правоотношений. Эта задача была решена позже, в ходе конституционной реформы, проведённой в Российской Федерации в 1993 г. На смену органам государственного нотариата пришли современные органы небюджетного нотариата в системе Министерства юстиции РФ. В 1985–1993 гг. происходила постепенная смена поколений нотариусов. Многие из тех, кто начинал свою профессиональную деятельность в годы перестройки, составили ядро пореформенного кадрового состава дальневосточных нотариусов.

- 1 История нотариата на Дальнем Востоке России. В 2 т. Т. 2. Становление и функционирование органов государственного нотариата на Дальнем Востоке России в 1918–1992 гг. М.: Федеральная нотариальная палата, 2014. 212 с.
- 2 Закон СССР «О государственном нотариате» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 30. Ст. 393; «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993. № 4462-1, ред. от 29.12.2014) // Правовая база Консультант Плюс, 1992–2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172901 (дата обращения: 25.03.2015).
- 3 ГААО (Гос. арх. Амурской области). Ф. 972. Оп. 1. Д. 52а. Л. 15.
- 4 «Об индивидуальной трудовой деятельности». Закон СССР от 19.11.1986. // Правовая база Консультант Плюс, 1992. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172901 (дата обращения: 25.03.2015).
- 5 «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран». Постановление СМ СССР от 13.01.1987 № 49 // Правовая база Консультант Плюс, 1992–2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7565323 (дата обращения: 25.03.2015).
- 6 «О переводе предприятий и организаций отраслей народного хозяйства на полный хозрасчёт и самофинансирование». Постановление ЦК КПСС, СМ СССР от 11.06.1987 № 665 // Правовая база Консультант Плюс, 1992–2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174776554 (дата обращения: 25.03.2015).
- 7 Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР» (с изменениями и дополнениями) // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/10103075/#ixzz3UK6Rf50H> (дата обращения: 25.03.2015).
- 8 Вардомский Л. Благовещенск – Хэйхэ: Приграничное сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 5. С. 72.
- 9 ГААО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 73. Л. 37.
- 10 Там же. Л. 50.
- 11 ГАМО (Гос. арх. Магаданской области). Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 100. Л. 2.
- 12 Там же. Д. 87. Л. 175.
- 13 Там же. Л. 71–73.
- 14 ГАПК (Гос. арх. Приморского края). Ф. 1210. Оп. 2. Д. 54. Л. 3.
- 15 Там же. Д. 153. Л. 31.
- 16 Там же. Л. 12.
- 17 Там же. Д. 154. Л. 15.
- 18 Постановление Верховного Совета СССР от 13.06.1990 № 1558-1 «О Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР» // Правовая база Консультант Плюс, 1992–2015. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3047> (дата обращения: 25.03.2015); «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике» (одобрены Верховным Советом СССР 19.10.1990) // Правовая база Консультант Плюс, 1992–2015. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3676> (дата обращения: 25.03.2015).
- 19 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 154. Л. 22.
- 20 Амурская правда. 1991. 26 июля.

УДК: 947.088 (571.6)

Л.А. КРУШАНОВА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ И ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1985–1991 гг.)

В статье предпринят анализ влияния реформ 1985–1991 гг. на экономическую преступность в России, в т.ч. на Дальнем Востоке. Рассматриваются их последствия, которые на практике создали непредвиденные «благоприятные» условия для дальнейшего роста экономических преступлений, развития теневой экономики и организованной преступности.

Ключевые слова: перестройка, теневая экономика, экономические преступления, СССР, Дальний Восток.

Экономическая преступность традиционно является одной из популярных тем научных исследований. По мнению некоторых экспертов¹, она возникает при наличии возможности конкурировать с легальной экономикой при производстве наиболее доходных товаров и услуг. По сути, экономическая преступность отражает состояние легальной экономики в парадоксальной формуле: чем оно хуже, тем активнее теневой сектор.

В советской литературе значение термина экономическая преступность складывалось, исходя из доминантного положения государственной собственности в производственных отношениях, что и нашло отражение во всех уголовных кодексах РСФСР (1922, 1926 и 1960 г.). Такой подход к данным преступлениям позволил специалистам объединить в одну группу корыстные и корыстно-насильственные преступления. Сюда входили посягательства на личное имущество с целью паразитического обогащения и преступления против социалистической собственности, совершаемые с использованием служебного положения². Сам же термин экономическая преступность вошёл в обиход в конце 1980-х гг., то есть в годы перестройки, в тесной связке с другим термином – теневая экономика³.

К середине 1980-х гг. на Дальнем Востоке сформировался устойчивый характер экономических преступлений. Условно их можно разделить на четыре вида:

1. преступления, обусловленные издержками советской распределительной системы и дефицитом товаров повседневного пользования, ставшими причиной постоянного увеличения количества хищений, в том числе в виде присвоений государственного и общественного имущества, приписок и спекуляций;
2. преступления, обусловленные утратой соответствующими лицами норм морали: взяточничество, представляющее собой два самостоятельных вида преступления – дача взятки и получение взятки⁴;
3. преступления, обусловленные государственным запретом на некоторые виды промыслов и нарушающие морально-этические нормы общественного развития: самогоноварение;
4. «теневая» занятость населения («дикие бригады», оказание услуг).

Поскольку проблематика экономических преступлений перестроечного периода достаточно многогранна, остановимся на одном из её аспектов – хищениях государственного имущества, – оставив за рамками данной статьи спекуляцию, в т.ч. алкоголем, т.к. эти аспекты нашли отражение в других работах⁵.

К началу перестройки дальневосточное общество «качественно» изменилось по сравнению с 1950–1960-ми гг. Взятый правительством ещё в середине 1950-х гг. курс на рост благосостояния советских граждан сопровождался в СССР не только увеличением доходов, изменившим структуру потребления, но и сокращением продолжительности рабочего дня и рабочей недели. Обратной стороной процесса роста благосостояния стали размывание социальной структуры советского общества⁶ и индивидуализация потребления. Руководство страны обращало особое внимание на Дальний Восток: были введены надбавки к заработной плате, строились жильё, детские сады, больницы, магазины и т.д. Расширились возможности женского трудоустройства, а вместе с ними поднялся статус педагогических, медицинских и торговых вузов.

Это привело к тому, что в 1970-х гг. как в целом по стране, так и в регионе сформировалось потребительское общество, похожее по своим ценностям на европейское, например, в части появления свободного времени, роста престижа образования. Но были и свои отличия, особенно в стандартах потребления, связанных с повседневной жизнью. Советские люди не разделяли одежду на «каждодневную» и праздничную. Строительство жилья сформировало желание получить отдельную благоустроенную квартиру с обстановкой из мягкой и корпусной мебели, с коврами, хрусталём, кухонным гарнитуром.

В отличие от западных экономик, где наблюдалось перепроизводство товаров повседневного спроса, советская экономика не успевала производить в нужном объёме многое, начиная от мяса, колбас, сыров и других «статусных» продуктов питания (например, некоторых видов деликатесных рыб, красной икры, конфет в подарочных коробках) и заканчивая автомобилями, очередь на покупку которых в рамках закона, то есть по госцене, растягивалась на несколько лет. То, что не могла дать официальная советская экономика, компенсировалось чёрным рынком, который, по мнению американского учёного-криминолога Л. Шелли, являлся и «симптомом ослабления советского режима, и способом смягчения его негативных эффектов»⁷. В таких условиях политическое руководство страны вынуждено было либерально относиться к некоторым экономическим преступлениям, например, мелким хищениям и спекуляции (по сумме не более 50 руб.), которые ещё в середине 1950-х гг. перестали считаться уголовными и перешли в категорию административных правонарушений.

Однако в начале 1980-х гг. власть предприняла меры по выявлению масштабов экономической преступности. Ю.В. Андропов, пришедший на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в 1982 г., принялся проводить курс, направленный на ужесточение дисциплины и наведение порядка в стране. Новый лидер считал борьбу с обманом государства, воровством и взяточничеством важнейшей задачей устранения угроз развития социалистического общества.

Показательной политической акцией стало «очищение» от взяточников ведомства, призванного бороться с преступностью. В декабре 1982 г. со своего поста был снят министр внутренних дел СССР Н.А. Щёлоков, а на его место назначили бывшего председателя КГБ СССР В.В. Федорчука, пришедшего на эту должность после Ю.В. Андропова. Было возбуждено уголовное дело против начальника ХОЗУ МВД СССР Калинина и ещё нескольких его подчинённых. Их деятельность подверглась тотальной проверке, выявленный ущерб составил 67,1 тыс. руб.⁸, хотя более значительным оказался моральный вред, причинённый сотрудниками центрального министерства, подрывавший устои советского государства и доверие граждан к власти.

В целом и глава государства, и центральные правоохранительные органы в лице Министерства внутренних дел, Генеральной прокуратуры и Верховного суда, и местные органы в лице первых секретарей край- и обкомов, начальников управлений и отделов внутренних дел, прокуратур судов, директоров предприятий и организаций располагали достаточной информацией, свидетельствующей о растущих масштабах экономических преступлений, хищений государственной собственности. По сравнению с концом 1970-х гг. в РСФСР этот показатель увеличился: в 1982 г. – на 5%, 1983 г. – на 7,6%, 1984 г. – на 6,8%, 1985 г. – на 9,2%. Материальный ущерб, нанесённый государству, с 1980 по 1985 г. вырос с 42,1 млн руб. до 72 млн руб.⁹.

На Дальнем Востоке рост хищений, как и в целом по РСФСР, шёл по восходящей. Если в 1980 г. в регионе силами МВД выявили 5 379 преступлений по линии БХСС, включая 2 196 выявленных и зарегистрированных фактов хищений государственной и общественной собственности, то к началу перестройки их количество выросло на 20% (до 6 437), а выявленных и зарегистрированных – на 32,1% (до 2 901 фактов)¹⁰. Таким образом, в 1980 г. только 40%, а в 1985 г. уже 45% преступлений регистрировались как уголовно наказуемые деяния, остальные, скорее всего, рассматривались как административные правонарушения.

Одновременно росли и объёмы похищенного. Например, в 1980 г. каждый осуждённый в Амурской области и Приморском крае расхититель украл у государства 415 руб., в 1986 г. – 624 руб.¹¹, т.е. за 7 лет объёмы хищений выросли на 50%, при том что уровень инфляции в год не превышал 2%. В Сахалинской области в 1986 г. было совершено 383 хищения на общую сумму 153 166 руб.¹², т.е. каждый участник преступлений похитил в среднем 643 руб. В 1985 г. в Хабаровском крае к виновным в недостачах, хищениях и бесхозяйственности контролирующие органы предъявили 1540 исков на сумму более 1,5 млн руб., что в 1,5 раза больше, чем в 1982 г. Но некоторым из них удалось избежать уголовной ответственности: исходя из суммы похищенного (присвоенного или растраченного), они понесли административное наказание (432 чел.)¹³. Безусловно, причины распространения хищений нельзя сводить главным образом к девиантным наклонностям россиян. Существовали объективные причины, в т.ч. товарный дефицит и сохранение такой социально-бытовой традиции, как «блат», которым правоохранительные органы не могли противостоять.

В первой половине 1980-х гг. власть обнародовала результаты нескольких громких уголовных дел в СССР, включая ставшее известным дело «Елисеевского гастронома»¹⁴. В эти же годы в оперативную разработку по-

пали региональные магазины сети «Океан», один из которых располагался во Владивостоке*. Кампании по борьбе с хищениями и взяточничеством в системе советской торговли привели к двум противоположным социально-психологическим последствиям. С одной стороны, громкие преступления первой половины 1980-х гг. оказали отрезвляющий эффект на некоторых участников коррупционно-теневых отношений. С другой – реальные участники хищений усвоили уроки общения со следствием, что явилось одной из причин низкой раскрываемости экономических преступлений на фоне их высокой латентности (хищений – 67,3%, в т.ч. в особо крупных размерах – 97%¹⁵).

В 1985 г. к власти пришёл М.С. Горбачёв, ставший проводником идей Ю.В. Андропова. В 1986 г. в своей речи на XXVII съезде он говорил: «Партия придаёт первостепенное значение последовательному и настойчивому искоренению нарушений трудовой дисциплины, хищений и взяточничества, спекуляции и тунеядства, пьянства и хулиганства, частнособственнической психологии и стяжательства, подхалимства и угодничества»¹⁶. Но уже ближайшая перспектива развития Советского государства выявила все просчёты реформ, проводимых командой Горбачёва.

В мае 1985 г. вышел печально известный указ Президиума ВС СССР «Об усилении борьбы с пьянством», получивший в народе название «сухой закон». Развившаяся на этой базе антиалкогольная кампания стала впоследствии одной из крупных экономических ошибок. Погоня за цифрами (заккрытие торговых точек по реализации алкогольной продукции, а также переход предприятий, производивших алкогольную продукцию, на безалкогольный ассортимент) привела к тому, что бюджетные поступления резко сократились: в 1985–1987 гг. объёмы недопоступлений составили 67 млрд руб.¹⁷

Взамен советская экономика ничего не предложила, таким образом сохранив дефицит товаров, особенно «статусных». Высвободившиеся у населения деньги из-за невозможности легальной покупки алкоголя перераспределились в теневой сектор. Дефицит водки компенсировался её подпольным изготовлением (140-150 декалитров в 1987 г.). В 1989 г. теневые доходы, «изъятые из бюджета», в СССР составили 23 млрд руб., в 1990 г. – 35 млрд руб.¹⁸

Не просчитанным оказался и рост правонарушений и преступлений, связанных с нарушением антиалкогольного законодательства. После вступления в активную фазу кампании по борьбе с пьянством и сокращения поступления алкоголя в продажу количество злоупотреблений как среди работников торговых организаций, так и среди населения резко увеличилось. Например, в Хабаровском крае в 1989 г. к административной ответственности по ст. «Нарушение правил торговли спиртными напитками» (ст. 147 КоАП РСФСР) органы правопорядка привлекли 148 чел., по ст. «Приобретение крепких спиртных напитков домашнего изготовления» (ст. 160 КоАП) – 1 239 чел., по ст. «Изготовление или хранение без цели сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки» (ст. 160.2 КоАП) – 2 056 чел.¹⁹ Чем больше было возможностей нарушить антиалкогольный закон, тем

* Магазин «Океан» во Владивостоке располагался по ул. Ленинской, ныне это ул. Светланская, где сейчас находится кафе «Republic».

масштабнее были нарушения. В 1986 г. к длительным срокам заключения приговорили группу проводников Хабаровского винзавода, совершивших хищения в особо крупных размерах²⁰.

В то же время борьба с пьянством оказала определённый отрезвляющий эффект на потенциальных расхитителей, что проявилось в снижении экономической преступности в регионах. Например, если в 1984 г. в Приморском крае к ответственности по ст.ст. 89–91, 93, 96 УК РСФСР было привлечено 1 528 чел., то в 1987 г. – 621 чел., т.е. количество экономических преступлений сократилось почти в 2,5 раза²¹.

Дефицит бюджета стал одной из причин поиска правительством СССР новых источников его пополнения. Это обусловило начало экономических реформ. В 1987 г. приняли Закон СССР «О государственном предприятии», ставший первым шагом на пути к рыночным отношениям. Вторым был Закон СССР «О кооперации в СССР» (1988 г.). По мнению разработчиков, эти законы должны были сделать сбыт продукции легальным и привести к сокращению издержек. Но на практике произошло обратное: образовалась благоприятная среда для дальнейшего усиления позиций теневого сектора и, следовательно, дальнейшего роста корыстных, хозяйственно-корыстных и должностных преступлений в сфере экономики. Ситуация усугублялась тем, что в свою активную стадию вступил этап первоначального накопления капитала, в те годы чаще всего имевшего криминальное происхождение в виде нелегальных доходов от хищений, рэкетиризма и спекуляций. Резко выросли личные доходы населения вне всякой связи с производством*, в т.ч. по причине растущей инфляции.

Развитие кооперативов позволило теневому сектору экономики стать легальным явлением. На Дальнем Востоке с 1988 по 1990 г. численность действующих кооперативов выросла с 443 до 8 928, а занятых в них – с 4 тыс. до 235,2 тыс. чел.²². В целом в СССР в 1980-х гг. в теневом секторе участвовало до 30 млн чел. с объёмом денежных оборотов от 90 до 500 млрд руб.²³

Легальность кооперативов и частной инициативы вместо снижения количества экономических преступлений привела к обратному результату. Вал таких преступлений в регионе продолжал нарастать: если в 1985 г. в органах внутренних дел Дальнего Востока было зарегистрировано 6 437 экономических преступлений, то в 1990 г. – 6 787. Только за один год (1989) их увеличение составило в Приморье 5%, в Хабаровском крае – 11%, в Амурской области – 7,4%, на Камчатке – почти 10%, в Магаданской области – 6,8%, на Сахалине – 1,3%, в РСФСР – 3,3%²⁴.

Такой рост «теневой» экономики стал возможен не только благодаря новым субъектам хозяйствования – кооператорам, но и вследствие сохранения прежнего уровня хищений на государственных предприятиях. В 1985 г. к уголовной ответственности привлекли 903 чел. из числа руководителей дальневосточных предприятий, организаций, колхозов и совхозов, начальников отделов и бригадиров, работников финансовых подразделений;

* Ежегодный прирост денежных доходов населения в СССР составил в 1981–1987 гг. в среднем 15,7 млрд руб., а в 1988–1990 гг. – 66,7 млрд руб. В 1991 г. лишь за первое полугодие они выросли на 95 млрд руб. (при этом зарплата в производстве увеличилась всего на 36%).

сумма причинённого ущерба государственным предприятиям составила 2,8 млн руб.²⁵ По инерции борьба с данным явлением продолжалась, однако она уже воспринималась не только обществом, но и правоохрнительными органами как атавизм. В 1990 г. в РСФСР было зарегистрировано 44 359 хищений, совершённых путём присвоения или растраты либо злоупотребления служебным положением, что почти на 7% меньше, чем регистрировалось таких же преступлений годом ранее. Выходившая в то время по центральному каналу ежедневная программа «Прожектор перестройки» высвечивала советскому зрителю массовость и системность данного явления. Снижение регистрируемых преступлений отражало неспособность правоохранительной системы бороться с расхитителями.

«Прожектор перестройки» не обошёл вниманием самое крупное дело конца советской эпохи – «узбекское», или «хлопковое». Власти впервые публично озвучили, что на скамье подсудимых оказалось 144 высших должностных лица Узбекской ССР и партийно-государственных управленцев Советского Союза*. Коррупция становилась одной из причин обвала советской системы. Но вслух об этом никто не решался сказать.

Урон, нанесённый расхитителями и коррупционерами, был огромен. Практика взыскания ущерба, причинённого предприятиям и организациям, сохранялась, правда, эффекта от неё почти не наблюдалось. На 1 января 1986 г. по приговорам судов РСФСР взыскали 4 266,8 тыс. руб., что составило лишь 37% от суммы похищенного. Шансов на возврат оставшихся 63% было немного. На Дальнем Востоке процент взыскания был ещё ниже – 15,5%²⁶.

Кризис на потребительском рынке в Дальневосточном регионе проявлялся весьма остро, сказывались последствия неразвитости отраслей, производивших товары широкого потребления, и большое отставание сельскохозяйственного производства от нужд населения**. В свободной продаже часто отсутствовали мясо, колбасы, фрукты, другие продукты. Ситуация дефицита на фоне разложения идеологии, всё нарастающий разрыв между громкими партийными заявлениями и социально-бытовыми реалиями, кризис системы управления создали «питательную среду» для увеличения различных форм правонарушений в торговле. В 1985 г. в регионе уголовное дело возбуждалось только в 2/3 случаев, каждое третье преступление являлось групповым, каждое десятое относилось к категории хищений, совершённых в крупных и особо крупных размерах²⁷.

Рост экономической преступности и коррупции, а также другие социальные процессы – зарождение нового класса предпринимателей, падение социального статуса рабочего, экономический кризис на фоне инфляции,

* В это же время по телевидению показывали культовый итальянский сериал «Спрут», в котором герой Микеле Плачидо в роли комиссара Коррадо Катани ведёт борьбу с сицилийской мафией и коррупцией в высших эшелонах власти Италии. В итоге у советского зрителя с учётом сложившейся ситуации сформировалось представление, что «у нас» теперь так же, как и «у них».

** По производству товаров народного потребления в 1985 г. Дальний Восток занимал от 43-го (Приморский край) до 73-го места (Магаданская область), а также 59-е место по производству мяса, 11-е – по производству молока и 4-е – масла. См. подробно: Ващук А.С. Социальная политика в СССР... С. 178.

рост численности асоциальных лиц и т.д. – вели страну к социально-политической катастрофе. Органы милиции и КГБ в конце 1980-х гг. столкнулись с новыми видами экономических преступлений – рэкетом как видом вымогательства, мошенническими действиями с собственностью. Совокупность как традиционных, так и новых видов экономических преступлений сформировали благоприятные условия для расцвета организованной преступности. Её наличие в стране правительство признало официально, как и наличие теневой экономики вкупе с коррупцией в конце 1980-х гг. На Втором съезде народных депутатов СССР (1989) было издано специальное постановление «Об усилении борьбы с организованной преступностью». 12 января вышел Указ Президиума ВС РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», согласно которому увеличили ответственность за вымогательство²⁸. В результате в Уголовный кодекс (1960 г.) редакции 1989 г. было внесено более 350 изменений²⁹.

Однако признание государством деструктивных явлений не означало усиление борьбы с ними. Проблемы взаимоотношений центра с национальными и региональными элитами ориентировали М.С. Горбачёва и его соратников прежде всего на решение политической задачи – не потерять свои руководящие посты. Задача же преодоления усиливающегося экономического кризиса оказалась на втором плане. На Дальнем Востоке разрушению подверглись не только предприятия рыбодобывающего флота, но и корабли, и материально-техническая база ТОФ.

1990 г. отмечен снижением официально регистрируемых хищений государственного имущества, совершённого путём присвоения или растраты либо злоупотребления служебным положением. Если в 1985 г. по линии МВД на Дальнем Востоке выявили 2,9 тыс. экономических преступлений, то в 1990 г. – немногим более 2,5 тыс., аналогичная картина складывалась в целом по РСФСР: 53,1 тыс. и 44,3 тыс. соответственно. В 1990 г. по сравнению с 1989 г. количество экономических преступлений (ст.ст. 92, 93, ч. 1 УК) снизилось в РСФСР на 6,9%, в Приморье – 2,4%, в Амурской области – 7,3%, на Камчатке – 12%, в Магаданской области – 7% и Сахалинской – 41,6%. Рост произошёл только в Хабаровском крае (на 3,5%)³⁰. Но, как отмечают исследователи, снижение преступности – как общей, так и её отдельных видов, – на фоне ухудшения социально-экономической и политической ситуации свидетельствует о том, что происходит сращивание правоохранительных органов с криминальными структурами³¹, тем самым создаются ещё более благоприятные условия для функционирования организованной преступности. Основой её роста является экономическая преступность. Косвенным подтверждением такой ситуации служат создание в декабре 1991 г. Главного управления по борьбе с хищениями социалистической собственности (ГУБХСС) и реорганизация МВД СССР в Бюро по преступности в экономике криминальной милиции МВД СССР. После распада СССР эта реформа продолжилась, в январе 1992 г. аналогичные подразделения появились в краях и областях региона.

Дальний Восток оказался в числе регионов, в которых оргпреступность появилась задолго до официального её признания властью. Наиболее известной в Приморье была «третья смена», появившаяся ещё во второй половине 1970-х гг.; в Хабаровском крае в конце 1980-х гг. – группировка Джема

(Евгения Васина). В 1990 г. на данных территориях сотрудники ОВД выявили 11 преступлений (5 – в Приморье, 6 – в Хабаровском крае), совершённых коррумпированными преступными группами.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. К началу перестройки в СССР сложился устойчивый характер экономической преступности в виде хищений, совершаемых путём приписок, присвоения или растраты либо злоупотребления служебным положением. В дальнейшем рост экономических преступлений произошёл под влиянием разных факторов, но кризис действовавшей системы распределения, а также изменения, обусловленные введением элементов рыночной экономики, оказались основополагающими. Таким образом, экономическая преступность была спровоцирована внутренней политикой государства.

Одним из последствий реформ стало признание первыми лицами государства наличия в СССР теневой экономики, рост которой отразил возникшие в ходе реализации экономических реформ противоречия между традиционной государственной системой распределения и новыми, предоставленными тем же государством экономическими возможностями между производственными интересами и частной инициативой. Что касается Дальнего Востока, то специфических особенностей проявления экономической преступности нами не обнаружено, причины совершения хищений были типичными.

- 1 Сигов В.И., Смирнов А.А. Криминализация экономики как угроза экономической безопасности: Экономико-криминологический анализ. URL: <http://zakonirus.ru/news/2012-12-18-80> (дата обращения: 14.04.2015).
- 2 Криминология. М.: Юристъ, 1997. С. 205.
- 3 Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988. С. 6.
- 4 Взятничество как социальное явление. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3002 (дата обращения: 10.03.2015).
- 5 Ковалевская Ю.Н., Крушанова Л.А. Становление предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1960 – начале 1990-х гг.: От «барахолки» к рынку // Россия и АТР. Владивосток. 2013. № 4. С. 96–112; Ващук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и её последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. Владивосток. 2014. № 4. С. 94–108.
- 6 См. подробно: Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (сер. 40–80-х гг. XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 145.
- 7 Шелли Л. Вторая экономика в Советском Союзе. URL: <http://corruption.rsub.ru> (дата обращения: 18.12.2009).
- 8 «Дело Щёлокова». «Круглый стол», посвящённый крупнейшему реформатору отечественного МВД // Zavtra, № 44. Ноябрь, 2010. URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/885/31.html> (дата обращения: 26.12.2012).
- 9 ГАРФ. Ф. А-428. Оп. 18. Д. 773. Л. 13, 16.
- 10 Архив МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 477. Л. 46–49.
- 11 ГАРФ. Ф. А-428. Оп. 18. Д. 773. Л. 13, 16.
- 12 ГАСО. Ф. 985. Оп. 1. Д. 389. Л. 2–13об.

- 13 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 111. Д. 159. Л. 30.
- 14 Гришин В.В. Катастрофа: От Хрущёва до Горбачёва. М.: Алгоритм: Эксмо. С. 38.
- 15 Криминология. Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Юрист, 1997. С. 215.
- 16 Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 160.
- 17 Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). В 2 кн. Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 256.
- 18 История государства и права России: учебник для вузов / под ред. С.А. Чибиряева. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/IstPrav/82.php (дата обращения: 07.09. 2012).
- 19 ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 33. Д. 469. Л. 18–19.
- 20 Там же. Оп. 94. Д. 12. Л. 19; Оп. 111. Д. 203. Л. 50.
- 21 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 1. Л. 1; Д. 88. Л. 3–3 об.
- 22 Архив Института экономических исследований ДВО РАН (ИЭИДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 146. Л. 95.
- 23 Ващук А.С. Социальная политика СССР.. С. 146.
- 24 Архив МВД РФ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 477. Л. 51–54.
- 25 Там же. Л. 73–76.
- 26 Там же. Л. 78–81.
- 27 Там же. Д. 838. Л. 41–44.
- 28 Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 3. Ст. 50.
- 29 Чаадаев С.Г. Уголовная политика и преступность. М.: Знание, 1991. С. 38.
- 30 Подсчитано по: Архив МВД РФ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 225. Л. 439.
- 31 Роулинсон П. Российская организованная преступность: Краткая история // Российская организованная преступность: новая угроза? М., 2000. С. 83.

УДК: 947.088 (571.61)

Е.В. БУЯНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ СОБЫТИЙ 19–21 АВГУСТА 1991 г.

Статья посвящена оценке событий 19–21 августа 1991 г. Особое внимание уделено актам и законам Российской Федерации. Анализируются взгляды политических партий и научного сообщества.

Ключевые слова: августовские события 1991 г., Россия, законодательные акты РФ, политические оценки.

Сегодня не вызывает никакого сомнения факт, что события 19–21 августа 1991 г. наложили огромный и неизгладимый отпечаток на всё последующее развитие России. Однако по прошествии 25 лет остаётся открытым вопрос о политической природе и социальных причинах данного исторического явления. И это при имеющемся колоссальном объёме литературы и массе опубликованных материалов. В конце 1991 г. О.М. Попцов заметил: «Свидетельства, воспоминания – они уже громоздятся друг на друга. Ощущение такое, что авторов больше, чем участников событий»¹. Сколько людей, столько и мнений. Отношение к произошедшему разнится в зависимости от служебного положения, политических взглядов и морально-этических установок, а также времени, отделяющего пишущих от тех дней. Характерны большой разброс мнений и явная тенденция к поляризации оценок. Между тем осмысление и дальнейшее изучение данных событий требует уточнений в понятиях и терминах. Отсутствие общепринятого толкования и выверенных формулировок в описании августовских событий не позволяет ясно и чётко обозначить объект и предмет исследования. Таким образом, поставленная проблема приобретает методологическое значение.

Первые оценки появились практически одновременно с интересующим нас историческим действием. Сначала обратимся к содержанию официальных документов. Они очень важны для понимания применяемой терминологии. По ним можно определить позицию политического руководства страны, а также проследить эволюцию понятий в научной литературе и публицистике. Уже в обращении «К гражданам России» 19 августа 1991 г., подписанном Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным, Председателем СМ РСФСР И.С. Силаевым и и.о. Председателя ВС РСФСР Р.И. Хасбулатовым, говорилось: «В ночь с 18 на 19 августа 1991 г. отстранён от власти законный Президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым реакционным антиконституционным переворотом... Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам...»². В заголовках и текстах нормативных актов органов государственной власти содержатся концептуальные суждения и определения. В Указе Президента РСФСР № 59 от 19 августа 1991 г. «О Государственном Комитете по чрезвычайному положению» отмечалось, что в связи с действиями группы лиц, объявивших

себя ГКЧП, следует «считать объявление Комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным как государственным преступлением»³. В Указе Президента РСФСР № 61 от 19 августа 1991 г. «О временном переподчинении органов исполнительной власти СССР Президенту РСФСР» говорилось: «Предпринята попытка государственного переворота. Отстранён от должности Президент СССР, являющийся Верховным главнокомандующим Вооруженных Сил СССР»⁴. Об этом же шла речь в постановлении ВС РСФСР от 21 августа 1991 г. «О дополнительных полномочиях Президента РСФСР по обеспечению законности деятельности Советов народных депутатов в условиях ликвидации последствий попытки государственного переворота в СССР»⁵. Такая же оценка присутствует в постановлении Президиума ВС РСФСР от 23 сентября 1991 г. «Об итогах рассмотрения на сессиях Советов народных депутатов республик в составе РСФСР, краёв, областей, автономной области, автономных округов, районов, городов и посёлков вопросов работы Советов, их органов и должностных лиц в период государственного переворота»⁶. Интересно отметить, что в постановлении ВС РСФСР от 21 августа 1991 г. говорится о «попытке государственного переворота в СССР», а в постановлении Президиума ВС РСФСР от 23 сентября 1991 г. прошедшие дни характеризуются как «период государственного переворота».

Первым документом Президенту РСФСР было предоставлено право отстранять от должности председателей краевых и областных Советов народных депутатов, а также СНД автономной области и автономных округов. Во втором отмечалось, что на сессиях в основном объективно оценивались действия органов Советов и их должностных лиц в дни переворота. За беспринципность, медлительность и непринятие своевременных мер освободили от занимаемых должностей 17 председателей краевых и областных Советов народных депутатов. Было отмечено, что в Карельской АССР, Амурской и Оренбургской областях президиумы Советов дали оценку трагическим событиям на третий день переворота. В постановляющей части документа сообщалось, что ряд Советов, в том числе Амурской областной, не дали принципиальной оценки действиям соответствующих должностных лиц Советов в этот период⁷.

23 августа 1991 г. Президент РСФСР Б.Н. Ельцин подписал Указ № 78 «Об отстранении от исполнения обязанностей председателей исполкомов областных Советов народных депутатов». В документе, в частности, говорилось: «За поддержку антиконституционной деятельности так называемого Государственного Комитета по чрезвычайному положению в СССР, невыполнение Указов Президента РСФСР, направленных на пресечение государственного переворота, на основании ст. 121⁸ Конституции РСФСР и ст. 8 Закона РСФСР “О президенте РСФСР”, постановляю: отстранить от исполнения обязанностей председателя исполкома областного Совета народных депутатов... Белоногова А.Н. (Амурская область)...»⁸. А.Н. Белоногов категорически не согласился с такой оценкой и заявил, что в период с 19 по 23 августа 1991 г. действовал согласно Конституции и законам РСФСР, никаких постановлений ГКЧП не выполнял⁹. Депутаты областного Совета, в большинстве члены только что запрещённой КПСС, поддержали А.Н. Белоногова, и он, потеряв должность председателя исполкома, остался председателем областного Совета¹⁰. Руководители остальных Советов народных депутатов дальневосточного региона не попали под действие вышеназванного Указа.

После указанных событий в России сложилась совершенно новая политическая ситуация. Произошли существенные изменения в организации системы органов государственной власти. Некоторые из них носили принципиально важный характер, другие затронули лишь формальную сторону. Характер этих перемен в решающей степени определялся природой августовских событий. Их оценка политическим руководством была однозначной – «попытка государственного переворота в СССР», «государственный переворот». Однако официальные акты российского руководства за последнюю декаду августа – сентября 1991 г. не содержат развёрнутых и убедительных аргументов в пользу столь категоричного вывода. Более того, современникам были хорошо видны и понятны некая театральность происходивших событий и абберрация в их освещении. Даже не слишком осведомлённые в политике люди понимали, что членам ГКЧП незачем было устраивать государственный переворот, так как большинство из «гэкачепистов» занимали самые высокие государственные должности. Журналисты уже 20 августа 1991 г., сразу после пресс-конференции ГКЧП, оценили происходящее как «путч», «путч дрожащих рук». Вообще пресса сыграла большую роль в формировании общественного мнения в данном вопросе. Анализ содержания издания Моссовета «Дайджест-Куранты» (№ 4, август 1991 г.) показывает, что употреблялись следующие слова и выражения для описания текущих событий: «Организаторы августовского путча рассчитывали, что уставший народ, подобно стаду, пойдёт за ними, как это не раз бывало в прошлом. Но эффект оказался обратным: страна отвергла хунту, КПСС разваливается», «Краткое послесловие к перевороту», «В дни путча», «В дни заговора обречённых», «Хунта ответит за кровь», «Первые жертвы переворота»¹¹.

По мемуарам Б.Н. Ельцина можно проследить эволюцию применяемых понятий и определений того периода. В вышедшей в 1994 г. книге «Записки Президента» автор, приступая к описанию произошедшего, сразу называет членов ГКЧП «заговорщиками». Ельцин вспоминает, что утром 19 августа 1991 г. его разбудила дочь Татьяна: «Влетела в комнату: “Папа, вставай! Переворот!”». Слово «переворот» дочь Ельцина услышала либо из сообщения по радио, либо из телепередачи. Далее Ельцин пишет: «В это время по улицам Москвы сплошной колонной шли бронетранспортёры и танки... Над Москвой в течение нескольких часов стоял непрерывный тяжёлый гул. “Война?” – хватались за сердце московские старушки. “Военный переворот” – отвечали более молодые...». Однако через несколько страниц автор называет «заговорщиков» «гэкачепистами», «путчистами», а их предприятие – «путчем»¹². Вероятно, эти определения попали в президентский лексикон также из средств массовой информации. В 1996 г., выступая с посланием Федеральному Собранию РФ, Ельцин использовал старое выражение. В историческом разделе послания он сказал: «Запоздалым ответом союзного Центра (на национальные движения в республиках СССР – Е.Б.) явился новоогарёвский процесс. Но даже это вызвало реакцию в форме ГКЧП – отчаянной попытки скрепить Союз силой, с помощью реставрации старых властных структур. Результатом действий путчистов стало исчезновение каких-либо возможностей сохранения СССР»¹³.

Через несколько лет эта же терминология – «путч», «августовский путч», «заговор», «заговорщики» была использована авторами фундаментального труда «Эпоха Ельцина. Очерки политической истории» (Ю.М. Батулин, А.Л. Ильин, В.Ф. Кадацкий, М.А. Краснов, А.Я. Лившиц, К.В. Никифоров, Л.Г. Пихоя, Г.А. Сатаров), ближайшими сподвижниками первого президента России в свое время¹⁴. В этом издании названные фигуры, бывшие в центре событий

19–21 августа 1991 г., приводят оригинальную трактовку появления и использования Ельциным определения «государственный переворот»: «Моральная победа над ГКЧП была одержана уже в первые часы после путча. Б. Ельцин, выступая перед людьми, пришедшими к Белому дому, квалифицировал случившееся как государственный переворот, а действия вовлечённых в него лиц – как государственное преступление. Это определение подхватили все мировые средства массовой информации, что охладило многих из тех, кто уже был готов поддержать “хунту”»¹⁵.

Представляет интерес оценка рассматриваемых событий представителями политических партий. Выделим крайние точки зрения. Руководитель Всесоюзной Коммунистической партии большевиков Н. Андреева в докладе на конференции Ленинградской организации Всесоюзного общества «Единство» 21 сентября 1991 г. высказалась так: «Нам навязывают мнение, что 19–21 августа 1991 г. имел место захват власти, государственный переворот и даже военный путч. Соответствует ли это действительности? Думаю, совершенно не соответствует. Как можно говорить о захвате власти, когда у членов ГКЧП и его сторонников в руководстве страны ещё до 19 августа была практически власть неограниченная? И попыток государственного переворота с их стороны тоже не усматривается... Полагаю, что план действий по выводу страны из кризиса, предложенный ГКЧП в первом постановлении, можно рассматривать лишь как корректировку перестройки без изменения её реставраторской, капитализаторской сущности... Прежде чем использовать термин “путч”, вспомним действительные путчи, или как шли к власти генералы Франко в Испании и Пиночет в Чили. В августовских событиях в СССР начисто отсутствовали главные моменты, всегда сопровождавшие путч, где бы он ни осуществлялся. Во-первых, не были нейтрализованы политические противники, не были отключены системы связи от “Белого дома” и других потенциальных очагов сопротивления. Ельцин, Попов, Собчак и другие беспрепятственно выступали через средства массовой информации и публично с резкими обвинениями ГКЧП. Во-вторых, привлечённые в столицу для демонстрации силы войска были без боеприпасов и продемонстрировали бессилие. В-третьих, сами гэкачеписты действовали бессистемно, нерешительно, постоянно медлили, как бы ожидая указаний из-за своей спины кого-то, кому верили и волю кого они выполняли. В-четвёртых, “свергнутому” президенту в “заточении” оставили всю его личную охрану. В-пятых, когда “акция” стала давать сбои, гэкачеписты имели все возможности улететь за рубеж... Поясняет ситуацию... конкретная обстановка, сложившаяся к 19 августа... Видимо, политика перестройки перестала удовлетворять интересам укрепляющей свои позиции “советской” номенклатуры. И она без лишних разговоров покончила с перестройкой... Сегодня можно достаточно определённо утверждать, что всё развитие событий на рубеже августа – сентября с.г. шло в интересах внутренней и внешней реакции... Анализ позволяет утверждать, что сценарий событий 19–21 августа готовился за рубежом, режиссура принадлежала Горбачёву и, может быть, не без участия Ельцина, действующими лицами и исполнителями были гэкачеписты и “демократы”, а результатом стала трагедия трёхсотмиллионного советского народа»¹⁶. Таким образом, Н. Андреева придерживается конспирологической версии в объяснении событий августа 1991 г.

К её оценке близки функционеры КПРФ. М.П. Чемоданов (в 1985–1991 гг. работник ЦК КПСС) пишет: «Отчаянная попытка Государственного Комитета по чрезвычайному положению спасти страну от развала завершилась ударом

по компартии Указом Президента России 23 августа 1991 г.»¹⁷. И.И. Никитчук (депутат Государственной думы II–III созывов, фракция КПРФ) конкретизировал эту мысль: «С августа 1991 г. мы, коммунисты, пережили кошмар предательства партии её руководством»¹⁸. Определение августовских событий 1991 г. как «предательства» вошло в программу КПРФ: «За предательство партии, за игнорирование национальных интересов, за разрушение нашего Отечества личную ответственность несут Горбачёв и Яковлев, Ельцин и Шеварнадзе. Прогнившая насквозь верхушка и её подручные решили “обменять власть на собственность”. Когда их действия натолкнулись на сопротивление истинных партийцев, перерожденцы запретили деятельность коммунистов в трудовых коллективах государственных предприятий и учреждений, а затем в августе – ноябре 1991 г. осуществили контрреволюционный переворот...»¹⁹.

Тезисы о предательстве и вмешательстве внешних сил во внутренние дела СССР широко распространены в оценке событий 19–21 августа 1991 г. Эту точку зрения (буквально) разделяют идейные противники коммунистов – российские либерал-демократы. В программе ЛДПР, одобренной VIII съездом партии (1998 г.), говорится: «Номенклатура агонизировала и хотела продлить свою агонию “перестройкой”, конвертировать власть в собственность. И здесь ей на помощь пришел Запад. Эта гнилая головка совершила чудовищное предательство всего и вся – самый тяжкий грех, с каких бы позиций мы его ни рассматривали: христианских, социалистических и просто человеческих»²⁰. В целом системные российские политические партии при характеристике событий августа 1991 г. использовали устоявшуюся терминологию. Особую позицию занял Народно-трудовой союз российских солидаристов. Совет НТС называл интересующие нас события «августовской революцией 1991 г.»²¹

Весьма интересны замечания по данной проблеме отдельных лиц, в той или иной степени причастных к обозначенным событиям. Руководитель пресс-центра ЦК КПСС Н.А. Зенькович, находившийся в самой гуще августовских событий, в те дни старался придерживаться официальных оценок. Примерно в 3 часа дня 21 августа он, по собственному выражению, «подыскивая осторожные формулировки», отвечал по телефону на вопросы корреспондента одного зарубежного издания. Членов ГКЧП Н.А. Зенькович называет «заговорщиками», а случившееся – «переворотом»²².

За последнюю четверть века в литературе, в том числе мемуарной, накопились разнообразные, часто спорные и противоречивые оценки августовских событий. В своих воспоминаниях генерал А.И. Лебедь первый раз о них высказался так: «спектакль назывался путч», а ниже он даёт другое определение: «новая русская революция»²³. Ещё один русский генерал А.В. Коржаков, руководитель службы безопасности Президента РФ Б.Н. Ельцина, в своих мемуарах главу про три августовских дня 1991 г. назвал коротко «путч». В ней автор вспоминает: «19-го, рано утром меня разбудил телефон. Звонил дежурный из приёмной Белого дома: “Александр Васильевич, включай телевизор, в стране произошёл государственный переворот”». Впрочем, дальше А.В. Коржаков употребляет только слово «путч»²⁴. Е.Т. Гайдар в написанной в 1996 г. книге воспоминаний и размышлений «Дни поражений и побед» назвал эти события «революцией», они, по его мнению, – «революционное крушение старого режима»²⁵. В фундаментальном труде «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории» Е.Т. Гайдар повторяет свою оценку событий 19–21 августа 1991 г.: «Теперь, по прошествии времени, видно, что экономико-политические преобразования, которые произошли на рубеже 1980–1990-х

гг., по существу представляли собой полномасштабную социальную революцию»²⁶.

По мнению Л.Ф. Шевцовой, августовский перелом 1991 г. – это не победа народно-демократической революции, а скорее компромисс между прагматически настроенной частью союзной номенклатуры, российскими бюрократическими структурами (до того находившимися в ущемленном состоянии), а также некоторыми представителями антикоммунистической оппозиции, допущенными в «круг власти»²⁷. Свой взгляд высказал и Г.Х. Попов. Он писал, что после провала путча из аппаратной системы была устранена наиболее обременительная её часть – структура КПСС. Это дало повод демократам вообразить, что они взяли власть в России. В это поверил и народ. Такие представления шли от господствовавшей в советское время примитивной схемы, согласно которой получить власть – всё равно, что получить назначение на пост. Аппарат после путча действовал исключительно умело. Прежде всего, была поддержана всеобщая иллюзия о взятии власти демократами. Это давало аппарату возможность «переписать» на демократов массу своих прошлых грехов и переложить на них же самые непопулярные меры, больно ударившие по уровню жизни народа²⁸.

С.Г. Кара-Мурза, ссылаясь на неких обозревателей, пишет о «путче» и «путчистах» (эти слова указанный автор берёт в кавычки – *Е.Б.*): «Согласно официальной версии, сформулированной Б.Н. Ельциным, а затем даже утверждённой Верховным Советом СССР, – уточняет свою позицию С.Г. Кара-Мурза, – в СССР был совершён государственный переворот, организованный группой заговорщиков, которые были признаны преступниками... Обстановка была такова, что никого не волновали неувязки с правом: политики, подменяя суд, уже не только дали событиям юридическую квалификацию, но и вынесли приговор. Члены ГКЧП до суда и даже до следствия были признаны преступниками»²⁹.

По нашему мнению, в ходе августовских событий 1991 г. решался вопрос о путях и способах удержания власти и собственности в руках правящей элиты. Высшие административно-хозяйственные структуры, советский директорат, широкие слои управленцев-производственников среднего звена, группировки, тесно связанные с теневой экономикой, – все уже давно тяготились идеологическим диктатом и мелочным партийным надзором, которые мешали им пустить в оборот приобретённые, часто криминальным путём, капиталы и получить право собственности на находившееся до этого в их условном владении общенародное достояние. Сдвиг в коллективном сознании господствующего класса назревал давно, ещё с середины 1960-х гг. С этого времени должности в аппарате стали занимать новые люди, вступившие в трудовую жизнь в условиях углублявшегося и расширявшегося кризиса советской системы. Поведение и ментальность этих кадров отличались деидеологизированностью, прагматичностью, ясным пониманием своих корпоративных интересов. Они чётко обозначили «смену вех» в советской государственной службе. Другие, как могли, сопротивлялись переменам, упорно отстаивали «принципы», пытаясь сохранить прежний государственный порядок. Этой частью правящей группировки пришлось пожертвовать.

Для августовского переворота 1991 г. в России были характерны черты, присущие всем великим революциям. Во-первых, это крах институтов предшествующего режима при постепенном формировании новых норм и институтов. Во-вторых, слабость политической власти, придающая отно-

шениям собственности неустойчивый характер. В ходе революций происходят масштабные изменения в распределении собственности. В-третьих, для великих революций характерен острый финансовый кризис, как правило, проявляющийся в высокой инфляции, падении налоговых доходов и недофинансировании бюджетной сферы³⁰. Все отмеченные моменты отчётливо просматриваются в новейшей истории нашей страны. Таким образом, можно согласиться с тем, что в августе 1991 г. в России произошла революционная смена государственного режима.

- 1 Попцов О.М. Хроника времен «царя Бориса». М., 2000. С. 170.
- 2 Дайджест-Куранты. 1991. Сент. № 6.
- 3 Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1132.
- 4 Там же. Ст. 1134.
- 5 Там же. Ст. 1125.
- 6 Там же. № 40. Ст. 1284.
- 7 Там же.
- 8 Там же. № 35. Ст. 1148.
- 9 Амурская правда. Благовещенск, 1991. 31 авг.
- 10 Там же. 3, 17 сент.
- 11 Дайджест-Куранты. 1991. Авг. № 4.
- 12 Ельцин Б.Н. Записки Президента. М., 1994. С. 78, 79, 83, 131.
- 13 Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Россия, за которую мы в ответе (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)». М. 1996. С. 17.
- 14 Эпоха Ельцина. Очерки политической истории / Ю.М. Батурин, А.Л. Ильин, В.Ф. Кадацкий, М.А. Краснов, А.Я. Лившиц, К.В. Никифоров, Л.Г. Пихоя, Г.А. Сатаров. М., 2001. С. 142–145.
- 15 Там же. С. 147–148.
- 16 Андреева Н. Доклад на конференции Ленинградской организации Всесоюзного общества «Единство» 21 сентября 1991 г. // Неподаренные принципы, или краткий курс истории перестройки (избранные статьи, выступления). Ленинград, 1992. С. 197, 198, 199, 200, 201.
- 17 Чемоданов М.П. Остаюсь коммунистом. М., 2010. С. 136–137.
- 18 Никитчук И.И. Заметки на полях смутного времени: сб. публикаций и выступлений. Саров, Б.г. С. 13.
- 19 Программа Коммунистической партии Российской Федерации. Принята III Съездом КП РФ 22 января 1995 г. М., 1995. С. 9.
- 20 Программа Либерально-демократической партии России. Одобрена VIII съездом ЛДПР 25 апреля 1998 г. // Великая Россия. 1999. № 1. С. 69.
- 21 Политические позиции НТС. 1991–1992. М., Б.г. С. 23.
- 22 Зенькович Н.А. ЦК закрыт, все ушли... очень личная книга. М., 1999. С. 3, 4, 5, 6.
- 23 Лебедь А.И. За державу обидно... М., 1995. С. 383, 406.
- 24 Коржаков А.В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997. С. 80, 82, 88, 116, 117.
- 25 Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 8, 9.
- 26 Его же. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. 3-е изд. М., 2005. С. 365.
- 27 Шевцова Л.Ф. Проблемы и тупики консолидации власти в России // Россия сегодня: трудные поиски свободы. М., 1993. С. 18.
- 28 Попов Г.Х. Август девяносто первого // Известия. 1992. 25, 26 авг.
- 29 Кара-Мурза Г.С. Советская цивилизация. Кн. 2. От Великой Победы до наших дней. М., 2002. С. 321.
- 30 Гайдар Е.Т. Долгое время... С. 627.

УДК: 947.088 : 3243(571.61)

Л.В. БУЯНОВА

ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Статья рассматривает порядок ведения избирательных кампаний в России. Выявлены их специфические черты, особенности, определения. Изучены вопросы связи с общественностью (пиар-технологий) в период избирательных кампаний.

Ключевые слова: избирательные кампании, политические технологии, Дальний Восток России, постперестроечный период.

В последние годы произошли масштабные перемены во всех сферах общественной и социально-экономической жизни России: возникли многопартийность, разделение власти, парламентаризм, свободные демократические выборы. В СССР органы государственной власти по действующему законодательству формировались на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании¹, но это были «выборы без выбора», их результаты всегда знали заранее, голосовать фактически принуждали. Имела место лишь техническая процедура заполнения избирательного бюллетеня, поскольку в выборах участвовал один кандидат в депутаты от т.н. нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Полноценные избирательные кампании подменялись набором организационно-партийных мероприятий, внешне напоминавших настоящие выборы: на собраниях трудовых коллективов выдвигались кандидаты в депутаты, публиковались их биографические данные, проводились встречи с избирателями, назначались агитаторы и т.п.

За долгие годы советский выборный ритуал устоялся, его «технология» и «культура» проведения, можно сказать, были доведены до совершенства. В избирательном процессе в принципе не могли проявиться какие-либо конкурентные отношения, естественно, не возникало никаких политических столкновений, обвинений, скандалов и т.п. Средства массовой информации не вовлекались в избирательные кампании, за исключением того минимума официальной информации о предстоящих выборах, содержание и объём которой определялись партийными комитетами. Следует учитывать, что в рамках цензурного режима журналистам, освещающим выборы, отводилась весьма узкая информационная полоса, выход за пределы которой рассматривался как посягательство на основы существовавшего строя. Ситуация изменилась в конце 1980-х гг., когда в нашей стране произошёл переход к альтернативным выборам и в них был внесён элемент состязательности.

Различные аспекты проведения избирательных кампаний на дальневосточном материале затрагивались В.Ф. Сяевой, В.В. Брилёвым, В.Э. Войшнисом, Б.Г. Хачатуряном, С.А. Шевченко, Р.В. Голощаповым, Т.И. Захаровой, В.М. Кордасом, С.Д. Князевым, О.В. Ковальчук, О.В. Синько, Л.А. Ефимовой², однако исследователей пока не привлекают вопросы культуры проведения избирательной кампании в современном российском регионе³.

Между тем практика последнего десятилетия показала, что «чистота» проведения избирательной кампании во многом определяет результаты выборов. Феномен успеха Либерально-демократической партии России и её лидера В.В. Жириновского в выборах в Федеральное Собрание РФ 12 декабря 1993 г., в частности, заключался в беззастенчивом использовании примитивных лозунгов типа «каждой женщине по мужу», заведомо невыполнимых обещаниях и прочей социальной демагогии. Остальные политические объединения, участвовавшие в тех выборах, «постеснялись» действовать теми же методами, что и ЛДПР, и в результате уступили ей первое место.

Однако предвыборные приёмы либерал-демократов позже были взяты на вооружение практически всеми политическими силами страны. Выборные технологии вошли в выборный процесс довольно быстро. Стали применяться различные сценарии, особенно на региональном уровне, обкатываться различные модели продвижения к заветному мандату, т.н. пиар*, который ныне – неотъемлемая часть любой избирательной кампании; стали общеупотребительными слова «пиарщик», «пиарить», «пиариться» и т.п., что говорит об устойчивости этого общественного явления. Безобидное по своей сути, у большинства граждан слово «пиар» вызывает неприятные ассоциации – клевета на кандидатов, «компромат», скандалы и, в конечном счёте, искажение народного волеизъявления. Не случайно в оборот запущен эвфемизм – «политические технологии», к которому, впрочем, тут же приклеили приставку «грязные». Надо понимать, что победы, одержанные благодаря таким избирательным технологиям, вызывают у людей недоверие к выборам как политической процедуре, ведут к делегитимизации власти. В качестве примера можно привести использование пиара на президентских выборах на Украине осенью 2004 г., результатом которых стала «оранжевая революция» и смена власти.

В России все выборы проводятся с применением в той или иной степени политических технологий – от сравнительно безобидных до «чёрных». Это практикуется во многих странах, но в России у пиара, конечно, есть свои особенности. Первый широко известный приём – использование кандидатов-двойников. Во второй половине 1990-х гг. практически все имеющие серьёзное значение выборы не обходились без него. Так, на выборах главы администрации г. Благовещенска Амурской области в ноябре 2000 г. наряду с действующим мэром Александром Колядиным был выдвинут некто Сергей Колядин. Подобное имело место и на выборах депутата Государственной думы по Владивостокскому избирательному округу № 52 в Приморском крае в декабре 2003 г.

В 2002 г. законодатель ужесточил нормы проведения предвыборной агитации. В Федеральный закон «О средствах массовой информации» была введена ст. 16, закрепляющая за Центральной избирательной комиссией РФ и избирательными комиссиями субъектов РФ право обращаться в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий регистрацию СМИ, с представлением о приостановлении выпуска средства массовой информации, нарушившего законодательство о выборах и референдумах⁴. По замыслу законодателя, отныне журналисты (и стоящие за ними политтехнологи) могли давать только сугубо нейтральную информацию о кандидатах на выборные должности. Но тут же был найден выход: в фамилии кан-

* Русское слово «пиар» образовалось от начальных букв английского «public relations» – общественные связи.

дидата-соперника менялись одна-две буквы, и на эту виртуальную фигуру обрушивался весь поток обвинений и инсинуаций. Формально это не задевало никого из участников предвыборной гонки, но все прекрасно понимали, о ком конкретно идёт речь.

Третий приём – листовки-двойники и газеты-двойники. Его суть заключается в том, что выпускаются и распространяются листовки и газеты с выходными данными того или иного кандидата, участвующего в выборах, но не имеющего к ним никакого отношения. Всё остальное – уже дело профессионального мастерства политтехнологов: эти листовки-двойники и газеты-двойники могут содержать грубое, бросающееся в глаза искажение предвыборной программы кандидата, а могут нести и виртуозно скомпонованную из реальных фактов, полуправды и лжи информацию.

Понимая, что законодательство не может быть неизменным, а также учитывая поток критики либерально настроенных партий, законодатель предпринял попытку внести изменения в существующие законы, частично расширив их, а то и изменив их толкование. С 2006 г. в избирательных бюллетенях исчезла графа «против всех», что, собственно, и вызвало недовольство оппозиционно настроенных партий. В 2014 г. появление согласно Федеральным законам графы «против всех кандидатов», с одной стороны, сняло напряжение, с другой – вызвало желание попробовать «играть по новым правилам».

Существенно ограниченным стало участие иностранных НКО: они как спонсоры и сделки с ними попали под запрет. Это решение поставило точку на практике 1990-х гг., когда многие наши выборы не обходились без той или иной доли иностранного участия. До 1 млн руб. выросли штрафы за нарушения, допущенные при финансировании партий в ходе избирательных кампаний. Таким образом была исключена возможность влияния иностранного капитала.

Появилась возможность избирать главу муниципального образования из числа депутатов, а также по результатам конкурса, порядок которого устанавливается представительным органом муниципального образования. Механизм выборов достаточно прост, но при этом существуют правила, соблюдение которых необходимо для избрания. Эти и другие изменения с одной стороны, расширили возможности, с другой, изменив расклад в силу политической номенклатуры, внесли существенные ограничения.

Несомненно, на результат выборов во многих российских регионах существенно влияет применение административного ресурса. В последние годы руководители исполнительной власти под предлогом необходимости оказания методической и организационно-технической помощи избирательным комиссиям и муниципальным органам власти стали вмешиваться в ход избирательных кампаний. Наконец, зачастую проблема культуры проведения избирательной кампании в современном российском регионе упирается в компетентность журналиста, его порядочность, жизненный опыт. Часто работники СМИ, желая заработать большие деньги (а сейчас выборы сопровождаются расходом огромных средств), идут на сделку с совестью и пренебрегают правилами профессиональной этики. Многие материалы о выборах насыщены крайностями в оценках, содержат заведомые преувеличения, неточности, искажения или умолчания.

Сегодня имеется значительный задел публикаций по выборной тематике. Вместе с тем политологический, социологический и исторический анализ избирательных кампаний в Российской Федерации недостаточно насыщен исследованиями проблемы культуры проведения выборов. Множество вопро-

сов правового и морально-этического регулирования спорных и конфликтных ситуаций на выборах, поведения журналистов в избирательных кампаниях не нашли должного отражения в законодательстве и научной литературе.

- 1 См.: ст. 134 Конституции СССР // Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1966. С. 30.
- 2 Сяваева В.Ф. Проблемы становления избирательного законодательства и избирательных систем в Хабаровском крае // Избирательный процесс: теория и практика: материалы регион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1999. С. 3–8; Брилёв В.В. Реализация принципов избирательного права в законе Хабаровского края «О выборах депутатов Законодательной Думы Хабаровского края» // Там же. С. 8–12; Войшнис В.Э. Участие дальневосточников в референдуме по проекту новой Конституции Российской Федерации (декабрь 1993 г.) // Там же. С. 13–16; Хачатурян Б.Г. К истории становления избирательных систем в дальневосточных субъектах Российской Федерации // Там же. С. 35–37; Шевченко С.А. Законы Хабаровского края об избирательном праве граждан и федеральное законодательство // Там же. С. 41–44; Войшнис В.Э., Голощапов Р.В. Выборы новых органов законодательной власти в южных регионах Дальнего Востока России (1994–1996 гг.) // Там же. С. 49–53; Захарова Т.И. Особенности региональных избирательных систем // Восток России: проблемы и опыт преобразований: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Вып. 2. Хабаровск, 1999. С. 68–71; Её же. Региональные аспекты выборов депутатов Государственной думы // Там же. С. 71–74; Кордас В.М. Итоги парламентских выборов и многопартийность // Там же. С. 88–91; Князев С.Д. Очерки теории российского избирательного права. Владивосток, 1999; Он же. Современное российское избирательное право: понятие, принципы, источники. Владивосток, 1999; Ковальчук О.В. Избирательная кампания в современном российском регионе (на примере Приморского края): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 1999; Синько О.В. Политические партии в избирательных кампаниях. Региональный аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2004; Ефимова Л.А. Рациональные и иррациональные факторы политического выбора в современном российском регионе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2005.
- 3 Некоторые моменты, связанные с политической культурой субъектов избирательного процесса, нашли отражение в работах И.Д. Саначева, М.Б. Бирюкова, С.Н. Сысоева. См.: Саначёв И.Д. Приморье: политико-правовые коллизии и поиск выхода из тупика // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. № 3 (20), № 4 (21). С. 114–124; Его же. Приморье: непременно скандал // Там же. 1999. № 3 (28). С. 216–217; Саначёв И.Д., Бирюков М.Б. Основные тенденции избирательных кампаний в Приморье (1993–1996 гг.) // Известия Владивостокского института международных отношений. 1997. № 4. С. 21–43; Сысоев С.Н. Выборы 1994–1995 годов и 1997 года в Думу Приморского края: попытка сравнительного анализа // Там же. С. 44–51. На уровне газетных публикаций автор данной работы неоднократно обращалась к проблеме культуры проведения избирательной кампании. См., напр.: Буянова Л.В. Выборы действительны, победа – убедительна // Амурская правда. 1997. 28 марта; Её же. Выборы по области идут. В Госдуму – предстоят // Там же. 1999. 17 февр.; Её же. Чем дальше в лес – тем больше дров, или для кого закон написан // Там же. 12 окт.; Её же. Голосовать избиратель пойдёт, но иллюзий иметь не будет // Там же. 19 окт.; Её же. В России все имеет свои особенности. Даже выборы // Там же. 28 окт.; Её же. Блесна сверкала больно ярко... // Там же. 23 дек.; Её же. Компартия сильна «Единством» // Там же. 2000. 27 янв.; Её же. Голосовать амурчане будут. Лишь бы жизнь изменилась к лучшему // Там же. 2000. 17 марта.
- 4 Российская газета. 2002. 30 июля.

УДК 338.47:656.2 (091) (571.6)

У.В. ЕЖЕЛЯ

ПЕРЕСТРОЙКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОНВЕРГЕНЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

В статье рассматриваются цели, задачи, а также условия и особенности реформирования железнодорожного транспорта на Дальнем Востоке в 1990-е гг. Автор исследует производственную деятельность и социально-экономические преобразования на Дальневосточной железной дороге (ДВЖД), делает попытку проследить алгоритм действий руководства отрасли и ДВЖД в весьма противоречивых обстоятельствах экономики тех лет. Проанализирован целый ряд технических и экономических проектов, осуществлённых силами ведущего транспортного коллектива на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, реформы, экономика, ДВЖД, коллектив, перестройка.

Говоря об историческом опыте конвергенции (сочетания, взаимопроникновения, встраивания различных социально-экономических и политических систем и их признаков), мы имеем все основания отнести к нему следующие явления: эксперимент НЭП в РСФСР (СССР) в 1921–1927 гг., уклады стран народной демократии после Второй мировой войны, перестройку в СССР (РФ) в конце 1980-х – 1990-е гг. и политику КНР в этот же период. Во всех названных моделях (вариантах) есть схожие и различные черты (цели, задачи, методы, условия проведения политики и её результаты)¹.

В СССР инициатором перехода к рыночной экономике стал лидер КПСС М. Горбачёв, а продолжил процесс президент РСФСР (РФ) Б. Ельцин, уже в условиях многопартийной политической системы. В Китае все реформы также спускались «сверху», но в условиях однопартийной системы. Эта модернизация оказалась в разной степени успешной для национальных экономик и социумов, но одинаково сложной и напряжённой для многомиллионного населения обеих стран. В процессе реформирования в железнодорожной отрасли России стали осваивать и применять методы инвестирования, финансирования, руководства и управления, практикуемые в западной экономике. При этом удалось сохранить некоторые традиции социалистического опыта социальной поддержки работников. В СССР накануне перестройки был накоплен очень большой ведомственный опыт реализации социальной политики.

Необходимость реформирования отечественного железнодорожного транспорта назрела давно – по объективным внутриотраслевым техническим и экономическим причинам. Новая концепция развития отрасли формировалась в условиях общегосударственной перестройки, когда в стране происходили глубокие социально-политические и экономические изменения, сопровождавшиеся процессами демократизации общества и попытками интегрироваться в мировые экономические отношения. Эти изменения создали предпосылки, необходимые для реформирования всей системы железнодорожного транспорта на основе новых, рыночных отношений. Так, в принятой в 1991 г. «Программе по стабилизации экономического положения на железнодорожном транспорте» были определены задачи по коммерциализации работы дорог, среди них:

- расширение транспортного рынка;
- создание на железных дорогах маркетинговых структур;
- рост доходности дорог за счёт их деятельности;
- повышение качества перевозок грузов и пассажиров.

Заметную роль в формировании концептуальных положений развития отрасли сыграл Всероссийский съезд железнодорожников в мае 1996 г., материалы которого легли в основу Указа Президента РФ «Основные направления развития железнодорожного транспорта до 2005 г.». Таковыми были названы повышение конкурентоспособности транспорта, переход к активной научно-технической политике, внедрение ресурсосберегающих информационных технологий, техническое перевооружение и модернизация инфраструктуры и подвижного состава, последовательное реформирование структуры управления отрасли, закрепление социальных гарантий для железнодорожников. В 1998–2000 гг. правительством РФ были выработаны и утверждены «Основные цели и задачи структурной реформы на железнодорожном транспорте». Выдвигалась триединая задача проводимых реформ: демополизация отдельных сфер деятельности и развитие конкуренции, устранение перекрёстного субсидирования различного вида перевозок, усиление государственного контроля за тарифами. Предполагалось осуществлять реформы поэтапно до 2010 г.²

Ведущие руководители отрасли рассматривали её перспективы в условиях рынка, обсуждая их на страницах журнала «Железнодорожный транспорт». В статье одного из ведущих специалистов Министерства путей сообщения Б.М. Лапидуса анализировались условия реформирования отрасли в плане оптимального соотношения государственного сектора и частного акционерного с учётом зарубежного опыта³.

На практике всё оказалось намного сложнее. В считанные годы ситуация с перевозками изменилась коренным образом. Если в 1980-е гг. Дальневосточная железная дорога наращивала потенциал для переработки огромного объёма грузопотока, то в 1990-е гг. она вынуждена была работать в полсилы. Снижение грузопотока, вызванное распадом СССР и финансово-экономической несостоятельностью отечественного производителя, сопровождалось и сокращением пассажирских перевозок, а также ростом цен на билеты, что было характерной мерой того периода, направленной на спасение трудовых коллективов перевозчиков.

В 1990-е гг. не удалось избежать серьёзной структурной реорганизации Дальневосточной железной дороги и Байкало-Амурской магистрали. В 1992 г. Сахалинское отделение ДВЖД было преобразовано в самостоятельную железную дорогу. Владивостокское отделение укрупнили путём присоединения к нему Уссурийского, а Комсомольское – за счёт слияния с ним Ургальского (в 1997 г. в состав ДВЖД передали Тындинское и Ургальское отделения реорганизованного БАМа). Структурная перестройка, приведшая к потере организационной, финансовой и экономической самостоятельности БАМа, вызвала в те годы неоднозначную реакцию со стороны тех, кто пользовался услугами магистрали. Особенно болезненно восприняли ситуацию сами бамовцы – от руководителя до простого рабочего. А между тем производственные перспективы и социально-экономическое положение БАМа в связи с резким падением объёма перевозок в 1990-е гг. оказались весьма шаткими. Неожиданные сложности, вызванные перестройкой государственной экономики, могли стать почти губительными для самой молодой дороги страны. Бамовцы очень остро ощутили это на себе. Необходимость поддерживать отделения БАМа организационно и технически понимали многие специалисты. В это время вышла статья-размышление относительно ближайшей судьбы магистрали⁴. Её автор (В.А. Крапивный, главный инженер ДВЖД), высказывая своё мнение относительно производственной ситуации, сложившейся с перевозками по БАМу, объяснял необходимость реструктуризации магистрали интересами обеих дорог и Дальневосточного региона в целом. Время подтвердило правильность выбора – к концу 1990-х гг. финансово-экономическая ситуация стабилизировалась, отделения БАМа «прижились» в составе ДВЖД.

Инициатива новых экономических мер принадлежала центру. Осуществлять на практике «курс на ускорение» и «перестраиваться» пришлось конкретным людям и коллективам. Коллектив ведущего транспортного предприятия в регионе, насчитывавший несколько десятков тысяч человек, не организовывал забастовок – обошлось. Однако перестройка ощутимо «прошлась» по социальной сфере Дальневосточной железной дороги, вызвав состояние растерянности среди руководства традиционно сильного Дорпрофсожа (Дорожная профсоюзная организация железнодорожников). Например, если в 1990 г. «Условия социального соревнования» являлись для него руководством к действию и стабильность казалась незыблемой, особенно под крышей Управления ДВЖД, то уже в конце 1991 г. привычная система отношений между профсоюзами и администрацией стала невозможна. Во-первых, нельзя было прогнозировать заработную плату в течение нескольких лет, во-вторых, из-за инфляции менялись прежние соотношения и традиции в оплате социально-бытовых услуг. В отлаженный механизм производственно-профсоюзных отношений вмешались законы коммерции и якобы экономической целесообразности. Руководство огромного транспортного предприятия, пытаясь свести концы с концами, стало «сбрасывать» с баланса социальные объекты – детские сады и ясли, библиотеки, женские консультации, стадионы и дворовые площадки, спортивные секции, агитплощадки, жилые дома, столовые. Эти объекты дорожной инфраструктуры передавались в ведение администраций региона. В результате за

10 лет таких «преобразований» трудовые коллективы потеряли зримую часть того, что накапливалось десятилетиями. Это была своеобразная политика «выживания» нового менеджмента.

Руководство ДВЖД направило основной вектор своих усилий на организацию производственной деятельности в новых условиях коммерциализации. Именно производственная деятельность должна была помочь вернуть утраченное – высокие объёмы перевозок, стабильную заработную плату, уверенность в завтрашнем дне, социальную инфраструктуру.

Прежде всего на дороге начали активно развивать новые формы работы с грузоотправителями. В августе 1995 г. создали Дорожный центр фирменного транспортного обслуживания, филиалы которого вскоре появились на отделениях дороги. Новая система обслуживания клиентов оказалась действительно эффективной: уже на первом этапе становления центра было привлечено более 120 т.т. грузов с других видов транспорта, заключено большое количество договоров с грузоотправителями. Одновременно решались вопросы повышения качества обслуживания пассажиров и обеспечения устойчивого графика движения поездов. Для жителей Амурского района построили новый вокзал на ст. Мылки. Внедрялась автоматизированная система продажи билетов; в 1995 г. введена первая очередь АСУ «Экспресс-2» на ст. Хабаровск-1, Уссурийск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре. Вместе с этим началась работа по фирменному обслуживанию пассажиров: в поездах появились вагоны бизнес-класса, на крупных вокзалах – сервис-центры⁵. Стали учиться удивлять не только количеством, но и качеством. Любая услуга, разумеется, имела свою цену.

На Владивостокском отделении активизировалась работа по привлечению транзитных перевозок на Транссиб, развитию железнодорожных подходов к портам. Хотя централизованные инвестиции на эти цели сократились, выход был найден: стали привлекать средства заинтересованных компаний и местных администраций. В 1997 г. удалось разработать инвестиционную программу, которая реализовывалась за счёт прибыли и средств, выделяемых МПС. В рамках этой программы велась реконструкция тоннелей, мостов, станций. Руководство дороги активно привлекало инвесторов, заинтересованных в работе железнодорожного транспорта. Один из проектов тех лет – начавшаяся реконструкция ст. Находка-Восточная. В 1999 г. обновлённая станция обработала 12 620 т.т. грузов⁶. Её реконструкция сыграла важную роль в улучшении контейнерных международных перевозок.

В 1997 г. правительством РФ была принята «Концепция государственной поддержки транзитных перевозок по Транссибирской магистрали», которая сделала возможной реализацию многих проектов и мероприятий в пользу решения обозначенной проблемы. В результате с 1998 по 2000 г. доля транзитных грузов на ДВЖД увеличилась в 2,3 раза⁷. Дальневосточная железная дорога заняла одно из ведущих мест среди железных дорог России в транспортировке экспортных грузов в страны АТР, начала формировать эффективную технологию контейнерных перевозок. В целом за 1999–2000 гг. грузооборот магистрали увеличился в полтора раза⁸.

С самого начала нестабильного, очень трудного периода перестройки коллектив дороги поставил задачу не только выжить в новых экономических условиях, но и создать резерв для подъёма в будущем. Дальневосточникам предстояло выполнить крупномасштабную работу, которую можно смело назвать исторической: плановую реконструкцию Амурского моста, завершение электрификации дороги по всему её ходу, обновление локомотивного парка, модернизацию путевого хозяйства, строительство оптоволоконной железнодорожной линии связи. Одновременно предстояло решать и социальные задачи. Весь комплекс обозначенных проблем на ДВЖД осваивали практически в одно десятилетие девяностых.

С 1990 по 2002 г. при усилении многих специалистов и не без содействия министра путей сообщения Г.М. Фадеева (выпускник Хабаровского института инженеров путей сообщения) была успешно завершена электрификация ДВЖД – завершающего звена Транссибирской магистрали.

Начался процесс модернизации дорожного парка электровозов. С середины 1990-х гг. на локомотивах с целью повышения безопасности движения поездов стали устанавливать электронные приборы контроля скорости движения поезда с соответствующей фиксацией на ленте, что давало возможность своевременно обнаружить все нарушения режима ведения поезда. В 1994 г. на дороге внедрились систему технической диагностики оборудования электровозов ВЛ-80Р. Грузовые перевозки осуществлял мощный электровоз «Ермак».

В трудные постперестроечные годы велись работы по обновлению железнодорожного полотна Дальневосточной магистрали – святая святых железнодорожных перевозок. По всей дороге деревянные шпалы меняли на железобетонные, проводили реконструкцию путей за счёт удлинения и укрепления земляного полотна, а также благоустраивали посадочные платформы. В 1997 г. на ДВЖД началась укладка бесстыкового пути с заменой 25-метровых рельсов на цельносварные 800-метровые рельсовые плети.

К началу 1980-х гг. однопутный Амурский мост исчерпал ресурс пропускной способности и стал узким местом всего Транссиба, истёк нормативный срок эксплуатации пролётных строений. К тому же давно назрела необходимость строительства автодорожного мостового перехода через Амур в районе Хабаровска. Работу по реконструкции крупнейшего моста довелось осуществлять в очень сложной финансово-экономической ситуации, связанной с распадом СССР.

Масштабный технический проект удалось реализовать финансовыми усилиями целой группы пайщиков. Рабочее проектирование осуществляли около десяти научно-производственных организаций. На монтаже моста работали самые опытные кадры. Специалисты отмечали, что неизвестно ещё, кому было труднее – строителям первого Амурского моста в 1913–1916 гг. или создателям современного мостового перехода в 1992–1998 гг. Все объекты сначала были обсчитаны министерством в ценах 1984 г., а затем их пересчитывали на цены 1990 г., строительство безнадежно не успевало за ростом цен. Только бетонный завод обошёлся мостовикам в 30 раз дороже, чем заявлялось в первоначальной смете; 25-тонные краны в Челябинске на этапе проектирования стоили 45 тыс. руб., а покупали их за 99 тыс. руб.⁹

За годы строительства нового «Амурского чуда» там побывали первые

лица государства – президенты, премьер-министры, руководители МПС и главы компаний, иерархи православной церкви, руководства Хабаровского края и Дальневосточной железной дороги. Но главными героями созданного объекта являются простые труженики и ведущие инженеры дороги. От их труда зависел успех дела, и они выстояли, несмотря на все трудности. В рассмотренный период были реализованы ещё два важнейших проекта – реконструкция Владивостокского и Хабаровского железнодорожных вокзалов.

К сожалению, не представляется возможным проследить уровень заработной платы сотрудников дороги в 1990-е гг. ввиду крайней нестабильности её в условиях складывавшихся рыночных отношений. Но есть сведения об условиях работы на ДВЖД в эти годы, свидетельствующие об оптимизации женского труда.

В 1985 г. женщины-работницы составляли почти 34% от общего числа рабочего контингента ДВЖД (на том же уровне, что и в середине 1960-х гг.), на некоторых отделениях этот показатель достигал 48%. В 1993 г. во всех службах эксплуатационной деятельности дороги было занято 71 716 чел¹⁰, из них 24 223 – женщины (чуть больше трети). Такое соотношение прослеживается на протяжении всех 1990-х гг.¹¹ В это время вышел ряд правительственных постановлений и указов, обязывавших руководителей производства к 2000 г. поэтапно, но полностью вывести женщин из производственных зон с повышенной опасностью¹². В отношении железной дороги речь шла главным образом о службе пути (монтёры и обходчики). И эта задача была выполнена. Высвободившийся женский персонал переводился на другую работу, согласно возрасту и квалификации. В целом занятость женщин в неблагоприятных условиях имела тенденцию к уменьшению. В качестве альтернативы молодым девушкам предлагалось обучение в техникумах или вузе МПС на дневном или заочном отделении на бюджетной основе.

Примечательно, что в сложных условиях реформ доходы железной дороги, как и прежде, позволяли предоставлять различные льготы и выплачивать компенсации за работу в неблагоприятных условиях (дополнительные отпуска, сокращённый рабочий день, повышенные тарифные ставки и оклады, доплаты за неблагоприятные условия и интенсивность труда, выделение финансов на лечебно-профилактическое питание, получение молока или других равноценных пищевых продуктов). Государство сохранило для железнодорожников надбавки к пенсиям за особые условия труда и выслугу лет. Однако в новых условиях появились пенсии, установленные самим предприятием за «вредность» труда. Выдержала экзамен на прочность замечательная традиция железнодорожников – присвоение званий «Лучший по профессии».

К числу глубоко позитивных мер, направленных на профилактику общих и профессиональных заболеваний, относится организация на ДВЖД ежегодных поездов здоровья. Поезд «Терапевт Матвей Мудров», укомплектованный медицинскими специалистами, двигаясь от станции к станции, позволял осуществлять медицинские консультации и осмотр пациентов, не имеющих возможность ездить в краевой центр.

Трудный период 1990-х гг., время начала рыночных реформ, проводимых в условиях социалистической ментальности, ДВЖД выдержала. Был сохранён коллектив, активно внедрялись новые технологии, совершенство-

валась структура управления. С 1999 г. на дороге, как и в целом по отрасли, наметился рост объёма перевозок, при этом темпы прироста грузов опережали среднесетевые. Обнадёживало увеличение перевозимых местных грузов (сырья, готовой продукции), ведь это был показатель начала экономического подъёма в регионе, стабилизации экономики в целом.

Делая выводы по результатам перестроечного процесса на железнодорожном транспорте и его реформирования в 1990-е гг., можно отметить следующее:

1. Реформирование железнодорожного транспорта было невозможным без кардинальных (системных) изменений в советском и постсоветском обществе. Процесс и результаты реформирования нельзя оценить однозначно. Часть реформ – реструктуризация некоторых железных дорог и общего капитала ОАО «РЖД» – была экономически обоснованной и целесообразной. Но решение о разделе материально-технической базы железных дорог по типу «рельсы оставить в ведении дорог, а подвижной состав передать в распоряжение дочерних акционерных обществ», по мнению железнодорожников, не оправдано. Эта сложная проблема – поиск оптимального сочетания государственного и частного секторов железнодорожного транспорта – волновала специалистов самого высокого ранга ещё в XIX – начале XX в. Среди них – первый министр путей сообщения России П.П. Мельников и премьер-министр С.Ю. Витте. Сегодня мы имеем опыт трансформации государственной монополии на железных дорогах. Спорной в условиях нашего базового менталитета воспринимается коммерциализация всех отношений на этом транспортном пути, а ведь это одновременно и средство, и цель реформирования отрасли, один из основных инструментов перестройки. Но потребитель и общество постепенно привыкли к этим реалиям, тем более что видны позитивные результаты перемен. Названные моменты носят не безоговорочный, а дискуссионный характер – и в среде железнодорожников, и в различных слоях нашего общества.
2. Дальневосточная железная дорога – это мощное территориальное государственное подразделение, имеющее огромное стратегическое значение, она обеспечивает экономическую и политическую безопасность региона. Поэтому опека государства в ходе реформ была высокой. В условиях рынка «сошли со сцены» некоторые авиаотряды и предприятия, но ДВЖД объективно не могла постичь такая участь, и в этом большую роль сыграло государственное регулирование. Это один из примеров сочетания рыночной конкуренции и государственного протекционизма.
3. В процессе реформирования отрасли были и потери, трудно восполняемые. Падение объёмов грузовых перевозок в начале 1990-х гг. железнодорожникам удалось преодолеть. Но что касается резкого сокращения социальной базы и социальных объектов – необходимого условия развития отрасли – потребуется время. Вопрос о том, неизбежны ли были многие потери перестройки, по мнению автора, остаётся наиболее дискуссионным.

- 1 Ежеля У.В. Дальневосточная железная дорога во второй половине XX века: Сверхшения, проблемы и их решение (социально-экономический аспект). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2009. 111 с.; Её же. Железнодорожная политика КНР в конце 70-х – 80-е гг. XX в.: Стратегия и тактика успеха // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2013. № 3. С. 157–163; Её же. Железнодорожный транспорт КНР в 90-е гг. XX – начале XXI в.: экономическая природа лидерства // Там же. 2015. № 4. С. 98–104.
- 2 История железнодорожного транспорта России: учеб. пособие / А.В. Гайдамакин, В.В. Лукин, В.А. Четвергов и др.; под ред. А.В. Гайдамакина, В.А. Четвергова. М.: ФГБОУ «Учебно-методич. центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2012. С. 26–279.
- 3 Конарев Н.С. Железнодорожный транспорт в условиях рынка // Железнодорожный транспорт. 1990. № 10. С. 2–11; Персианов В.А. Ключевые вопросы транспортной политики // Там же. 1995. № 10. С. 20–26; Лapidус Б.М. Реформирование отрасли – социально-экономическая потребность государства и железных дорог // Там же. 2000. № 9. С. 24–26; Шарапов С.Н. Развитие транспортных систем Сибири и Дальнего Востока // Там же. 2000. № 11. С. 26–31.
- 4 Крапивный В. Мы хороним не БАМ, а дурную славу о нём // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1997. 30 янв.
- 5 Дорога сквозь века: Дальневосточной железной дороге – 110 лет / сост. Т.И. Гладких. Хабаровск, 2007. С. 191.
- 6 Там же. С. 193–194.
- 7 Там же. С. 205, 221.
- 8 Текущий арх. Управления ДВЖД. Служба корпоративной информатизации. Сводный отчёт о грузовых перевозках по ДВЖД в 2000 г.; Дорога сквозь века... С. 195.
- 9 URL: www.senat.org/kale/txt2.htm
- 10 Текущий арх. Управления дороги. Служба корпоративной информатизации. Стат. отчётность. Форма 1–Т (ЦТО–1) – сводная за 1993 г.
- 11 Там же. Разовые запросы о состоянии условий труда, льготах и компенсациях за работу в неблагоприятных условиях труда за 1990, 1996, 2000, 2001 гг.
- 12 «О новых нормах предельно допустимых нагрузок для женщин при подъёме и перемещении тяжестей вручную». Постановление Совета министров РФ [принято 6.02.1993. № 105] О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ [принято 8.01.1996. № 6]; Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.: Постановление Правительства РФ [принято 29.08.1996 № 1032]; О программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 гг: Постановление Правительства РФ [принято 26.02.1997 № 222]; Об основах охраны труда в Российской Федерации: федер. Закон: [принят 17.07.1999 № 181-ФЗ] // Справочно-правовая система «Гарант» / НПП «Гарант-Сервис» (дата обращения: 01.03.2015).

УДК 622.33(571.6)(091)

А.В. МАКЛЮКОВ

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В СЕРЕДИНЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 2000-х гг. (НА ПРИМЕРЕ УГОЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПАРТИЗАНСКА)

В статье рассматриваются основные проблемы реструктуризации угольной промышленности Дальнего Востока на примере угледобывающих предприятий Партизанска. Показано, что реформирование угольной отрасли привело к её кризису, социальному взрыву и ликвидации нерентабельных шахт.

Ключевые слова: реструктуризация, угольная промышленность, ликвидация предприятий, шахтёрская забастовка, Дальний Восток.

С началом перестройки и упразднением государственной поддержки промышленности угольная отрасль России оказалась в тяжёлом структурном кризисе. Правительство видело выход из создавшегося положения в рыночном реформировании угольной промышленности, создании условий для приватизации и конкуренции. Ключевая роль в решении шахтёрских проблем отводилась реструктуризации – переходу на рентабельную работу угольных предприятий. Её главным содержанием стали поддержка перспективных и ликвидация убыточных шахт.

Угольная промышленность была одной из ведущих отраслей в экономике Приморского края. На её долю приходилось 30% добываемого на Дальнем Востоке угля на 1988 г. В Приморье работали 4 разреза и 17 шахт. По выработке приморского каменного угля подземным способом одно из лидирующих мест занимали предприятия Партизанска. В 1985 г. они давали свыше 43% добытого таким образом угля¹.

Промышленная разработка Партизанского (Сучанского) угольного месторождения началась в 1903 г.² В дореволюционный период здесь было единственное казённое угледобывающее предприятие на Дальнем Востоке. Сучанские копи создали благоприятные условия для развития местной экономики, обеспечивая 50% потребностей региона в угле. По своей технической оснащённости шахты Сучана были лучшими среди горнодобывающих предприятий Приморской области. В годы социалистической модернизации они обеспечивали развитие новых строящихся промышленных объектов на Дальнем Востоке. За годы социалистического строительства Партизанск превратился в индустриальный развитый город с многоотраслевой структурой, главное место в которой продолжала занимать угольная промышленность. В 1960–1980-е гг. город пополнился предприятиями лёгкой, пищевой, радиотехнической и химической промышленности.

Угольная промышленность Партизанска с самого начала поддерживалась дотациями государства. Проблемы в угледобывающей отрасли постепенно нарастали с середины 1960-х гг. С открытием гигантских месторождений нефти и газа в Сибири правительством был взят курс на приоритетное развитие нефтегазового комплекса. В то же время комбинат «Приморскуголь» перешёл на более экономичный открытый способ добычи угля. Всё это привело к сокращению капиталовложений в угольную отрасль Партизанска, а с 1970-х гг. там начался постепенный спад добычи угля. Правительство не предпринимало достаточных мер по вводу новых мощностей, реконструкции и модернизации отрасли, продолжая субсидировать старые угледобывающие предприятия.

В результате к началу перестроечных реформ положение, в котором оказалась угольная промышленность, стало критическим. Шахты Партизанска имели фактический срок службы в среднем выше 40 лет. Средний уровень разработки достигал 500 м, а шахта «Глубокая» работала на глубине свыше 800 м. Возрастала газообильность пластов, значительно повышалась стоимость поддержания горно-подготовительных работ. Неблагоприятные условия подземной разработки не позволяли применять комплексную механизацию очистных работ. В связи с постоянным недостатком капиталовложений для строительства и технического перевооружения вынужденно поддерживалась работа предприятий, отработавших промышленные запасы. Это объективно вело к росту количества аварий на шахтах и травм со смертельным исходом³.

Перестройка в сфере развития угольной промышленности в целом началась с недофинансирования государством отрасли и переводом предприятий на новые условия хозяйствования, основанные на принципах самокупаемости и самофинансирования. В июне 1986 г. на шахтах Партизанска вводятся положения о внутрипроизводственном хозрасчёте⁴. В 1987 г. производственное объединение «Приморскуголь» начинает переход на самофинансирование. С 1989 по 1992 г. удельный вес бюджетных средств в общем объёме финансирования объединения снизился с 80 до 26,3%⁵.

В угольной промышленности с самого начала перестройки начались проблемы материально-технического снабжения. На шахтах Партизанска стали разворачиваться целые баталии между начальниками участков за обладание рельсами, арматурой, электровозами и т.д. Например, на шахте «Авангард» в 1988–1989 гг. вместо 50 заказанных конвейеров «С 50-01» поступило только шесть⁶. Из-за этого шахты в буквальном смысле лихорадило. Многие операции из-за изношенности механизмов осуществлялись вручную, что вызывало недовольство рабочих.

Обострились проблемы в социальной сфере шахтёрских городов Дальнего Востока. Дефицит всех товаров принял чудовищные формы, состояние жилищного фонда вызывало беспокойство. Многие шахтёрские семьи продолжали жить в бараках. В 1989 г. в очереди на жильё в Партизанске стояло 1 239 чел. Более 60% жилищного фонда составляли здания старше 20 лет⁷. Острой была и проблема здравоохранения. Приморский край занимал 2-е место в РСФСР по уровню профессиональной заболеваемости, именно шахтёры находились в наиболее сложном положении. Из 6 500 чел., работавших на угольных предприятиях Партизанска, около

85% входили в категорию занятых на производстве с вредными условиями труда. Из года в год наблюдалась устойчивая тенденция к росту заболеваемости. Первое место среди причин выдачи больничных листов занимал травматизм на производстве – 28%. Коэффициент тяжести травм на шахте «Глубокая» в 1987 г. был равен 36,5, а в 1988 г. – 40,9 (самый высокий за последние 15 лет работы шахты)⁸.

Летом 1989 г. недовольство шахтёров вылилось в первые массовые протесты по всем регионам страны. В июле 1989 г. бастовало около 100 тыс. шахтёров Кузбасса и Донбасса более чем на 300 шахтах⁹. Эстафету приняли и на Дальнем Востоке: 10 июля 1990 г. в Партизанске был создан первый забастовочный комитет; 11 июля трудовые коллективы шахт «Центральная», «Северная» и «Глубокая» провели забастовку¹⁰.

В целях вывода угольной отрасли из системного кризиса новое руководство страны признало необходимым начать структурные, отраслевые и межотраслевые преобразования, т.е. осуществить реструктуризацию отрасли. Начало этому реформированию положил Указ Президента РФ от 30 декабря 1992 г. «О преобразовании в акционерные общества и приватизации объединений, предприятий и организаций угольной промышленности». В апреле 1993 г. было создано государственное предприятие «Российская угольная компания». Именно «Росуголь», в руководство которым вошли Ю.Н. Малышев, А.Г. Саламатин и др., начал реформировать угольную отрасль страны. Программой реструктуризации была определена формула, по которой все шахты и разрезы разделялись на три категории: рентабельные, дотационные и особо убыточные¹¹.

Партизанское угольное месторождение, по оценке специалистов, было отнесено к высшей 5-й категории сложности, а шахты – к особо убыточным. К началу реформирования угольной отрасли произошло событие, отчасти ускорившее процесс закрытия шахт Партизанска: 5 октября 1993 г. ночью на шахте «Центральная» на глубине 637 и 757 м забойщиков засыпало пятитонным слоем угля. Две недели горноспасатели доставали тела погибших шахтёров. Директор филиала Восточного НИИ по безопасности работ горной промышленности В.Н. Назаренко отметил, что партизанские шахты являются самыми опасными в России, на их проекты и безопасность требуются большие затраты. Был поставлен вопрос о нерентабельности и о закрытии шахт Партизанска¹². 3 ноября 1994 г. директор ГК «Росуголь» Ю.Н. Малышев провёл во Владивостоке рабочее совещание с повесткой «О критическом состоянии угольной промышленности Приморья и возможных путях выхода из кризиса». Выход из кризиса руководство «Росугля» видело только в скорейшем закрытии убыточных шахт¹³.

С 1993 г. отчётливо видна тенденция резкого сокращения средств государственной поддержки угольной промышленности. Объединение «Приморскуголь» в 1993 г. недополучило от государства 10 млрд 700 млн руб. В июне 1994 г. оно преобразовалось в акционерное общество открытого типа¹⁴. В декабре 1994 г. генеральный директор АО «Приморскуголь» А.М. Васянович поставил задачу начать с 1 апреля 1995 г. мероприятия по закрытию в Партизанске первой шахты – «Глубокой». Также поднимается вопрос о сокращении 1 293 чел., из которых более 300 чел. – инженерно-технические работники¹⁵.

Анализ социально-экономической ситуации, сложившейся в ходе проводимой реструктуризации, свидетельствовал о взрывоопасной обстановке в стране. 1994–1998 гг. запомнились шахтёрам России и Дальнего Востока как время постоянной, многомесячной задержки заработной платы, когда приходилось устраивать голодовки, бастовать, требовать от правительства и надеяться на разумное решение проблем в отрасли и в стране. В марте 1995 г. началась очередная массовая забастовка шахтёров Партизанска. В ней принимали участие 2 123 чел. – почти половина работников всех пяти шахт города. Забастовка охватила и всех горняков Дальнего Востока, требовавших выплаты задержанной за несколько месяцев зарплаты. В конце марта 28 забойщиков Партизанска объявили бессрочную голодовку до реального решения вопроса. Она продлилась ровно 10 дней, пока руководство предприятий не выполнило справедливые требования шахтёров¹⁶.

Несмотря на многочисленные обращения шахтёров Партизанска, руководство «Росугля» принимает приказ № 15 от 28 апреля 1995 г. (п. 1.5) «Об обеспечении поэтапного вывода из работы в течение 1995–2000 гг. 11 шахт АО „Приморскуголь“»¹⁷. Согласно этому документу в Партизанске закрывались первые три из пяти шахт – «Глубокая», «Нагорная» и «Северная». 24 июня 1996 г. с «Глубокой» началось увольнение рабочих. Директор шахты С.А. Клепатский подписал приказ № 99 от 22 ноября 1996 г.: «С 25.11.96 г. запретить спуск людей в шахту. С 26.11.96 г. приступить к засыпке главного ствола»¹⁸. На совете директоров АО «Приморскуголь» решением № 33 от 21 января 1997 г. в реестр закрываемых шахт были включены ещё две оставшиеся – «Авангард» и «Центральная»¹⁹. Таким образом, ликвидации подлежали все угледобывающие предприятия Партизанска.

Их закрытие вызвало высокую социальную напряжённость, волна акций протеста в очередной раз всколыхнула шахтёрские коллективы Партизанска. В 1998 г. получили развитие такие новые формы протеста, как перекрытие железной дороги, голодовки в кабинете директора шахты и захват зданий шахтоуправлений. Несмотря на это, Министерство топлива и энергетики в мае 1998 г. принимает меры по ускорению закрытия шахт и увольнению оттуда более чем 3000 работников. Против такого решения правительства выступил губернатор Приморского края Е.И. Наздратенко, принявший постановление № 212 от 11 июня 1998 г. «О приостановке работ по ликвидации шахт „Центральная“ в г. Партизанске»²⁰.

Администрация Приморского края провела работу по созданию муниципального унитарного предприятия по добыче угля на базе ликвидируемой шахты «Центральная». Остальные шахты Партизанского месторождения – «Нагорная», «Северная» и «Авангард» – в 1998 г. закрывались. Так, к 1 августа 1998 г. в штате шахты «Нагорная» осталось только 84 чел. на ликвидационных работах²¹. МУП «Центральная» стабильно продолжала работать только до апреля 2003 г., после чего начались финансовые трудности, не хватало материалов и оборудования, из-за долгов прекращалась подача электроэнергии, прошла новая волна увольнения шахтёров. 29 октября 2003 г. на шахте «Центральная» произошла трагедия: от взрыва метана погибло 5 чел., 15 получили травмы²².

11 февраля 2004 г. на совещании с представителями комитета ТЭК администрации Приморского края, Министерства энергетики, института «ДальвостНИИпроектуголь» и администрации Партизанска был рассмотрен вопрос о ликвидации шахты «Центральная» и принято решение: «В выделении средств государственной поддержки угольной отрасли на финансирование работ по ликвидации шахты «Центральная» отказать; рекомендовать администрации г. Партизанска совместно с МУП по добыче угля выполнить работы по ликвидации шахты за счёт собственных средств»²³. Это означало, что все финансовые вопросы по ликвидации шахты ложились на администрацию Партизанска, а средств в городском бюджете на это не было. 30 марта 2004 г. прекратилось энергоснабжение предприятия, в результате чего были отключены вентилятор и насосные станции. Началось естественное затопление шахты²⁴.

Ликвидация угольных предприятий в Партизанске породила множество проблем. Экономическая специализация города долгое время определялась развитием преимущественно угольно-энергетических предприятий. Несмотря на обещания правительства, руководства угольной отраслью и администрации Приморского края обеспечить рабочими местами людей, высвобождающихся с угольных шахт, проблемы безработицы и трудоустройства для Партизанска стали особенно острыми. Объём трудовой миграции во Владивосток и Находку только в 2005 г. оценивался в 4,5 тыс. чел.²⁵

В 1990-х – начале 2000-х гг. в Партизанске отмечалась и неблагоприятная демографическая ситуация, выражающаяся в сокращении численности населения. Для города стала характерна высокая смертность, что связано с бывшей отраслевой специализацией, в частности – с вредными условиями труда на подземных работах угледобычи. По числу профессиональных заболеваний среди бывших шахтёров Приморского края Партизанск занимает первое место. Социальная защищённость шахтёров, которую гарантировало государство, не обеспечивается: их лишили пайкового угля и права на бесплатное пользование энергоресурсами; пенсии, несмотря на трудовой стаж в тяжёлых условиях, остаются низкими. Невыполнение работ по ликвидации шахты «Центральная» породило и экологические проблемы.

Таким образом, реструктуризация угольной промышленности по существу являлась программой ликвидации угледобывающей отрасли в России. В ходе её проведения в разряд убыточных попадали предприятия, запасов угля в которых хватило бы на несколько десятков лет. Кроме того, часто шахты закрывались варварским способом – путём затопления. Это был, по мнению специалистов, совершенно неприемлемый для отрасли и региона путь, но, по мнению реформаторов, наиболее быстрый, а самое главное – дешёвый способ. Ликвидация шахт в нормативном и законодательном порядке не утверждалась, в связи с чем возникли значительные трудности по социальной защите работников угольной промышленности. Массовые закрытия шахт влекли за собой тяжкие социальные последствия. В наиболее сложном положении оказались шахтёрские города, такие как Партизанск, где шахты были градообразующими предприятиями.

- 1 Угольная промышленность Приморья. Владивосток: Изд-во ТАНЭБ, 1997. С. 29.
- 2 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 385. Л. 5.
- 3 Кондырев Б.И. Экономические, технологические и социальные вопросы низкорентабельных и закрывающихся шахт // Угольная промышленность Приморья (история, состояния, состояние и перспективы развития). Владивосток, 1993. С. 222.
- 4 Ленинец. Партизанск, 1986. 23 сент.
- 5 Угольная промышленность Приморья... С. 40.
- 6 Ленинец. 1989. 12 окт.
- 7 Там же. 1990. 6 нояб.
- 8 Там же. 1989. 12 окт.
- 9 Труд. 1989. 28 июля.
- 10 Красное знамя. Владивосток, 1990. 12 июля.
- 11 Реструктуризация угольной промышленности. Теория. Опыт. Программы. Прогноз. М.: Компания «Росуголь», 1996. С. 4.
- 12 Красное Знамя. 1993. 30 нояб.
- 13 Утро России. Владивосток, 1994. 5 нояб.
- 14 ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 7. Д. 365. Л. 123–125.
- 15 Красное Знамя. 1995. 26 марта; Вести. Партизанск, 1995. 26 янв.
- 16 Вести. 1995. 15 апр.
- 17 Угольная промышленность Приморья... С. 69.
- 18 АПГО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 9. Л. 74.
- 19 Вести. 1997. 27 нояб.
- 20 Там же. 1998, 16 июня.
- 21 Там же. 1998. 30 авг.
- 22 Там же. 2003. 1 нояб.
- 23 Решение Думы Партизанского городского округа от 25.03.2005 г. URL: <http://www.vvlaws.ru/index.php?ds=757131>.
- 24 Время Перемен. Партизанск, 2009. 26 авг.
- 25 Ветров Г., Ланцев Д. Разработка стратегии развития городов Артёма и Партизанска – пилотный проект для угольно-энергетических городов // Уголь. М., 2005. № 3. С. 34.

УДК: 39(571.63=941.135)

А.Ф. СТАРЦЕВ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАЗОВ ОЛЬГИНСКОГО РАЙОНА ПРИМОРСКОГО КРАЯ

В статье исследуется проблема адаптации коренных малочисленных народов Приморского края, в частности тазов, к новым условиям хозяйствования, которые стали складываться в постперестроечный период. Автор анализирует организацию семейной общины «Чин Сан» у тазов Ольгинского района. Производственная деятельность «Чин Сан» рассматривается на примере хозяйственных работ, биотехнических мероприятий, учёта промысловых животных и охраны охотничьих угодий. Делается вывод, что хозяйственная деятельность общины обеспечивает работой более 100 чел. и способствует сохранению и развитию этнических традиций.

Ключевые слова: перестройка, постсоветский период, Приморский край, тазы, община, хозяйство, охота, собирательство.

Перестройка для хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Дальнего Востока оказалась серьёзным испытанием, хотя они так же, как и значительная часть населения Российской Федерации, надеялись, что экономические реформы обеспечат им более высокий уровень жизни. Выход из системного кризиса оказался тяжёлым для всех национальных групп, особенно тех, которые долгие годы развивали своё хозяйство при государственной поддержке. К последним относятся и тазы – один из самых малочисленных этносов Приморского края. С 1938 г. они сосредоточились в Ольгинском районе в с. Михайловке. В советский период занимались сельским хозяйством, охотой и собирательством в тайге. В постсоветское время преимущественно осуществляли свою деятельность в Ольгинском госпромхозе, лесхозе и других организациях Приморского края.

Цель статьи – проанализировать пройденный тазами путь в условиях радикально-либеральных реформ 1990-х гг. и определить современные проблемы их хозяйственной деятельности.

В постсоветский период вся экономика страны, в т.ч. и в сельской местности, претерпела значительные изменения: государственную собственность разными путями (включая и нечестные) при посредничестве представителей властных структур получали в своё распоряжение отдельные личности. Разрушались и ликвидировались промышленные предприятия. Люди, лишившиеся работы, были поставлены на грань выживания. Этот процесс особенно болезненно протекал в небольших селениях компактного проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС), где отсутствовали свои промышленные предприятия, а люди были зависимы от государственных учреждений, административно располагавшихся в городах и районных центрах.

В Приморье имеется только три селения, в которых численность КМНС превышает количество русских и представителей других этносов, совместно проживающих с удэгейцами, нанайцами, орочами и др. малочисленными народностями края. Это с. Агзу в Тернейском районе, где находятся самаргинские удэгейцы, с. Красный Яр Пожарского района – территория преимущественного обитания бикинских удэгейцев и нанайцев. Тазы проживают в с. Михайловка Ольгинского района, а также в п.г.т. Ольга, селениях Горноводном, Милоградово, Маргаритово, Пермском, Николаевке, Весёлом Яре, Ракушке и Тимофеевке. Общая численность тазов по переписи населения 2002 г. составляет 276 чел., из них в Ольгинском районе – 225 чел.

После перестройки, в конце XX в., представители этого этноса занимались только индивидуальным огородничеством, охотой и собирательством. Из промышленных предприятий в Михайловке сохранялось лишь отделение Ольгинского госпромхоза, который регулировал охотничий промысел и сбор дикоросов в тайге. В период экономического кризиса этот госпромхоз прекратил своё существование, заготовка недревесной продукции леса не производилась, охотничьи угодья в верховьях р. Аввакумовки остались без хозяина. В 1990-е гг. большинство жителей данной местности потеряли стабильный доход, резко снизился уровень их благосостояния¹.

Надежды на то, что в условиях рыночных отношений можно будет заняться индивидуальным трудом и быстро разбогатеть, не оправдались. Жители села всё чаще вспоминали организацию труда советского периода в условиях кооперации и государственных учреждений.

В 2000 г. по инициативе главы администрации Михайловки Г.А. Захаренко в селе создали семейную общину КМНС «Чин Сан», что в переводе с языка тазов означает «Чистые горы». В её состав вошло семь человек (три семьи), председателем совета общины был избран В. Новиков². На территории хозяйства располагаются три населённых пункта: с. Михайловка (154 чел.), с. Фурманово (110 чел.), с. Молдавановка (20 чел.)³. «Чин Сан» осуществляет функции первичной организации Общества охотников и рыболовов, в котором на учёте состоит 86 чел.

Основные задачи предприятия тазы закрепили в Уставе. К ним относятся: содействие возрождению, развитию и сохранению национальных традиций, языка, культуры, медицины и быта; организация охраны, рационального использования и воспроизводства природных ресурсов, которые являются основой жизнедеятельности местного населения⁴.

Комитет по природным ресурсам администрации Приморья для ведения промысловой деятельности закрепил за хозяйством семейной общины «Чин Сан» территорию общей площадью 83,6 тыс. га сроком до 18 сентября 2025 г. Одновременно Краевое управление по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных выдало хозяйству долгосрочную лицензию на пользование объектами животного мира. Однако охотопромысловая деятельность общины ограничивается политикой Ольгинского лесхоза, который, пользуясь несовершенством российского законодательства, все охотопромысловые территории традиционного природопользования, закреплённые Комитетом по природным ресурсам Приморского края за «Чин Сан», передал в аренду лесозаготовителям.

Между семейной общиной и Приморским краевым обществом охотников и рыболовов заключён договор на обслуживание охотников. В 2008 г. в пределах охотничьего хозяйства создано Ольгинское отделение № 2, членом которого является 101 охотник. «Чин Сан» занимается оформлением права на охоту: выпиской и продлением охотничьих билетов, сбором вступительных и членских взносов. Также община осуществляет ведение охотничьего хозяйства на закреплённой территории: организацию охоты (выписка путёвок), проведение охотохозяйственных мероприятий (учётные работы, биотехнические мероприятия, охрана охотничьих животных). Хозяйство располагает лишь переносной электростанцией, бензопилой, сушильным шкафом, охотничьим домиком, автомобилем «УАЗ» и стареньким компьютером. Остаточная стоимость этих ценностей вместе с автомобилем составляет 220 634 руб.

Лесной охотничий домик расположен непосредственно в охотничьих угодьях ключа Крестового, примерно в 8 км от с. Михайловки, и представляет собой жилое помещение на 4 койко-места. Рядом находится баня. В настоящее время домик служит для приёма клиентов, которые в той или иной степени могут быть полезными для организации. Плата с них не взимается. Посещения домика носят эпизодический характер, большую часть времени он простаивает и дохода «Чин Сан» не приносит.

Электростанция закупалась для охотничьей базы и в данный момент не эксплуатируется. Сушильный шкаф использовался при сушке дикоросов, заготавливаемых в 2007 г. в рамках проекта «Тигриная сертификация». Рабочие общины, как считают руководители хозяйства, могли бы заготавливать большое количество плодов шиповника, боярышника, бархата, корней аралии и элеутерококка, чаги, липового цвета и др., но из-за отсутствия рынка сбыта их заготовка осуществляется в небольших размерах. В основном эта продукция покупается «Уссурийским бальзамом» и фармацевтической фабрикой⁵. После принятия нового «Лесного кодекса»⁶ «Чин Сан» на законных основаниях не может проводить заготовку дикоросов, поэтому сушильный шкаф не используется.

Кроме охотников и других промысловых работников в хозяйстве на постоянной основе работают председатель общества, бухгалтер (совместитель) и два егеря. Объектами промыслов «Чин Сан» являются копытные и пушные животные. Охотники добывают изюбра, кабана, косулю, соболя, колонка, белку, норку и др. При случае ведётся охота на рябчиков и других пернатых, но она не имеет широкого распространения. Все виды добываемых животных лицензированы. Как правило, допустимое к промыслу общее количество того или иного вида лесного зверя зависит от ежегодного учёта численности животных весной. Также учитывается их численность в предыдущие годы. Например, если в 2009 г. фиксировалось 240 голов изюбров, то в 2010 г. разрешалось добыть максимум 33 этих животных, т.е. около 14% от всего учётного числа. Аналогичным способом планируется добыча косули, кабана, соболя и других зверей. Полный запрет налагается только на пятнистого оленя, численность которого в охотничьих угодьях «Чин Сан» не превышает и сотни голов.

Охотохозяйственная деятельность общины включает учётные работы, биотехнические мероприятия и охрану таёжных животных. Учётные работы проводятся силами штатных работников хозяйства и привлечённых охотни-

ков. На территории «Чин Сан» выделено 6 участков (общая площадь 10 200 га) для учёта копытных животных, а также один (площадь 10 000 га) для учёта медведей. После завершения зимнего охотничьего сезона на этих территориях методом опроса охотников проводится учёт всех видов животных.

Комплексный послепромысловый учёт диких зверей в охотничьем хозяйстве «Чин Сан» – трудоёмкое мероприятие, также требующее больших денежных затрат. При проведении учёта на завоз, вывоз и работу учётчиков в среднем расходуется более 30 тыс. руб. ежегодно.

Община заботится о среде обитания животных и проводит биотехнические мероприятия, направленные на сохранение и поддержание солонцов в местах обитания копытных. До 2009 г. было заложено и поддерживалось 17 солонцов. Они концентрируются в личных угодьях штатных работников и на воспроизводственном участке. В 2009 г. общине на своей территории удалось оборудовать ещё 13 солонцов. По промысловым нормативам считается идеальным, если на 10 животных, включая в это число изюбрей, кабанов, косуль и других зверей, приходится один солонец. Исходя из численности копытных в охотничьих угодьях «Чин Сан», в 2009 г. необходимо было заложить 95 солонцов.

Руководители общины считают, что для экономической эффективности проводимых биотехнических мероприятий в тайге на выделенных участках целесообразно создавать подкормочные комплексы, включающие кормовые поля, подкормочные площадки и солонцы. Эти участки могли бы служить для приезжих гостей местом организации гарантированной и, следовательно, более высоко оплачиваемой охоты на диких животных. И как показывает опыт хозяйствования, биотехнические мероприятия в таких комплексах должны проводиться под строгим контролем хозяйства «Чин Сан».

Поддержание и закладка солонцов – это особая технология, которая требует использования значительного количества соли. Оптовая стоимость последней даже по низкой цене в конечном итоге составляет многие тысячи рублей. Значительные финансовые затраты идут на создание подкормочного комплекса с 2 га полей сои, защитных полос из кукурузы на них и выкладку 1 т картофеля. Ежегодно на биотехнические мероприятия уходит 17,4% всех денежных расходов.

Третий вид хозяйственной деятельности «Чин Сан» – охрана охотничьих животных, которая на территории хозяйственной деятельности общины производится совместными силами штатных работников и сотрудников правоохранительных и контролирующих органов, совершающих обходы участков по тайге. Например, с 2008 по 2014 гг. тазы вместе с представителями правоохранительных органов Ольгинского района ежегодно проводили по 20–30 рейдов, в ходе которых задерживали браконьеров, изымали огнестрельное оружие и продукцию.

Тазы стали учиться ведению хозяйства в условиях рынка. Для повышения эффективности работы «Чин Сан» её руководство проводит планирование с выделением периодов и участков, требующих повышенного внимания. Основной объём охранных мероприятий осуществляется в весенне-осенний периоды. Расходы на охрану охотничьих животных зависят от числа автомобильных рейдов работников общины и привлечённого сотрудника РОВД

или представителя из охотнадзора. Каждый такой рейд только по затратам на горючее для «Чин Сан» обходится примерно в 5 тыс. руб., а общие годовые расходы приближаются к 60 тыс. руб., что и предусматривается планом. Таким образом, тазы постепенно учатся новым методам хозяйствования.

Принципы работы семейной общины со времени её образования особых изменений не претерпели, о чём свидетельствуют общие затраты на различные виды хозяйственной деятельности. Если в 2009 г. их сумма составила 190,5 тыс. руб., то в 2014 г. – 260 тыс. При этом с 2009 по 2014 гг. на ремонт жилья, заготовку дров, сена, дикоросов, переработку сырья и другие работы затраты в процентном отношении к ежегодной сумме составили 49,6%; на биотехнические мероприятия (закладка новых солонцов, завоз соли на старые солонцы, обустройство в тайге мест подкормки диких животных) – 17,4%; на учётные работы (весенний учёт пернатых, гималайского медведя, копытных и пушных животных) – 9,8%; на охрану охотничьих угодий от пожаров и браконьеров – 23,2%.

Основные доходы общины складывались из продажи путёвок и лицензий приезжим охотникам, увлекающимся охотопромысловым туризмом, поступлений членских взносов от работников «Чин Сан».

На современном этапе, считает председатель совета хозяйства В. Новиков, необходимо добиться разрешения на заготовку дикоросов. Кроме этого, руководители общины возлагают надежды и на национальный парк «Зов тигра», созданный 2 июня 2007 г. Границы этого парка соприкасаются с охотничьими угодьями «Чин Сан» в районе с. Милоградово⁷. Этот парк образован в целях сохранения и восстановления природных комплексов и историко-культурных объектов. Община надеется и на этнический и экологический туризм, её работники способны принять активное участие в обслуживании туристов, при необходимости хозяйство может оказать гостиничные и транспортные услуги.

Таким образом, успешная хозяйственная деятельность семейной общины «Чин Сан» позволила жителям селений Михайловки, Молдовановки и Фурманово иметь дополнительные рабочие места и возможность получать, хотя и небольшие, но реальные материальные средства для увеличения прожиточного минимума.

1 Беликов А. Чин Сан – это чистые горы // Экология. Культура. Общество. 2003. № 5.

2 Захаренко Г., Новиков В. На своей земле // Дальневосточные ведомости. Владивосток, 2003. № 7. 29 янв. – 5 февр. С. 21.

3 Там же.

4 Улайси Т. Село встречает юбилей // Заветы Ленина. 2006. 16 марта.

5 Захаренко Г., Новиков В. На своей земле.

6 «Лесной кодекс Российской Федерации» от 04.12.2006 № 200-ФЗ.

7 Национальный парк «Зов Тигра». URL: <http://www.x-team.ru/places/49297> (дата обращения: 25.03.2013).

УДК: 94 (470)

И.А. ГУЗЕЛЬБАЕВА

ПЕРЕСТРОЙКА В ТАТАРСКОЙ АССР: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается тенденция увеличения интереса советского общества к национальной культуре. Исследуется проблема возрождения татарской национальной культуры и языка в период перестройки в Татарской АССР, отражение общесоюзных тенденций на уровне национальных республик. Проблема национальной культуры анализируется в единстве с проблемой межнациональных отношений. Эти вопросы обсуждаются общественными организациями, движениями и партийно-государственными органами.

Ключевые слова: перестройка, культурная политика, татарская культура, межнациональные отношения.

К середине 1980-х гг. в СССР обострились противоречия в разных сферах жизни: экономической, политической, социальной и культурной. Особо значимыми в этот период были проблемы национальных отношений, развития культур разных народов. Отсутствие какого-либо их разрешения в течение десятилетий привело к локальным конфликтам, в т.ч. и к кровопролитию.

В Татарской АССР в рассматриваемый период активизировались общественно-политические движения, выдвигавшие требования по решению острых социально значимых вопросов, регулированию межнациональных отношений и развитию татарской национальной культуры.

На основании архивных документов Центрального государственного архива историко-политической документации (ЦГА ИПД РТ) мы можем выделить ключевые вопросы, которые обсуждались различными общественными движениями и партийно-государственными органами в Татарской АССР: положение и статус татарского языка (соотношение русских и татарских текстов в СМИ, произведениях культуры), использование его в образовании и культуре, в общественном транспорте и делопроизводстве (необходимость дублирования); переосмысление важных исторических вопросов и т.п.

Эти проблемы поднимались не только различными организациями, активистами движений, клубов, но и партийными органами. Так, в «Материалах первого заседания рабочей группы при Татарском обкоме КПСС для координации деятельности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских органов, общественных организаций, формирований по интернациональному воспитанию трудящихся и совершенствованию межнациональных отношений» указывается: «Важное значение имеет работа по совершенствованию культуры межнационального общения трудящихся республики. Для этого необходимо дальнейшее развитие национально-русского двуязычия, улучшение изучения и преподавания татарского, русского и других языков народов СССР в Татарской АССР»¹.

В среде общественных движений, в выступлениях при постановке вопроса о двуязычии звучали идея и требование предоставить татарскому языку статус государственного. В 1989 г. такое прошение в Верховный Совет Татарской АССР подали представители Татарского общественного центра². Общественно-политические организации, выдвигая аналогичное требование, считали, что государственный статус языка является неотъемлемой составляющей возрождения и сохранения национальной культуры в целом.

Интерес к проблеме статуса татарского языка, к расширению сфер его использования проявляли и обычные граждане, от которых регулярно поступали письма в местные периодические издания. В архивных материалах содержатся письма читателей в редакцию газеты «Вечерняя Казань: Межнациональные отношения». В содержании некоторых из них есть крайне жёсткие требования, но в основном – конструктивная критика и предложения. Людей волновало, как на деле будет реализован статус татарского языка как государственного. От читателей поступило множество предложений и по расширению сферы его применения³.

Общественные организации и властные структуры ставили вопрос не только о татарском, но и о других языках народов, проживавших в татарской АССР. В планах рабочей группы при Татарском обкоме КПСС предусматривались традиционные формы работы с населением: «Возобновить и расширить практику поездки лекторов общества „Знание“ за пределы республики для чтения лекций перед татароязычными аудиториями. Приглашать лекторов из Чувашской, Удмуртской, Марийской, Мордовской АССР для чтения лекций для соответствующих национальных групп в ТАССР»⁴. В центре внимания был вопрос об использовании национальных языков в сфере образования и просвещения. Татарский обком КПСС поддержал ряд требований общественных организаций по вопросам татарского языка и культуры.

Основной организационной мерой, направленной на улучшение межнациональных отношений, стало использование двуязычных оповещений и объявлений в общественных местах. Например, в пассажирско-транспортных предприятиях республики (аэропорт, железнодорожный вокзал, речной вокзал, автовокзал, городской общественный транспорт) они зазвучали на русском и татарском языках⁵.

Общесоюзной тенденцией в научной среде в годы перестройки было стремление «ликвидировать лакуны» истории, пересмотреть важные её страницы, дополнив их данными из рассекреченных архивов. Открывать документы начали в 1986–1987 гг. 27 августа 1987 г. коллегия Главархива РСФСР приняла решение «О проведении архивными учреждениями РСФСР работы по расширению информационной базы общественных наук»⁶.

Параллельно на общесоюзном и региональном уровнях активно проявлялись антисталинские настроения, которые в национальных республиках приобретали свои особенности. В Казани в 1988 г. на базе инициативной группы Народного Фронта было сформировано общество «Мемориал». На его заседаниях заслушивались выступления, рассказы о судьбах репрессированных. Члены общества установили несколько мест захоронения жертв репрессий: в Казани (около ресторана «Акчарлак»), под Казанью – ориентировочно, на месте современного лагеря «Икар» (КАИ), а также в глубоком овраге на правой стороне Волги близ Свияжска, куда сбрасывали сотни трупов. Писательница Ф. Байрамова предложила проект памятника жертвам репрессий в Татарии –

скорбную, коленопреклоненную женскую фигуру из чёрного мрамора на Чёрном озере напротив бывшего здания НКВД⁷. Дискуссия о необходимости создания памятника велась около 15 лет. И только в 2004 г. его установили. Монумент был открыт членами общества жертв политических репрессий и инициативной группой «Мемориал», представителями различных религиозных конфессий и родственниками пострадавших. Установили и другие памятные знаки жертвам политических репрессий. От татарской творческой интеллигенции в ЦК приходили обращения о необходимости увековечить память писателей Галимджана Ибрагимова, Хасана Туфана и др.⁸

Общественность расширила круг исторических вопросов, проявив интерес не только к проблеме жертв сталинских репрессий, но и к павшим в казанских войнах в 1552 г. Казанское и Набережно-Челнинское отделения Татарского общественного центра (ТОЦ) обратились в органы власти с просьбой разрешить провести 15 октября 1989 г. митинг по вопросу статуса республики Татарстан, а также в память о защитниках Казани, павших осенью 1552 г. при взятии города войсками Ивана IV. Бауманский районный Совет народных депутатов ТАССР частично удовлетворил требования ТОЦ: «Разрешить Татарскому общественному центру проведение митинга по проблеме предоставления Татарстану статуса Союзной республики 15 октября 1989 г., с 14.00 до 17.00 часов в парке „Чёрное озеро“»⁹, но принял и другое решение «О заявлении Татарского общественного центра от 26 сентября 1989 г.», в котором подчёркивалось: «Митинг, посвящённый „памяти наших предков, павших при защите Казани в октябре 1552 года“ не способствует дружбе татарского и русского населения»¹⁰.

Итак, исследуя влияние перестройки на развитие общественно-политических процессов в национальных регионах, можно сделать вывод, что представители власти, общественно-политических организаций, интеллигенции и других слоёв населения ТАССР активно обсуждали вопрос межнациональных отношений, национальной культуры и языка. Примечательно, что именно в этот период творческая и научная интеллигенция выразила свои позиции не столько в произведениях, сколько в общественной жизни. Так, в деятельности ТОЦ активное участие приняли известные писатели Фаузия Байрамова и Нурихан Фаттах. Руководителем Центра был работник Министерства просвещения Татарской АССР, историк Марат Абдрасулович Мулюков. Татарский и башкирский писатель Айдар Халим проводил общественно-политическую деятельность по национальной тематике. Драматург и писатель Туфан Миннуллин, занимавший должность депутата Верховного Совета СССР от Татарстана, принимал активное участие в национальном культурном возрождении.

В то же время националистические настроения и пробуждение наций во многих республиках Советского Союза в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привели в ряде случаев к радикальным акциям. В этой связи представляет интерес выступление Е.З. Майминаса на заседании круглого стола «Интеллигенция в Перестройке»: «Особую ось политической ориентации теперь составляют националистические отношения. Мобилизующий, активирующий и объединительный характер национальной идеи используется разными общественными силами. Как правило, возглавляют национально-ориентированное движение группы творческой, гуманитарной и научной национальной интеллигенции. В качестве реакции могут усилиться шовинистские и изоляционистские настроения части русского населения как в России, так

и в других республиках»¹¹. В речи зафиксированы «перегибы» в процессе национального возрождения союзных республик.

Таким образом, для периода перестройки были характерны следующие культурные процессы: усиление интереса к национальным ценностям и культуре, стремление решить вопрос межнациональных отношений, «ликвидировать лакуны» истории, переосмыслить сталинское время, а также новый «виток» реабилитации жертв репрессий и увековечивание их памяти.

В условиях трансформации общества происходили многогранные изменения, в связи с которыми человек чувствовал себя в состоянии «неопределённости». Поэтому одним из объяснений усиления интереса к национальной культуре является теория компенсации. Современный философ и культуролог В. Куренной считает: «неопределённость, непредсказуемость определённым образом должна компенсироваться. А самой простой формой этой компенсации является, например, исторический нарратив. Возникает странная, парадоксальная вещь, например, востребованность национализма»¹². То есть при быстрых социальных изменениях происходил поиск устойчивости, выраженной в т.ч. в национальных культурных ценностях.

Среди причин, приведших к усилению интереса общественности к национальному вопросу, можно выделить противоречия советской национальной политики, курс на создание единой общности – советского народа. Часть национальной творческой интеллигенции видит в этом насильственную унификацию культуры, языка, образа жизни народов, населяющих СССР. Творческая интеллигенция в рассматриваемый период играла значимую роль в общественно-политических процессах, способствовала возрождению национальной культуры, пытаясь построить диалог с властью.

Многие требования, которые выдвигались в период перестройки общественно-политическими организациями ТАССР, были реализованы и выполняются в наше время в республике Татарстан и за её пределами. Была расширена сфера применения татарского языка в СМИ и культуре. С 1992 г. в республике Татарстан русский и татарский языки являются равноправными государственными языками¹³.

1 ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Л. 1572. Л. 2.

2 Там же. Д. 1591. Л. 56.

3 Там же. Д. 1589. Л. 40.

4 Там же. Д. 1572. Л. 4.

5 См.: Там же. Л. 25–26.

6 Павлова Т.В. Рассекречивание документов в государственных архивах РФ (1991–2006 гг.) // Новая и новейшая история. 2007. № 4. С. 86–93.

7 ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 938. Л. 136.

8 ГАРФ. Ф. А–501. Оп. 3. Д. 1165. Л. 184.

9 ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 1636, Л. 56.

10 Там же.

11 ГАРФ. Ф. А–501. Оп. 3. Д. 1165. Л. 8–9.

12 Куренной В. Теория компенсации. В каких обществах национализм становится востребованным? // ПостНаука, 2012–2015. URL: <http://postnauka.ru/video/14279> (дата обращения: 10.03.2015).

13 Конституция Республики Татарстан. П. 1. ст. 8 // Официальный сайт Государственного Совета Республики Татарстан, 2008–2015 гг. URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia/> (дата обращения 12.03.2015).

УДК 94(47)

Н.Ф. БУГАЙ

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ НА КОРЕЙСКУЮ ОБЩНОСТЬ В СССР/РОССИИ*

В статье раскрывается проблема трансформации роли и места корейской этнической общности в СССР в условиях перестройки и изменившейся постсоветской государственности. Проанализирован процесс их правовой реабилитации как «репрессированного народа». Выявлены факторы адаптации к новым политическим реалиям – этническая мобильность, опыт коллективной консолидации, способность к интеграции. Показаны изменение ареала проживания и причины возвращения в Россию из республик Средней Азии. Корейцы представлены как органичная часть российского населения.

Ключевые слова: Дальний Восток, Россия, корейцы, право, принудительная миграция, реабилитация, идентичность, обустройство.

В середине 1980-х гг. советское государство вступило в новый этап своей истории. Политическое руководство страны во главе с М. Горбачёвым было убеждено в необходимости глубоких изменений во всех сферах общества: они придали бы новый импульс развития. Лозунгами дня стали «перестройка», «ускорение», «демократизация», «гласность». Этот путь был многосторонним, включавшим как экономические реформы, так и новации политического характера в масштабе страны и партии – альтернативную прессу, высокий уровень общественной активности, инициативу, открытые дискуссии по «запретным» ранее темам и т.п.

Власть намеревалась привлечь к решению приоритетных государственных задач различные слои населения. Немаловажным фактором демократизации общества стал этнический компонент, сделавший востребованными духовный потенциал различных народов многонационального СССР, их политическую активность, усиление этнической мобильности. В этот период в сфере взаимоотношений государства и национальных общностей появились условия для разрешения долговременных исторических проблем, уходящих корнями в сталинское время. Для советских корейцев вехами на этом пути можно считать такие события, как принятие Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.), Постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев» (1 апреля 1993 г.), Закона «Об общественных объединениях» (19 мая 1995 г.), Концепции государственной национальной политики РФ (июнь 1996 г.).

* Доклад подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор – академик А.П. Деревянко). Направление 2. Советская модернизация и её влияние на российское общество (координаторы – член.-корр. РАН Е.И. Пивовар, д.и.н. Ю.А. Петров).

Формирование задач развития корейской общности заметно сопрягается с её установками, а также дополняется местной спецификой, связанной с проживанием на определённых территориях советского пространства в разные исторические периоды. Во второй половине 1980-х гг. заметным было усиление этнической мобильности многих общностей, обладавших ощутимо высоким духовным потенциалом и уровнем грамотности. Для корейцев период позднесоветских и радикально-либеральных реформ стал временем усиления консолидации, интеграции в новый политический и социально-экономический порядок, а также новых проблем и испытаний.

Сложная обстановка складывалась в республиках Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан и др.), где некоторые политики – представители титульной нации – выдвигали требование отказаться от русского языка, что вызывало недовольство в первую очередь тех этнических меньшинств, для которых русский выполнял главную роль в межэтническом общении.

После развала СССР в некоторых вновь образованных государствах, таких как Казахстан, вопрос о государственном языке решался более или менее цивилизованным путём, с учётом интересов населявших страну этнических общностей. В связи с этим ситуация там была не столь напряжённой, что обусловило слабый отток корейского и другого населения. Однако в Узбекистане в 1989–1990 гг. произошёл межэтнический конфликт («ферганские события»), затронувший и часть корейцев, которые стали мигрировать в Украину, Белоруссию, Республику Крым, во многие регионы России, а также в страны дальнего зарубежья – Республику Корея, Австралию, Мексику, Китай.

Несомненно, в такой ситуации главной стратегической задачей в обществе должно выступать бережное отношение к любой этнической группе как структуре государственного общественного организма, его культуры. В таких условиях национальная политика играла важную роль, но не меньшее значение для развития корейской общности имел и фактор этнической мобильности. Советские корейцы сами обладали богатым жизненным опытом коллективной мобилизации. Концентрация их расселения в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, а также деятельность в 1950-х – середине 1980-х гг.¹ не могли не повлиять на повышение их общественно-политической активности и роли в жизни государств на всём пространстве бывшего СССР. Распад Советского Союза содействовал прежде всего расширению ареала расселения корейцев по территории постсоветских государств. Образовались анклавные корейцев в Белоруссии, на Украине, частично в странах Прибалтики, Республике Крым. Однако значительная их часть оставалась на территории России.

Перед корейцами раскрывались новые горизонты. В их среде обсуждались приоритетные задачи как экономического, так и политического характера (формирование своей автономии, возрождение национальных районов, усиление представительства в работе органов власти, государственном аппарате и др.). Однако политические процессы, связанные с распадом СССР, породили много трудностей для тех народов и групп населения, которые ранее испытали на себе внешнее деструктивное воздействие. К этой группе принадлежали и корейцы Дальнего Востока, расселённые, как и их соплеменники, дисперсно по остальным регионам России.

В начале постсоветского периода этнические меньшинства переводились в совершенно иное состояние, другой социальный статус. На это повлияли обвал экономики в республиках из-за распада СССР, разрыв эконо-

мических связей между ними, суверенность вновь образованных государств, опрометчивое «устранение» из употребления русского языка, нарушение диалога культур. Становилось заметным обострение отношений между этническими общностями, в первую очередь – между титульной национальностью и меньшинствами, что нанесло ощутимый ущерб достигнутой в советский период гармонизации межэтнических отношений, их сбалансированности во многонациональных сообществах.

В центре этих событий оказались и бывшие советские корейцы, проживавшие там со времён принудительного переселения с территории Дальнего Востока в 1937 г., охватившего тогда более 170 тыс. чел. В условиях начала гласности перестроечного времени, а затем и периода перехода к новой национальной политике происходит своеобразная вербализация «комплекса репрессированного народа», обостряется вопрос об этнической идентичности, мобилизации.

В годы перестройки в процессе этнической мобилизации большую роль сыграли учёные, получившие возможность обратиться к проблемам истории национальных меньшинств, в т.ч. тех, кто испытал на себе сталинскую политику управления национальными процессами в государстве. Реабилитация «поруганных народов» в 1980–1990 гг. выходит на передний план как общественной жизни, так и исторической науки. Начиная с 1920-х гг. активизируется анализ советской национальной политики в целом и в особенности её деструктивной составляющей, включая массовые принудительные переселения значительного числа этнических общностей.

С середины 1980-х гг. изучение проблемы принудительных переселений советских корейцев заметно продвинулось. Правда, публикации пока отличались сугубо познавательным характером². Шёл процесс накопления материалов, который также способствовал осознанию прошлого и усилению этнической мобильности. Большую роль в этом сыграли конференции и другие форматы дискуссий с участием исследователей и активистов движения возрождения*.

Гласность перестроечных лет создала условия и для восстановления исторической правды, в частности в отношении вклада советских корейцев в победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны. Эта проблема позднее нашла более полное отражение в российской историографии³.

Аналогичные процессы проходили и в среде других ранее репрессированных этнических общностей – немцев, крымских татар, турок-месхетинцев, курдов, хемшинов, ингерманландских финнов, греков. Перестройка своими лозунгами вселяла в них надежды на реализацию задуманного, удовлетворение своих потребностей, в первую очередь – на полную политическую реабилитацию, восстановление в статусе полноправных народов СССР, должное представительство в Совете Национальностей Верховного Совета СССР, создание условий для возрождения и развития национальных культур, участие в формировании советской многонациональной культуры⁴.

* В данном докладе автор в силу ограниченности объёма не рассматривает подробно историографические аспекты 2000-х гг. Подробнее об этом см.: Бугай Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX–XXI вв.). М., 2012. 480 с.

Анализируя итоги перестройки, вряд ли можно обойтись без рассмотрения проблемы институционализации корейского национального движения в новом его измерении, решения образовавшимися общественными структурами задач по социальному развитию и культурному возрождению российских корейцев, в т.ч. и выходцев с советского Дальнего Востока, «собиравшихся» в свою новую Россию.

Среди корейских общественных организаций особенно выделялась Московская ассоциация корейцев (МАСК), созданная 5 мая 1989 г. В тот период в Москве насчитывалось около 5 тыс. корейцев. 18-19 мая 1990 г. проходил учредительный съезд Всесоюзной организации российских корейцев (президент профессор М.Н. Пак). Возглавляли Ассоциацию поочередно М.Н. Пак (1989–1990), А.С. Шин (1991–1993), заместители – В.И. Хе, В.А. Тянь (1994–1999). Значительный вклад в организацию корейского российского движения в это непростое время внесли Ю.С. Хван, Н.Н. Эм, Э.Н. Ким, С.М. Цой, Хо Ун Пэ, Ким Ен Ун и др.⁵ В конце 1980-х – 1990-е гг. большую роль в этом движении сыграла Всесоюзная ассоциация корейцев, созданная 2 октября (по другим данным, 6 октября) 1991 г., первым президентом которой был избран профессор кафедры новой и новейшей истории МГПУ А.С. Шин. В январе 1999 г. она была преобразована в Ассоциацию российских корейцев (АКР), председателем стал О.А. Ли.

Итогом перестройки явилась и смена идеологических ориентиров по отношению к этническим меньшинствам, подвергшимся ранее деструктивным воздействиям со стороны государства. Они были восстановлены в конституционных правах. Предпринимались меры по созданию реальной возможности разрешения вопросов, связанных с обвинениями, выдвигавшимися против этнических общностей и отдельных граждан. Появились декларации о признании незаконными и преступными репрессивных актов в отношении этих народов, последовала отмена этих актов, что способствовало очищению государственной идеологии от деформации и искажений общечеловеческих принципов гуманизма. Все эти послы нашли отражение в Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.).

После принятия закона, а затем Постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев» (1 апреля 1993 г.) им удалось сформировать систему общественных организаций – институтов гражданского общества. В первой половине 1990-х гг. было образовано более 70 тыс. таких объединений в различных регионах Российской Федерации – от Камчатской области до Республики Северная Осетия – Алания. В дальнейшем на основании Закона РФ «Об общественных объединениях» (19 мая 1995 г.) корейские организации, центры корейской культуры стали именоваться корейскими общественными объединениями. К концу 1999 г. в России их действовало более 40, в т.ч. в Москве – 7, Хабаровском крае – 5, Приморском – 7, Ставропольском – 4, и т.д.

В 1997–1998 гг. широко разворачивалась, в том числе и среди корейских организаций, работа по реализации принятого ещё в июне 1996 г. Закона РФ «О национально-культурной автономии»⁶. На территории страны действовали более ста подобных организаций (НКА, НОО, центры национальных культур, ассоциации, землячества и др.). Принятие закона на практике означало заметный поворот в решении многих вопросов по жизнеобеспечению российских корейцев на местах, отстаиванию ими своих интересов. За ко-

роткое время приступили к работе 21 местная, пять региональных и одна федеральная национально-культурная автономия российских корейцев. И в этой сложной работе корейцы, преодолевая различного рода трудности, проявили свойственные им организованность, дисциплину и трудолюбие.

Дальнейшему расширению деятельности по формированию системы институтов гражданского общества в заметной степени способствовало принятие Концепции государственной национальной политики РФ, позволившей выработать подходы в работе федеральных и местных органов исполнительной и законодательной власти в этой сфере. Была создана основа для взаимодействия местных органов власти с этническими общностями по подготовке программ гармонизации межэтнических отношений, удовлетворению этнокультурных и этно-образовательных потребностей. Эти вопросы активно решались и на правовом поле Приморского и Хабаровского краёв Дальневосточного федерального округа.

19 октября 1996 г. состоялся общедеральный съезд многочисленных корейских общественных объединений, утвердивший Федеральную национально-культурную автономию российских корейцев. Председательствовал на съезде президент Северокавказской ассоциации корейцев Н. Ким. Был принят Устав, избран национальный Совет в составе руководителей корейских автономий России (председатель – депутат Государственной думы Российской Федерации Ю.М. Тен).

13 марта 1998 г. Федеральную национально-культурную автономию зарегистрировали как общероссийское неправительственное объединение российских корейцев. На первых порах в её состав вошли региональные автономии: Сахалинской области, Приморского, Хабаровского, Ставропольского краёв, Москвы и другие*. К сожалению, работа, начатая ФНКА российских корейцев, в силу частой смены руководства (Ю.М. Тен, С.И. Тен, С.А. Хон), некомпетентности членов Совета автономии, отсутствия политической воли, стала постепенно ослабевать. Стремление восстановить дееспособность ФНКА российских корейцев, в т.ч. и путём созыва её очередного, VI съезда, успехом не увенчалось.

В январе 1999 г. на IV съезде общественные объединения корейцев, не входившие в систему ФНКА, стали именоваться как Общероссийское объединение корейцев (ООК). Председателем Центрального совета избрали В.И. Цоя. 15 июля 1999 г. ООК было официально зарегистрировано в Минюсте России.

Главной целью общественных объединений российских корейцев являлось решение политических и социальных задач: объединение граждан России корейской национальности на основе возрождения корейской духовной культуры, пробуждение национального самосознания, просвещение и др.

Центральный совет стал координирующим органом деятельности Общероссийского объединения. В его состав вошли известные общественные

* Позднее в состав ФНКА вошли также Московская ассоциация российских корейцев, Международная Конфедерация российских корейцев, Московская ассоциация содействия объединению Кореи, Комитет ветеранов войны и труда из числа корейцев, Московское общество женщин-кореенок, организация «Единство», Ассоциация преподавателей и переводчиков корейского языка, Конгресс корейских предпринимателей и др.

и государственные деятели из числа корейцев. Планы работы ООК включали комплекс мероприятий разной направленности. Организация базировалась на общественных объединениях Приморского, Хабаровского краёв, Сибири, Урала, Поволжья, Северного Кавказа, Санкт-Петербурга и Москвы. ООК имеет свои низовые организации в 45 субъектах Российской Федерации.

Активную работу среди общественных объединений корейцев проводит НКА Уссурийска Приморского края, которую длительное время возглавляет депутат городской Думы Уссурийска и Уссурийского района, старший лейтенант запаса Николай П.-Н. Ким. Активисты НКА выполняют объёмную общественно-политическую работу в районе, наладили взаимодействие корейских общественных объединений. В городе получили известность образованные под патронатом НКА художественные коллективы, проводятся фестивали корейской культуры и спорта. В частности, в фестивале спорта, состоявшемся в Уссурийске в августе 2013 г., принял участие неоднократный чемпион мира среди профессионалов боксёр К. Дзю. Было признано необходимым придать этому фестивалю в Приморском крае статус постоянного. Многообразна и деятельность в Уссурийске Культурно-образовательно-корейского центра (Н. Ким), открытого 29 октября 2009 г. Именно через культурную деятельность (проведение праздников, обрядов, мемориально-торжественных церемоний и концертно-выставочных программ) корейцам удалось сохранить национальные традиции, транслировать культуру своего народа, не забыть свою историю.

В годы перестройки проявилась ещё одна яркая характерная черта российских корейцев – их миграционная и хозяйственная мобильность. В этот период народнохозяйственный комплекс страны был в сложном положении, и Дальний Восток не стал исключением. Если в 1986–1990 гг. ежегодный валовой сбор зерна в Приморском крае составлял 348 т.т., то в 1990–1991 гг. – 285 т⁷. Резко сократилось производство мяса и молока. Испытывали большие трудности и другие отрасли хозяйствования.

Дальний Восток стал территорией притока корейского населения из горячих точек Средней Азии. Во Владивостоке была сформирована рабочая группа по изучению возможностей их приёма, размещения и обустройства на территории Приморского края. В первую очередь обращалось внимание на благоприятный фактор – возможность выделения под индивидуальное строительство земельных участков общей площадью в 210 га в Ханкайском и Пограничном районах (в целом же для возвращавшихся корейцев было выделено 600 га земли). Часть корейцев краевые органы власти расселяли (с предоставлением жилья) в местах прежней дислокации ликвидированных воинских гарнизонов. Это была ощутимая помощь, однако она не решала хозяйственной и жилищной проблем в целом.

Процесс переселения на Дальний Восток сопровождался выделением лидеров из среды корейцев, формированием этнополитической элиты, которая активизировала работу по национально-культурному возрождению корейцев в Приморском и Хабаровском краях, Сахалинской области. Особое внимание уделяли организации обучения родному языку. В школах с этой целью появились дополнительные классы, при церковных приходах – курсы, в Сахалинской области – группы в детских садах. В последующем начали работу также школы с обучением корейскому языку. При Уссурийском педагогическом институте открыли отделение корейского языка и литературы.

В Артёме было положено начало работе первого в Российской Федерации Корейского народного института, действовавшего при поддержке объединения «Артёмуголь», фонда «Милосердие», городского отделения Ассоциации российских корейцев, а также Университета подготовки и переподготовки кадров Владивостока.

Эти первые начинания создавали прочную основу для попыток гармонизации межнациональных отношений в регионах Дальнего Востока, содействовали изучению и преумножению историко-культурного наследия дальневосточных корейцев. В масштабе страны оказывалась и финансовая помощь со стороны государства всем регионам с компактным проживанием корейцев, а таких к этому времени уже насчитывалось 17, в том числе в центре и на юге страны и в Сибири.

С улучшением экономического положения в регионах и ростом активности населения наблюдалось и повышение уровня жизни российских корейцев. В содружестве народов многонациональной российской государственности они вносят заметный вклад в преумножение потенциала России, её духовного наследия.

Корейцы 150 лет назад добровольно избрали для себя Русский мир, нашли себя в этом мире, превратившись в образцовую этническую общность. Их девизом, жизненным правилом остаётся совместное проживание с народами России, мирное сосуществование и созидательный труд на благо страны и своих семей.

- 1 Подробнее см.: Бугай Н.Ф. Российские корейцы: перемены, приоритеты, перспективы. М., 2014. С. 177–179.
- 2 Ким Г.Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 202 с.; Ким С. Исповедь сорён-сарам – советского человека // Дружба народов. 1989. № 4. С. 168–195; Бугай Н.Ф. Национальные отношения в СССР // Агитатор. М., 1988. № 2; Его же. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-е гг. // История СССР. 1989. № 6. С. 135–143; Его же. За что переселяли народы? // Агитатор. М., 1989. № 11; Его же. Как это было? // Поиск. М., 1989. 12–18 окт.; Осипов В. Советские корейцы // Правда. 1990. 25 февр.; Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 10–27; Бойко В.С. Корейские трудящиеся в Западной Сибири в 20-е гг. XX в. // Источниковедение и историография стран Востока: узловые проблемы теории. Тезисы. Вып. 3. М., 1991. С. 124–126; Губогло М.Н. Реабилитация репрессированных народов. Надежды. Реальность. Иллюзии // Конфедерация репрессированных народов. 1990–1992: документы и материалы. М., 1993; и др.
- 3 См.: Бугай Н.Ф. Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й век. М.: ИНСАН, 2004. 520 с.; Они сражались за Родину: Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. М.: Новый хронограф. 2005. 368 с.; Бугай Н.Ф. Рец. на кн.: Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В. Советские корейцы на фронтах Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Серия «Российские корейцы». М.: ИВ РАН, 2011 // Российская история. 2012. № 3.
- 4 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 101. Д. 255. Л. 71–76.
- 5 См. подробно: Ким Г. Теперь и умирать не страшно! // Российские корейцы. 2008. № 105. Июль. С. 10.
- 6 Правительство Москвы. Комитет общественных и межрегиональных связей. Информационный бюллетень Государственного учреждения «Московский дом национальностей». М., 2001. № 2.
- 7 Бугай Н.Ф. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002. С. 49.

УДК: 947.088 (571.64) + 951.91.097.3

А.Т. КУЗИН

РАЗДЕЛЁННЫЕ СЕМЬИ САХАЛИНСКИХ КОРЕЙЦЕВ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В статье дан анализ причин несостоявшейся послевоенной репатриации корейского населения, завезённого Японией для нужд колонизации Южного Сахалина. Представлены основные аспекты жизнедеятельности разделённых корейских семей, эволюции межгосударственного взаимодействия по данному вопросу бывшего СССР, современной России, Японии, Республики Корея.

Ключевые слова: разделённые семьи, репатриация, международное право, анкетный опрос, национальная политика.

История отсчитала 70 календарных лет со времени окончания Второй мировой войны. Но вопрос о не состоявшейся после неё репатриации корейцев с колонизированного Японией Южного Сахалина по-прежнему остаётся до конца не решённым. Затянувшееся разбирательство побуждает обратиться к событиям прошлого, отягощающим современную жизнь сахалинских корейцев.

После войны на Южном Сахалине осталось 23,5 тыс. корейцев, имевших японское подданство. Император Японии 22 ноября 1945 г. издал рескрипт № 651 о создании специального управления по репатриации японского населения, оказавшегося на территории, подконтрольной союзникам по антигитлеровской коалиции. Меморандумом главнокомандующего союзными оккупационными войсками в Японии американского генерала Д. Макарура от 29 января 1946 г. № 677 японскому правительству предписывалось прекратить «осуществление государственной и административной власти в любом районе вне Японии»¹. Осенью 1946 г. между СССР и США была достигнута договорённость о репатриации с советской территории японских военнопленных и в добровольном порядке мирных жителей из числа японцев². Но вопрос о возвращении сахалинских корейцев на родину не обсуждался.

Некоторые исследователи высказывают мнение, якобы воспротивились руководители Сахалинской области, для которых «приоритетом было выполнение производственных планов... а для этого им требовались рабочие руки»³. Существует и такое мнение, будто советское правительство «провело репатриацию японцев, но фактически задержало на острове лиц корейской национальности» и препятствовало их вывозу на контролируемую американцами часть Корейского полуострова⁴.

Здесь стоит возразить. Во-первых, это не тот случай, когда государственные интересы должны были определяться позицией руководителей регионов. Во-вторых, по мнению советских органов по делам репатриации и командования Дальневосточного военного округа, оставшиеся в Сахалин-

ской области 23 тыс. корейцев как рабочая сила погоды не делали. К тому же сахалинские руководители не стремились воспрепятствовать, а лишь отсрочить репатриацию корейцев до конца 1948 г., с чем было согласно и правительство РСФСР. Так что обвинять руководителей Сахалинской области в несостоявшейся репатриации корейцев – это крайность, документально не подтверждающаяся и заведомо искажающая исторические факты.

Не лишним будет напомнить, что в фокусе данной проблемы главенствовали не внутривластные и тем более не региональные «экономические обстоятельства», а международные факторы. Корейцы – бывшие японские подданные – остались на Южном Сахалине не потому, что их не отпускал Советский Союз в угоду региональным властям, а в силу установившегося американского оккупационного режима в Японии и Южной Корее.

Следует назвать ещё два принципиально важных обстоятельства: во-первых, практика того времени по приведению национального состава любого государства в соответствие с изменившимися границами являлась прерогативой согласованной деятельности союзных держав – основателей ООН⁵. Во-вторых, сахалинские корейцы юридически ещё оставались японскими подданными, и принимать какие-либо односторонние действия вопреки международному праву и без договорённости с США Советский Союз не мог.

К тому же Север и Юг Кореи противостояли, а в планы СССР вовсе не входило репатриировать корейцев, которые могли пополнить военную живую силу Южной Кореи для борьбы с КНДР. Прорабатывалась возможность репатриации японизированных корейцев в Северную Корею. Однако никакого специального распоряжения на этот счёт советским правительством не было принято. Но вполне резонно ставить вопрос, почему СССР не использовал свои полномочия как члена ООН. От Москвы не последовало никаких обращений в специальный международный трибунал для Дальнего Востока по претензиям к японскому правительству. Токийский и Хабаровский судебные процессы над японскими военными преступниками также не возбуждали вопрос о возвращении на родину японизированных корейцев.

Далее, союзные державы были вправе понудить Японию собственными силами возвратить корейцев Южного Сахалина на землю предков, как это сделали в отношении корейцев на других оккупированных территориях. Так, Япония не ставила под сомнение правомерность репатриации бывших своих подданных корейцев из Китая, Тайваня и Пескадорских островов. Возможность урегулирования «корейского вопроса» допускал Сан-Францисский мирный договор (1951 г.), но из его 27 статей нет ни одной, которая непосредственно регулировала бы юридический статус корейцев, оставленных Японией на Сахалине после войны⁶. Вероятно, существовала и многовариантность решения проблемы по опыту послевоенного урегулирования со странами Прибалтики, с Италией, Израилем, Германией.

Наступивший период холодной войны и связанное с ним советско-американское идеологическое противостояние, а также разделение Корейского полуострова на два противоборствующих государства на многие десятилетия сделали невозможной репатриацию сахалинских корейцев. С окончанием Второй мировой войны было определено послевоенное устройство Японии и Южной Кореи, но осталась без внимания судьба сахалинских корейцев. После подписания в октябре 1956 г. советско-японской Декларации смогли

репатриироваться только корейцы – члены японских семей. Таковых оказалось около 500 чел.⁷.

В 1970-е гг. среди сахалинских корейцев стали усиливаться настроения, ориентированные на выезд в Республику Корея. Но поскольку дипломатических отношений с этой страной ещё не существовало, все ходатайства оставались без удовлетворения. Правда, пять корейских семей (40 чел.), не пожелавших оставаться в Советском Союзе, были принудительно выдворены из Сахалинской области, но не в Южную Корею, где они проживали до войны, а в КНДР⁸.

Перелом в данной ситуации начался во время перестройки, создавшей условия, которые позволили корейцам публично выдвигать свои национальные требования о репатриации на историческую родину, выплате денежной компенсации, возвращении невостребованных сумм заработной платы и вкладов, хранившихся в японских банках со времени войны, о возможности двойного российско-южнокорейского гражданства и получения российских пенсий после репатриации в Республику Корея⁹. В годы перестройки движение «за возвращение» активизировалось. В феврале 1990 г. после 45 лет разлуки на прибывшем из Сеула самолёте «Боинг-727» впервые на родину отправились 120 престарелых сахалинских корейцев. Все расходы брал на себя южнокорейский комитет Красного Креста¹⁰.

С сентября 1990 г. решение проблем сахалинских корейцев вступило в новую фазу. Установление дипломатических отношений с Республикой Корея позволило ускорить процесс воссоединения разделённых семей. При этом соблюдались следующие условия: южнокорейские власти решали вопросы отвода земельных участков для строительства жилья переселенцам; японская сторона осуществляла финансирование проекта и выплачивала компенсацию только тем корейцам, которых переселили на Южный Сахалин до 15 августа 1945 г.; в число репатриантов не включались дети и внуки. В 1994 г. специальная японо-южнокорейская комиссия проводила анкетный опрос сахалинских корейцев. Но это делалось в обход российского законодательства и без участия официальных властей. Южнокорейская сторона принесла РФ официальное извинение, поскольку анкета была составлена некорректно, посулы и обещания, содержащиеся в ней, подталкивали людей к отъезду¹¹.

Затем появилась международная программа «Pilot», в рамках которой на выделенные Японией 3,2 млрд иен в 1999 г. в Республике Корея открыли пансионат на 100 мест, а в 2000 г. – жилой комплекс на 500 квартир, названный «Сахалинской деревней»¹². В связи с этим МИД РФ заявил японской стороне официальный протест, поскольку данное решение, затрагивающее интересы российских граждан, приняли без консультации с Москвой. Более того, это было квалифицировано как вмешательство во внутренние дела РФ¹³.

При осуществлении японо-южнокорейского проекта «Pilot» вводился ряд ограничений: разрешалось репатриироваться только состоящим в законном браке, не моложе 65-летнего возраста и членам семей, родившимся до 15 августа 1945 г. Жильё в Южной Корее предоставлялось переселенцам только на период жизни, без права наследования¹⁴. Это побуждало некоторых корейцев заключать фиктивные браки, изменять свой возраст, использовать фамилии и имена давно ушедших. В итоге история повторялась:

если прежде дети насильно отрывались от родителей и вывозились на колониальную японскую чужбину, то ныне родители, чтобы в последний раз увидеть землю предков, вынуждены были оставлять своих детей. Следовательно, данное решение заведомо предполагало образование новых разделённых семей.

В 2008 г. разрешили репатриацию корейских семей, где один из супругов был представителем первого, а другой – второго поколения (родившиеся после 15 августа 1945 г.), а также их детей-инвалидов и членов этих семей некорейской национальности. Но представителей второго поколения лишили возможности иметь постоянное место работы до тех пор, пока они получают переселенческие пособия. А поскольку найти работу в Республике Корея – проблема сложная, к тому же российские дипломы специалистов не берутся в расчёт, то большинство молодых репатриантов вынуждены существовать на правительственные пособия¹⁵. В случае найма на работу пособия уменьшаются на сумму получаемой заработной платы. Приобретение легкового автомобиля также может повлечь за собой сложности в вопросах получения государственных пособий.

Предусмотрено, что очерёдность на репатриацию определяется путём складывания количества лет обоих супругов, а если в составе семейной пары кто-то принадлежит ко второму поколению, то его возраст приравнивается к «0» и вообще не принимается во внимание. Кстати, возраст в Республике Корея имеет особое значение и является своего рода мерилем для получения переселенческих благ, преимущества в которых у семейных пар с наибольшим совокупным возрастом. Чем моложе пара, тем меньше ей предоставляют бытовых услуг¹⁶.

После получения разрешения на постоянное местожительство в Республике Корея репатрианты обязаны заявить о принятии гражданства этой страны и одновременно отказаться от гражданства РФ. По приезде в РК каждому в течение 90 дней надлежит пройти регистрацию в миграционной службе. Представители второго поколения, а также дети-инвалиды проходят особую регистрацию как иностранцы и должны предоставить документы о родственной связи с корейцами первого поколения. Прямые наследники первого поколения также оформляют разрешение на специальную репатриацию и только затем имеют право ходатайствовать о приёме южнокорейского гражданства. Для всех категорий иммигрантов обязательным является приобретение личной печати, открытие счёта в банке, постановка на учёт для получения специальной медицинской помощи.

Право обращаться за получением вида на жительство и гражданства РК возникает только по истечении четырёх с половиной лет работы на одном предприятии. Имеющие работу могут однократно продлить срок своего пребывания в РК, но не более чем на два года. Не получившие работу или не прошедшие регистрацию выдворяются по истечении года. Но ещё до получения южнокорейского гражданства сахалинским репатриантам обеспечивается минимальный прожиточный уровень. Размер пособия семейной пары определяется примерно в 700 тыс., а в случае одиночного проживания – 405 тыс. вон. Но выплата этих сумм корректируется по мере бюджетных возможностей. Каждой семье предоставляется набор продуктов питания (26 видов), а также бытовая техника – телевизор, холодильник, стиральная машина, пы-

лесос, газовая плита, рисоварка, комод, кухонная мебель, моющие средства, постельные принадлежности на общую сумму 264 тыс. вон¹⁷.

Особенность жизни в Республике Корея – практически полное отсутствие однокомнатных квартир. А поскольку идти в дом престарелых согласны далеко не все, происходит вынужденное расселение в квартиры из двух и более комнат. Это обстоятельство порождает серьёзные проблемы психологической несовместимости людей, различных по своему характеру и укладу жизни. Случается, что не устраивает и предлагаемый район проживания. На этой почве ещё до выезда в Республику Корею в сахалинских семьях возникают конфликты вплоть до бракоразводных процессов.

Характерно, что оплата южнокорейской квартиры площадью 40 кв. м обходится в 100–150 тыс. вон в месяц, а стоимость коммунальных услуг составляет от 50 до 100 тыс. На квартплату и коммунальные платежи выделяется специальный фонд из расчета 75 тыс. вон на одного человека в месяц. Но расходы компенсируются только корейцам первого поколения и тем, кто имеет на иждивении детей-инвалидов. Всякие выплаты прекращаются в случае выезда из РК более чем на 3 месяца или если в семье появляется новый источник доходов. Если получатель пособия в течение трёх лет проживания в РК не достигнет 65-летнего возраста, то выдача пособия также приостанавливается и решается вопрос о его трудоустройстве, поскольку пенсионный возраст в РК определён в 65 лет. В ситуации, когда государство компенсирует расходы на проживание, пенсионные выплаты не производятся. Но если семейный доход ниже прожиточного минимума, то лицам старше 65 лет пенсия может выплачиваться в размере не более 87 тыс. вон на одного человека и 139 тыс. вон на двух супругов. Пособия по инвалидности выдаются после получения южнокорейского гражданства. Бесплатные медицинские услуги оказываются только нетрудоспособным, их похороны проводятся за счёт государства.

По своему статусу сахалинские корейцы, имеющие гражданство РФ и выехавшие на постоянное местожительство в Республику Корея, соотносятся с понятием «соотечественники за рубежом». Их можно отнести к четырём категориям: граждане РФ; граждане Республики Корея; лица, имеющие двойное гражданство – России и Республики Корея; лица без гражданства с видом на жительство. В целом государственная политика РФ в отношении сахалинских корейцев основывается на признании норм международного права. Перед выездом российская сторона выплачивает корейцам трудовую пенсию за шесть месяцев вперёд, перевод которой осуществляется в иностранной валюте с учётом изменяющегося курса рубля. Но право на российскую пенсию у корейских репатриантов, ставших жителями Республики Кореи, сохраняется только в течение пяти лет. Те, кто не вышел на пенсию, право на её получение, по законодательству Республики Кореи, приобретает по достижении не 60 (как в России), а 65 лет.

Ежегодно почти 2 тыс. сахалинских корейцев выезжают в Республику Корею: кто покидает Сахалин для обретения нового места жительства, кто навещает родных и близких, кто отправляется на поиски работы в надежде на более обеспеченную жизнь, кто просто хочет посмотреть землю предков. Но есть и такие, кто из-за отсутствия финансовых средств не может выехать даже на похороны своих уехавших с Сахалина родителей.

Япония уже неоднократно признавала свою вину в причинении сахалинским корейцам несчастий и бедствий в годы войны. Но требования к японскому правительству остаются. Их можно сформулировать так:

1) На государственном уровне следует осудить акт геноцида в отношении корейцев, насильственно привезённых на Южный Сахалин в годы войны.

2) Необходимо предать общественной огласке список вывезенных корейцев и выплатить их оставшимся семьям компенсации в размере причинённого ущерба.

3) В память о корейцах – жертвах японского геноцида нужно установить памятные мемориалы на Сахалине и в Японии.

4) Корейским репатриантам следует предоставлять в Республике Корея жильё с правом собственности и передачи по наследству. С этими требованиями солидарны общественные организации корейцев Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Твери, Ростова-на-Дону, Хабаровска, Владивостока, Казахстана. С ними корейская общественность уже не один раз обращалась к Президенту РФ, Президенту Республики Корея, Премьер-министру Японии¹⁸.

По официальным южнокорейским источникам, около 80% репатрированных сахалинских корейцев удовлетворены своей жизнью в РК. При этом не исключаются конфликтные ситуации, и в таких случаях уже российская сторона обеспечивает приём тех, кто не смог или не имел возможности адаптироваться к условиям жизни в Республике Корея и решил вернуться обратно¹⁹.

Но есть и другая сторона проблемы. В Южной Корее репатриантов преследует одиночество, и никакие блага не в состоянии избавить их от тоски по родным, оставленным на сахалинской земле. Вместе с тем сахалинские корейцы в массе своей осознают, что ни в Республике Корея, ни в КНДР их не считают соотечественниками и, возможно, не скоро, а быть может никогда, они не будут признаны полнокровными представителями корейской нации. Как ни странно, но значительная часть корейцев Сахалина не знает ни национальной письменности, ни даже родной разговорной речи.

Начиная с 1991 г., произошла заметная активизация внешнеполитических усилий, в рамках которых проходили встречи на высшем уровне российского, японского и южнокорейского руководства, а также состоялось немало контактов экспертов и специалистов. Проблемы репатриации сахалинских корейцев уже были предметом обсуждения на всемирных форумах корейцев в Нью-Йорке, Хиросиме, Лос-Анджелесе, Южно-Сахалинске. Различны не только степень заинтересованности в судьбе сахалинских корейцев, но и сами подходы к вопросу. Бывший Советский Союз исходил из того, что, поскольку в Республике Корея правит проамериканский режим и с ней нет дипломатических отношений, то отсутствовали и реальные возможности возвратить на историческую родину корейцев, оставшихся после войны на Сахалине. Для российской стороны сегодня характерно понимание, что решать проблемы следует в международно-правовом поле и что для этого созданы более благоприятные условия, чем прежде.

Благожелательной представляется позиция Японии, считающей, что материальная помощь должна стать основным средством разрешения проблем. Япония приносит сахалинцам извинения, признаёт свою полити-

ческую и моральную ответственность, но никак не юридическую. Южная Корея заявляет о себе как о государстве, призванном решать накопившиеся проблемы, исходя из общенациональных потребностей и интересов своих сахалинских соотечественников. Одновременно Сеул склонен полагать, что завозила корейцев на Южный Сахалин Япония, потому и вся ответственность должна лежать исключительно на ней. Позицию КНДР правомерно рассматривать в контексте только её внутренней политики, не признающей международного характера проблемы. Отмежевалося и управление Верховного Комиссара ООН по правам человека, мотивируя это тем, что не нашлось достаточных оснований для рассмотрения обращения сахалинских корейцев.

В результате проблема репатриации обострилась настолько, что стала обременена уже политическими межгосударственными интересами, и в этом её принципиальная особенность. Но ошибочно считать, что политико-правовые аспекты проблемы связаны с какими-то личными претензиями или амбициями сахалинских корейцев. Очевидно одно – необходимо восстановить гуманную справедливость и на уровне мирового сообщества признать, что сахалинские корейцы как бывшие японские подданные оказались заложниками несогласованной межгосударственной политики.

В отношении сахалинских айну как японских подданных запрет на репатриацию был снят советским правительством в одностороннем порядке ещё в октябре 1948 г.²⁰ Общеизвестно также, что Япония репатриировала со своей территории в КНДР 95 тыс. корейцев²¹.

Однако до сих пор не обнародованы документы, на основании которых корейское население было оставлено на Южном Сахалине после войны. Нет ответов и на вопрос, почему судьбы сахалинских корейцев проигнорировали при подписании акта о безоговорочной капитуляции Японии, на Хабаровском и Токийском международных судебных процессах по осуждению японских военных преступников в 1946–1949 гг.²², при заключении Сан-Францисского мирного договора (1951 г.). Общественности до сих пор не известно, почему СССР при подписании советско-японской Декларации в октябре 1956 г. отказался от репараций и претензий к Японии, дал согласие на репатриацию корейцев – членов японских семей, но не поставил вопрос о послевоенном устройстве всех сахалинских корейцев – бывших японских подданных. Наконец, почему о них умолчали при подписании японо-южнокорейского договора (1965 г.) и соглашения об установлении дипломатических отношений Российской Федерации с Республикой Корея (1990 г.).

Сахалинская область по-прежнему остаётся единственным регионом России, исторически погружённым в решение проблем послевоенного устройства лиц корейской национальности – бывших японских подданных и их потомков. В разбирательство, длящееся все послевоенные годы, оказались вовлечёнными государственные деятели, политики, дипломаты, специалисты-международники, правозащитники, а также многотысячная масса сахалинских корейцев и зарубежные корейские диаспоры.

К тому же из-за длительной нерешённости одних возникают всё новые и новые проблемы, теперь уже в рамках современной российской государственности и нарастающей глобализации общественной жизни. Круг этих проблем очевиден: всеохватывающая ассимиляция, изменение психологи-

ческого состояния и социального поведения, обострение протестных политических настроений, трансформация менталитета и ценностных ориентаций, включая гражданско-правовую и национальную самоидентификацию. Очевиден и практический интерес, если иметь в виду такие реалии наших дней, как массовые выступления корейцев за свои жизненные требования, направление по этим вопросам различного рода петиций главам России, Японии и Республики Корея, международным правозащитникам.

Приведённый исторический обзор убеждает, что принято немало правительственных и государственных документов, регламентирующих жизнедеятельность сахалинских корейцев. Однако проблемы их разделённых семей, связанные с последствиями войны, до конца не решены. И если данную проблему не упредить, то со временем она будет эволюционировать, изменяя свои количественные и качественные параметры, но неизменно сохраняя политико-правовую и нравственно-психологическую остроту.

- 1 Русские Курилы: история и современность. М., 1995. С. 98–99, 102–103.
- 2 Понамарёв С.А. Некоторые вопросы государственного строительства на Южном Сахалине и Курильских островах // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2006. № 13. С. 202–203.
- 3 Дин Ю.И. Проблема репатриации корейцев Южного Сахалина в 1945–1950 гг. // Вопросы истории. Вып. 8. М., 2013. С. 72–81.
- 4 Высоков М.С. Перспективы решения проблемы репатриации сахалинских корейцев в свете опыта Израиля, Германии и других стран // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1993. № 2. С. 95.
- 5 Понамарёв С.А. Политико-правовые аспекты образования Сахалинской области // Сахалин и Курилы: история и современность. Южно-Сахалинск, 2008. С. 58.
- 6 История войны на Тихом океане. Т. 5. Мирный договор. М., 1958. С. 359–368.
- 7 ГИА СО. Ф. 53. Оп. 1-доп. Д. 23. Л. 51.
- 8 Кузин А.Т. Сахалинские корейцы: история и современность (документы и материалы, 1880–2005). Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство, 2006. С. 269–270.
- 9 Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1993. С. 118.
- 10 Советский Сахалин. Южно-Сахалинск, 1990. 10 февр.
- 11 Там же. 1994. 10 нояб.
- 12 Кузин А.Т. Сахалинские корейцы... С. 337.
- 13 Советский Сахалин. 1995. 29 марта.
- 14 Там же. 1999. 7 авг.
- 15 Сэ коре синмун. 2009. 24 июля.
- 16 Губернские ведомости. Южно-Сахалинск, 2009. 29 мая.
- 17 Специальная программа реабилитации сахалинских корейцев. Сеул, 2009. С. 1–10.
- 18 Кузин А.Т. Сахалинские корейцы... С. 340–341, 347–350, 359–363.
- 19 Собрание законодательства РФ. 1994. № 21. 19 сент. Ст. 2383.
- 20 ГИА СО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 4. Л. 85.
- 21 Ланьков А.Н. Репатриация корейцев из Японии в КНДР // Сеульский вестник. 2007. № 114. Сент.
- 22 Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.

УДК: 947.088 + 951.098

И.Ю. ЗУЕНКО

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРЕСТРОЕЧНОГО ОПЫТА СССР В КИТАЕ

В статье анализируется эволюция восприятия советской перестройки в Китае с 1980-х по 2010-е гг. Делается вывод, что китайских исследователей преимущественно интересует анализ причин краха КПСС, на примере которого правящая Коммунистическая партия Китая проводит своеобразную «работу над ошибками».

Ключевые слова: СССР, перестройка, Коммунистическая партия Китая, русистика.

Изучение опыта Советского Союза имеет для Китая и правящей в нём элиты особое значение. Это объясняется преемственностью и «вторичностью» как китайской Коммунистической партии, так и Китайской Народной Республики по отношению к КПСС и СССР, что имело определяющее значение для развития КНР вплоть до разрыва с Москвой в конце 1950-х гг. После этого изучение советского опыта перешло на качественно иной уровень: от «копирования» китайцы перешли к его критическому восприятию. Поэтому нормализация отношений двух стран в 1980-х гг. также уже не привела к каким-либо заимствованиям. Китай развивался самостоятельно, на основе собственных поисков оптимальных путей экономического и политического развития. Однако это не снимало с китайской науки задач по изучению своего бывшего «старшего брата». Исследование процессов, происходивших в СССР, получило новый виток после того, как Советский Союз также встал на путь системных реформ, осуществляя перестройку. В отличие от китайских реформ, начавшихся за семь лет до этого, перестройка, имея те же цели осуществления догоняющего модернизационного развития, пошла по иному сценарию. Отношение к ней в Китае неоднократно менялось в зависимости от политических обстоятельств, в то время как к развалу СССР и краху КПСС, которые в Китае воспринимаются как итог перестройки, руководство КНР относится как к трагедии и видит весьма полезный урок для себя. Характеристике этого анализа и посвящена данная статья. В работе над ней использовался ряд китайских профильных исследований (Лу Наньцюаня, Цзо Фэнжун, Хуан Вэйдина, Шэн Чжихуа), а также работы отечественных и англоязычных авторов (А. Габуева, Ю. Галеновича, Д. Смирнова, В. Усова, Н. Мунро, Д. Шэмбо).

Поскольку собственно экономические реформы, связанные с трансформацией плановой системы и внедрением элементов рынка, начались в Китае раньше, логично, что в центре внимания китайских исследователей и экспертов находились именно социально-политические преобразования. Эксперт Московского Карнеги-центра А. Габуев отмечает: «...в 1980-е анализ политической жизни Советского Союза во многом проходил через при-

зму борьбы внутри китайской элиты по поводу курса развития страны»¹. Так, в 1985–1987 гг. отношение к преобразованиям в СССР было в основном нейтрально-скептическим, что отражало картину противоборства между умеренно-либеральной частью элиты (Ху Яобан, Чжао Цзыян, Вань Ли) и консервативным большинством (Дэн Лицзюнь, Пэн Чжэнь, Ху Цяому и др.) при Дэн Сяопине в роли третейского судьи и координатора взаимодействия фракций. С одной стороны, лозунговая составляющая первого этапа перестройки в целом совпадала с аналогичными призывами КПК («ускорение социально-экономического развития страны», «курс на совершенствование социализма» вместо «построения коммунизма», что вполне соответствовало духу выступлений Чжао Цзыяна о «начальной стадии построения социализма»). С другой – слишком радикальная замена основной массы старых кадров «брежневского призыва» на новых управленцев, что активно освещалось китайской прессой², смущала «старую гвардию» КПК, которая всё ещё сохраняла своё влияние и видела себя в качестве заслона на пути пагубной «буржуазной либерализации».

В этом контексте важным представляется анализ выступлений Дэн Сяопина в 1986–1987 гг., в которых он наравне с призывами в духе советской перестройки (борьба с бюрократизмом, чрезвычайной концентрацией власти, «патриархальщиной», привилегиями) неизменно твёрдо выступал за «восстановление внутрипартийной дисциплины». К тому же генсек и его сторонники среди консерваторов сразу оценили всю опасность для существующего режима со стороны студенческих протестных выступлений в 1986–1987 гг., тогда как Ху Яобан и Чжао Цзыян видели в них свидетельства готовности общества к политическим реформам³. Примечательно, что в этот момент Дэн Сяопин заявил: «Если раньше мы делали акцент на помехи с „левой стороны“, то нынешние волнения напомнили нам о необходимости акцентировать внимание на помехах „справа“»⁴. Чрезмерный крен «вправо» в Советском Союзе был воспринят на тот момент скептически.

После прихода в январе 1987 г. к должности генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна, с именем которого связаны рыночные преобразования в экономике страны и надежды на либерализацию политического режима, тональность оценок перестройки сменилась на положительную. Китайцы начали хвалить Горбачёва за шаги по отделению партии от государства, политику гласности, доктрину «нового мышления». В партийном журнале «Хунци» делался вывод о «чрезвычайной важности опыта СССР и восточноевропейских стран», который заключался в том, что «реформа экономической структуры не может проводиться изолированно, она должна тесно сочетаться с реформой политической структуры»⁵. Как считает А. Габуев, за подобными положительными оценками деятельности Горбачёва скрывалась завуалированная поддержка реформистского курса самого Чжао Цзыяна⁶.

Такие настроения на самом верху КПК (отнюдь при этом не поддерживаемые консервативными фракциями в руководстве партии) совпали по времени не только с демократизацией режима в СССР, но и с ростом студенческого движения в Китае против коррупции и nepотизма в партии, а также за отказ от гегемонии марксистской идеологии⁷ и курс на политическую демократию (что ещё нуждается в предельно взвешенном, неангажированном анализе).

Кульминация фракционной борьбы выпала на весну 1989 г. и оказалась связана со студенческими выступлениями на площади Тяньаньмэнь. Протесты, вызванные прежде всего резким скачком цен, достаточно быстро «перекинулись» на правящую партию и лично на Дэн Сяопина (например, в известной «Декларации 17 мая» прямо говорилось, что «правление стариков должно прекратиться, диктатор должен уйти»⁸). Это позволило руководству КПК рассматривать выступления как контрреволюционный мятеж и ввести в Пекине военное положение. Последовавшая затем отставка Чжао Цзыяна вновь изменила тональность дискуссии о перестройке в Советском Союзе на диаметрально противоположную. В этот период о ней говорили исключительно как об опасном источнике «буржуазной либерализации», видя в действиях КПСС по собственной дискредитации и отделению партии от государства «плохой пример для подражания»⁹.

После крушения СССР изучение перестройки как процесса, приведшего к утрате Коммунистической партией власти, стало одной из основных отраслей китайской русистики¹⁰ – науки, которая всегда выполняла крайне прагматичные функции, связанные с обеспечением руководства страны теоретической и прикладной информацией, необходимой для выработки политики по отношению к северному соседу. Если в период 1991–1992 гг., по меткому выражению американского исследователя КПК Д. Шэмбо, «аналитики, занимающиеся проблемами перестройки в СССР, пребывали в состоянии шока»¹¹, то ориентировочно с 1993 г. началось её систематическое изучение. Исследования русистов и специалистов по истории коммунистического движения стали менее конъюнктурными и идеологизированными. Теперь они были, по сути, подчинены основной практической цели. Перед китайскими экспертами стояло два ключевых вопроса: каковы причины падения СССР и КПСС и что должно делать руководство КПК, чтобы избежать судьбы своих коллег и учителей?

Вовлечённость данных исследований в общественно-политический дискурс на данном этапе свели к минимуму, и, забегая вперёд, скажем, что его частью они стали лишь при Си Цзиньпине, возрождающем многие из традиций, характерных скорее для партии 1970–1980-х гг., нежели 1990–2000-х. По информации А. Габуева, дискуссия носила закрытый характер, так как основной массив результатов публиковался в справках для членов ЦК КПК, документах и сборниках с грифом «для служебного пользования»¹². В разное время исследования по обозначенной тематике велись в аналитических структурах КПК и Народно-освободительной армии Китая, а также в Институте изучения России, Центральной Азии и Восточной Европы Академии общественных наук КНР, Центральной партийной школе КПК, Институте мирового социализма, Институте истории международного коммунистического движения, Институте стратегических международных исследований, в ведущих вузах страны¹³.

Уже в начале 1990-х гг. китайские учёные перешли в своём анализе от примитивного политического и экономического детерминизма к более сложным системным моделям, учитывающим комплексы различных факторов. Среди них можно выделить четыре группы: *международные, политические, экономические и социокультурные*.

Говоря о первой группе факторов развала СССР, следует отметить, что они не сильно отличаются от различных конспирологических объяснений,

повсеместно распространённых среди российской политической элиты и даже экспертного сообщества. Ещё 30 августа 1991 г. главный редактор газеты «Жэньминь жибао» Гао Ди выступил с закрытой программной речью «Проблемы, вызванные ситуацией в Советском Союзе». В ней он выделил три непосредственные причины неминуемого падения СССР. Во-первых, эксперт критикует нерешительные действия членов ГКЧП, не сумевших арестовать и изолировать Горбачёва и Ельцина, а также в корне задавить протестные выступления народных масс (в отличие от китайского руководства за два года до этого). Во-вторых, он прямо обвиняет Горбачёва и Ельцина в измене и действиях в интересах внешних сил. «Горбачёв и Ельцин – не истинные члены Коммунистической партии. Они – попросту предатели и западные агенты. Они действовали заодно с западными институтами и следовали приказам из Америки», – утверждал Гао Ди. Наконец, третьей причиной коллапса СССР называется затеянная Горбачёвым политика гласности и «нового мышления», разложившая и деморализовавшая советскую элиту¹⁴.

Многие китайские работы, написанные по горячим следам событий 1991 г., также наполнены попытками найти «происки внешних сил». Так, изданные в 1992 г. в провинции Цзилинь монография Ван Чаовэня «Американская стратегия мирной эволюции» и коллективный труд «Уроки драматических изменений в Советском Союзе и Восточной Европе» подробно анализируют роль Запада в падении СССР. Авторы приходят к выводу, что перестройка подорвала веру граждан Советского Союза в идеалы социализма и привела к падению режима, что было недопустимо, учитывая многолетние усилия Запада по морально-психологическому воздействию на советское общество¹⁵ посредством, как сейчас сказали бы, «мягкой силы» (китайские авторы особое внимание уделили деятельности диссидентских радиостанций, моде на рок-музыку, западный стиль в одежде и т.д.).

В более поздних работах роль международного фактора в падении СССР не сводится только к действиям Запада. Китайцами были подробно проанализированы проблемы и просчёты советского руководства. В вышедшей в 2001 г. в Пекине монографии «Фатальные ошибки: эволюция и влияние внешней политики СССР» профессор Центральной партийной школы КПК Цзо Фэнжун указывает, что главный внешнеполитический просчёт Москвы – приверженность к гегемонизму, попытка создать и удержать блок государств после 1945 г. Слишком амбициозные задачи во внешней политике отвлекали ресурсы от внутреннего развития страны, а вмешательство в дела союзников (Венгрия, Чехословакия, Афганистан) фактически сводили на нет все усилия советской дипломатии по созданию дружественного альянса. Касательно перестройки Цзо ставит в заслугу М. Горбачёву и главе МИД СССР Э. Шеварнадзе отход от затратной конфронтационной линии в отношениях с Западом, однако полагает, что момент для изменений был уже упущен¹⁶. В итоге горбачёвский поворот во внешней политике лишь усилил проникновение западного влияния в СССР и облегчил США задачу по устранению соперника.

Основной массив китайских работ, посвящённый перестройке в Советском Союзе, исследует вопросы организации власти и эффективности правящей партии в этот период. Это неудивительно, если учесть, что фактическим заказчиком таких исследований была именно Коммунистическая партия. Соответственно, целью их был поиск «эликсира бессмертия» для самой КПК.

На первом этапе китайские авторы были склонны абсолютизировать «роль личности в истории» и обвинять в политических просчётах Горбачёва. Его главную ошибку они видели в том, что он позволил КПСС утратить контроль над процессом реформ, чего, например, не случилось в Китае (это легко проследить по приведённым выше цитатам Дэн Сяопина). Как отмечает Чжан Юйлян в обширной статье 1993 г. «Трагедия Горбачёва», реформы были необходимы, однако избранные им методы привели страну и партию к краху. Сначала Горбачёв ослабил партию изнутри, фактически разрешив формирование фракций внутри КПСС, а затем – извне, согласившись на отмену 6-й статьи Конституции СССР 1977 г. Ослаблению партии способствовали и попытки Горбачёва разделить партийную и государственную бюрократию, укрепив институт Советов и Верховного Совета СССР. В вышедшей в 2001 г. в Пекине коллективной монографии «Крах великой державы: анализ причин распада СССР» говорится, что Верховный Совет оказался институционально не готов к тому, чтобы взять в свои руки всю полноту власти¹⁷. В вину руководству ставится поспешность, с которой были проведены преобразования, а также слишком резкая ротация членов Политбюро: отсутствие преемственности курса породило раскол в партии между консерваторами и сторонниками молодого генсека (опять же на контрасте с практикой КПК 1980-х гг., связанной с созданием «комиссий советников»).

Критикуя верховного руководителя КПСС и СССР в кризисный период, многие китайские эксперты уже в начале 1990-х гг. задумались о причинах того, почему ошибки одного человека оказались столь разрушительны для системы. Ответ был найден в излишней концентрации верховной власти СССР в руках одного человека и в отказе от принципа коллективного руководства¹⁸, который являлся отличительной особенностью КПК со времён прихода к власти Дэн Сяопина.

Аналогии с ситуацией в Китае усиливаются в контексте размышлений о роли «побочных явлений» в самой правящей партии. Так, Хуан Вэйдин в книге «Десятый юбилей падения КПСС» отмечает: «Смерть КПСС была вызвана не столько антикоммунистическими силами, сколько коррумпированными членами партии. Дезинтеграция СССР была вызвана автопереворотом привилегированного класса партноменклатуры»¹⁹. Антикоррупционные кампании перестройки типа «хлопкового дела» носили эпизодический, несистемный характер, тогда как коррупция, в советских условиях сводившаяся к получению различных номенклатурных привилегий, была повсеместной. Как и в Китае конца 1980-х гг., именно против коррупции и nepотизма был обращён протест широких народных масс, однако в СССР правящая элита не смогла вовремя оценить его опасности, а экономическая стагнация не позволила «закормить» недовольных. Обратной стороной коррупции стала нарастающая некомпетентность чиновников на всех уровнях. Одной из причин этого, по мнению экспертов из КНР, была замкнутая номенклатурная система назначения на должности, другой – формирование «обкомовской элиты» и отсутствие ротации для разрыва персональных связей²⁰.

Неэффективной видится китайским экспертам и политика руководства СССР в области СМИ. Контроль их до Горбачёва был излишне жёстким – в итоге население перестало им доверять. А политика гласности, наоборот, зашла слишком далеко, скомпрометировав все стороны жизни общества и уничтожив табу на критику партии и системы.

Китайские исследователи отмечают также, что одной из ошибок перестройки стал курс на деполитизацию вооружённых сил, разрыв связки КПСС с войсками и превращение армии из партийной в национальную. Массовые сокращения последней, начавшиеся при Горбачёве, не были подкреплены программой интеграции демобилизованных военнослужащих в общество, из-за чего военные пополнили ряды разочаровавшихся. Именно комплекс этих факторов, по мнению экспертов из КНР, предопределил неудачу военного переворота в августе 1991 г., арест членов ГКЧП и последующий роспуск СССР²¹.

Немалое место в китайском анализе перестройки, приведшей к краху КПСС, занимают и экономические факторы. Особенно активно эксперты изучали этот вопрос в начале 1990-х гг., когда в период консервативной реакции на события 1989 г. КНР сама стояла перед дилеммой – продолжать или не продолжать реформы. Крах Советского Союза служил весомым козырем в колоде сторонников консервативной политики. Окончательный выбор в пользу рынка, сделанный в 1992 г. после знаменитой инспекционной поездки Дэн Сяопина на юг страны, произошёл, похоже, во многом под влиянием анализа советских ошибок²², а также различий китайской программы экономических реформ и советской перестройки. Причём Чжао Цзыян в своих мемуарах утверждает, что логика Дэна была такова: «Мы получили нашу экономическую систему от Советского Союза. Если они сами от неё отказались, то почему мы должны крепко за неё держаться?»²³.

Китайские учёные довольно жёстко критикуют структуру советской экономики. Так, один из ведущих советологов КНР Лу Наньцюань называет милитаризацию экономики едва ли не главной причиной краха СССР. Мощный ВПК практически задавил лёгкую промышленность, что выразилось в остром дефиците товаров широкого потребления²⁴ (проблема, которую Китай к началу перестройки уже начал решать).

Несмотря на то, что непосредственно экономическое содержание «повестки перестройки» китайскими авторами практически не критикуется, отмечается, что усилия реформаторов в СССР были запоздалыми и непродуманными и это не позволило решить имеющиеся во множестве социальные проблемы²⁵.

Совокупность кризисных явлений на фоне воздействия «мягкой силы» со стороны более успешного Запада вызвал сильнейший «кризис веры» в правящую партию, идеологию, страну и себя самого, что не осталось незамеченным китайскими исследователями. Как отмечал глава Института Восточной Европы и СССР при АОН Ли Цзинцзе в статье «Исторические уроки падения КПСС» (1992), население во многом оттолкнули от партии непривлекательная и догматичная идеология и пропаганда²⁶. Проф. Чжан Гоцзо заявляет, что «КПСС оторвалась от народа и поэтому была вынуждена уйти с политической сцены»²⁷.

Кроме того китайские учёные уделяют заметное внимание противостоянию партии и интеллигенции. Вместо того, чтобы рекрутировать «креативный класс» и привлечь творческий потенциал интеллигенции для обеспечения развития партии, КПСС старалась всячески задавить интеллектуалов, превратив их либо в явных (диссиденты), либо в скрытых оппонентов режима. Именно интеллигенция в итоге сформулировала антипартийное направление общего желания перемен, укрепившегося в советском обществе в конце 1980-х гг. Как и в случае с экономическими реформами, изменения периода перестройки китайские авторы считают в целом верны-

ми по направлению, но явно запоздавшими. Особенно в контексте того, что, развиваясь в условиях вакуума доверия к официальной идеологии, интеллигенция конца 1980-х гг. оказалась увлечена националистическими идеями.

Кризис общего советского проекта усиливал тягу к объединяющей протестной идентичности, которая на окраинах империи легко принимала сепаратистские формы. Любопытен, правда, и вывод, к которому, по мнению Д. Шэмбо, приходит большинство китайских экспертов по национальному вопросу в Советском Союзе: «Проблем можно было бы избежать, если бы Ленин и Сталин сразу сделали ставку на создание унитарного государства, а не сложной структуры квазиавтономных республик»²⁸.

Изучение ошибок КПСС в 2000-х гг. вышло из кабинетов учёных в учебные аудитории для членов партии²⁹. В 2003 г. Политбюро ЦК КПК провело коллективную образовательную сессию, на которой разбирались примеры взлета и падения девяти великих держав мировой истории, включая СССР, а в 2006 г. сделанный по материалам этой сессии фильм был показан по Центральному телевидению КНР³⁰. В том же 2006 г. Институт марксизма АОН выпустил фильм «Думай об опасности во время мира: исторические уроки падения КПСС», который стал обязателен для просмотра всеми управленцами страны вплоть до уездных партсекретарей³¹. Новый виток изучения ошибок КПСС связан с активной деятельностью Си Цзиньпина по преодолению коррупции и «морального разложения» в партийных рядах. Анализ контента китайских проправительственных СМИ позволяет сделать вывод, что именно коррупция, разросшаяся за предыдущие десятилетия, видится в Пекине главной угрозой легитимности монополии КПК на власть. «Трагедия» КПСС, которая «оторвалась от народа»³², а потом сама отдала контроль над процессами в государстве, в этом контексте воспринимается как мрачное предостережение.

По сообщению прессы, во всекитайскую программу тренинга для 2 800 уездных чиновников, которых массово направляют на учёбу по госуправлению в Пекин, в 2015–2017 гг. будет включен спецкурс «Ошибки Коммунистической партии Советского Союза»³³. Первое занятие для 200 уездных руководителей в январе 2015 г. провёл сам Си Цзиньпин³⁴. Как отметили комментаторы в блогосфере, на состоявшейся лекции лидер Китая упрекнул уездных чиновников, указав на важность антикоррупционной борьбы и самодисциплину на местах. Примечательно, что аудио- и видеозапись в ходе занятий строго запрещена³⁵.

Знакомство с исследованиями по темам перестройки и развала СССР должно было убедительно показать руководству КПК, что, как минимум, пять проблем позднего Советского Союза актуальны и для Китая: коррупция в партийных рядах, неэффективность работы госсектора, кризис доверия к официальной идеологии, проблема отношений ханьского большинства и национальных окраин, уязвимость перед западным культурным и информационным воздействием.

С учётом закрытости процесса выработки стратегических и тактических решений внутри КПК сложно предположить, в какой степени при определении государственной политики учитывались аналитические выкладки, касающиеся «перестроечного опыта» СССР. Однако мы можем выделить ряд узловых моментов, в которых китайское руководство повело себя по-иному, нежели руководство КПСС. Это позволит нам получить представление о практических результатах изучения опыта СССР в современном Китае.

Например, огромное значение для КПК имеет создание механизма регулярной смены высшего руководства партии и государства, который был запущен в 1992 г., как раз через год после развала СССР. Согласно ему, существует ограничение для нахождения на высших партийных и административных должностях в два срока по пять лет, а также возрастные ограничения для различных категорий руководителей. Чётко определён регламент схемы «поколений»: осенью в годы, заканчивающиеся на «2», избираются высшие партийные лидеры, а весной следующих годов они же решением китайского парламента, большинство в котором составляют коммунисты, назначаются на высшие посты в государстве. Внедрив эту систему, КПК постаралась избежать не только ошибок КПСС, но и собственных проблем, связанных с борьбой за власть в 1950–1980-е гг.

«Мозговые центры», ответственные за идеологию КПК, активно внедряют новые теоретические построения, стремясь избежать догматизма и оторванности правящей партии от нужд общества, превращения КПК в «номенклатурную партию элиты». Достижения на этом поприще, на наш взгляд, сомнительны, но отрицать попытки идеологического обновления КПК нельзя. Если концепция «начальной стадии построения социализма» призвана объяснить отличия между теорией и практикой деятельности КПК, то другие концепции, появившиеся в 2000–2010-х гг. («тройного представительства» Цзян Цзэминя, «гармоничного общества» и «научного развития» Ху Цзиньтао), на наш взгляд, можно оценивать именно как проявления популизма, попытки привести идеологию в соответствии с духом времени.

О решительной борьбе с коррупцией как основной угрозой потери доверия к партии со стороны общества активно говорилось ещё в десятилетие Ху Цзиньтао. Однако по-настоящему активные действия стали предприниматься в 2013–2014 гг. после прихода к власти Си Цзиньпина.

В качестве превентивной меры против коррупции на местах и регионального сепаратизма Китай продолжает применять практику жёсткой ротации руководящих кадров. Её негативные побочные эффекты (снижение эффективности местных органов власти, нацеленность на достижение формальных показателей), похоже, не смущают Пекин, если на второй чаше весов находится знакомая по советским реалиям практика формирования мощной «обкомовской элиты» с тесными персональными связями и принципом круговой поруки.

Западному культурному и информационному влиянию Китай стремится противопоставить столпы традиционной цивилизации: прежде всего, конфуцианство. Активно раскручивается тема внутреннего туризма и моды на «традиционный Китай», широко используются в пропаганде достижения китайских спортсменов. Хотя националистическая карта для мобилизации общества также разыгрывается, свидетельством чего является появление концепции «китайской мечты», а также истерия в СМИ по поводу посягательств соседей на спорные островные территории.

Следует отметить, что данные меры не являются панацеей и современный Китай – это не только вторая в мире экономика и потенциальная сверхдержава, но и страна с большим количеством системных проблем. К числу наиболее острых, наравне с коррупцией, относятся: катастрофическое состояние окружающей среды, нерешённая проблема убыточного госсектора, демографические диспропорции.

В целом, говоря об изучении в Китае перестроечного опыта СССР, можно сделать следующие *выводы*.

Изучение политики и практики в Советском Союзе всегда занимало важное место в гуманитарной науке и практико-ориентированной аналитике КНР. В различные годы, в зависимости от политической конъюнктуры, оценка перестроечных процессов СССР менялась от нейтрально-скептической (1986–1987) до в основном положительной (1987–1989) и в основном отрицательной (с 1989 г.). При этом отражение перестройки в китайских СМИ и материалах пропаганды являлось следствием идеологической дискуссии в самой КПК. Фокус внимания китайских наблюдателей был смещён на вопросы политической реформы.

После распада Советского Союза перестройка в китайских исследованиях стала восприниматься исключительно в контексте потери правящей Коммунистической партией власти, а её изучение сводилось к поискам ответов на вопросы: почему КПСС потеряла власть и что сделать КПК, чтобы не повторить ошибок КПСС?

По мнению китайских исследователей, кризис в Советском Союзе к середине 1980-х гг. имел системный характер. Социально-экономические преобразования в стране и реформы внутри КПСС были необходимы и, соответственно, абсолютно оправданы. Однако они запоздали и не могли уже решить системные проблемы, связанные с отсутствием доверия общества к власти и разложением внутри партии. Это не позволило преодолеть стагнацию экономики и реформировать систему управления. К тому же ключевое значение имеет ошибочная, по мнению китайцев, политика М. Горбачёва по ослаблению партии и её роли в управлении страной.

Анализ ошибок Советского Союза в перестроечный период, по нашему мнению, полностью или частично способствовал таким шагам китайского руководства, как создание чёткого механизма смены высшего руководства, постоянное «обновление» идеологического курса КПК и проведение резонансных антикоррупционных кампаний. Изучение перестроечного опыта СССР в части недопущения ошибок, приведших к потере Коммунистической партией власти, после прихода к власти Си Цзиньпина переживает новый виток востребованности.

- 1 Габуев А.Т. Гибель старшего брата // Россия в глобальной политике. 2012. № 5. С. 38.
- 2 Артемьева О.С. Китайская пресса о социально-политическом аспекте перестройки в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 1. С. 67.
- 3 Усов В.Н. История КНР. В 2 т. Т. 2: 1966–2004 гг. М.: Восток-Запад, 2006. С. 506, 507, 511.
- 4 Цит. по: Усов В.Н. История КНР... С. 517.
- 5 Цит. по: Артемьева О.С. Китайская пресса о социально-политическом... С. 77.
- 6 Габуев А.Т. Гибель старшего брата... С. 38.
- 7 Усов В.Н. История КНР... С. 513.
- 8 Там же. С. 544.

- 9 Лу Наньцюань. Гээрбацяофу цзинци тичжи гайгэ шибай юй сулянь цзюйбянь = Провал реформы экономической системы Горбачёва и резкие перемены в СССР // Цюши. URL: http://www.qsttheory.cn/special/2012/sujt/ggsk/201204/t20120406_149809.htm (дата обращения: 10.02.2015).
- 10 Габуев А.Т. Китайские советы // Коммерсант-власть. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2584423> (дата обращения: 10.02.2015).
- 11 Shambaugh D. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation. Berkeley: UC Press; Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2008. P. 55.
- 12 Габуев А.Т. Гибель старшего брата... С. 39.
- 13 Shambaugh D. China's Communist Party... P. 56.
- 14 Цит. по Габуев А.Т. Гибель старшего брата... С. 38.
- 15 Там же.
- 16 Цзо Фэнжун. Чжиминдэ цоу: Сулянь дуйвай чжаньлюэдэ яньбянь юй фэнсян = Фатальные ошибки: эволюция и влияние внешней политики СССР. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ. С. 125.
- 17 Габуев А.Т. Гибель старшего брата... С. 41, 42.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Лу Наньцюань, Хуан Вэйдin, Шэн Чжихуа. Шэй паоцилэ цянь Сулянь = Кто разрушил Советский Союз? // Айсысян. URL: <http://www.aisixiang.com/data/48844.html> (дата обращения: 10.02.2015).
- 21 Габуев А.Т. Гибель старшего брата... С. 43.
- 22 Смирнов Д.А. Двадцатилетие поездки Дэн Сяопина на юг Китая: вопросы теории и практики // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 2 / редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: ИВ РАН, 2013. С. 394.
- 23 Цит. по: Галенович Ю.М. Чжао Цзыян и реформы в Китае. М.: СПСЛ, «Русская панорама», 2012. С. 270.
- 24 Лу Наньцюань. Указ. соч.
- 25 Munro N. Democracy postponed: Chinese learning from the Soviet collapse // China aktuell. URL: <http://ssrn.com/abstract=1345959> (дата обращения: 10.02.2015).
- 26 Габуев А.Т. Гибель старшего брата... С. 45.
- 27 Цит. по Галенович Ю.М. Китайские поминки по КПСС и СССР. М.: Восточная книга, 2011. С. 79.
- 28 Shambaugh D. Op. cit.
- 29 См., например, обзорные статьи Ю.М. Галеновича «Китайские поминки по КПСС и СССР (20 лет без СССР и КПСС: К каким выводам пришли в Китае)» (в кн.: Галенович Ю.М. Китайские поминки по КПСС и СССР) и Н.П. Рябченко «Китайские учёные о распаде СССР» (в кн.: Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в странах АТР: политико-экономические, социально-культурные проблемы: материалы междунар. конф. Владивосток: МГУ им. Г.И. Невельского. 2007.)
- 30 Габуев А.Т. Гибель старшего брата... С. 46.
- 31 Wan W. In China, Soviet Union's failure drives decisions on reform // The Washington post. URL: http://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-china-soviet-unions-failure-drives-decisions-on-reform/2013/03/23/9c090012-92ef-11e2-ba5b-550c7abf6384_story.html (дата обращения: 10.02.2015).
- 32 Галенович Ю.М. Китайские поминки по КПСС и СССР... С. 79.
- 33 Liang Chen. Beijing summons thousands of county-level officials to learn the art of ruling // Global Times. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/904046.shtml> (дата обращения: 10.02.2015).
- 34 Ibid.
- 35 С кем придётся работать-то? URL: <http://code-noname.livejournal.com/517522.html> (дата обращения: 10.02.2015).

УДК 002.5 (092) (73)

Т.С. ШУГАЙЛО

ОПЫТ ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР: ВЗГЛЯД РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕРИОДИКИ В АМЕРИКЕ (1985–1989 гг.)

В статье анализируются материалы русской эмигрантской прессы в США, посвящённые процессам перестройки в СССР в контексте международных взаимоотношений с Америкой в период 1985–1989 гг. Автор рассматривает публикации газет «Новое русское слово», «Русская жизнь» и «Русский голос», отражавших широкий спектр политических взглядов представителей русской общины в Соединённых Штатах.

Ключевые слова: русская эмиграция, США, СССР, русская эмигрантская пресса, перестройка, М.С. Горбачёв, Б.Н. Ельцин.

Период перестройки, сложный и переломный этап в истории СССР, получил самые противоречивые оценки у современников как внутри страны, так и за рубежом. Радикальные реформы, произошедшие в это время в политической и социально-экономической сферах советского государства, смена курса его внешней политики привели к изменению геополитической картины в Европе, да и во всем мире в целом. Представители русской эмигрантской диаспоры в Америке пристально наблюдали за этими процессами, происходившими на исторической родине. В данной статье мы рассмотрим, как менялись их политические взгляды по отношению к СССР и советскому лидеру М.С. Горбачёву, отражавшиеся на страницах старейших русскоязычных эмигрантских газет – либерально-демократического «Нового русского слова», «Русской жизни», позиционировавшей себя как русское национальное внепартийное издание, и коммунистического «Русского голоса».

Свой анализ мы начнём с антикоммунистических изданий, отражавших взгляды широкой аудитории русской диаспоры, которая изначально довольно негативно и настороженно воспринимала всё происходящее в СССР и большей частью разделяла позиции правительства США. Реакция этих газет на появление в Советском Союзе политического лидера нового типа и на его действия была неоднозначной. С одной стороны, они отнеслись положительно к стремлению М.С. Горбачёва провести внутриэкономические преобразования в СССР, публиковали восторженные высказывания известных западных деятелей, на которых советский генсек произвёл благоприятное впечатление. С другой – в СМИ появлялись и крайне негативные оценки личности М.С. Горбачёва и избранного им курса. Некоторые публицисты по-прежнему не верили в возможность существенных изменений в СССР при коммунистической власти, считая, что правительство вместо конкретных реформ ограничится «полумерами», или воспринимали проводимые преобразования как временное явление¹.

Вслед за настроениями американского общества в «Русской жизни» звучали идеи сдерживания коммунизма, распространённые в США с начала холодной войны². Невзирая на решение XXVII съезда КПСС о новом направлении внешней политики, газета воспринимала Горбачёва как последователя «вероломной» стратегии коммунистических вождей – Сталина, Хрущёва, Брежнева. Советского лидера называли «главным поджигателем всех войн на земле»³.

Определённая положительная динамика в оценке СССР и его руководителя наметилась на страницах «Русской жизни» в 1987 г. во время саммита глав сверхдержав в Вашингтоне, на котором был подписан договор об уничтожении ракет средней и малой дальности (РСМД)⁴. Хотя в этот период в газете продолжали встречаться обвинения советского государства в агрессии и нарушениях международных договоров, в то же время высказывались и надежды на расширение советско-американского диалога⁵.

Несколько иные политические настроения среди российских эмигрантов в Америке проявлялись в либерально-демократическом «Новом русском слове», в котором, в отличие от «Русской жизни», происходили лишь слабые и достаточно противоречивые позитивные сдвиги в отношении к советскому государству. Издание признавало факт перемен в международной политике и идеологии СССР под руководством М.С. Горбачёва и «колоссальные жертвы», на которые пошёл советский лидер ради заключения договора о РСМД. Но в то же время газета считала его речи неискренними, а уступки западу – вынужденными, сделанными ради возможности восстановления разрушенной экономики страны⁶. В большинстве материалов «Русской жизни» 1986–1987 гг., посвящённых проблемам внутреннего развития СССР, в адрес советского лидера продолжали звучать обвинения в том, что он проводил лишь ограниченные, «куцые» социально-экономические реформы, не выходя за рамки «марксистско-ленинской централизованной системы». В целом поддерживая идеи экономических преобразований перестройки, предложенные Горбачёвым на Пленуме ЦК КПСС в июне 1987 г., журналисты «Русской жизни» были единодушны во мнении, что наладить рыночные отношения в СССР не удастся при сохранении «тоталитарного» коммунистического строя⁷.

В 1986–1987 гг. антикоммунистические эмигрантские газеты оценивали внутренние преобразования в СССР двояко. Многие публицисты «Русской жизни» не увидели фактов либерализации хозяйственной и общественной жизни страны⁸. Ряд авторов не оценил предложенную Горбачёвым на Пленуме ЦК в январе 1987 г. идею введения прямых и альтернативных политических выборов под общественным контролем⁹. Другие же, напротив, сообщали о положительных сдвигах в жизни советского общества при Горбачёве, и количество подобных материалов в 1987 г. заметно увеличилось. Некоторые писали о прекращении нападок «воинствующего атеизма» на православие, о неслыханном «омоложении» кадрового состава партии, об ослаблении идеологического контроля¹⁰.

Определённое влияние на формирование образа СССР в антикоммунистических эмигрантских изданиях в Америке оказала произошедшая 26 апреля 1986 г. страшная авария на Чернобыльской АЭС. Тот факт, что М.С. Горбачёв объявил о катастрофе только спустя 17 дней после взрыва реактора, не изменил одобрительного отношения к нему со стороны западной прессы, не осознававшей размаха трагедии¹¹. Авторы «Русской жизни»,

напротив, полную ответственность за неё возлагали на коммунистическую систему и советскую власть, которую также осуждали за длительное замалчивание информации о произошедшем¹².

Резко отличалась от антисоветских изданий пресса, настроенная прокоммунистически, в частности – эмигрантская газета «Русский голос», представлявшая мнение менее значительной части русской диаспоры. На фоне антисоветской риторики «Русской жизни» и «Нового русского слова» она априори поддерживала М. Горбачёва во всех начинаниях. Газета позитивно восприняла планы социально-экономического ускорения Советского Союза, озвученные на Пленуме ЦК КПСС в апреле 1985 г., и идею демократизации общественно-политической жизни страны, провозглашённую в 1987 г.¹³ Надо сказать, что в отличие от антикоммунистических изданий газета не считала необходимым для СССР изменение самой советской системы, предполагая лишь борьбу с её недостатками¹⁴.

«Русский голос», положительно представляя Советский Союз в своих материалах на протяжении всего периода издания, не был объективен в оценке определённых событий, способных бросить тень на международный имидж страны. Так, освещая Чернобыльскую трагедию, он вслед за прессой СССР игнорировал масштабные последствия катастрофы и вовсе не акцентировал внимание на том факте, что М.С. Горбачёв известил мир о ядерной аварии лишь спустя длительный промежуток времени¹⁵.

Во второй половине 1980-х гг. «Русский голос» продолжал выступать за укрепление дружественных советско-американских взаимоотношений, при этом поддерживая все инициативы СССР¹⁶. Традиционно представляя Советский Союз государством-миротворцем, в противовес издание создавало отрицательный образ Соединённых Штатов – страны, не желавшей совершать ответные шаги к созданию безъядерного мира, «взвинчивавшей гонку вооружений»¹⁷. Справедливости ради надо сказать, что США на протяжении 1986–1988 гг., несмотря на упорное стремление Горбачёва к ядерному разоружению и его уступки во внешней политике, предприняли ряд провокационных мер по отношению к СССР. Например, в марте 1987 г. американская сторона не пожелала, чтобы Советский Союз был допущен в главные международные экономические институты, и т.д.¹⁸

В 1988 г. произошли события, которые оказали определённое воздействие на изменение образа СССР в представлениях авторов «Русской жизни», – Женевское соглашение о выводе советских войск из Афганистана (14 апреля), советско-американский саммит в Москве (29 мая – 2 июня) и, в особенности, выступление М.С. Горбачёва перед Генеральной ассамблеей ООН в Нью-Йорке 8 декабря. Эта судьбоносная речь, в которой генсек КПСС озвучил идеи «нового политического мышления» и пообещал провести в одностороннем порядке сокращение вооружений и воинского контингента, потрясла западное общество и произвела впечатление на журналистов «Русской жизни». В этот период на её страницах увеличилось количество положительных материалов о Советском Союзе и его лидере¹⁹. Однако в 1988 г. сохранялись и прежние антисоветские публикации, авторы которых призывали американское руководство остерегаться СССР²⁰.

Позиция же «Нового русского слова» по отношению к Советскому Союзу и его руководителю в 1988 г., в отличие от «Русской жизни», не менялась и

оставалась негативной. Журналист Ю. Мейер представлял Горбачёва на московском саммите в роли просителя, намеревавшегося обратиться к Рейгану за поддержкой. Как считал публицист, нормализация отношений сверхдержав и разоружение генсеку были необходимы, чтобы вытащить ослабевшую страну из «экономической трясины»²¹.

На фоне ухудшавшейся ситуации в экономике СССР журналисты эмигрантских газет сомневались в правильности выбранного внутривластного курса и потенциале Горбачёва как реформатора. По мнению Ю. Мейера, получивший коммунистическое воспитание Горбачёв не был способен до конца понять законы рыночной экономики. Для того чтобы совершить задуманные экономические реформы, ему следовало командировать миллионы промышленников и аппаратчиков на обучение в западные страны. «Скорее всего, второй раунд поединка под громким названием «перестройка», закончится для него [Горбачёва] поражением», – прозорливо предвещал Мейер в завершении статьи²².

Надо сказать, что помимо критических оценок перестройки на страницах «Русской жизни» и «Нового русского слова» с 1987 г. наблюдалась и определённая позитивная динамика в восприятии внутренней политики СССР. Особенно отчётливо эта тенденция проявилась в 1988 г. в «Русской жизни». В ней чаще встречались материалы, авторы которых замечали процессы либерализации в общественно-политической жизни Советского Союза²³, в то время как в большинстве статей «Нового русского слова» выражалось сомнение в возможности демократизации страны и активно публиковались обращения советских диссидентов, писавших об ограничениях, создаваемых в СССР для еврейской эмиграции²⁴.

Положительная тенденция в отношении к советской внешней политике наблюдалась на страницах «Русской жизни» и в 1989 г. Журналисты, как правило, признавали факт кардинальных перемен в международной деятельности СССР. Один из материалов был посвящён выступлению советолога Дж. Кеннана, заявившего об окончании холодной войны²⁵. Газета оценила договорённость советского и американского лидеров в период встречи на Мальте о том, чтобы стремиться к подписанию в 1990 г. соглашения о радикальном сокращении обычных вооружений в Европе и ядерных арсеналов²⁶.

Но в то же время на протяжении 1989 г. в «Русской жизни» встречались и негативные публикации, авторы которых представляли Советский Союз как противника Америки с превосходящей военной мощью²⁷. Такие материалы отражали настроения американской политической элиты, продолжавшей считать СССР военной угрозой для США²⁸. И это несмотря на колоссальные уступки Горбачёва и его односторонние шаги по разоружению, порой не соответствовавшие национальным российским интересам²⁹.

Противоречиво газета восприняла известие об экономической помощи, предложенной Советскому Союзу американским президентом. Являясь изданием антисоветским, «Русская жизнь» тем не менее в 1980-е гг. настроенно относилась к Западу как к возможному противнику и конкуренту будущей России. Ещё в 1987 г. в ряде материалов газета делала вывод о незаинтересованности капиталистических держав в появлении сильного единого российского государства после крушения коммунизма в СССР. «Америка не хочет строить капитализм в СССР, ибо для неё это невыгодно – тогда СССР

превратится в Россию и расцветёт так, что Америке станет душно», – писал Н. Петлин³⁰. В 1989 г. он рекомендовал Горбачёву не рассчитывать на экономическую поддержку США и западных стран³¹.

«Новое русское слово» в 1989 г. по-прежнему критиковало западный мир и американских политиков за симпатии к советскому лидеру, а сближение сверхдержав расценивало как «недальновидный период “подкармливания медведя пирожными”»³².

В 1989 г. на пике политики перестройки эмигрантские антикоммунистические издания в Америке констатировали ухудшение социально-экономического положения в СССР и всё чаще выступали с критикой курса Горбачева. Так, Н. Петлин сожалел, что советский генсек выбрал «скользкий путь примиренчества, частичного ограничения партийной власти» вместо того, чтобы отречься от КПСС и возглавить народную революцию против коммунизма³³. «Русская жизнь» укрепила в своём недоверии к внутривнутриполитической линии перестройки после избрания М.С. Горбачёва Председателем Верховного Совета СССР. «В переживаемый момент в Советском Союзе партия и власть лишь создают видимость демократизации страны под полным контролем партии. Создание “народного” Конгресса, “народного” Верховного Совета, как и ожидалось, вылилось в “потёмкинские деревни”. Даже такой верный коммунист, как Борис Ельцин, открыто обвинил М.С. Горбачёва в захвате власти и установлении диктатуры», – писал в этот период Н. Петлин³⁴.

Надо сказать, что в 1989 г. народный депутат СССР Б.Н. Ельцин, набиравший политический вес, всё больше привлекал внимание «Русской жизни». Издание представляло его как «сибиряка с твёрдой волей и упрямым характером, не побоявшегося выступить против партийных лидеров»³⁵. «Новое русское слово», несмотря на политический курс гласности и реформ, неоднократно называла Советский Союз тоталитарным государством, в котором в будущем возможно возрождение культа личности³⁶. В 1989 г. обе газеты опасались, как бы представители консервативного лагеря в СССР не одолели М.С. Горбачёва так же, как когда-то Н.С. Хрущёва³⁷. «Новое русское слово» приводило на своих страницах высказывания лондонского журналиста Э. Луи, прогнозировавшего скорую отставку Горбачёва, в результате которой последует экономическая катастрофа в СССР и новый виток холодной войны³⁸.

Перестройка начала расшатывать стереотипы образа России, сформировавшиеся в представлениях антикоммунистически настроенной русской эмиграции в Америке в период холодной войны: были благодушно восприняты внешнеполитические шаги советского лидера, связанные со стремлением к разоружению и установлению конструктивного диалога с США, стали по-другому, более лояльно, оцениваться преобразования в общественно-политической и экономической сферах. Однако продолжали звучать и негативные установки по отношению к СССР, выработанные в результате многолетнего противостояния между сверхдержавами, которые невозможно было изжить за короткий промежуток времени.

Позитивные метаморфозы в восприятии Советского Союза в антикоммунистической газете «Русская жизнь» прослеживались отчётливей, тогда как в «Новом русском слове» мы наблюдали лишь слабые и фрагментарные положительные сдвиги и в целом настороженное отношение к реформам М.С. Горбачёва и его внешней политике.

Коммунистическая газета «Русский голос» на протяжении второй половины 1980-х гг., как и в предыдущие десятилетия, не изменила своего позитивного отношения к СССР. Издание поддерживало все внутривнутриполитические и экономические преобразования советского лидера и его действия на международной арене. В отличие от антикоммунистических газет, «Русский голос» не считал необходимым радикально отказываться от коммунистической системы. Подмечая ряд достоинств советской международной политики того времени и создавая позитивный образ Горбачёва, газета в то же время критически не осмысливала внешнеполитическую деятельность советского государства, вслед за прессой СССР избегала негативных точек зрения на действия КПСС. Эта позиция в полной мере проявилась при анализе событий Чернобыльской трагедии. С другой стороны, некоторые моменты международной политики журналисты «Русского голоса» освещали более правдоподобно, например, провокационные действия США против Советского Союза в 1986–1988 гг.

-
- 1 В.К. Возможны ли перемены в Кремле? // Русская жизнь. 1985. № 10504. 28 марта. С. 3.
 - 2 Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир: Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический проект, 2005. С. 430–431.
 - 3 С-ий А. Проявит ли Рейган решительность? // Русская жизнь. 1986. № 10876, 10 окт. С. 3; Он же. Слава президенту Рейгану! // Русская жизнь. 1986. № 10880. 17 окт. С. 3.
 - 4 Соглашение должно быть подписано сегодня // Русская жизнь. 1987. № 11140. 9 дек. С. 1.
 - 5 М.П. Пшик // Русская жизнь. 1987. № 11143. 12 дек. 1987. С. 4.
 - 6 Семёнов А. Опасность утраты исторической перспективы // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1988. № 27609. 6 янв. С. 3.
 - 7 Горбачёв требует экономических реформ // Русская жизнь. 1987. № 11051. 30 июня. С. 3; Поляков О. Двадцать седьмой съезд КПСС – первые впечатления // Русская жизнь. 1987. № 10761. 26 марта. С. 3, 5.

- 8 Поляков О. Двадцать седьмой съезд...
- 9 Горбачёв выступает за демократию // Русская жизнь. 1987. № 10946. 29 янв. С. 2.
- 10 С-ий А. Гласность // Русская жизнь. 1987. № 10947. 30 янв. С. 3.
- 11 Рукавишников В.О. Холодная война... С. 509.
- 12 Бровцын Б. Пора покончить с советским правительством // Русская жизнь. 1987. № 10792. 9 мая. С. 3.
- 13 Пленум ЦК КПСС // Русский голос. Нью-Йорк. 1987. № 17801. 12 февр. С. 1, 2.
- 14 Гуринов А. В центре внимания – перестройка в СССР // Русский голос. 1987. № 17823. 16 июля. С. 3.
- 15 Обстановка под контролем // Русский голос. 1986. № 17765, 15 мая. С. 1, 3.
- 16 Генеральная Ассамблея: положительный итог // Русский голос. 1986. № 17746. 2 янв. С. 1.
- 17 Гэс Х. С надеждой на улучшение отношений // Русский голос. 1986. № 17756. 13 март. С. 4.
- 18 Брутенц К. Происхождение нового мышления // Свободная мысль – XXI. М., 2004. № 8 (1546). С. 21–22.
- 19 Мнение о Горбачёве и Рейгане // Русская жизнь. 1988. № 11250. 19 мая. С. 3.
- 20 Мейер Ю. В поисках твёрдой линии // Русская жизнь. 1988. № 11261. 4 июня. С. 3–4.
- 21 Мейер Ю. Размышления у Кремлёвского подъезда // Новое русское слово. 1988. № 27746. 14 июня. С. 4.
- 22 Мейер Ю. Цена и судьба первой победы Горбачёва // Новое русское слово. 1988. № 27852. 15 окт. С. 3.
- 23 Советская сатира // Русская жизнь. 1988. № 11227. 16 апр. С. 8.
- 24 Обращение советских отказниц // Новое русское слово. 1988. № 27643. 14 февр. С. 1.
- 25 Американский советолог утверждает, что с холодной войной покончено // Русская жизнь. 1989. № 11437. 18 март. С. 2.
- 26 Президенты стремятся к согласию // Русская жизнь. 1989. № 11597. 5 дек. С. 1.
- 27 Каким образом советская военная мощь снижает обороты // Русская жизнь. 1989. № 11591. 25 нояб. С. 6.
- 28 Брутенц К. Происхождение нового мышления... С. 29.
- 29 Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 г. М.: РОС-СПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 222; Рукавишников В.О. Холодная война... С. 527.
- 30 Историческая встреча // Русская жизнь. 1987. № 11138. 5 дек. С. 3.
- 31 Петлин Н. Год кризиса // Русская жизнь. 1989. № 11542. 15 сент. С. 3.
- 32 Образцов В. Конец кровавой эпопеи // Новое русское слово. 1989. № 27947. 6 февр. С. 2.
- 33 Петлин Н. Год кризиса...
- 34 Петлин Н. События // Русская жизнь. 1989. № 11492. 7 июня. С. 3.
- 35 Петлин Н. Выборы в СССР // Русская жизнь. 1989. № 11447. 1 апр. С. 3.
- 36 Межирицкий П. Государственный строй: деспотия // Новое русское слово. 1988. № 27987. 24 марта. С. 4–5.
- 37 День рождения Никиты Хрущёва // Русская жизнь. 1989. № 11458. 18 апр. С. 1; Дискуссия о правах человека в СССР // Новое русское слово. 1989. № 27947. 6 февр. С. 3.
- 38 Катастрофическое состояние советской экономики // Новое русское слово. 1989. № 27939. 27 янв. С. 1.

УДК 339.924

Д.А. ИЗOTOB

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА С КИТАЕМ: ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Рассматриваются этапы экономических отношений Дальнего Востока с КНР за последние три десятилетия. Показано, что с точки зрения взаимодействия с внешним миром экономика региона развивалась следующим образом: замкнутость – открытость – ограниченная открытость. Определены качественные и количественные изменения в экономическом сотрудничестве Дальнего Востока и Китая.

Ключевые слова: Дальний Восток, КНР, экспорт, импорт, инвестиции, сотрудничество.

Для Дальнего Востока условия и интенсивность взаимодействия с приграничными странами Северо-Восточной Азии с XIX в. по наше время являлись и являются значимыми факторами регионального экономического развития. Взаимодействие с Китаем в целом и с северо-восточными провинциями в частности играет как для национальной, так и для региональной экономик РФ особую роль по причине наличия протяженной сухопутной границы и некогда единой транспортной инфраструктуры, а также в связи с широко обсуждаемой концепцией взаимозависимости двух экономических систем.

В последние годы заинтересованность российской стороны в дальнейшем развитии и углублении стратегического партнёрства с КНР, координации совместных действий в решении всего спектра актуальных региональных проблем не только в Восточной Азии, но и за её пределами заметно усилилась. При этом наблюдаемая на протяжении более чем десяти лет положительная динамика развития двусторонних экономических и политических отношений создаёт прочную базу для дальнейшего сотрудничества и эффективного решения возникающих в его ходе различных проблем.

Однако ещё три десятилетия назад ситуация выглядела диаметрально противоположным образом. Политическая конфронтация КНР и СССР (1960–1970-е гг.) способствовала тому, что к первой половине 1980-х гг. в промышленном комплексе данных стран возобладала оборонная компонента, а внутренняя хозяйственная замкнутость двух государств и возникшие между ними острые политические разногласия обусловили лишь минимальное экономическое взаимодействие сопредельных территорий. И хотя экономические связи между Китаем и Дальним Востоком СССР восстановили к 1983 г.¹, экономика северо-восточных провинций КНР была уже изолирована от юга дальневосточных территорий и крепко связана с китайским

хозяйством и внешним рынком через порты Бохайского залива. Нельзя не отметить, что экономические реформы в КНР не распространялись на северо-восточные провинции так же полномасштабно, как и на приморские регионы. Экономика Северо-Востока Китая специализировалась на выпуске продукции тяжёлой промышленности и ВПК, сырьевых товаров.

Если говорить о советских дальневосточных территориях, то отраслям их сырьевой специализации было присуще чрезвычайно слабое развитие обрабатывающих производств. Практически отсутствовала металлургическая переработка руд цветных металлов, были незначительны объёмы переработки рыбы, узок ассортимент морепродуктов, слабо была развита переработка древесины. Важной особенностью структуры экономики Дальнего Востока являлась также большая зависимость её от оборонных производств и в целом от масштабов военных и военно-морских баз и гарнизонов².

В надежду китайского руководства превратить Северо-Восток КНР, вероятно, соотносимый по масштабам с приморскими регионами, в один из полюсов роста национальной экономики за счёт интенсификации внешней торговли с советскими приграничными территориями реальность внесла свои коррективы. К концу 1980-х гг. на фоне ухудшения общеэкономической ситуации в СССР и смены политических парадигм её развития возможности эффективного проведения прежней политики гарантированной государственной поддержки Дальнего Востока были практически исчерпаны. По мере накопления политических и экономических проблем в Советском Союзе, а также с последующим распадом единого государства в регионе стала наблюдаться тенденция к угасанию экономической активности.

Современная история развития российско-китайских торгово-экономических отношений на Дальнем Востоке берёт своё начало в 1991 г., когда в соответствии с Указом Президента РСФСР «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» были сняты последние существовавшие ограничения на выход российских предприятий и организаций на внешний рынок. Результатом данного шага стал резкий рост количества участников внешнеторговой деятельности, а также объёмов международной торговли, в особенности на сопредельных с зарубежными странами территориях. Значительный спрос, вызванный наличием на российской территории длительного дефицита большого числа товаров, выступил одним из ключевых движущих факторов расширения объёмов двусторонних экспортно-импортных операций.

В 1990-х гг. начался процесс переориентации экономических связей Дальнего Востока с внутренних районов бывшего СССР на тихоокеанское направление. Следует добавить, что внешнеэкономические связи региона и ранее были ориентированы преимущественно на рынки Северо-Восточной Азии. Уже в 1980 г. на долю данной группы государств приходилось 51,5% дальневосточного экспорта. Но начало радикальной экономической реформы придало новый импульс тенденции расширения внешнеторгового сотрудничества Дальнего Востока со странами СВА, не последнюю роль среди которых играла КНР.

В середине 1990-х гг. экономика юга Дальнего Востока сокращалась за счёт уменьшения оборонных производств и кризиса неплатежей, в то

время как ресурсный сектор не только выжил, но и увеличил поставки за рубеж. В итоге приграничные территории региона вернулись к немного изменённой* модели хозяйствования, заложенной в начале XX в. В свою очередь, сверхдоходы, получаемые компаниями КНР от приграничной торговли с РФ, дали толчок бурному развитию китайских приграничных городов и посёлков³.

Быстрый рост двустороннего торгового оборота с начала 1990-х гг. позволил Китаю прочно войти в тройку крупнейших внешнеторговых партнёров Дальнего Востока России. В 1992 г. КНР принадлежало 27,3% общего объёма дальневосточного экспорта и 47,5% импорта (рис.1).

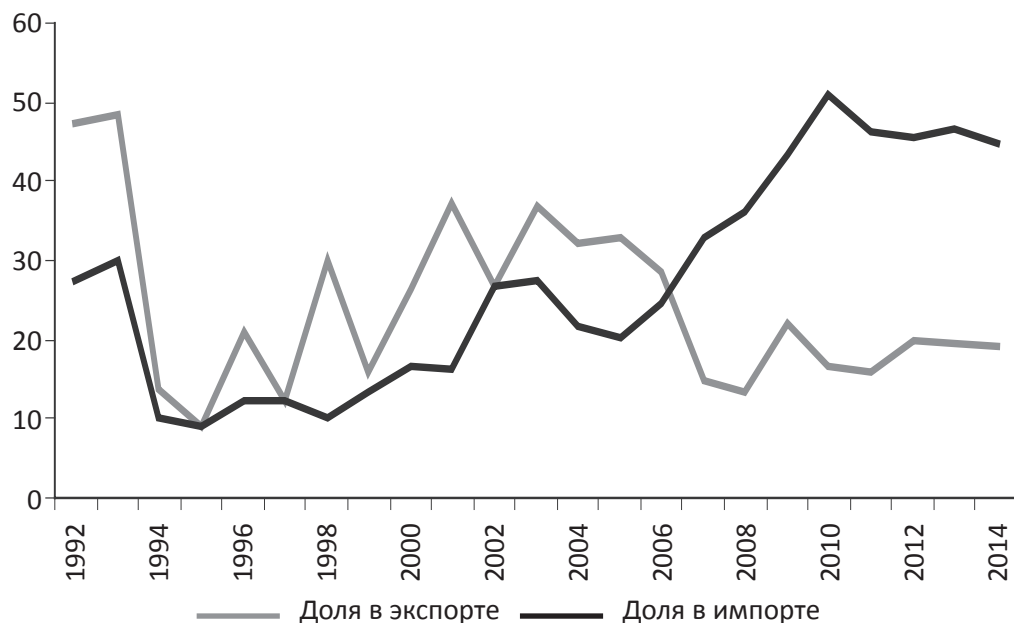

Рис.1. Доля Китая в экспорте и импорте товаров Дальнего Востока.

Источник: рассчитано по таможенной статистике Дальнего Востока.

Кратковременный период бесконтрольных региональных экономических связей с Китаем в 1990–1993 гг. при всей их неупорядоченности в условиях глубокого экономического кризиса в России, разрыва хозяйственных связей между Дальним Востоком и остальной территорией страны, кризисного состояния внутреннего рынка не только стал средством выживания населения, но и способствовал существенному росту двусторонней торговли. Быстрое увеличение торгово-экономических связей территорий Дальнего Востока с КНР в начале 1990-х гг. привело к тому, что внутренний рынок ряда краёв и областей региона оказался в значительной степени связан с соседними китайскими провинциями. Так, в 1993 г. доля КНР во внешнеторговом обороте Еврейской автономной и Амурской областей достигала 94,6% и 92% соответственно, а в более развитых в промышленном отношении Хабаровском и Приморском краях она приближалась к 48%⁴.

* Практически без сельскохозяйственного производства и с большим количеством убыточных предприятий.

В условиях ограниченности финансовых ресурсов, высокого уровня инфляции, отсутствия информации о соотношении цен на сопредельных территориях и неразвитости механизмов международных расчётов преимущественной формой двусторонней торговли стал бартерный обмен. Причём инициатива в его развитии в значительной степени принадлежала компаниям КНР, которые предлагали на обмен традиционные товары китайского экспорта. Тем не менее была возможность значительного увеличения экспорта в Китай ряда товаров инвестиционного и промежуточного спроса, как производимых на территории Дальнего Востока, так и вывозимых из других регионов России. Последнее обстоятельство было особенно актуальным для многих дальневосточных предприятий, для которых в условиях резкого сокращения внутреннего спроса на их продукцию и ограниченных возможностей выхода на рынки промышленно развитых стран экспорт в Китай стал одной из возможностей продления срока существования.

Характерной особенностью внешнеторговой деятельности многих предприятий и нарождающегося предпринимательского сектора Дальнего Востока в этот период было несоответствие между производимой и экспортируемой продукцией. Поскольку производимая ими продукция не представляла интереса на внешних рынках, в структуре экспорта Дальнего Востока стали преобладать товары, завозившиеся из других регионов, а также сырьевая продукция низкой степени обработки. Другой особенностью двусторонней торговли между сопредельными территориями России и Китая в течение 1990-х гг. стал значительный разрыв между объёмами зарегистрированной и реальной коммерческой деятельности. Вероятно, настоящие темпы роста товарооборота региона с КНР были в 2–3 раза выше, чем с другими странами⁵.

Вторая половина 1990-х гг. характеризовалась отсутствием стабильности в торговле между Дальним Востоком и Китаем. Эпизодический рост торгового оборота в этот период достигался исключительно за счёт разовых поставок в КНР военной техники, а также наличия в регионе природных ресурсов, представляющих интерес для китайской стороны. Сокращение темпов роста импорта из КНР происходило вследствие усилившейся конкуренции импортных товаров из других стран. Нельзя не отметить, что наличие ёмкого рынка сбыта, которым является Китай, в условиях финансового кризиса в России в 1998 г. позволило дальневосточному региону, особенно южной его части, существенно нарастить экспорт в КНР, увеличив тем самым валютную выручку предприятий Дальнего Востока.

В 2000-е гг. на четыре укрупнённые товарные группы – продукцию топливно-энергетического комплекса (ТЭК), металлы, лесотовары и рыбопродукцию – приходилось порядка 80% стоимости дальневосточного экспорта. В связи с ростом цен на энергоносители с 2002 г., а также со вводом на проектную мощность нефтегазовых проектов Сахалинской области произошло наращивание стоимостных объёмов продукции ТЭК в экспорте региона. Тем не менее Китай по-прежнему является крупнейшим покупателем дальневосточной лесной продукции, доля которой постепенно сокращается. Осуществление Программы поддержки национальной экономики КНР в условиях мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. позволило Дальнему Востоку нарастить экспортные поставки сырьевых товаров в эту страну.

В 2000-е гг. наращивался также импорт из КНР на Дальний Восток. Это произошло за счёт массового выпуска товаров ведущих компаний мира на территории Китая с целью экспорта в прочие государства, в число которых входит Россия. Поэтому в конце 2000-х гг. (за исключением 2009 г.) Дальний Восток имел отрицательное сальдо торгового баланса с КНР. По мере поставок в Китай продукции ТЭК сальдо внешнеторгового баланса региона с КНР стало принимать положительные значения. В 2013 г. наблюдалось сближение значений экспорта и импорта в/из КНР (5,85 и 5,63 млрд долл. соответственно). В 2014 г. в связи с девальвацией рубля и снижением мировых цен на нефть происходит сокращение как экспорта (5,4 млрд долл.), так и импорта из КНР (4,7 млрд долл.).

Что касается инвестиционного сотрудничества с Китаем, то оно не отличается динамичным развитием. Хотя КНР остаётся лидером по количеству создаваемых на Дальнем Востоке предприятий с иностранными инвестициями, по общему объёму вложенных в экономику региона средств он занимает одно из последних мест среди иностранных государств-инвесторов. В общем объёме иностранных инвестиций Дальнего Востока доля КНР в течение 1990–2000-х гг. не превышала 1%. В целом предприятия с китайским капиталом характеризуются небольшим размером, незначительными вложениями в основные фонды, преимущественным использованием китайской рабочей силы. Основными видами деятельности, привлекательными для инвесторов из КНР, остаются оптовая и розничная торговля, общественное питание, а также создание мелких производств в сфере добычи и первичной обработки древесины. Кроме того в последние годы усилилась активность китайской стороны в области приобретения прав на геологическую разведку и разработку российских месторождений полезных ископаемых. Власти северо-восточных провинций КНР стараются представить близость к российскому рынку и ресурсам в качестве своего конкурентного преимущества для привлечения в собственную экономику капиталов из приморских провинций, а также Гонконга и прочих стран.

Бурное развитие двусторонней торговли позволило как российским, так и китайским исследователям выдвинуть тезис о взаимодополняемости двух экономик и благоприятных перспективах экономического сотрудничества РФ и КНР⁶. В частности, предлагается интегрировать регион в АТР через втягивание Китая в экономику Дальнего Востока. С этой позиции, ускоренное развитие отношений с КНР могло бы не только поддержать традиционные отрасли специализации Дальнего Востока, но и создать новые перспективные производства; возможно также придание новых импульсов развитию сельского хозяйства и некоторых подотраслей машиностроения. Высказываются мнения, что более активное привлечение и использование китайской рабочей силы в регионе, освобождённое от административных ограничений, способствовало бы подъёму сельскохозяйственного производства и лёгкой промышленности, а также решению ряда острых социальных проблем, что в конечном счёте могло бы создать более благоприятные условия для закрепления на Дальнем Востоке населения и привлечения его из других территорий РФ⁷.

В последние годы Россия стала наращивать инфраструктуру экспорта углеводородного сырья на рынки стран Восточной Азии, прежде всего – Китая. Наблюдается привлечение прямых иностранных инвестиций в проекты по добыче и первичной переработке природных ресурсов на территории Дальнего Востока с последующим экспортом в США. Необходимо отметить разработку углеводородов на территории Сахалинской области, создание Дальневосточного металлургического комбината на территории Амурской области и ЕАО, разработку газовых месторождений Якутии, наращивание угледобычи в Сахалинской области и Якутии, создание совместных предприятий по деревообработке в ЕАО и Хабаровском крае.

Поскольку и российская, и китайская стороны преследуют во многом схожие цели в плане придания ускоренного экономического развития своим приграничным регионам (Россия – восточным, а Китай – северо-восточным), руководства двух стран в 2009 г. решили скоординировать усилия в этом направлении, что было отражено в «Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.»⁸. По большому счёту, указанная Программа представляет собой перечень инвестиционных проектов и объектов, нуждающихся в капиталовложениях, а также мероприятий организационного характера, которые формально могут способствовать развитию двустороннего сотрудничества.

В Программе представлены две группы инвестиционных проектов. Во-первых, это возведение объектов транспортной инфраструктуры, а также пунктов пропуска, отражённые в основном тексте документа, реализация которых запланирована за счёт бюджетных средств как в России, так и в КНР. Во-вторых, перечень ключевых проектов сотрудничества, зафиксированный в единственном приложении Программы, который направлен на поиск инвесторов в рамках двух стран. Ключевые проекты Программы диспропорциональны с точки зрения отраслевой структуры: в восточных регионах РФ представлена в основном добыча и первичная переработка природных ресурсов, на Северо-Востоке КНР – создание производств для выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью. Как показал анализ, для реализации всех ключевых проектов в нашей стране требуется, как минимум, в четыре раза больше средств, чем для китайских программных инициатив из-за локализации на российской территории крупных месторождений, требующих значительных капиталовложений.

В ходе реализации Программы на организационном уровне было замечено следующее: стремление сторон выделить группу проектов, которые с наибольшей степенью вероятности можно было бы реализовать с созданием совместного инвестиционного фонда; исключение российской стороной из числа приоритетных проектов крупнейших месторождений востока РФ; приверженность сторон к созданию равных конкурентных условий в реализации проектов Программы для любых иностранных инвесторов; расширение перечня ключевых проектов на российской территории. Также отчётливо проявилось разное видение у РФ и КНР результатов реализации Программы. Для китайской стороны интерес представляют географическая диверсификация поставок сырьевых товаров и сбыт готовой продукции на российском рынке, для российской – привлечение капиталов в глубокую переработку сырья на территории востока РФ⁹.

Однако на сегодняшний день в северо-восточных провинциях КНР, в отличие от Китая в целом, испытывают всё меньше иллюзий относительно перспектив приграничного сотрудничества с Россией, чему есть одна достаточно веская причина. В приграничных городах КНР в основном реализуется продукция из южных провинций страны, а в последнее время «набирают обороты» прямые поставки товаров с юга Китая в восточные регионы России, исключаящие из этой схемы посредников из северо-восточных провинций. Этот фактор наряду с ужесточением таможенного прохождения товаров из КНР отрицательно воздействует на развитие приграничных с Россией китайских городов. Иначе говоря, российско-китайское приграничное сотрудничество сокращается за счёт сетевых взаимодействий российских и китайских фирм. Также для КНР в целом российский Дальний Восток не является ёмким рынком для сбыта продукции. Основным рынком выступают западные регионы РФ.

Немаловажной является различная полнота полномочий местных органов власти в России и Китае. Несмотря на то, что РФ в 2003 г. присоединилась к рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве, её муниципальные образования до сих пор не наделены реальными правами на участие в этой деятельности.

Необходимо отметить, что минувшие три десятилетия для России стали одними из самых драматичных за всю историю её существования. Казалось, что программа реформ, обозначенная в СССР в 1985 г. лозунгом «ускорения социально-экономического развития страны», т.е. ускорения на основе эффективного использования достижений научно-технического прогресса, активизации человеческого фактора и изменения порядка планирования (т.н. перестройка), способна была придать советской экономике новый положительный вектор развития. Однако, ввиду явного неучёта политических и прочих рисков, механизм демонтажа партийной власти в СССР привёл к распаду страны и огромным социальным и экономическим потерям. Безусловно, можно спорить о том, действительно ли было возможным, опираясь на произнесённые и реализуемые затем М. Горбачёвым идеи перестройки экономики и общества СССР, добиться чего-то принципиально иного, чем распад государства, однако Китай, начав реформы в более плохих условиях, превратился во вторую экономику мира, а по паритету покупательной способности – в первую.

На экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока с КНР в рамках последних трёх десятилетий оказали влияние и распад СССР, и затяжной экономический кризис эпохи Б. Ельцина, и возврат к модели сырьевой экспортной специализации с опорой на централизованные инвестиции 2000-х гг. Принципиального качественного улучшения экспорта на Дальнем Востоке за последние 30 лет не произошло. В регионе так же, как и в России в целом, за последние десятилетия не было сформировано производственно-предпринимательского сектора, способного получать соотносительный с ведущими странами мира экономический выигрыш от соседства как с конкурентными рынками Восточной Азии в целом, так и Китая в частности. В данном случае речь идёт о более чем скромном участии Дальнего Востока в глобальном производственном процессе АТР.

На сегодня торговые связи этого региона России с КНР, как и со странами Восточной Азии, являются крепкими, устойчивыми и, видимо, безальтернативными. Нарращивание объёмов экспорта осуществляется за счёт сырьевых товаров, носит сугубо экстенсивный характер и зависит от масштабных инвестиционных вливаний главным образом в крупные проекты. Очевидно, имеет место некое движение региональной экономики по следующей спирали: замкнутость – открытость – ограниченная открытость (через частичную централизацию торговых и инвестиционных потоков). Вероятно, быстрорастущая китайская экономика будет способна оказывать всё большее влияние на Дальний Восток и Россию в целом. Однако при данном развитии событий в случае возникновения серьёзных кризисных тенденций в экономике КНР существует вызов как для дальневосточной, так и для российской экономики.

- 1 Ларин В.Л. Дальний Восток России в фокусе китайской политики // Вестник ДВО РАН. 2000. № 2. С. 5–6.
- 2 Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2006. С. 322.
- 3 Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 134.
- 4 Дальний Восток России: экономическое обозрение. Хабаровск, 1995. С. 441–447.
- 5 Левинталь А.Б. Об итогах реализации решений 7-го заседания Российско-китайского координационного совета по приграничному сотрудничеству // Материалы 8-го заседания РККС по приграничному сотрудничеству. Шеньян (КНР), 2006. С. 23–24.
- 6 Изотов Д.А. Развитие восточных регионов России и Северо-Востока Китая сквозь призму научных конференций // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 115–125.
- 7 Минакир П.А. Экономика регионов... С. 483–485.
- 8 Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009–2018 годы. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm.
- 9 Изотов Д.А. Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 149–176.

УДК: 947.088+952

MAYU MICHIGAMI

INTERGENERATIONAL HOUSING GAP OF RUSSIA AND JAPAN: REGULAR OR NON-REGULAR EMPLOYMENT

1. Russia

Our analysis of RLMS household shows that the rise in individual income and a market economy and privatization of housing, have begun to contribute to the improvement of the living environment as seen in the residential area of the residents. In ten years since 1998, housing construction has expanded, mortgage begins to spread, and housing price also began to rise. However the improvement of living space is not significant. The correlation between living space and the income level remains weak.

According to the actual conditions associated with systemic transformation of Russia, the improvement of housing condition is reflected not by divided by income, but the intergeneration gaps. The way of housing acquisition is very different between the young households under 35 years old and their parents' generation under 56 years old. Their parents' housing was provided by the government and they can privatize it at no charge. Under the housing market and the boost of housing price, they can take over their house free of charge. On the other hand, the young households under the 35 years old are the first generation to have to acquire their housing through private housing market. The soaring of urban housing price in Russia in the 2000's let their problem of housing affordability so serious. Therefore, we performed t-tests using household data of RLMS (during 2000's), in order to clarify a difference in the housing environment by generation gap.

Even though there have been recent publication of a number of sociological research and real-estate analysis of housing in Russia based on systematized statistical data, official statistical data, and RLMS data, there has been little analytical research integrating sociological research, real-estate analysis, and housing policy research. In particular, there has been very little research that focuses on elucidating the unique aspects of housing in Russia in light of international comparisons. This research aims to clarify the unique aspects of Russian housing life under the transitional economy.

This research analyzes a change in the household's well-being from the point of view housing life quality in the Russian transitional economy. Using micro-data of the Russian Longitudinal Monitoring Survey of HSE (RLMS-HSE), this research presents the following objectives: under the developmental process of the housing market in Russia (1) measurement the intergenerational differences in home ownership, home renting, and home relocation in urban Russia, (2) measurement the true ratio of rent, repair costs, and public utilities payments in the actual household budgets (including household incomes from unofficial sectors), (3) measurement the intergenerational gap in the accessibility to housing finance

--- the accessibility toward mortgage loan and fund to finance the purchase, the renting or the repair of the housing. This research aims to clarify the unique aspects of Russian housing life under the transitional economy.

In this paper, we've been clear about the intergenerational gap in the housing conditions among four ages (21-35 years old, 36-45 years old, 46-55 years old, elder than 56 years old) household on the basis of the data of the RLMS. The results in this research are the following.

The young household under the age of 35 is forced to living area smaller than other generations, but in terms of the installation rate of public housing facility has a high installation rate. Housing issues confronted on the young households are dedicated to funding constraints of housing afford ability through the housing market. From this result, the auxiliary housing acquisition funds for young households using policy performed by the current administration, can be evaluated to be a policy that makes sense.

On the other hand, this analysis also showed that the burden of utility bills payment even for the households under the 45 years old was heavy. It is necessary to ease the utility bills burden of low-income young households.

In addition, this analysis shows that the young household is the main user for the rental housing in Russia. However, Russia's rental housing mass construction and business are underdeveloped by the private sector. It is unofficial and underdeveloped, compared with Japanese case. In order to mitigate housing affordability problem for young household, it is necessary that not only new construction of private rental affordable housing, but also to formulate private organizational rental management and guarantee the quality of existing rental housing stock.

Finally, this analysis shows that the middle and old age household of 46-55 years old and elder than 56 years old is faced on the funding constraints of housing improvement and repair. The policies to support home purchase and promote the spread of the mortgage cannot be said to show an effect necessarily to improve the living environment of middle-aged household. There is the intergenerational gap in the housing afford ability due to the system transformation from socialist economy to capitalist economy. The division has produced the segregation of housing demand in the housing market. And the repair material and home renovation industry is developed mainly toward the middle age household. This segregation would also require housing policy for housing renovation and repair as well. The housing policy is necessary depending on the variety of housing problems among intergenerational gap.

In my presentation of this conference, we will show the result of our analysis based on RLMS.

2. Japan

Japanese housing policy and market

At the start of Japan's post-war recovery, the volume of housing construction by private agents hadn't been adequately developed. The shortage of dwellings amounted to 4.2 million. The Japanese government established three public housing acts: the Government Housing Loan Corporation (as noted below 'public housing loan'), Public Housing, the Public Housing Corporation. Since 1945 these three pillars of public housing policy have played an important role in the Japanese housing market.

Public housing was established for the lowest income groups by local administrations all around Japan. "1/2 to 2/3 of the construction costs were

compensated by state subsidies". Public housing cheaply rents apartments to the lowest income group. The share of the total housing stock is not so large. But "the share of a big city (Osaka) is large (11%), which is 1/3 of all rental units in Osaka".

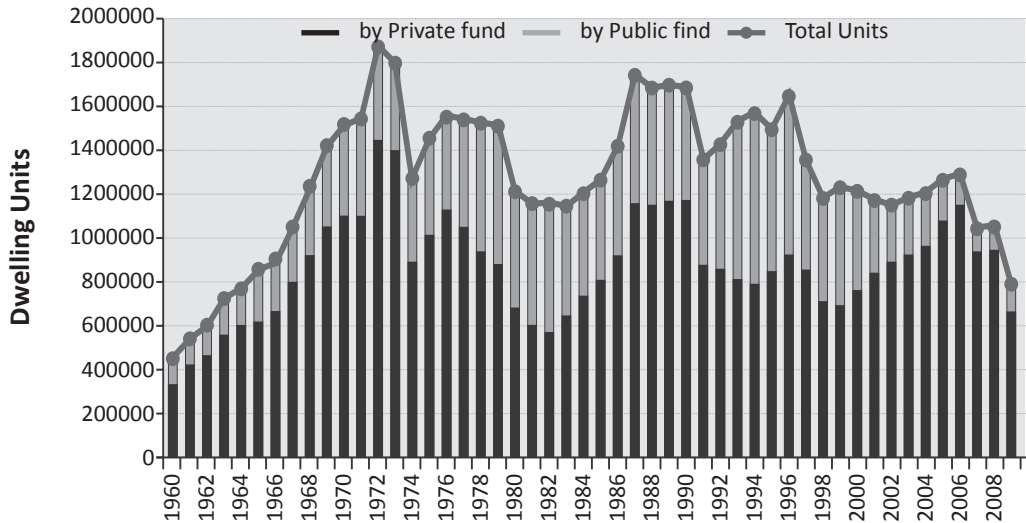
The public housing corporation, which had rented apartments and sells condominiums for new salary workers in urban areas, was established to solve the housing shortage problems caused by the population concentration in urban areas. They didn't belong to the lowest income group; they were a new group that could afford detached houses with housing loans. The public housing corporation targeted such middle groups and created modern housing developments and spread a new housing lifestyle.

In addition to these acts, public housing loans and a 5-year mass construction plan were carried out. Due to space limitations, we will concentrate on public housing loans. For 20 years, the Japanese housing policy solved the housing shortage with three public channels and a 5-year plan (Table 9). After the oil crisis in 1973 the Japanese housing market entered an era of fluctuation: recession and the bubble economy. Due to the recession dwelling construction plummeted. The government deregulated land use, housing development, and the monetary system to recover. It planned many urban development projects to stimulate private domestic investment and to solve the problems of the quality of urban business life and housing life. This plan caused land and real estate speculation. Japanese people had long believed that the price of land never fell, because the Japanese land history proved this. Therefore belief in such a myth accelerated investment in land and real estate as safe assets, and consequently the price of land and condominiums in urban areas soared. As deregulation continued, the role of public housing decreased. Construction by private agents largely exceeded that of public agents. Such land and housing speculation was called the 'bubble economy'. Economic expansion arrived not only in the real estate market but also in other commodity markets. However, since this bubble burst in 1991, the price trend of land and housing has stabilized downward.

Table 9 Japanese housing policy: tasks and measurement

	Main problems	Measures
1945 Postwar rehabilitation 1955	Housing shortage Quantity problem	Housing supply by public funds Government Housing Loan Corporation Public housing Public Housing Corporation
High economic growth 1973	Quantity problem	Five-year plan of housing construction From 1961 to 2006 Solution of housing shortage Improvement of housing quality
Low growth and bubble 1990	From quantity to quality Quality problem Low level of housing standards: overcrowded etc Environmental pollution	Setting of swelling environment level Targeted dwelling standards Housing construction as measures to boost domestic
After bubble burst 2005	Quality problem Disaster (earthquake) – resistant housing construction Bubble burst	Deregulation Improved market efficiency, More efficient use of private funds

Source: compiled by author from Shiozaki, (2006), p. 63, Table 4-1 and JSS (2007), p. 177.

Fig. 8 New housing construction in Japan

Source: compiled by author from MIC 2003, Chapter 9, Table 9-9, MLIT Housing Starts 2007, 2008 and 2009.

The characteristic points in the Japanese housing market include the balance between private and public agents, its dependence on the ownership of housing or apartments, and that it hasn't sufficiently developed rental housing. Fig. 8 shows that private funds played a dominant role in the construction of new housing in Japan. The total average is 60% by private funds and only 40% by public funds. To what extent this fact of 60% private funds were mobilized in the Japanese housing market started a controversy among Japanese economists, urban planners, and policy makers that focused on what caused the insufficient quality of housing units and the insufficient rental housing supply in Japan.

Some argue that private agents constructed too much small detached housing based on profitability. Such housing was provided as an affordable option for middle-class households. The Japanese government emphasized housing quantity over quality and promoted the sale of such dwellings to boost the economy. Instead of deregulation, some economists advocated improved and appropriate regulations. In addition, land and housing themselves have monopolistic features. Land and housing are non-reproductive goods and immovable assets. Therefore, the owners hold the dominant power in the market. In addition, the supply of land and housing is rigid. Such supply rigidity often causes price appreciation.

Others argue that overregulation by the Japanese government hampered the development of rental housing by private funds and the active development of housing building in city centers. Particularly, two laws, the Act for Sectional Ownership of Buildings and the Land Lease and House Lease Act, disrupted efficient market forces. They advocated deregulation. Consequently, since the 1990s Japanese housing policy has adopted deregulation to follow the latter argument.

This controversy is applicable to the Russian housing market, too. Today in Russia, the official rental housing market remains largely undeveloped, and the government promotes housing construction instead of rental housing because the construction industry boosts the economy. Japan once found itself in such a situation; for most people, the quality of affordable dwellings was low and desirable ones were unaffordable, as in Russia. Furthermore, recently under the conditions of a low birth rate and a declining population, Japan has already oversupplied her new housing stock

and today needs to liquidate and renovate the used and existing housing stock ('Basic Housing Life Law' in 2006 (MLIT, 2006)). From this aspect, Japan has gone one step beyond Russia. The securitization of housing loans was introduced to support the renovation and liquidation of existing housing stock and to lower financing risk. The government housing loan corporation was privatized in 2007.

Russia's mortgage system (AIZHK) also guarantees the securities of loans by the government. However, public and private agents in Russia have not yet sufficiently supplied suitable housing stock. Japanese housing policy and public housing loans have contributed to solving the housing supply and the quality problem to some extent, providing a hint for Russia, which needs to implement adequate deregulation, especially for the public bidding process on land plots, and to increase public housing loans for middle-class households.

Quality of dwellings in Japan and housing stock

Figure 10 shows the characteristics of the Japanese housing stock. In Japan, the average rented houses are small. Although a 5-year plan set a targeted residence level and a minimum amount of floor space to improve resident environments, Japanese apartments are still sometimes smaller than Russian apartments. To a certain degree, setting targets about the conditions of public housing loans improved residences. However, the problem of quality housing remains unsolved. 42.7% remain dissatisfied with their own dwellings. The following are the points of dissatisfaction: * poor design for senior citizens, lack of security, energy inefficient, inadequate safeguards against earthquakes, and a lack of storage space. One reason why the quality of Japanese housing remains low is that land regulation affected the behavior of private construction companies **. Government permission is required when land speculators develop residential estates exceeding 1000 sq m within urban areas. So the development of land that didn't need permission, areas less than 1000 sq m, greatly increased. Consequently many small (100 sq m) detached housings were built in urban areas and the suburbs, especially in the 1970s. Hence government deregulated some regulations since the 1980s.

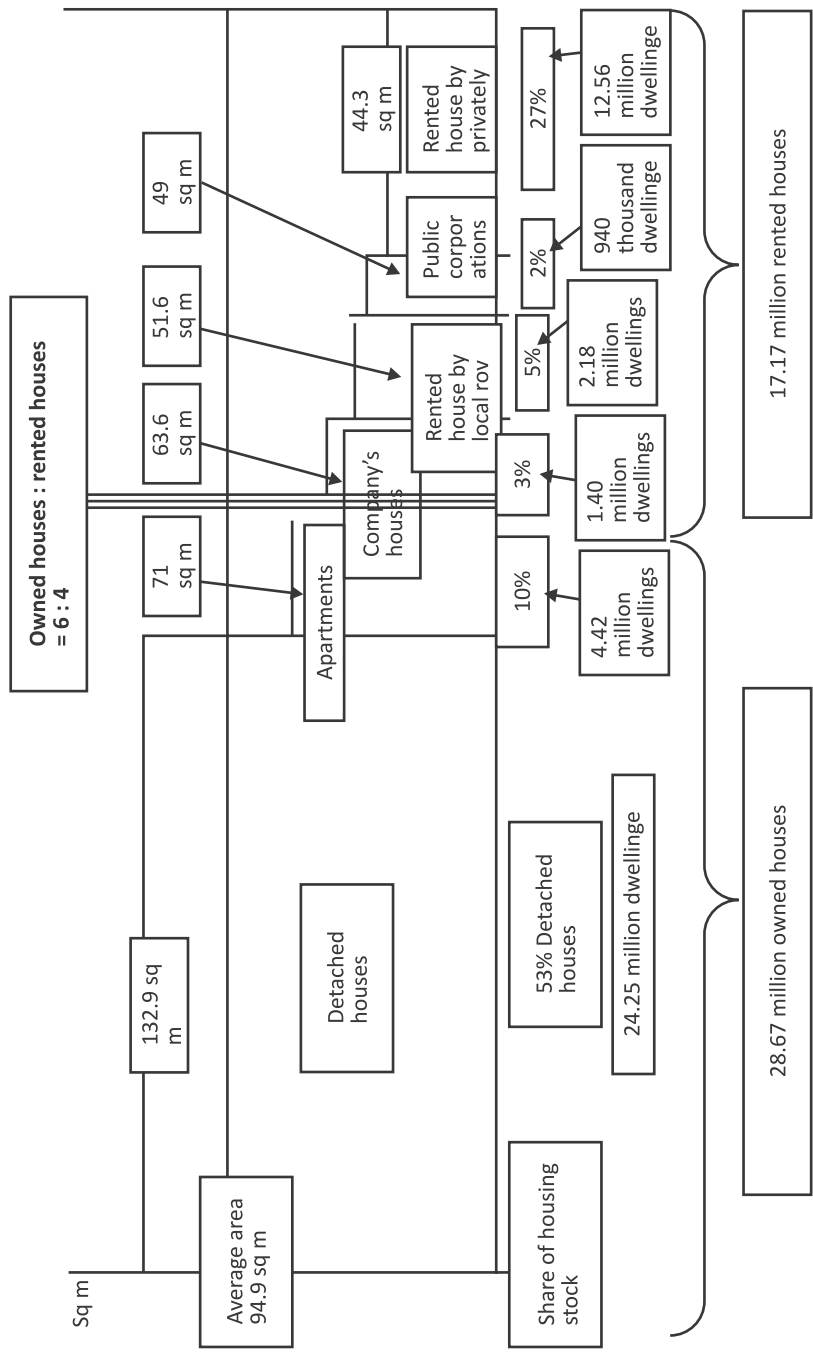
The Japanese government is currently trying to solve the quality problems of houses based on the promotion of private agents in the New Basic Housing Life Law, which mobilizes used housing stock and reduces the government's intervention in the housing market and more actively promotes private agents. The Japanese government believes that the era of public housing has already passed and stresses that existing housing stock must be efficiently utilized by private agents. Consequently, the public housing corporation and government housing loan corporation were abolished. New construction for the lowest income groups of public housing in Tokyo has also stopped. Public housing for the lowest income groups is mainly supplied after reconstruction of existing buildings, some of which have been privatized to decrease the public housing stock. In such a situation those who cannot live in private rented housing compete for a limited number of public housing units. Only the elderly, low-income, and single-mother households tend to live in the remaining public housing. They cannot renovate them by themselves or risk less government assistance. Therefore even economists are split over the necessity of public housing.

* MLIT, 2003, Housing Demand Condition Survey

** Ref. Iwata and Hatta (1997), Adachi, Oizumi, Hashimoto and Yamada (2000) and Shiozaki (2006)

In 2007, the public housing loan was reorganized as the Japanese Housing Finance Agency, which secures private banking housing loans and guarantees housing loan securities. The money for housing loans is collected more widely from general investors who are buying such securities. It resembles subprime loans; Russia's housing loan (AIZhK) adopts the same system. These measures ease the government finance burden and simplify housing finances.

Fig. 10 Japanese housing stock in 2003

Source: MLIT2003, Housing and Land Survey

Although such housing loans are common all around the world, they are risky if housing prices fall. Housing loan securities must continue to be attractive for investors. That situation depends on the appreciation of housing prices and income increases by economic growth. If prices plummet, housing loan securities are removed from the market. We don't know whether the Russian and Japanese governments can respond well enough to the risks. In addition, we must establish unified evaluated standards for the used dwellings in Russia as a counterplan to falling housing prices in the housing market. The current Russian situation depends on each real-estate company and agent.

On the other hand, the Japanese public housing loan system somewhat contributed to the improvement of housing quality. Finally we argue the merit of Japanese public housing loans for the housing quality problem.

Conditionality of Japanese public housing loans

The Government Housing Loan finances construction funds to private agents (individual and developers). Individuals mainly use such housing loans to build/purchase detached houses or buy apartments or condominiums. The government also promoted homeownership by public housing loans. Originally, few people applied for them because the conditionality* was too severe. As the applicants gradually increased because of the low fixed interest rate with a long term, the loan limit was softened. The rate of public housing loans steadily increased due to the fixed and low rate of interest. In the 2000s there was almost no difference between major commercial banks and government housing loan corporations. The below conditionality of public housing loans remains valid in private mortgages even after the public housing loan system was abolished.

The following are the imposed conditionality to qualify for housing loans:

The imposed conditionality was divided by the annual household income:

- Households earning less than 4 million yen (about 36,363 US\$ as of 2008) can borrow an amount of money equivalent to a debt to income ratio that is less than 30%.
- Households earning less than 4 million yen can borrow an amount of money equivalent to a debt to income ratio that exceeds 35%.
- Loan repayment period ranges from 15 to 35 years.
- The amount of money that can be borrowed ranges from 1 million yen (about 9,090 US\$) to 80 million yen (about 727,272 US\$ as of 2008).
- Interest rate is fixed at about 3% (2008).
- The quality conditions for the dwellings for loans are shown in Table 11:
- The dwellings must satisfy the building standards related to earthquake-resistant and fire-proofing standards, sanitation requirements etc.
- In addition to inspections for building standards, two inspections of new houses are imposed by the Japanese housing loan agency.

* The following were the conditions in 1950: The area of a dwelling entitled to a loan ranged from 30 to 48 sq m. The loan limit was 75% of the total construction cost. Only households that always live with cohabiters in a house could receive loans. Households must have a down payment that exceeded 25% of the construction cost and a monthly income more than seven times of the redemption money if they borrow a housing loan. In addition, households must have three floor inspections before the completion of their new housing construction. Later, the loan limit was expanded and the inspection times were decreased. Shiozaki, (2006), p. 68.

- The dwelling must satisfy the minimum floor space of the housing standards or the targeted housing standard based on family size (Table 11).

Table 11 Japanese targeted dwellings level and housing loan conditions

	Guidelines for area levels of dwellings	By family members	1	2	3	4
Minimum housing standards	Based on family size, required level for healthy life	Necessary level for all households (sq m)	25	30 (30)	40 (35)	50 (45)
Targeted housing standards	Based on family size, required level to realize comfortable life and various needs	For urban areas (sq m)	40	55 (55)	75 (65)	95 (85)
		For rural areas and mainly detached houses? Not apartments or condominiums (sq m)	55	75 (75)	100 (87.5)	125 (112.5)
Building standards for Government Housing Loan Corporation lending:			() means floor space households with a 3-5 year-old child			
1. For detached house, the floor space must exceed 70 sq m. For apartments or condos, the floor space must exceed 30 sq m.						
2. In principle, dwellings with more than two rooms and equipped with kitchen, lavatory, and bath.				Needed floor space for loan (sq m)		
3. Equipped heat shield materials						
4. Dwelling must satisfy fire and earthquake resistance requirements.						
5. Dwelling must stand more than two meters from the road.						

Source: compiled by author from MLIT 2007 and 2010 White Paper, JHF website, and JSS 2007 and 2010.

Conditionality, floor space, and the building standards imposed by public housing loans raised the quality level of Japanese dwellings. The share of satisfaction with the targeted housing standards* increased from 28.6% in 1974, to 31.6% in 1988, to 46.5% in 1998, and to 52.3% in 2003. This suggests the applicability to the Russian housing sector that must develop housing loans and solve its quality housing problem. Double compliance imposes an additional unofficial transaction cost if a construction company wants to deviate informally from the standards. Raising transaction costs may slightly prevent such deviation. To prevent deviation from building standards and conditionality about dwellings, tax deductions should be introduced for compliance to standards. Of course, there is no guarantee that this effect will succeed in Russia without reservations. Even in Japan, some economists indicate deviation from building standards. Adequately operating relative institutions for building standards and the conditionality of housing loans are evitable to improve inefficient institutions, especially for bidding processes on land plots.

* MLIT, Housing and Land Survey.

Recent problems: the development of non-regular employment

Firs, non-regular employment causes homeless problems. In 2003 Japanese government liberalized the labor regulation as it had suffered from the low growth of economy for more than 10 years. The government permitted manufacturing company to use non-regular employment i.e. temporary workers, in order to reduce labor cost. Because Japanese labor cost had been too expensive to win the competitive battle with China and other Asian countries, which have the advantage of low wage workforce. In Japan, the company doesn't need to supply fringe benefit for non-regular labor. Non-regular labor wage is cheaper than regular employment. In addition, they can end the labor contract as a temporary workers for a few year and adjust the employment as they like. For example, when they want to reduce labor cost, they can end the labor contract for non-regular workers.

However, on the side of workers, this deregulation for non-regular employment has caused housing problem and even homeless. In Japan, many of non-regular workers don't have their own houses. With continuing economic sluggishness since 90's and 2000's, they had already lost jobs for a while. Therefore, they apply for even low wage and temporary jobs and they can't buy house or repay the housing loan.

On the other side, when the company hires non-regular employment workers, it usually supplies their dormitory for them. If they don't have their own house or can't continue to rent a house for the sake of unemployment, they can live the company's dormitory and work. But when the labor contract ends, non-regular employment workers must leave the company's dormitory. Then some of them become homeless. In Japan, without fixed address, we can't find a job. Therefore, that liberalization to develop non-regular employment brought serious poverty problem. Many young or middle age non-regular workers lost their living space when their labor contract ended.

Second, the developing of aging society causes the finance problem of their housing renovation. Increase in average life expectancy brought the housing quality problem of their own housing renovation for their elderly care. When Japanese first baby-boomers (around born in 1947-1949) go pensioner households; in Japan pension eligibility age is 65 years old, 65 age and older population share is 18.4% in 2003 and will be 35.6% of population in 2050. For elder age people, they need to live near the hospital, bank, city office, police, and shops which they can get to them by foot or public transportation within an hour. Therefore, now some of them are relocating to apartment house in the city center from attached house in the province. And province town try to re-develop compact city plan in their town. This problem is almost as the same as Russia.

In my presentation of this conference, we will show the result of analysis: 1) Does regular or non-regular employment make a difference of housing condition among young household? 2) How different is housing conditions among generations; between young and middle-elder?

УДК: 008: 780 (5-012)

ЧОЙ ГО УН

ПЕРЕСТРОЙКА КАК ФАКТОР МЕТАКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В АТР (НА ПРИМЕРЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИИ, КИТАЯ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ)

В статье показано, как в эпоху перестройки открываются возможности взаимообогащения мира музыки – тончайшего и наиболее востребованного вида культуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: перестройка, новое мышление, метакультурные процессы, романс, музыкальное искусство России, Китая, Республики Корея.

В первые месяцы 2015 г. российская общественность широко обсуждает социально-экономические, политические и культурные последствия перестройки в связи с её 30-летием. Это эпохальное мировое событие изменило пути развития не только России, но и всего мира. В результате перестройки стали возможны интеграция РФ в Азиатско-Тихоокеанский регион и формирование современного многополярного мира на базе расширяющихся «метакультурных» процессов.

Интересно и полезно обратиться к истории соразвития культур ведущих стран АТР в рамках современного понятия «метакультурных» процессов. Для этого представляется необходимым вернуться к некоторым событиям перестройки в Советском Союзе.

В конце XX в. в СССР сформулировали концепцию «нового политического мышления» на международной арене: в решениях XXVII съезда КПСС в 1986 г. впервые было заявлено о необходимости строительства «взаимосвязанного и взаимозависимого мира», свободного от воздействия «с позиции силы». Концепция ненасильственного мира могла быть реализована только объединением усилий всего мирового сообщества на основе взаимного доверия и достижения «баланса интересов». Политика гласности основывалась на приоритете «общечеловеческих ценностей».

Советское общество в годы перестройки вступило в период новых культурно-нравственных установок, ценностных и мировоззренческих ориентиров, который продолжается до настоящего времени. Железный занавес, долгие годы отделявший советских людей от остального мира, рухнул. В рамках открытости стали выходить на экраны фильмы великих мастеров мирового кинематографа – А. Тарковского, Ф. Феллини, И. Бергмана и др. Увидели свет произведения М. Булгакова, А. Платонова, Б. Пастернака, В. Гроссмана, В. Астафьева, Д. Гранина, Ю. Дудинцева. Нашли своего читателя книги А. Солженицына.

Массовыми тиражами начали переиздаваться труды историков Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьёва, С.Ф. Платонова и многих других. Пристальное внимание было обращено к истории России. Советские граждане получили широкие возможности для выезда за рубеж. После 1988 г. стали быстро развиваться научные, образовательные и культурные обмены прежде всего в области музыкального искусства.

Таким образом, перестройка, создавшая условия формирования концепции «нового политического мышления», стала фактором возрождения культурных связей, и прежде всего в музыкальной культуре. Американский музыковед Б. Неттл подчёркивал, что музыка является «общим для мира явлением»¹. В то же время каждая национальная культура обладает собственной самобытной музыкой, поэтому этот вид искусства осознаётся в качестве общего языка мира, связывающего людей Азиатско-Тихоокеанского региона в качестве средства общения.

В данной статье исследуется историко-культурный аспект взаимного обмена в сфере песенной культуры («романса»), другие составляющие проблемы будут отражены в следующих публикациях.

Если учесть, что между Китаем и Кореей, соседствующих друг с другом, а также между Кореей и Японией, хотя их земли и не соприкасаются, в течение длительного времени существовало взаимодействие культур, то феномен взаимопроникновения культур Кореи и России требует иных методов искусствоведческого исследования. Тот факт, что обе страны в течение определённого периода находились под монгольским игом, испытав давление находящихся на более низком уровне культуры монголов, выступавших одновременно в качестве господствующей и контролирующей силы, в данном случае не имеет значения.

Следовательно, для объективного анализа особенностей, проявляющихся в процессе развития музыкального песенного искусства («романса») требуется выстроить особую методологию. Необходимо проанализировать сходства и различия в истории возникновения и развития романса отдельных стран и его оценку обществом на основе историко-музыковедческого метода.

Исследователь К. Левин предложил формулу, развитую далее Дж. Дэвисом. Так, первый считал, что поведение (В) индивида или группы поэтов и музыкантов проявляется при воздействии отношений функций двух главных переменных – личности (Р) и окружающей среды (Е), отсюда $V = DPE^2$.

Опираясь на формулу К. Левина, рассмотрим две взаимосвязанные проблемы: во-первых, условия существования традиционной музыкальной культуры и процессы заимствования западной музыки в Корее; во-вторых, влияние дискуссий интеллигенции по вопросу модернизации в стране на процесс заимствования новых форм и жанров русской музыки.

В Корее – синоним Чосон («Страна утренней свежести») – узнали западную музыку с приездом американских протестантских миссионеров Андервуда и Аппенцеллера. Протестантские псалмы имели большое значение для истории корейской музыки: перевод и издание Андервудом псалмов в 1893 г., его же публикация нот псалмов в 1896 г. стали первым в Корее появлением нотного стана из пяти линий.

Вскоре в протоколе и ритуалах королевского двора в феодальном Чосоне придворная музыка заменилась военной музыкой в западном стиле. В 1896 г. присутствовавший на церемонии коронации российского императора Николая II полномочный посланник Мин Ён Хван был очарован видом российского военного оркестра и исполнявшейся им музыкой. По возвращении на родину он рекомендовал императору Кочтону создать военный оркестр. В 1900 г. первый военный оркестр в Корее был создан. Его дирижёром с 1901 по 1916 гг. являлся немец Франц фон Эккерт, руководивший до этого в течение 30 лет оркестром военно-морских сил Японии. Франц фон Эккерт не только обучил военный оркестр Кореи западной музыкальной технике исполнения, он написал и представил правительству в августе 1902 г. гимн Кореи³.

Музыкальное образование в Корее начиналось в протестантских церквях, руководимых американскими миссионерами, и только в 1910 г. открылось первое профессиональное учреждение в области музыкального образования «Чоянгуракпу» (клуб Чоян), где преподавалась западная музыка. Первым музыкантом, окончившим его, был Ким Ин Сик. Ли Сан Чжун, от которого он перенял основы западной музыки, вместе с Пэк У Ёном – преемником Франца фон Эккерта на посту начальника военного оркестра – впервые начали записывать с помощью пятилинейного стана традиционную корейскую музыку. В качестве учебного пособия был издан сборник «Песни», который можно назвать первым сборником романсов⁴, а первым романсом называется исполнение корейских традиционных песен жанра «Чанга», записанных с помощью нотного стана.

Полноценного развития западная музыка достигла в Корее в 1920-х гг. Ким Ён Хван и Хон Нан Фа, получившие музыкальное образование в Японии по классу фортепиано, Хан Ки Чжу и Юн Сим Док, обучавшиеся в области вокальной музыки, выступали на сценах Ассоциации христианской молодёжи. Пак Тэ Чжун, Хён Чже Мён и другие молодые музыканты, получив образование в США, Европе, России, Японии, вернувшись в Корею, продолжали формирование в ней новых музыкальных традиций. Развитие западной музыки было связано с процессом модернизации, проходившей в Корее в противоборстве двух тенденций: консервативной, связанной с конфуцианством, и инновационной, ориентированной на европейскую культуру. Консервативная элита верила, что заимствованная из Китая конфуцианская культура есть защита корейских традиций, путь, делающий «человека человеком». Конфуций, чьё учение считается основой дальневосточной культуры, подчёркивал необходимость «начинать со стихов, стоять в соответствии с ритуалом, находить завершение в музыке»⁵, которая воспринималась в Корее значимым условием разрешения различных проблем, возникающих в обществе.

Начальным периодом развития романса в Китае являются 1920-е гг., когда ряд китайских композиторов во главе с Сяо Юмэй, Чжао Юань Жень, Цин Чу и Хуан Цзы совершили далёкое путешествие в Европу и США для изучения музыки. За границей они усвоили европейские передовые теории и технику. Особое внимание китайские музыканты обратили на романс, над которым работали выдающиеся музыканты мира⁶.

Особенно понравился романс Сяо Юмэю, который выделил в этом музыкальном жанре способность в малой камерной форме передать многогранные чувства. Романс пленил Сяо Юмэя возможностью подчеркнуть особенности личности, выразить скромное и сдержанное чувство. Сяо Юмэя привлекло в романсе то, что в нём мир человека воспроизводился во всех психологических нюансах.

Китайские музыканты узнали за границей, что уже сложились свои национальные школы исполнения романса: австро-немецкая школа XIX в. – Ф. Шуберт, Р. Шуман, И. Брамс, Х. Вольф; французская – Ш. Гуно, Ж. Бизе, Ж. Массне; норвежская – Э. Григ, Х. Хьерульф⁷. В России, более близкой к Китаю, в XIX в. сформировалась своя национальная школа, в большей степени повлиявшая на распространение романса в Китае, чем другие.

Сяо Юмэй, Чжао Юань Жень, Цин Чжу и Хуан Цзы, вернувшись на родину, стали пытаться объединить традиционные китайские стихотворения с русской и европейской композиторской техникой, изменяя национальные методы одnogолосой системы и линейного мышления. Они добивались но-

вого звучания романса без потери национального стиля, ориентируя методы музыкального творчества на гармонию и полифонию.

Китайскими музыкантами была подмечена творческая связь композиторов и поэтов, например, М.И. Глинки и А.С. Пушкина, Ф. Шуберта и И.В. Гёте, Р. Шумана и Г. Гейне и др. Первым, кто добился в этом успеха, был Цинь Чжоу, написавший романс по известному в Китае стихотворению «Великая река течёт на Восток» древнекитайского поэта Су Ши. За ним Сяо Юмэй написал замечательные романсы «Разговор» и «Песня дикого гуся, улетающего на юг». Этот же метод использовал Чжао Юань Жень, создав известные в Китае романсы «Как я могу не скучать по нему», «Слушая дождь» и др.

Под влиянием изучения русских романсов Сяо Юмэй написал свои лучшие романсы: «Звёздное небо», «Свежий снег», «Танцевать в ритме песни», «Подниматься на высоту» и др., занявшие важное место среди китайских романсов первой половины XX в.

Особенность романсов Сяо Юмэя – своеобразное понимание жизни, общества, искусства. Большинство его произведений создавались на тексты, написанные Ивэй Чжоу, для которых был свойственен новый метод – чередование старого литературного языка Китая с современным китайским языком. Вместе с музыкой Сяо Юмэя любители романсов получили произведения с ярким «современным дыханием»⁸.

Наилучшим произведением Сяо Юмэя, ставшим вершиной в его творчестве, стал романс «Знаешь ли...» на стихотворение Ивэй Чжоу. Поэт задавал людям ряд многозначительных и сложных вопросов о жизни через философские восклицания старого человека, который испытывал превратности судьбы. В этом романсе была использована музыкальная строфа единого музыкального образа, свойственная русским романсам. Мелодия была свободной и сдержанной. Первые четыре предложения развёртываются в районе медианты и низкого тона. Чувства нарастают, в сдержанности накапливается волнение. Потом две терции нисходящего тона, как вздох, вслед за этим с помощью восклицательной мелодии романс восходит в самую каденцию вопросом: «Знаешь, сколько исстрадавшихся слёз у сегодняшней Родины?» Последние три такта – заключительный аккорд, произнесённый как будто из глубины души Старика-Истории: «Цуй, Цуй, Цуй...» – это отклик на историю, позволяющий людям почувствовать её глубокий смысл.

Чжао Юань Жень (1892–1982 гг.) – выдающийся лингвист и композитор Китая новой эпохи, оказавший огромное влияние на развитие нового в китайской музыке жанра «романса». Уже первые его произведения, написанные в 20–30-е гг. XX в. на стихотворения Лю Бань Нун, Лю Бай, Сюй Чжи Мо, Ху Ши и др., свидетельствуют о влиянии на его творчество современных идей, навеянных Движением 4 мая.

В 1931 г., когда Квантунская армия Японии оккупировала Северо-Восток страны, создав марионеточное государство Маньчжоу-го, китайские композиторы во главе с Хуан Цзы в своих романсах выражали идею борьбы с захватчиками за спасение Родины. Так, Не Эр создал, ставшую популярной в те годы «Песню под железной пятой», Чжан Шу написал «Муж пошёл служить солдатом», Хэ Му Тин – «Песню о партизанском отряде» и т.д.

В этот период в технике создания китайского романса появилась новая особенность. Композиторы владели традиционной китайской мелодией и национальной гармонией в совершенстве, но принимали и использовали русскую композиторскую технику. Так, написанные Лю Сюань романсы «Красные

бобы» и «Народная песня о Великой китайской стене» отвечали эстетическому воспитанию китайского народа и приобретали новый китайский стиль.

В 1940-е гг. в отличие от европейских композиторов, произведения которых в этот период носили заметный личностный характер и были эгоцентричны, китайские композиторы посредством именно этого музыкального жанра (романса) выражали свою ответственность за общество и жизнь народа. Используя строй романса из Германии и Австрии, композиторы Китая начали уделять внимание методу и музыкальной теории, образно показывая богатые и сложные настроения и чувства, используя гармонию как метод выражения мысли.

Однако с началом в 1966 г. «культурной революции» в Китае массовые преследования интеллигенции нанесли серьёзный урон музыкальному искусству. Потребовалось не одно десятилетие на восстановление кадровых и моральных потерь в музыкальной культуре общества. Долгие годы романс ошибочно считали порождением буржуазии, рыночным «товаром», не соответствовавшим потребностям бурного социалистического строительства. Замечательные зарубежные и китайские романсы оказались под запретом. Китай распевал только песни, положенные на стихи, написанные лично Мао Цзе Дуном, каждый китаец был обязан учить его цитаты. Вместе с тем в музыкальной среде начинает возрождаться интерес к народным песням. Так, Цзяэ Ме Тай переложил в романсы «Пятый брат пас овец», «Когда растут цветы софоры», Дин Шань Де – «Возлюбленный мне подарил подсолнух», Мэй Ли Цзиге – «Над степью поднимается солнце, которое не заходит» и др. В произведениях чувствовались энергия нации, живучесть народа, его надежды. Хотя количество этих романсов было незначительно, с ними открывалось новое творческое направление для последующих поколений – сочетание национального, европейского и русского стилей. Красота и выразительность романса неожиданно «вписались» в «культурную революцию». Популярными стали произведения Тянь Гуана «Песня о Пекине», Лю Чананя «Я люблю гору Учжи, я люблю реку Ваньцюань». Благодаря ежегодным фестивалям «Новые песни на фронте» и массовым гуляньям в парках, где звучали эти произведения, они стали известны всем, оказывали на людей огромное влияние.

Вместе с тем влияние русской музыкальной культуры из Китая широко распространилось в КНДР и Южной Корее, Японии, Вьетнаме и других странах АТР. Так, корейские романсы стали отражением сложной тяжёлой судьбы народа. Востребованность песен, отражавших борьбу корейцев против японских захватчиков, ускорила обращение профессиональных композиторов к романсу, с которыми они познакомились в Китае. В 1920-е гг. появился первый романс «Бон Сон Хва» композитора Хон Нан Фа на стихи Ким Хён Джуна, в котором зазвучала надежда корейцев на свободную и достойную жизнь. Таким образом, музыкальная форма «чанга» (песнопение) перерастает в «гагок» (романс)⁹.

Многие корейцы, не выдержав издевательств и унижений японских милитаристов, «прибились» к берегам Сахалина. В книге Пак Хен Чжу «Репортаж с Сахалина. Историческое эссе» передана трудная жизнь корейцев, потерявших Родину¹⁰. Композитор Ен Ин Хан в романсе «Песнь о Родине» передал психологические страдания корейцев: «У нас была прекрасная Родина с высокими горами и серебристыми, словно сшитыми из парчи, реками. Её отняли у нас». Опубликованная в книге «Насильственное переселение корейцев в чёрные земли» (чёрные из-за расположенных там угольных шахт), «Песнь о Родине» получила признание и огромную популярность¹¹. Слова: «Запирая двери сердца своего, со слезами пою песнь о Родине», – звучали во всех уголках Кореи.

Война между Северной и Южной Кореей не только изменила историю развития страны, но и принесла великие страдания и беды народу. Композитор Пак Си Чун выразил это романсом на слова Ю Хо «Товарищ, спи спокойно» (1950): «Вперёд, вперёд по трупам наших товарищей. Кровь кипит от злости и желания поразить врага. Товарищ, спи спокойно, павший, словно лепестки цветов». В гагок («романсах») композиторов Ун Ёнг «Рядом с хризантемой», И Сун Ин «Река моей души», Им У Санг «Гора», Ким Гю Хван «Родные места», Ким Хё Гын «Глаза» и др. поднимались самые важные общественные и исторические, гражданские и патриотические проблемы. Изменилась культура корейцев, а с ней и содержание романсов.

Произведения 1990-х гг. Ким Гю Хван «Танец монаха», Джэ Ын «Древняя песня», Син Ги Бок «Море» и др. отличались не только новой тематикой, созвучной своему времени, но и разнообразием стилей, испытывая влияние музыкальных технологий создания российских и китайских романсов¹². Корейский романс, совершенствуясь, превратился в тончайший и наиболее востребованный вид музыкального искусства. Этому способствовали международные конкурсы исполнителей романсов, проводимые в Корее с 2000 г.

Таким образом, музыкальное искусство своим жанром «романса» способствовало развитию взаимопонимания соседствующих народов Азиатско-Тихоокеанского региона, находясь у истоков процесса, именуемого сегодня «метакультурным». Перестройка показала народам мира, что в любых сложных исторических обстоятельствах сплочение народа, его единство смогут повернуть жизнь к добру, благополучию и миру. А музыкальное песенное искусство как общее творение России, Китая, Кореи всегда остаётся востребованным людьми, вдохновляя их на ратный и трудовой подвиг, на преодоление всего устаревшего и сдерживающего интеграцию великих народов в АТР.

- 1 Nettl B. Folk and traditional music of the Western continents. NewYork: Prentice-HallInc, 1965. P. 18.
- 2 Lewin K. Principles of topological psychology. NY.: Mcdraw-Hill, Book co, inc., 1936. P. 11–12.
- 3 Ю Док Хи. Сеге ымак кёюкса = Мировая история преподавания музыки. Сеул, 1983. С. 463–474.
- 4 Ли Ю Сон. Хангук янак 100 нёнса = Сто лет истории западной музыки в Корее. Сеул, 1985.
- 5 Сон Тхэ Рён. Хангук ымагый инсикква пипхён = Понимание и оценка корейской музыки. Сеул, 1993. С. 91.
- 6 Ван Юй Хэ. Новая история Китая. Пекин: Изд-во «Худавэнь», 1991.
- 7 Краткая история западной музыки / сост. Шэнь Сюань, Гу Вень Сянь, Тяо Синь. Шанхай: Шанхайское муз. изд-во, 1990.
- 8 Джёнг Га Гон. Исследование развития корейского романса. Сеул, 1990. С. 10–11.
- 9 Но Сынг Джонг. Понимание искусства Га Гок. Сеул: Изд-во До Со «Жизнь и мечта», 1993. 216 с.
- 10 Пак Хен Чжу. Репортаж с Сахалина: историческое эссе / ЗАО «Файн Дизайн», 2004.
- 11 Насильственное переселение корейцев в чёрные земли: сб. романсов. Сеул, 2006. 349 с.
- 12 Ван Дань. Главные направления развития китайского романса в новый период // Китайское музыковедение. 2002. № 4.

Список сокращений названий архивов

- АОСПИ – Архив отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
- АПГО – Архив Партизанского городского округа
- ГАОО – Государственный архив Амурской области
- ГАКК – Государственный архив Камчатского края
- ГАКО – Государственный архив Камчатской области
- ГАМО – Государственный архив Магаданской области
- ГАПК – Государственный архив Приморского края
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГАСО – Государственный архив Сахалинской области
- ГАХК – Государственный архив Хабаровского края
- ГИАСО – Государственный исторический архив Сахалинской области
- РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РГАЭ – Российский государственный архив экономики
- ЦА МВД РФ – Центральный архив Министерства внутренних дел Российской Федерации
- ЦГА ИПД РТ – Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан
- ЦГА МОН РФ – Центральный государственный архив Министерства образования и науки Российской Федерации
- ЦХСД МО – Центр хранения современной документации Магаданской области

Краткие сведения об авторах

БУГАЙ Николай Фёдорович – д-р ист. наук, проф., гл.н.с., Институт российской истории (ИРИ) РАН, Москва. E-mail: nikolay401@yandex.ru

БУЯНОВ Евгений Валентинович – д-р ист. наук, проф., Амурский государственный университет (АмГУ), Благовещенск. E-mail: professor_bl@mail.ru

БУЯНОВА Лариса Викторовна – к.и.н., начальник отдела национальной политики правительства Амурской области, Благовещенск. E-mail: buyanova@amurobl.ru

БЫБОЧКИН Александр Викторович – аспирант, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ) ДВО РАН, Владивосток. E-mail: bybochkin.alexander@gmail.com

ВАСИЛЬЕВА Елена Владимировна – к.и.н., доцент, Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Владивосток. E-mail: evasileva 12@yandex.ru

ВАЩУК Ангелина Сергеевна – д-р ист. наук, проф., зав. отделом, ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: va_lina@mail.ru

ВЛАСОВ Сергей Александрович – к.и.н., ст.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: vlasov54@bk.ru

ГАЛЛЯМОВА Людмила Ивановна – д-р ист. наук, проф., зам. директора, ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: ludagal@mail.ru

ГУЗЕЛЬБАЕВА Ирина Александровна – аспирант, Казанский государственный архитектурно-строительный университет (КГАСУ), Казань. E-mail: Cherri-91@mail.ru

ДРУЗЯКА Андрей Викторович – к.и.н., доцент, Благовещенский государственный педагогический университет (БГПУ), Благовещенск. E-mail: druzyaka12@mail.ru

ДУДАРЁНОК Светлана Михайловна – д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой, ДВФУ. E-mail: dudarenoksv@gmail.com

ЕЖЕЛЯ Ульяна Васильевна – к.и.н., доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), Хабаровск. E-mail: siavassa@yandex.ru

ЗЕЛЯК Виталий Григорьевич – д-р ист. наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет (СВГУ), Магадан. E-mail: zelyak75@mail.ru

ЗУЕНКО Иван Юрьевич – м.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: ivanzuwei@gmail.com

ИЗОТОВ Дмитрий Александрович – к.э.н., Институт экономических исследований (ИЭИ) ДВО РАН, Хабаровск. E-mail: izotov@ecrin.ru

КИРЕЕВ Антон Александрович – к. полит. н., доцент, ДВФУ. E-mail: antalkir@yandex.ru

КОВАЛЕВСКАЯ Юлия Николаевна – к.и.н., ст.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: tupa67@mail.ru

КОВАЛЕНКО Светлана Геннадьевна – к.и.н., н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: ostina@list.ru

КОНЯХИНА Анастасия Петровна – м.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: kap1@rbcsmail.ru

КРУШАНОВА Лариса Александровна – к.и.н., н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: larrie@list.ru

КРУПА Татьяна Альбертовна – к. соц. н., доцент, ДВФУ. E-mail: tatiana-krupa@yandex.ru

КУЗИН Анатолий Тимофеевич – д-р ист. наук, Сахалинский институт железнодорожного транспорта (СахИЖТ) – филиал ДВГУПС, Южно-Сахалинск. E-mail: anatoliy_kuzin1939@mail.ru

МАКАРЕНКО Василий Геннадьевич – к.и.н., ст.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: vasgen@bk.ru

МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович – к.и.н., м.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

МИЧИГАМИ МАЮ (Michigami Mayu) – Ph.D. of economics, Niigata University (Япония). E-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

МОИСЕЕВА Любовь Андреевна – д-р ист. наук, проф., Дальневосточная государственная академия искусств (ДВГАИ), Владивосток. E-mail: 1977edward@mail.ru

МОТРИЧ Екатерина Леонидовна – д-р эк. наук, ст.н.с., ИЭИ ДВО РАН. E-mail: motrich@ecrn.ru

ОСИПОВА Эрика Викторовна – к.и.н., н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: eos-sipova@yandex.ru

ПОПОВКИН Андрей Владимирович – к. философ.н., зав. кафедрой философии, ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

РЯБЧЕНКО Николай Петрович – к.и.н., ст.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: ranaut@mail.ru

САВЧЕНКО Анатолий Евгеньевич – к.и.н., н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: savich21@mail.ru

СТАРЦЕВ Анатолий Фёдорович – д-р. ист. наук, зав. отделом, ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: starcev.42@mail.ru

ЧЕРНОЛУЦКАЯ Елена Николаевна – д-р ист. наук, вед.н.с., ИИАЭ ДВО РАН. E-mail: chvalery@mail.ru

ЧОЙ ГО УН – аспирантка, ДВГАИ, (гр-ка Республики Корея). E-mail: 1977edward@mail.ru.

ШУГАЙЛО Татьяна Сергеевна – н.с., Приморский государственный объединённый музей им. В.К. Арсеньева, Владивосток. E-mail: randy-t@rambler.ru

ABSTRACTS

FOR UNDERSTANDING A HISTORICAL EXPERIENCE OF PERESTROIKA

Anatoly Savchenko – Candidate of Historical Sciences, researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (IHAE FEB RAS), Vladivostok. E-mail: savich21@mail.ru

The political logic of modernization project in the beginning stage of Perestroika is considered in the article. The failure of the large-scale modernization has led to accelerated political democratization in which centrist course of the Perestroika turned out doomed to fall. The author tries to reconstruct the historical context of forming the modernization agenda and beginning the political reform as well as to understand if there were realistic alternatives to the course of M.S. Gorbachev.

Key words: USSR, state, Perestroika, modernization, reforms.

PERESTROIKA: THE PLACE AND ROLE IN THE HISTORY

Nikolay Ryabchenko – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, IHAE FEB RAS. E-mail: ranaut@mail.ru

Perestroika was the finishing stage of Soviet history. It reflected the desire of the people to the ideals of justice, humanity, intelligently arranged society. The fact that it was not possible to achieve these goals, was largely due to the fact that the problems that had to be solved (relations between the state and society, democracy, freedom from war, and others) are complex, contradictory, rooted deep in history.

Key words: Perestroika, Gorbachev, CPSU, democracy, history.

THE PROBLEM OF CIRCULARITY IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN FAR EAST: SOME COMMENTS

Anton Kireyev – Candidate of Political Sciences, associate Professor, Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok. E-mail: antalkir@yandex.ru

The article characterizes the specificity of the cyclic component in the history of the Russian Far East. The author proposes his scheme of the comparative chronology of the two types of political cycles in the development of the region since the mid-nineteenth century to the present.

Keywords: regional development, cycles, political cycles, regional policy, frontier policy, the Russian Far East.

TO THE ISSUE ON THE SIGNIFICANCE OF THE MORAL FACTOR IN UNDERSTANDING PERESTROIKA

Svetlana Kovalenko – Candidate of Historical Sciences, researcher, IHAE FEB RAS. E-mail: ostina@list.ru

Andrey Popovkin – Candidate of Philosophy Sciences, Head of Department of philosophy, IHAE FEB RAS. E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Alexander Bybochkin – post graduate, IHAE FEB RAS. E-mail: bybochkin.alexander@gmail.com

In modern estimates of the reasons which caused the reforms of the USSR called Perestroika, the attention of researchers is concentrated on economic and political factors. However eyewitnesses of those events remember that moral inquiries and expectations of society had not smaller impact. This significant factor is almost not taken into consideration by most of modern researchers. For the best understanding of events of those years authors address to philosophical tradition of judgment of moral measurement in policy. It allows to show the importance of the accounting of a moral factor in creation of a complete historical picture of Perestroika.

Keywords: Perestroika, moral philosophy, reform, socialism, the ruling elites.

PERESTROIKA IN THE FAR EAST IN THE ELUCIDATION OF RUSSIAN RESEARCHERS

Angelina Vashchuk – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of socio-political research, IHAЕ FEB RAS. E-mail: va_lina@mail.ru

The article discusses the characteristics of modern cognitive situation, methodological research potential of Gorbachev's reforms in the regional dimension. The emphasis is on the analysis of works devoted to political and social aspects. The periodization of the historiography of the problem is given. The author highlights the following stages: 1) 1989 – mid-1990s; 2) the second half of the 1990s – 2014. Main concepts and problem-thematic field, new trends and continuity features of the literature of the two stages are identified.

Keywords: historiography, Perestroika, the Russian Far East, conceptions, historical kratology.

PERESTROIKA AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF THE RUSSIAN FAR EAST IN AMERICAN HISTORIOGRAPHY

Elena Chernolutskaia – Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IHAЕ FEB RAS), Vladivostok. E-mail: chvalery@mail.ru

The article discusses the evolution of views of the U.S. scholars on the question of the impact of Perestroika on the economic development of the Russian Far East. The subject of analysis is the four editions, published in the late 1980s – early 2000s. Promising factors of region economic growth and the obstacles along this way as a result of the restructuring processes, that were identified by the authors, are shown.

Keywords: Perestroika, the Russian Far East, economic development, American historiography.

THIRTY YEARS AFTER THE PERESTROIKA. SOCIO-ECONOMIC DIMENSION: THE HISTORICAL ASPECT

Lyubov Moiseyeva – Doctor of History, Professor, Far Eastern State Academy of Arts, Vladivostok. E-mail: 1977edward@mail.ru

The article deals with the USSR's entry into a systemic crisis and the role of Perestroika in the Russian historical process of the late 20th century. The author analyzed the causes, implementation and results of the reforms that determined the transition to the post-Soviet period of Russian history.

Keywords: systemic crisis, reforms, Perestroika, intention, the history of Russia.

THE POPULATION OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT: DEVELOPMENT IN THE POST-SOVIET PERIOD

Ekaterina Motrich – Doctor of Economics, Institute of Economic Research FEB RAS. E-mail: motrich@ecrin.ru

The article examines the population development in the Russian Far East at a separate time periods corresponding to the population censuses. The role and value of the different components in the dynamics of the population of the region are shown. The author analyzes the problems of development of population potential in the post-Soviet period, the role of natural reproduction and migration in population dynamics of the region. The projected population that is calculated by the current trend of demographic and migration processes is given.

Keywords: natural reproduction, migration, growth rate, region, the Russian Far East.

THE IMPLEMENTATION OF STATE SOCIAL PROGRAMS IN THE FAR EAST IN THE YEARS OF PERESTROIKA

Sergey Vlasov – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, IHAЕ FEB RAS. E-mail: vlasov54@bk.ru

In the years of Perestroika in the Soviet Union, the measures to address the most difficult social problems were undertaken through special government programs. Using the materials of Far East, the author shows that there has been only a short-term effect, but attempt to solve these problems at once under the transformation of economic and political systems was not successful.

Keywords: Perestroika, social policy, Food Program, consumer goods, program «Housing 2000», program «Health».

THE ACTIVITIES OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISE SEVEROVOSTOKZOLOTO AND SOCIAL POSITION OF NORTHERNERS IN THE CLOSING YEARS OF PERESTROIKA

Vitaly Zelyak – Doctor of Historical Sciences, associate Professor, North-Eastern State University, Magadan. E-mail: zelyak75@mail.ru

The issues of the region's transition from a socialist economy to market relations in the Russian North-East are examined in the article on the example of Severovostokzoloto – the largest industrial enterprise of the Kolyma and Chukotka. The attitude of the Central authorities to the region has fundamentally changed in the late 1980s – early 1990s and subsequent years of radical reforms. Particular emphasis is placed on the analysis of achievements and challenges in the social sphere.

Keywords: North-Eastern region of Russia, Perestroika, Severovostokzoloto, gold mining industry, social position of northerners.

UNEMPLOYMENT IN THE FAR EAST DURING THE SECOND HALF OF THE 1990-S AND ITS SOCIAL CONSEQUENCES

Tatiana Krupa – Candidate of Sociological Sciences, associate Professor, FEFU. E-mail: tatianakrupa@yandex.ru

The article deals with the problems of unemployment in the Russian Far East and in the Primorsky kray in the second half of the 1990s. The characteristics of the regional labour market and the specifics of unemployment are discussed. Position of socially vulnerable categories of the population in terms of unemployment is analyzed. The author considers proactive unemployment measures which were implemented in the region in the post-Perestroika period.

Keywords: unemployment, employment, social impacts, vulnerable categories of the population, the labour market, the Russian Far East, Primorsky kray.

AUTHORITY AND REFORMS: THE VIEW FROM THE FAR EASTERN PROVINCE (1985–2015)

Anastasia Konyakhina – associate researcher, IHAЕ FEB RAS. E-mail: kap1@rbcmail.ru

The article is written on materials of field research in south regions of the Russian Far East and devoted to the human dimension of the reform process in the period of 1985–2015. The author focuses on the attitude of people in rural and urban hinterland towards the authorities and their modernization projects. Some behavior strategies of the Far Eastern population are considered as a response to changes in the social order and traditional way of life.

Keywords: Perestroika, reforms, modernization, social transformation, adaptation, public opinion, the Russian Far East, province, hinterland.

ADAPTATION PRACTICES OF WOMEN IN THE PERIOD OF PERESTROYKA AND MARKET REFORMS (1985–2015).

Yulia Kovalevskaya – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, IHAЕ FEB RAS. E-mail: tupa67@mail.ru

The article is based on the analysis of field data: 13 unstructured interviews with women from Primorye, Sakhalin, Kamchatka, Amur and Khabarovsk regions. The nature and extent overcome risks are identified, among them – natural disasters, extreme living conditions, crime, elimination of industries and jobs. The specific content of the basic personal and collective practices of adaptation are shown: the basic and additional work, part-time farm, changing activities and opening their own business, social activities, interaction with authorities. Material analysis shows that women do not just survive themselves, but create mutual aid institutions. Priorities for them are the family, education of children and grandchildren, comfortable habitat.

Keywords: adaptation practices, Perestroika, market reforms, the Russian Far East.

HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE PERESTROIKA YEARS: THE REGRESSION OR NEW OPPORTUNITIES?

Ludmila Galliamova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director, IHAЕ FEB RAS. E-mail: ludagal@mail.ru

Vasily Makarenko – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, IHAЕ FEB RAS. E-mail: vasgen@bk.ru

The article analyses the peculiarities of the development of higher education in the Russian Far East during Perestroika (1985-1991) under the influence of the government's reforms. It focuses on strengthening the material-technical and scientific-pedagogical support of higher education institutions.

Keywords: the Russian Far East, the policy of Perestroika (1985-1991), reforming, high school, material-technical and scientific-pedagogical potential.

SCIENTISTS IN THE FAR EAST OF THE USSR IN TERMS OF PERESTROYKA

Elena Vasilieva – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, FEFU. E-mail: evasileva 12@yandex.ru

The article discusses the influence of Perestroika on status position of scientific personnel in the Far East, their professional orientation, worldview, and public activity.

Keywords: restructuring, scientists, worldview, professional and public activity.

TRANSFORMATIONS OF ARTISTIC APPROACH OF THE RUSSIAN FAR-EASTERN THEATERS DURING PERESTROIKA

Erika Osipova – Candidate of Historical Sciences, researcher, IHAЕ FEB RAS. E-mail: E-mail: eossipova@yandex.ru

The article offers a retrospective of stage performance practice in the Russian Far-Eastern theatres during the Perestroika. The policy of glasnost (transparency and openness) declared in the country, encouraged the theaters to reflect on previously banned themes. As Glasnost meant lifting most restrictions, the stage saw edgy controversial plays including those depicting ugly truths about social lows. Theaters also extended their genre portfolios and stylistics. Theatrical sphere experienced euphoria after having gotten rid of the obstacles imminent to bulky authoritative government-supervised managerial system. To an extent, this euphoria clouded their vision of newly developing economic environment where their patrons suddenly could not be taken for granted but needed to be "lured in" and won over.

Keywords: Perestroika, the Russian Far East, theaters, managerial experiment, reforms, dramaturgy, repertoire, funding.

ORTHODOXY IN THE RUSSIAN FAR EAST DURING PERESTROIKA

Svetlana Dudarionok – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian history and archival studies, FEFU. E-mail: dudarenoksv@gmail.com

The article is devoted to the processes of democratization of church-state relations during Perestroika. It is shown that in the first three years of Perestroika, the ruling party that announced the comprehensive reforms did not heard the believers and did not consider «religious issue» as the priority. The situation changed only after the meeting of General Secretary M.S. Gorbachev, Patriarch of Moscow and all Russia Pimen (Izvekov) and members of the Holy Synod on the eve of the millennium celebration of baptism of Russia. Particular attention is paid to the life of the Orthodox parishes and Old Believer communities of the Far East of Russia in the Perestroika years, showing new trends in their activities.

Keywords: religion, religious, alteration, church-state relations, Orthodoxy, freedom of conscience, the Russian Far East.

OPERATING ENVIRONMENT OF THE NOTARIAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE PERESTROIKA PERIOD

Andrey Druziaka – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk. E-mail: druziyaka12@mail.ru

The article examines the legal basis, problems of functioning and changes of activity conditions of the public notary in the Russian Far East in 1985-1991. The complex problems associated with the territorial specificity is highlighted. The author made the conclusion about the formation of prerequisites for a new type of notary institutions.

Keywords: Perestroika, the Russian Far East, the bodies of notaries, civil circulation.

ECONOMIC CRIME IN RUSSIA AND ITS MANIFESTATIONS IN THE FAR EAST (1985–1991)

Larisa Krushanova – Candidate of Historical Sciences, researcher, IHAE FEB RAS. E-mail: larrie@list.ru

The article analyses the impact of reforms, 1985–1991 on economic crime in Russia, including the Far East. The author examines the effects of the reforms which, in practice, have created unforeseen “favorable” conditions for further growth of economic crimes, for the development of shadow economy and organized crime.

Keywords: Perestroika, shadow economy, economic crimes, the USSR, the Far East.

TO THE ISSUE ON THE EVENTS OF AUGUST 19 – 21, 1991

Evgeny Buyanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Amur State University, Blagoveshchensk. E-mail: professor_bl@mail.ru

The article is devoted to estimation of events of August 19–21, 1991. Special attention is paid to acts and laws of Russian Federation. The views of political parties and science communities on this issue are analyzed.

Keywords: events of August 19–21, 1991; Russia, legislative acts of the Russian Federation, political assessments.

ELECTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: FROM PERESTROIKA TO THE PRESENT DAY

Larisa Buyanova – Candidate of Historical Sciences, Head of Department of the national policy of the Government of the Amur region (Blagoveshchensk). E-mail: buyanova@amurobl.ru

The article is devoted to the order of carrying out election campaigns in Russia. Their particular traits, characteristics, definitions are revealed. The issues of public relations during election campaigns are studied.

Keywords: election campaigns, political technology, the Russian Far East, the post-Perestroika period.

PERESTROIKA AS HISTORICAL EXPERIENCE OF CONVERGENCE OF THE SOCIALIST SYSTEM AND THE NEW ECONOMIC POLICY (ON THE EXAMPLE OF RAILWAY TRANSPORT OF THE RUSSIAN FAR EAST)

Ulyana Ezhelya – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Far Eastern State Transport University (Khabarovsk). E-mail: siavassa@yandex.ru

The article discusses the goals, objectives, the terms and features of the reform of rail transport in the Far East in the 1990s. The author analyzes production activities and socio-economic transformation on the Far Eastern railway (FER), makes an attempt to trace the algorithm of the management of the industry and FER in rather controversial economy circumstances of those years.

A number of technical and economic projects implemented by leading transport team at the turn of XX – XXI c. is analyzed.

Keywords: railway transport, reforms, economy, Far Eastern railway, Perestroika.

RESTRUCTURING OF THE COAL INDUSTRY IN THE FAR EAST IN THE MID 1980s – EARLY 2000s. (ON EXAMPLE OF THE COAL ENTERPRISES IN PARTIZANSK)

Alexey Maklyukov – Candidate of Historical Sciences, associate researcher, IHAE FEB RAS. E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

The article considers the main problems of restructuring of the coal industry of the Far East on the example of coal mines in Partizansk. It is shown that the reform of the coal industry led to its crisis, social explosion and liquidation of unprofitable mines.

Keywords: restructuring, coal industry, of enterprises, miners' strike, the Far East.

PROBLEMS OF MODERN DEVELOPMENT OF ECONOMIC ACTIVITY OF TAZY AT THE OLGINSKY AREA OF PRIMORSKY KRAI

Anatoly Starcev – Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, IHAЕ FEB RAS. E-mail: Starcev.42@mail.ru

The article is devoted to the problem of adaptation of Tazy (indigenous ethnic groups of Primorsky krai) to new conditions of managing in the post-Perestroika period. The author analyzes such form of economic activity as the organization of Tazy family unit “the Rank San” in Olginsky area. The production activity of a community is viewed on the example of four activity types: economic works, biotechnical activities, accounting of trade animals and protection of hunting grounds. Economic activity of a community provides employment to more than 100 people and promotes preservation and further development of ethnic traditions.

Keywords: Perestroika, Post-Soviet period, Primorsky krai, Tazy, community, economy, hunting, collecting.

THE ISSUE OF INTERETHNIC RELATIONS AND TATAR CULTURE IN THE PERIOD OF PERESTROIKA IN THE TATAR ASSR

Irina Guzelbaeva – postgraduate student, Kazan State University of Architecture and Engineering, Kazan. E-mail: Cherri-91@mail.ru

The article discusses the trend of increasing interest of Soviet society in the ethnic national culture. The author investigates the problem of revival of the Tatar culture and language during the Perestroika in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, reflection of all-Union trends at the level of national republics. The issue of ethnic culture is associated with the problem of inter-ethnic relations. Public organizations, movements and the party-state authorities discuss these issues.

Keywords: Perestroika, cultural policy, Tatar culture, inter-ethnic relations.

THE IMPACT OF PERESTROIKA ON THE KOREAN COMMUNITY IN THE USSR/RUSSIA

Nikolay Bugay – Doctor of Historical Sciences, Professor, chief researcher, Institute of Russian History RAS, Moscow. E-mail: nikolay401@yandex.ru

The article reveals the problem of transformation of the role and place of Korean ethnic community in the USSR in the conditions of Perestroika and changing post-Soviet statehood. The process of its legal rehabilitation as «a repressed people» is analyzed. The author identifies the factors of its adaptation to the new political realities such as ethnic mobility, the experience of collective consolidation, the ability to integrate. Changing the area of residence and reasons for returning to Russia from Central Asian republics are shown. Koreans are presented as an organic part of the Russian population.

Keywords: the Far East, Russia, Koreans, right, forced migration, rehabilitation, identity, development

SPLIT FAMILIES OF THE SAKHALIN KOREANS: PAST AND PRESENT SITUATION

Anatoly Kuzin – Doctor of Historical Sciences, Sakhalin Institute of Railway Transport – branch of Far Eastern State Transport University, Yuzhno-Sakhalinsk. E-mail: anatoliy_kuzin1939@mail.ru

The article provides a scientific analysis of the causes of the failed post-war repatriation of the Korean population, which was imported by Japan for the needs of the colonization of South Sakhalin. The author presents the main aspects of the livelihood of split Korean families, the evolution of international cooperation in this area of the former USSR, modern Russia, Japan, the Republic of Korea.

Keywords: split families, repatriation, international law, questionnaire survey, national policy, Sakhalin, the USSR, Russia, Japan, the Republic of Korea.

THE STUDY OF THE PERESTROIKA SOVIET EXPERIENCE IN CHINA

Ivan Zuienko – associate researcher, IHAE FEB RAS. E-mail: ivanzuwei@gmail.com

The article analyzes the evolution of the perception of the Soviet Perestroika in China from 1980s to 2010s. The author concludes that Chinese researchers are mainly interested in the analysis of the causes of the collapse of the CPSU, on the basis of which the ruling Communist party of China holds a kind of “work above mistakes”.

Keywords: the USSR, Perestroika, Communist Party of China, the Russian studies.

THE PERESTROIKA EXPERIENCE IN THE USSR: VIEWPOINT OF THE RUSSIAN EMIGRANT PERIODICALS IN THE USA (1985-1989)

Tatyana Shugaylo – researcher, Primorsky State Associated Museum named after V. K. Arsenyev, Vladivostok. E-mail: Randy-t@rambler.ru

The article analyzes the content of the Russian émigré press in the USA devoted to the process of Perestroika in the USSR in the context of international relationships with USA during the period from 1985 to 1989. The author reviews the issues of newspapers *Novoe Russkoe Slovo*, *Russkaya Zhizn* and *Russky Golos* where a wide range of political views of the Russian community representatives in the USA were reflected.

Keywords: Russian emigration, the USA, the USSR, Russian emigrant press, M.S. Gorbachev, Perestroika.

ECONOMIC COOPERATION OF THE RUSSIAN FAR EAST AND CHINA: RESULTS OF RECENT DECADES

Dmitry Izotov – Candidate of Economic Sciences, Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk. E-mail: izotov@ecrin.ru

The article discusses the stages of economic cooperation between the Russian Far East and China over the past three decades. It is shown that, from the point of view of interaction with the outside world, the economy of the Far East developed at the following path: closedness – openness – bounded openness. The qualitative and quantitative changes in the economic interactions of the Far East and China are revealed.

Keywords: The Russian Far East, China, export, import, investment, cooperation.

INTERGENERATIONAL HOUSING GAP OF RUSSIA AND JAPAN: REGULAR OR NON-REGULAR EMPLOYMENT

Mayu MICHIGAMI – associate Professor, Ph. D of Economics, Faculty of Economics, Niigata University, Niigata, Japan. E-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

The housing problems of young household have been developed broad widely not only from the side of housing affordability, but also from the side of employment stability. The difference between regular and non-regular employment causes the serious problems of housing acquisition, economic stability and family formation for young household. In addition to it, housing reform budget constraints of middle and elder age also aggravate housing condition for young people who live with them.

THE SOVIET PERESTROIKA AS A FACTOR OF METACULTURAL PROCESSES IN THE ASIA-PACIFIC REGION (THROUGH THE EXAMPLE OF MUSIC ART OF RUSSIA, CHINA AND REPUBLIC OF KOREA)

Choi Go Un – postgraduate student, Far Eastern State Academy of Arts (Vladivostok), citizen of the Republic of Korea. E-mail: 1977edward@mail.ru

The article deals with the period of the Perestroika when the conditions were created for mutual enrichment of music traditions of the three countries, and music being the most popular art in the APR.

Keywords: Perestroika, conception, metacultural processes, music art, Russia, China, Republic of Korea.

Научное издание

**В зеркале перестройки:
К осмыслению российской трансформации**

Сборник научных статей

Редакторы

М.С. Киселёва

О.В. Смирнова

М.А. Гришко

Вёрстка

А.А. Казанцев

Подписано в печать

Печать офсетная. Формат 70х108/16

усл.печ. л

Тираж

Отпечатано в Отделе информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН.

690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

Тел.: +7(423) 222-05-07; e-mail: ihae@eastnet.febras.ru

Владивосток

2015

УДК: 947.088

В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей.

Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 276 с.

ISBN: 978-5-9906118-1-8

Книга посвящена осмыслению места и роли Перестройки в советской/российской истории, определившей на многие годы вперед вектор глобальных общественно-политических и культурно-ценностных перемен. Материалы сборника отражают междисциплинарный подход и раскрывают многообразие исследовательского поля с учетом событий и явлений, протекавших как в центре страны, так и в отдельных регионах. Статьи сгруппированы по четырем темам. В первом разделе дается анализ теоретических подходов, истории изучения Перестройки с момента зарождения самой идеи до наших дней. Статьи второго раздела раскрывают проблематику социально-политических и экономических перемен, исследуют взгляды на реформы изнутри общества. В следующей группе материалов содержится оценка судеб народов, проживавших в советских регионах страны, в перестроечный и постперестроечные периоды. В четвертом разделе показана реакция окружающего мира на советскую Перестройку и ее влияние на двусторонние международные отношения. Статьи подготовлены на основе богатого эмпирического материала.

Для специалистов в области истории, политологии и социологии, студентов, всех, кто интересуется проблемами истории позднесоветской и современной России.

Ключевые слова: Перестройка, трансформации, реформы, Россия, Дальний Восток, регионы, власть, общество, национальные отношения.

Редколлегия

д-р ист. наук А.С. Ващук, (отв. ред.), д-р ист. наук Е.Н. Чернолуцкая (отв. ред.),
канд. ист. наук А.Е. Савченко, канд. ист. наук Ю.Н. Ковалевская,
канд. ист. наук Л.А. Крушанова,

Рецензенты

д-р ист. наук Г.А. Ткачева, д-р ист. наук Н.Г. Кулинич

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Сборник издан при поддержке гранта РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» (проект № 13-01-00199).

© Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2015.